

LE DÉMOCRATE - SOCIALISTE .

Revue trimestrielle

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕГДѢ СТРАНѢ
СОЕДИНЯЙТЕСЬ !

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ .

N.º 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА „

1890

П 12150.

Russischer Leerverein

93

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.**

**ФЕВРАЛЬ
книга первая.**

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"

1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи , переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ , Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса	41
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ.	108

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(Статья первая).

„Наша съ тобою жизнь принадлежит исторіи, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и буду зъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами.“

(Изъ письма Чернышевскаго къ жонѣ, писаннаго въ Петропавловской крѣпости 5 октября 1862 г.)

Семнадцатаго октября 1889 года скончался Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Наши „легальныя“ изданія проводили его въ могилу лишь краткими и сухими некрологами. Этими некрологами и окончились литературныя поминки по писателѣ, дѣятельность котораго составила эпоху въ исторіи нашей литературы. Сказавъ о немъ два-три слова робкимъ и завѣвающимся голосомъ, наша „независимая печать—объ „охранительной“ мы здѣсь не говоримъ—повидимому совершенно забыла немъ, какъ будто бы она торопилась перейти къ болѣе интереснымъ темамъ. Со стороны, напримѣръ иностранцу, знающему русскій языкъ и знакомому съ русской литературой, это, на наѣврное, показалось бы очень страннымъ. Правда, теперь, Господу споспѣшествующу, у насъ уже нѣтъ ни одного журнала, который могъ бы назваться вполнѣ симпатизирующимъ стремленіямъ и взглядамъ покойнаго Чернышевскаго. Русская мысль ушла такъ далеко впередъ по сравненію съ концомъ пятидесятихъ и началомъ шестидесятихъ годовъ, мы стали теперь такими трезвыми, умѣренными и благоразумными, что знаменитый авторъ романа „Что дѣлать?“ можетъ казаться намъ не болѣе, какъ даровитымъ, но слишкомъ уже непрактичнымъ и отчасти даже нѣсколько опаснымъ мечтателемъ. Мы уже знаемъ теперь, что *дѣлать* нужно совсѣмъ не то, что хотѣлъ дѣлать Чернышевскій. Онъ разсуждалъ на социалистическія темы, а мы думаемъ, что достаточно отстоять земское самораззореніе и спасти отъ зубовъ кулака хвостикъ сельской общины. Такъ умиротворились мы,

умудренные опытомъ. Но этого мало. Главное то, что теперь мы *дѣлаемъ* (когда *дѣлаемъ*) совсѣмъ не такъ, какъ *дѣлалъ* Чернышевскій. Мы поспѣшаемъ съ медленностью, а онъ какъ будто и не слышалъ объ этомъ мудромъ правилѣ. Онъ дѣлалъ иногда такіе неосторожные шаги, позволялъ себѣ такіа необдуманно-смѣлыя выраженія, отъ одного воспоминанія о которыхъ теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ, можетъ заболѣть лихорадкой пной трезвый, благоразумный, либеральный или умѣренно радикальный „имярекъ“. Все это такъ, все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вѣдь не нужно вполнѣ раздѣлять взгляды и стремленія писателя для того, чтобы посвятить оцѣнкѣ его дѣятельности нѣсколько печатныхъ листовъ въ журнальной книжкѣ. Для этого достаточно знать, что онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, игралъ въ свое время замѣтную роль въ литературѣ. Какой же либеральный „имярекъ“ можетъ одобрить взгляды Каткова? А между тѣмъ, мало-ли кричали о немъ послѣ его смерти? Или, можетъ быть, дѣятельность Миханла Никифоровича Каткова заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ дѣятельность Николая Гавриловича Чернышевскаго? Едва-ли мы дошли до такой степени благоразумія, чтобы думать подобныя вещи.

Дѣло объясняется гораздо проще. Николай Гавриловичъ Чернышевскій былъ жертвой самыхъ злыхъ, самыхъ беспощадныхъ преслѣдованій со стороны правительства. Говоря о *жертвѣ*, наша „независимая“ печать, при всемъ испытанномъ благоразуміи своемъ, не можетъ не высказать нѣсколькихъ горькихъ истинъ *палачамъ*. А такъ какъ цензурная ферула находится въ рукахъ именно этихъ палачей, то неудивительно, что наши періодическія издаія сочли за лучшее совершенно обойти щекотливую тему. „Съ сильнымъ не борись“ — говоритъ наша народная мудрость, и въ это: ѣ случаѣ съ нею совершенно сходится мудрость русской печати.

А, право, нельзя не пожалѣть объ этомъ совпаденіи двухъ мудростей. Поучительно было бы сравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, и воочію, на разборѣ сочиненій Чернышевскаго, показать читателю, какъ далеки мы теперь отъ лжеученій этого социалиста и революціонера. Убѣдившись въ этомъ, читатель лишній разъ поблагодарилъ бы небо за быстрое развитіе русской общественной мысли.

Насъ, пишущихъ за границей, цензурная ферула трогаетъ лишь косвенно, черезъ посредство разныхъ дипломатическихъ „давленій“. При томъ же мы оттого и пишемъ за границей, что не успѣли еще проникнуться достаточной степенью благоразумія и до сихъ поръ думаемъ, что не мѣшаетъ иногда вступить въ борьбу съ сильнымъ и напомнить палачамъ объ ихъ жертвахъ. Вотъ почему мы сочли своею обязанностью въ первой же книжкѣ нашего журнала сдѣлать по возможности полную и безпристрастную оцѣнку литературной дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго.

Какъ ни пріятно было для насъ исполненіе этой обязанности, но оно въ тоже время было не легко. Мы уже не говоримъ о недостаточности нашихъ силъ для такого важнаго дѣла. Это разумѣется само собою. Но кромѣ того, мы просимъ читателя помнить, что до на-

стоящаго времени не существуетъ еще полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго. Изданныя за границей (г. Эллидинымъ и отчасти г. Жемановымъ) статьи его далеко не составляютъ и половины всего имъ написаннаго. Поэтому мы вынуждены были обратиться къ первоначальному источнику т. е. къ журналу „Современникъ“, въ которомъ главнымъ образомъ писалъ Николай Гавриловичъ. Всѣмъ извѣстно, легко-ли доставать старые русскіе журналы за границей. Мы только отчасти могли справиться съ этой трудностью. Мы не могли достать „Современникъ“ за нѣкоторые изъ тѣхъ годовъ, къ которымъ относится сотрудничество въ немъ Чернышевскаго. При чтеніи же тѣхъ книжекъ его, которыя удалось достать намъ, мы встрѣтили новое затрудненіе. Очень многія статьи Чернышевскаго, — именно, всѣ статьи въ отдѣлахъ „новыхъ книгъ“, „политики“ и „литературы“ (русской и иностранной) — печатались безъ подписи. Намъ пришлось, поэтому, съ работой крѣпика соединить работу библіографа и перечитывать неподписанныя статьи съ тѣмъ, чтобы, по языку и приемамъ изложенія, опредѣлить вѣроятность ихъ принадлежности Н. Г. Чернышевскому. Понятно, что здѣсь возможны были сомнѣнія и даже ошибки. Какъ ни своеобразна литературная манера Чернышевскаго и какъ ни легко узнать его слогъ всякому, кто прочелъ со вниманіемъ хоть немногія изъ его произведеній, но всетаки относительно нѣкоторыхъ статей мы такъ и не могли рѣшить, принадлежать-ли онѣ ему, или кому нибудь другому. Вообще говоря, мы избѣгали ссылокъ на подобныя сомнительныя статьи. Только въ одномъ случаѣ, на который будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, мы рѣшились отступить отъ этого правила, сославшись на статью, можетъ быть, даже вѣроятно не принадлежащую нашему автору, но чрезвычайно важную для оцѣнки взглядовъ кружка „Современника“ на социальный вопросъ. Всѣ же остальные изъ цитируемыхъ нами статей несомнѣнно написаны Чернышевскимъ, и въ этомъ легко убѣдится всякій, кто потрудится прочесть ихъ:

Послѣ этой необходимой, но мало интересной оговорки, мы могли бы, кажется, перейти къ дѣлу. Но намъ, какъ на грѣхъ, подвергается на языкъ новая оговорка. Мы хотимъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что нашъ критическій очеркъ начнется довольно длинной выпиской. Кто не знаетъ, что подобныя введенія и некрасивы и педантичны? Но мы миримся съ этимъ обстоятельствомъ, потому что наша выписка хорошо пояснитъ наше отношеніе къ дѣлу. Когда пріятное идетъ въ разрѣзъ съ полезнымъ, то часто поневолѣ жертвуешь полезному пріятнымъ. Впрочемъ, выписка эта берется нами изъ хорошаго источника, изъ того самаго автора, о которомъ пойдетъ у насъ рѣчь, и именно изъ его *„Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“*.

„Если у каждаго изъ насъ — говоритъ онъ въ этихъ очеркахъ, переходя къ критикѣ гоголевскаго времени — если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣгать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей воз-

можной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, — если говоримъ мы, у каждаго изъ насъ, есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ Гоголемъ... Потому-то будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувства“. Мы относимся къ геніальному критику гоголевскаго періода, В. Г. Бѣлинскому, съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и съ такою же горячею любовью, какую питалъ къ нему авторъ цитируемыхъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи мы ничего не можемъ ни убавить изъ сдѣланной выписки, ни прибавить къ ней. Но мы замѣтимъ, что въ настоящее время для всякаго русскаго соціалиста предметомъ такой же горячей любви и такого же глубокаго уваженія является самъ Н. Г. Чернышевскій. Вотъ почему мы послѣдуемъ его собственному примѣру и, говоря о немъ, постараемся остаться какъ можно болѣе холодными и спокойными, такъ какъ, дѣйствительно, „есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства.“

I

Мы не имѣемъ въ виду писать біографію Н. Г. Чернышевскаго. Для этого нѣтъ еще достаточныхъ матеріаловъ. О жизни его мы имѣемъ до сихъ поръ лишь очень скудныя свѣдѣнія. То немного, что мы знаемъ о немъ съ этой стороны, содержится въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ заграничному изданію его сочиненій (см. брошюру „Лессингъ“ и второе изданіе романа „Что дѣлать?“) Очеркъ этотъ очень кратокъ. Но въ немъ есть кое-какія хронологическія данныя, а что еще важнѣе, — въ немъ напечатаны документы, относящіеся къ суду надъ Чернышевскимъ. Разумѣется, мы воспользуемся этими данными, дополняя ихъ нѣкоторыми фактами, заимствованными изъ собственныхъ сочиненій нашего автора. Но всего этого слишкомъ и слишкомъ мало, и потому нельзя не пожелать, чтобы лица, больше насъ знающія о Чернышевскомъ, поскорѣе напечатали свои воспоминанія о немъ, а также и имѣющіяся въ ихъ распоряженіи письма его и бумаги. Этимъ они оказали бы большую услугу и публикѣ и литературѣ.

Но въ ожиданіи этого приходится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя у насъ уже есть. А они сводятся вотъ къ чему. Николай Гавриловичъ былъ сынъ священника саратовскаго собора и родился въ 1829 году. Учился онъ сначала въ саратовской семинаріи, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ въ 1850 году курсъ филологическаго факультета. Нѣкоторое время послѣ этого онъ былъ преподавателемъ во второмъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ перевелся учителемъ гимназіи въ Сара-

товъ. Тамъ, въ своемъ родномъ городѣ, онъ скоро женился, если не ошибаемся, на сестрѣ очень извѣстнаго теперь ученаго писателя Пыпина. Но молодому Чернышевскому очевидно трудно было дышать затхлымъ воздухомъ провинціи, и вотъ уже въ 1853 году мы опять видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ снова находитъ себѣ уроки во второмъ кадетскомъ корпусѣ, а также занимается переводами и разборомъ новыхъ книгъ для „Отечественныхъ Записокъ.“ издававшихся тогда Краевскимъ и Дудышкинымъ. Мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что нашему автору пришлось испытать много нужды и лишеній въ этотъ переходный періодъ его жизни. Онъ былъ тогда простымъ литературнымъ чернорабочимъ, а извѣстно, что черный трудъ далеко незавидно оплачивается въ нашей литературѣ. Другихъ же источниковъ существованія у Чернышевскаго никогда не было. Но онъ былъ молодъ, здоровъ и не боялся никакого труда, никакихъ усилій. Кромѣ литературныхъ работъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, онъ занимался также своей магистерской диссертацией, объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности.“ Самый выборъ темы для диссертации достаточно показываетъ, какія задачи ставилъ себѣ онъ въ своей будущей дѣятельности. Со своимъ образованіемъ, способностями, безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и замѣчательнымъ даромъ общепонятнаго изложенія самыхъ сухихъ и трудныхъ предметовъ, онъ могъ бы рассчитывать на блестящую ученую карьеру. Ему стоило только захотѣть — и профессорская кафедра, навѣрное, была бы за нимъ обезпечена. Но ему хотѣлось другого. Его привлекала дѣятельность критика и публициста. Какъ ни строга была русская цензура, но у всѣхъ въ памяти былъ примѣръ Бѣлинскаго, который, не смотря на цензурныя рогатки, не только съумѣлъ пустить въ литературное обращеніе множество самыхъ важныхъ истинъ, но и поставилъ нашу критику на совершенно новую теоретическую основу. Мы уже знаемъ, какъ горячо любилъ и какъ глубоко уважалъ Чернышевскій этого писателя. Не удивительно, что ему хотѣлось идти по слѣдамъ Бѣлинскаго, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности продолжать его дѣло. Притомъ карьера императора Николая видимо близилась къ концу, несостоятельность его системы становилась очевидной для всѣхъ, такъ что при новомъ царствованіи можно было рассчитывать на нѣкоторую политическую оттепель и на нѣкоторое смягченіе нравовъ

Богомольной старой дуры,
Нашей чопорной цензуры,

какъ величалъ ее Пушкинъ. Начинающіе писатели могли, такимъ образомъ, не безъ основанія рассчитывать на нѣсколько лучшее будущее. Наконецъ, у Николая Гавриловича были очень своеобразные взгляды на задачи людей, желающихъ посвятить свои труды благу Россіи. Въ силу этихъ взглядовъ онъ и не могъ придавать большого значенія чисто ученой дѣятельности своихъ соотечественниковъ. Въ цитированныхъ уже нами „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ онъ очень опредѣленно высказывается на этотъ счетъ. „Многіе изъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, — говорятъ онъ — имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому

искусству, а не какимъ нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ и Либихъ, Кювье и Фаредъ, трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага известной страны, бывшей ихъ родиною... Они, какъ дѣтели умственнаго міра, — космополиты.“ Но не въ такомъ положеніи находятся, по его мнѣнію, дѣтели умственнаго міра въ Россіи. Имъ еще нельзя быть космополитами, т. е. нельзя думать объ интересахъ чистой науки или чистаго искусства. Въ этомъ смыслѣ, по условіямъ ихъ страны, имъ приходится быть „патріотами.“ т. е. думать прежде всего о специальныхъ нуждахъ своей родины. Идеаломъ „патріота“ въ этомъ смыслѣ является для Чернышевскаго Петръ Великій, человекъ, задавшійся цѣлью перенести въ Россію всѣ блага европейской цивилизаціи. Онъ думалъ, что и въ его время цѣль эта далеко еще не исполнѣ была достигнута. „До сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки — содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу, — содѣйствіе, по мѣрѣ силъ дальнѣйшему развитію того, что на это Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины“*). Чернышевскій именно и хотѣлъ посвятить свои силы распространенію на своей родинѣ высокихъ идей правды, искусства, науки. Какъ понималъ онъ ихъ, — это, собственно говоря, можно было бы показать при разборѣ его сочиненій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому разбору, намъ хотѣлось бы охарактеризовать его общую точку зрѣнія и показать отношеніе его къ его литературнымъ предшественникамъ. Сдѣлавъ это, мы уже безъ большаго труда, сможемъ оцѣнить тотъ или другой изъ его отдѣльныхъ взглядовъ. И намъ тѣмъ удобнѣе сдѣлать это теперь, что у насъ идетъ пока рѣчь именно о томъ періодѣ его жизни, когда онъ, еще не принимая особенно дѣятельнаго участія въ литературѣ, занимался выработкой своихъ взглядовъ, усвоеніемъ и анализомъ „высокихъ идей правды, искусства, науки.“

Изъ всѣхъ своихъ литературныхъ предшественниковъ Чернышевскій съ наибольшимъ уваженіемъ относился къ В. Г. Бѣлинскому и его кружку. Можно было бы думать, поэтому, что онъ воспитался именно на сочиненіяхъ Бѣлинскаго и его кружка, что онъ изъ этого источника почерпнулъ свое пониманіе идей правды, науки и искусства. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Хотя въ своихъ сочиненіяхъ Чернышевскій вовсе не касается исторіи своего умственнаго развитія, но есть у него одна маленькая замѣтка о Добролюбовѣ, могущая пролить на нее нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ въ виду письмо, на-

*) См. *Современникъ*, 1856 г. книгу 4, отдѣлъ критики, стр. 29-31.

писанное имъ послѣ смерти Добролюбова въ отвѣтъ на статью нѣкоего г. З - на и напечатанное въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1862 годъ. Въ своей статьѣ г. З - нъ сказалъ, между прочимъ, что покойный Добролюбовъ былъ ученикомъ Чернышевскаго и находился подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ. Чернышевскій горячо и даже очень раздражительно отрицаетъ это, говоря, что Добролюбовъ совершенно самостоятельно пришелъ къ своимъ взглядамъ и былъ гораздо выше его какъ по своимъ умственнымъ силамъ, такъ и по литературному таланту. Намъ не нужно рѣшать теперь, насколько совпадало съ дѣйствительностью это скромное заявленіе. Изъ всего письма Чернышевскаго насъ интересуетъ теперь лишь слѣдующее мѣсто. Напомнивъ о томъ, что Добролюбовъ зналъ нѣмецкій и французскій языки и могъ, такимъ образомъ, въ подлинникъ ознакомиться съ наиболѣе замѣчательными литературными произведеніями Франціи и Германіи, Чернышевскій говоритъ: „если же даровитый русскій человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, написанныя по русски могутъ ему правиться, могутъ восхищать его, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія“ *). Это совершенно справедливо. Но вѣдь Чернышевскій также зналъ иностранные языки, также читалъ въ рѣшительные для его развитія годы книги нашихъ общихъ великихъ западныхъ учителей. Поэтому позволительно думать, что и его могли только восхищать нѣкоторыя, писанныя по русски статьи и книги, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для него онѣ не были первоначальнымъ источникомъ его понятій и знаній. Спрашивается теперь, каковъ же именно былъ этотъ первоначальный источникъ? Въ какихъ именно литературахъ и въ какихъ отрасляхъ этихъ литературъ слѣдуетъ намъ искать его?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ для нашихъ молодыхъ людей въ рѣшительные годы ихъ развитія, однимъ изъ важнѣйшихъ пособій являлась, между прочимъ, нѣмецкая философія. Въ послѣдующія десятилѣтія это было уже иначе. Въ пятидесятыхъ годахъ къ нѣмецкой философіи у насъ были, какъ кажется, просто равнодушны. Въ шестидесятыхъ — къ ней стали относиться съ враждой и презрѣніемъ. Нѣмецкая философія была объявлена „метафизикой“, на которую „мыслящимъ реалистамъ“ не стоить тратить времени. Между западно-европейскими философами признаны были заслуживающими снисхожденія только позитивисты. Война противъ нѣмецкой философіи ведена была у насъ такъ удачно, что наши „мыслящіе реалисты“ могутъ гордиться своей побѣдой надъ „метафизикой“; они съ справедливой гордостью могутъ сказать, что не имѣютъ онѣмецкой философіи рѣшительно никакого понятія. Но ни Чернышевскій, ни его ближайшіе друзья не принадлежали въ числу этихъ побѣдоносныхъ реалистовъ. Они интересовались нѣмецкой философией и

*) Въ изъявленіе признательности, письмо къ г. З-ну, „Современникъ“, февраль 1861 года.

внимательно изучали ее историю. Ее развитие и тогдашнее состояние несомненно повлияло на них очень сильно, как повлияло оно и на друзей Бэлинского. Но кѣмъ же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ увлекаться Чернышевскій?

Конечно не Фихте, не Шеллингомъ и не Гегелемъ. Ими могъ увлекаться въ свое время Бэлинскій, но уже и для него системы этихъ философовъ, во вторую половину его критической дѣятельности, представляли собою, какъ говорятъ нѣмцы, *ein überwundener Standpunkt*. Тѣмъ болѣе можно сказать это о Чернышевскомъ. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы его развитія, философія уже навсегда распростилась со всѣми разновидностями идеализма. Но если это было такъ, то какой же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ имѣть на него наибольшее вліяніе? Поищемъ намека на отвѣтъ опять таки въ его собственныхъ сочиненіяхъ. Въ своихъ „Полемическихъ красотахъ“, написанныхъ въ отвѣтъ „Русскому Вѣстнику“ и „Отечественнымъ Запискамъ“, сильно нападавшимъ на все его направленіе вообще и на его статью „Антропологическій принципъ въ философіи“, Чернышевскій категорически говоритъ, что онъ придерживается одной философской системы, „составляющей самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ“ и „вышедшей изъ гегелевской системы, точно также, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой.“ Люди, знакомые съ исторіей философіи уже отсюда видятъ, о какой системѣ говоритъ онъ. Тѣмъ же, которымъ дѣло неясно, мы приведемъ еще нѣсколько строкъ. „Вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? — спрашиваетъ Чернышевскій Дудышкина въ той же статьѣ. Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — не русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешоттъ, не Фохтъ, — кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться...“ И дѣйствительно, нельзя не догадаться: Чернышевскій говоритъ о Фейербахѣ. На Фейербаха указываетъ самое названіе единственной философской статьи, написанной Чернышевскимъ: объ *антропологической* точкѣ зрѣнія въ философіи заговорилъ впервые именно Фейербахъ. Мы могли бы привести изъ статей Чернышевскаго много доказательствъ того глубочайшаго уваженія, съ которымъ онъ относился къ Фейербаху. Для него Фейербахъ не ниже Гегеля, а этимъ сказано очень много, потому что Чернышевскій считалъ Гегеля однимъ изъ гениальнѣйшихъ мыслителей. Итакъ, философская точка зрѣнія нашего автора найдена. Какъ послѣдователь Фейербаха, Чернышевскій былъ материалистомъ. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами — писалъ онъ въ названной выше уже статьѣ объ „антропологическомъ принципѣ въ философіи“ — служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, фізіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую

натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ. Это не нуждается въ толкованіяхъ.

II

Но не мѣшаетъ указать то мѣсто, которое принадлежитъ въ исторіи философіи учителю нашего автора. Ученіе Фейербаха вышло изъ ученія Гегеля. Но Гегель былъ идеалистомъ, Фейербахъ — рѣшительнымъ матеріалистомъ. Главная заслуга Фейербаха въ томъ и заключается, что въ его лицѣ философія навсегда покончила съ идеализмомъ. Однако здѣсь слѣдуетъ оговориться. Матеріалисты были и раньше Фейербаха. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, укажемъ хоть на французскихъ матеріалистовъ конца прошлаго вѣка. „*Système de la Nature*“ — совершенно матеріалистическая книга. Но можно-ли сказать, что Фейербахъ просто на просто возвратилъ философію ко взглядамъ барона Гольбаха и его друзей? Это было бы несправедливо. Новѣйшій матеріализмъ весьма значительно отличается отъ матеріализма конца прошлаго вѣка; различіе это заключается главнымъ образомъ въ самомъ *методѣ мышленія*. Современный матеріализмъ — конечно, въ лучшихъ, развитыхъ своихъ представителяхъ — держится особаго метода мышленія, который называется *діалектическимъ*, и который французскимъ матеріалистамъ прошлаго вѣка былъ гораздо менѣе свойственъ, чѣмъ, на примѣръ, Фейербаху Руссо. Намъ нѣтъ надобности объяснять читателю, въ чемъ заключаются особенности современнаго діалектическаго метода мышленія, такъ какъ это уже сдѣлано лицомъ, гораздо болѣе насъ компетентнымъ. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ Фридрихъ Энгельсъ, человѣкъ, который своими трудами много способствовалъ дальнѣйшему систематическому развитію взглядовъ Фейербаха. „Для метафизика вещи и ихъ уметвенные образы, т. е. понятія, суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ на всегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Онъ мыслить законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукавого. Для него вещь существуетъ или не существуетъ; для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга, причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу“. Не такъ мыслить діалектикъ. Онъ беретъ вещи и понятія, т. е. уметвенныя отраженія вещей, „въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сдѣленіи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи“. Поэтому въ его глазахъ всѣ явленія и всѣ понятія приобрѣтаютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ глазахъ метафизика. Онъ не скажетъ, какъ это всегда съ твердостью, недопускающею возраженій го-

ворить метафизикъ, что предметъ существуетъ или не существуетъ въ каждое данное время. Въ обыденной жизни метафизикъ, конечно, правъ, но при болѣе внимательномъ, научномъ изслѣдованіи онъ совершенно сбивается съ толку и тогда начинается торжество діалектика. „Напримѣръ, мы въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, что прекрасно извѣстно юристамъ, такъ какъ они тщетно пытались открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Также невозможно опредѣлить моментъ смерти, такъ какъ фізіологія показываетъ, что смерть есть не внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающееся явленіе“. Далѣе, для діалектика очевидно, что предметъ вполне можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ, такъ какъ предметы непрерывно измѣняются, а измѣненіе именно и есть тотъ процессъ, въ силу котораго предметъ перестаетъ быть самимъ собою и становится чѣмъ то другимъ. „Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же и не то же: въ каждое данное мгновеніе оно перерабатываетъ получаемую извнѣ матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ кѣлѣточки его организма умираютъ, а другія нарождаются, такъ что, спустя извѣстный промежутокъ времени, матерія даннаго организма вполне обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему всякое органическое существо всегда то же и, однако, не то же“. Совершенно подобнымъ образомъ для діалектика понятіе о положительномъ и отрицательномъ, о причинѣ и слѣдствіи, имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ для метафизика. „При болѣе точномъ изслѣдованіи мы находимъ, что оба полюса какой нибудь противоположности, положительный и отрицательный, столь же неразрывны одинъ отъ другого, какъ и взаимно-противоположны, и что они, не смотря на всю свою противоположность, проникаютъ другъ друга. Точно также мы можемъ увидѣть, что причина и слѣдствіе суть представленія, имѣющія значеніе, какъ таковыя, лишь въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, но какъ только этотъ случай мы станемъ рассматривать въ его общей связи съ цѣлымъ міромъ, то убѣждаемся, что причина и слѣдствіе совпадаютъ, что ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь для насъ — слѣдствіе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ“.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, взглянемъ на методъ, котораго держались французскіе матеріалисты конца прошлаго вѣка (а нужно помнить, что методъ составляетъ душу всякой философской системы), то тотчасъ увидимъ, какъ мало общаго имѣли они съ новѣйшими матеріалистами. Въ противоположность этимъ послѣднимъ изъ придется назвать *метафизиками*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть читатель просмотритъ, напримѣръ, названную выше книгу „Système de la Nature“ и обратитъ вниманіе, какъ обращаются Гольбахъ и его друзья съ вопросами, ими же самими выдвинутыми въ борьбѣ съ про-

тивниками, но не рѣшенные ни ими, ни современной имъ наукой. Вопросы эти касаются главнѣйшихъ предметовъ человѣческаго знанія: развитія мірозданія, происхожденія человѣка и его различныхъ понятій, наконецъ, взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ. Въ настоящее время наука — естествознаніе и исторія — рѣшаютъ всѣ эти вопросы посредствомъ ученія объ *эволюціи*, т. е. въ сущности посредствомъ того же діалектическаго метода, о которомъ говорятъ современные матеріалисты, но о которомъ часто не имѣютъ яснаго понятія даже самые выдающіеся ученые, обзаванные ему наиболѣе блестящими своими открытіями. Гольбахъ и его друзья какъ будто задались цѣлью совершенно исключить понятіе объ эволюціи изъ всѣхъ своихъ разсужденій. Они разсматриваютъ предметы именно внѣ ихъ взаимной связи, одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Рѣчь ихъ именно состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то кажется имъ отъ лукаваго. Поэтому имъ не только не удалось рѣшить многихъ изъ ими же поставленныхъ вопросовъ, но въ дѣйствительности они не всегда остаются вѣрными даже своей матеріалистической точкѣ зрѣнія, часто покидая еѣ для совершенно идеалистическихъ разсужденій. Во всемъ, что касается взаимныхъ отношеній людей и исторіи человѣческой мысли, они — чисты и притомъ чуждые научныхъ понятій идеалисты. Въ ихъ глазахъ исторія человѣчества есть не болѣе какъ исторія ошибокъ честныхъ простаковъ и козней корыстолюбивыхъ злодѣевъ. Человѣчество страдало и бѣдствовало, потому что было глупо и необразовано; но въ восемнадцатомъ столѣтіи взошло, наконецъ, солнце разума, и человѣчество станетъ теперь просвѣщеннымъ, а слѣдовательно и счастливымъ, — вотъ къ чему сводится вся ихъ философія исторіи. Но въ подобной философіи отсутствуетъ самое элементарное условіе научности: *понятіе о законсообразности*. Человѣчество страдало отъ своего необразованія и перестанетъ страдать, благодаря просвѣщенію, принесенному восемнадцатымъ вѣкомъ... Это очень хорошо, но спрашивается, чѣмъ же обуславливалась неразвитость человѣчества въ предшествующіе вѣка и откуда взялось просвѣщеніе въ восемнадцатомъ вѣкѣ? Вѣдь не съ неба же оно упало. Въ качествѣ матеріалистовъ мы уже не признаемъ врожденныхъ идей и говоримъ, что понятія человѣка представляютъ не болѣе, какъ умственные отраженія окружающихъ его предметовъ и происходящихъ передъ нимъ явленій. Но разъ мы держимся этого взгляда, то должны уже твердо держаться его и не забывать о немъ тотчасъ же, какъ только рѣчь пойдетъ объ исторіи человѣческой мысли. Въ этой исторіи мы такъ же мало можемъ говорить о случайности, какъ и о божественномъ провидѣніи. Это совершенно ненаучныя и совершенно недостойныя матеріалистовъ понятія. Для матеріалиста исторія человѣческой мысли есть такой же законсообразный и необходимый процессъ, какъ и развитіе солнечной системы. Потрудитесь же объяснить ходъ и условія этого процесса, потому что вѣдь ссылатся въ исторіи мысли на неразвитость мысли значитъ уподобиться тому доктору, который говорилъ: „ваша дочь сдѣлалась больна по той причинѣ, что заболѣла“. Но если вы взглянетъ на исторію человѣческой мысли какъ на законсообразный и необходимый процессъ, то успѣхи

ея не будутъ уже представляться вамъ первой и главнѣйшей причиной общественнаго развитія. Вамъ поневолю придется припомнить тогда діалектическое ученіе о причинѣ и слѣдствіи, и вы скажете себѣ: да, дѣйствительно, причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами; то, что теперь или здѣсь слѣдствіе, тамъ или тогда объявится причиной и наоборотъ. Успѣхи человѣческой мысли несомнѣнно и рѣшительно вліяютъ на общественныя отношенія людей, но въ то же время они сами зависятъ отъ этихъ отношеній, идя семимильными шагами при одномъ устройствѣ общества и часто на долго, если не навсегда, останавливаясь при — другомъ. И притомъ тѣ или другія общественныя отношенія возникаютъ вовсе не потому, что кажутся членамъ даннаго общества наиболѣе разумными и справедливыми. Напротивъ, увѣренность людей въ справедливости и разумности ихъ общественныя отношенія очень часто является простымъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что они привыкли къ этимъ отношеніямъ, воспитались и выросли подъ ихъ вліяніемъ. Какимъ же образомъ возникаютъ и развиваются данныя общественныя отношенія? Возникновеніе, развитіе и исчезновеніе ихъ въ исторіи представляетъ собою по большей части безсознательный процессъ группировки людей въ ихъ борьбѣ за существованіе. Измѣняются условія борьбы людей за существованіе — измѣняются и ихъ общественная группировка, принимаютъ новый видъ ихъ общественныя отношенія, хотя очень часто люди совсѣмъ не замѣчаютъ подобнаго измѣненія, или замѣчаютъ его только отчасти, или, наконецъ, придумываютъ для него самыя несостоятельныя объясненія, на примѣръ, ссылаются на божественныя заповѣди, на естественный порядокъ вещей и тому подобное. Гегель справедливо замѣтилъ, что въ исторіи общественныхъ отношеній „сова Минервы начинаетъ летать только въ полночь“, т. е., что люди начинаютъ вдумываться въ данный общественный порядокъ только тогда, когда онъ уже отжилъ свой вѣкъ и становится при новыхъ историческихъ условіяхъ негоднымъ и вреднымъ. Люди стремятся тогда установить новый порядокъ, который почти всегда кажется имъ въ такихъ случаяхъ самымъ естественнымъ и разумнымъ, но который въ дѣйствительности имѣетъ лишь одно незамѣнимое преимущество: онъ оказывается наиболѣе подходящимъ для людей при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ ихъ борьбы за существованіе.

Теперь естественно спросить себя, отъ чего зависятъ и какимъ образомъ измѣняются условія человѣческой борьбы за существованіе? Они даются, во-первыхъ, природой, во-вторыхъ, создаются людьми, но создаются ими по большей части безсознательно. Вліяніе географическихъ условій — почвы, климата, фауны, флоры, свойства поверхности, рѣчныхъ системъ, очертаній береговъ и пр. — на развитіе человѣческихъ обществъ теперь уже болѣе или менѣе выяснено наукой и не нуждается для своего поясненія ни въ какихъ примѣрахъ. Но характеръ и природа тѣхъ условій борьбы за существованіе, которыя безсознательно создаются самими же людьми, до сихъ поръ еще не ясны для многихъ. Поэтому примѣръ здѣсь не будетъ неумѣстенъ. — Возьмите такое общество, въ которомъ уже исчезло натуральное хозяйство и продукты производятся на сбытъ, для объема

DISCARDED

ихъ на рынкѣ, т. е., другими словами, становятся товарами. Само собою разумѣется, что производители такъ же мало задумываются надъ товарнымъ характеромъ своихъ продуктовъ, какъ молюеровскій буржуа задумывался надъ прозаическимъ характеромъ своей обыкновенной рѣчи. Они производятъ товары не потому что товарное производство кажется имъ самымъ естественнымъ и разумнымъ: рассуждать объ этомъ они предоставляютъ особой породѣ людей, которые называются экономистами. Сами же они дѣлаютъ свои произведения товарами просто потому, что при данныхъ условіяхъ не могутъ не дѣлать ихъ товарами. Они вывозятъ ихъ на рынокъ, потому что имъ нужно обмѣнять ихъ на другія, необходимыя для нихъ произведенія. Но эти произведенія, смѣрно и неподвижно лежавшія въ мастерской, пока они оставались просто произведеніями, начинаютъ чудить и самодурствовать, появившись на рынкѣ и пріобрѣтая званіе *товаровъ*. Иногда тотъ или другой товаръ оказывается „въ цѣнѣ“, и тогда производитель его торжествуетъ. Но иногда вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ, съ нимъ становится „тихо“, его мало спрашиваютъ, цѣна его падаетъ. Производитель опускаетъ голову. А иногда случается такъ, что даннаго товара и совсѣмъ никто не покупаетъ и тогда горе его производителю, если ему не удалось отложить деньжонокъ на черный день! Но такими, повидимому, случайными колебаніями цѣнъ въ обществѣ товаропроизводителей дѣло не ограничивается. Мало по малу между ними начинается возникать неравенство: у одного дѣла идутъ лучше, чѣмъ у другого, и вотъ одинъ богатѣетъ, а другой раззоряется. Постепенно неравенство это — между прочимъ и вслѣдствіе успѣховъ техники — доходитъ до такой степени, что на рынкѣ появляется новый товаръ, называемый рабочею силой. Часть обѣднѣвшихъ товаропроизводителей уже не можетъ вести производство на собственный счетъ и нанимается въ работу къ хозяевамъ. Такимъ образомъ у насъ оказываются теперь уже хозяева и рабочіе, товарное общество становится *капиталистическимъ*. Кто создалъ это капиталистическое общество? Почему его создали? Потому-ли, что его считали самымъ разумнымъ и „естественнымъ“? Создали его люди, потому что въдъ ихъ же взаимныя отношенія и были тѣми отношеніями товаропроизводителей, изъ которыхъ развились впоследствии отношенія капиталистическія. Но создали они его безсознательно: ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй вовсе и не задумывались надъ тѣми послѣдствіями, которые вытекаютъ изъ товарнаго производства, они не задумывались даже и надъ тѣмъ, что значитъ товарный характеръ производства. Однако, ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй не имѣютъ, какъ мы уже признали, врожденныхъ идей. Ихъ образъ мыслей создается вліяніемъ окружающей обстановки. Живя въ капиталистическомъ обществѣ, они начинаютъ думать, что это и хорошо, что они живутъ въ немъ, что иначе и нельзя жить людямъ, что капиталистическій порядокъ самый „естественный“ и „справедливый“. Да и такъ думаютъ они только въ рѣдкихъ случаяхъ, а большею частью вовсе ничего не думаютъ о своемъ общественномъ порядкѣ: они берутъ его, какъ онъ есть, не спрашивая себя, могъ-ли бы онъ измѣниться. Тѣмъ не менѣе вліяніе капиталистическаго порядка все таки сказывается

на ихъ образѣ мыслей, на ихъ чувствахъ и привычкахъ. Они не приводятъ своихъ понятій въ систему. Но ихъ несистематическія, отрывочныя понятія насквозь пропитаны духомъ капитализма. Имъ пропитывается все: гражданское и государственное право, искусство и литература, естественныя и общественныя науки. Что касается общественныхъ наукъ — это ясно само собою: общественныя науки въ капиталистическомъ обществѣ представляютъ собою ничто иное, какъ возведеніе въ теорію капиталистическихъ отношеній. Въ примѣненіи къ естественнымъ наукамъ наша мысль можетъ показаться на первый разъ очень странною. Какимъ это образомъ взгляды людей на кислородъ или на индуктивныя токи могутъ быть пропитаны капиталистическимъ духомъ? Но мы и не говоримъ, что это можетъ быть. Мы хотимъ только сказать, что вѣдь не всегда же люди знали о кислородѣ и объ индуктивныхъ токахъ. Было время, когда они не имѣли о нихъ ни малѣйшаго понятія. Когда же они стали интересоваться ими? „Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей, всѣ науки выросли изъ общественныхъ нуждъ и потребностей народовъ“ — давнымъ давно сказалъ одинъ гениальный итальянецъ. Вниманіе людей направлялось на тѣ или другія области явленій природы сообразно съ нуждами того общества, въ которомъ жили люди. Во всякой наукѣ практика всегда предшествовала теоріи и никогда не переставала оказывать на нее огромнѣйшее вліяніе. Какія же нужды, какая практика существуютъ въ капиталистическомъ обществѣ? Ясное дѣло: нужды и практика капиталистическаго, а не какого нибудь другого общества. Эти нужды и эта практика не только вызываютъ къ жизни извѣстныя теоріи, онѣ кладутъ на нихъ свою печать, иногда затрудняя, иногда ускоряя ихъ совершенствованіе. Вѣдь что ни говорите, а очень характерно то обстоятельство, что мысль объ огромномъ значеніи борьбы за существованіе явилась у зоологовъ уже послѣ того, какъ ее возвели въ принципъ теоретики капитализма — экономисты.

Но не вѣченъ и капиталистическій строй. Постепенно, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, по опять таки помню *сознательнаго* участія людей, въ немъ является уже очень много неудобствъ, уже очень много темныхъ и невыгодныхъ сторонъ. Невыгоды капитализма начинаютъ превѣшивать его выгоды. Историческій день его склоняется къ концу. Наступаетъ „ночь“, — и вотъ вылетаетъ „сова Минервы“: начинается критика капиталистическихъ отношеній. Люди спрашиваютъ себя: да неужели нельзя завести другого порядка? Тѣ изъ нихъ, на которыхъ въ особенности обрушиваются увеличивающіеся неудобства капитализма, вдумываются въ этотъ вопросъ внимательнѣе и къ своему собственному удивленію открываютъ, что завести другой порядокъ не только можно, но и должно. Возникаютъ теоріи, называемыя вредными ученіями коммунизма и социализма. Подъ ихъ знаменемъ группируются всѣ обездоленные, угнетенные существующимъ порядкомъ. Но почему же прежде-то ничего этого не было? Неужели теоретики прежняго времени — всѣ эти свѣтила науки, Пэтти, Смиты и Рикардо, — были просто на просто хитрыми сикофантами, защищавшими дѣло, выгодное лишь для крошечной горсти счастливицевъ? Совсѣмъ нѣтъ, это были честные мыслители, но какъ же вы хотите, чтобы

они открывали то, чего еще и не было въ дѣйствительности. Въ ихъ время историческое движеніе еще не обнаружило или, вѣрнѣе сказать, еще не создало тѣхъ неудобствъ капитализма, противъ которыхъ борются теперь социалисты, поэтому они и не подозрѣвали ихъ возможности. Довлѣетъ дневн злоба его — этого никогда не нужно забывать при изученіи исторіи человѣческой мысли.

Насъ спросятъ, можетъ быть, не существуетъ-ли связи между указанными выше природными, географическими условіями человѣческаго развитія и тѣми условіями его, которыя безсознательно создаются людьми въ процессѣ производства продуктовъ? Связь эта несомнѣнно существуетъ. Подъ вліяніемъ географическихъ условій совершается экономическое развитіе человѣчества. Оно происходитъ съ большею или меньшею быстротою, принимаетъ то или другое направленіе именно благодаря тому или другому характеру географической среды, окружающей данное общество. Въ Китаѣ и въ Атикѣ, въ равнинахъ Сѣверной Америки и на берегахъ Нила формы общественныхъ отношеній на первыхъ ступеняхъ развитія были совершенно одинаковы, можно сказать тождественны. Наука о первобытныхъ учрежденіяхъ повсюду находитъ, напримѣръ, родовой бытъ. Человѣчество очевидно имѣетъ одну точку отправленія. Но природныя условія борьбы за существованіе различны, и потому формы человѣческаго обществитія съ теченіемъ времени принимаютъ различный характеръ. Одинаковый повсюду родовой бытъ уступаетъ мѣсто самымъ различнымъ общественнымъ отношеніямъ. Строй афинскаго общества не похожъ на строй Китая; ходъ экономическаго развитія Запада вообще не похожъ на ходъ экономическаго развитія Востока. Конечно, много зависить тутъ и отъ вліянія окружающей данное общество исторической среды, но „географическая подкладка“ человѣческаго развитія все таки несомнѣнно и очень сильно даетъ себя чувствовать.

Однако, къ чему все это? А все къ тому же, все затѣмъ, чтобы показать нѣкоторыя особенности новѣйшаго матеріализма, приверженцемъ котораго былъ и Н. Г. Чернышевскій. Мы хотѣли только сказать, что новѣйшіе матеріалисты понимаютъ ходъ историческаго развитія такъ, или почти такъ, какъ мы изложили, а матеріалисты конца прошлаго вѣка были совершенно чужды такого пониманія исторіи. Въ ихъ міросозерцаніи было еще очень много остатковъ идеализма. Въ своихъ историческихъ взглядахъ они, какъ мы сказали, во многомъ оставались идеалистами. Они отрицали существованіе врожденныхъ идей въ головѣ отдѣльнаго человѣка, но они признавали, такъ сказать, самопроизвольное зарожденіе и развитіе идей въ человѣческомъ обществѣ. Они и не подозрѣвали, что историческое развитіе человѣческой мысли совершается подъ вліяніемъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознаніемъ и волей человѣка. Поэтому, только съ появленіемъ новѣйшаго матеріализма сдѣлалось возможнымъ научное пониманіе человѣческой исторіи. Съ точки зрѣнія новѣйшаго матеріализма „исторіи человѣчества перестаетъ казаться нелѣпой путаницей бессмысленныхъ насилій, которыя ровно всѣ осуждаются передъ судейскимъ кресломъ теперь лишь созрѣваемаго философскаго разума, и которыя лучше всего забыть какъ можно скорѣе. Исторія людей является

процессомъ развитія самого человѣчества, и задача современной мысли состоитъ теперь въ томъ, чтобы прослѣдить постепенныя ступени этого процесса... и показать внутреннюю его законосообразность, среди всѣхъ кажущихся случайностей“.

Эта задача въ значительной степени уже рѣшена трудами Маркса и Энгельса, великихъ социалистовъ, которымъ выпало на долю продолжать дѣло развитія философской мысли послѣ Гегеля и Фейербаха. Но нужно помнить, что матеріалистическимъ, т. е. единственнымъ научнымъ пониманіемъ исторіи мы обязаны именно Марксу и Энгельсу (отчасти, впрочемъ, еще американскому писателю Моргану), а не Фейербаху. Въ эпоху Фейербаха задача философской мысли была другая. Ей нужно было прежде всего покончить съ идеализмомъ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. На это и были употреблены силы Фейербаха. Такимъ образомъ, его философскіе взгляды приходится считать только первымъ шагомъ современнаго матеріализма. Онъ далъ только нѣкоторыя послышки; другими же необходимыми послышками, равно какъ и цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ выводовъ изъ нихъ, мы обязаны уже Марксу и Энгельсу. Въ міросозерцаніи Фейербаха еще не была развита та историческая сторона, которая составляетъ силу и славу современнаго матеріализма. Какое значеніе могло имѣть это обстоятельство въ исторіи умственнаго развитія Н. Г. Чернышевскаго?

Разсуждая отвлеченно, позволительно, пожалуй, думать, что онъ, какъ человѣкъ одаренный замѣчательнымъ, изъ ряда выходящимъ и очень дѣятельнымъ умомъ, могъ замѣтить пробѣлы и пополнить недостатки во взглядахъ своего учителя, т. е., другими словами, сдѣлать то, что сдѣлалъ Марксъ и Энгельсъ. Но чтобы сдѣлать эпоху въ исторіи науки недостаточно еще обладать геніальными способностями, нужны еще благоприятныя внѣшнія обстоятельства, которыя дали бы надлежащее направленіе этимъ способностямъ. Насколько благоприятны были въ этомъ отношеніи обстоятельства, окружавшія нашего автора? Онъ жилъ въ странѣ, не развитой ни въ экономическомъ ни въ политическомъ смыслѣ слова. Чистая научная и философская мысль также не отличалась въ ней большимъ развитіемъ. Ни однимъ изъ русскихъ ученыхъ еще ни разу не было произнесено такое слово, которое имѣло бы рѣшительное вліяніе на судьбу европейской мысли и науки. Мы видѣли, какъ объяснялъ это явленіе Н. Г. Чернышевскій и какія задачи ставилъ онъ передъ наиболѣе одаренными сынами своей родины. Онѣ сводились къ распространенію въ ней „высокихъ идей правды, науки, искусства“, выработанныхъ въ странахъ, ушедшихъ далѣе насъ по пути цивилизаціи. Чернышевскій былъ совершенно правъ, ставя своимъ соотечественникамъ именно эти, а не другія задачи. Но избранный и рекомендуемый имъ родъ дѣятельности имѣлъ свою внутреннюю логику, съ которой приходится считаться самымъ богато-одареннымъ людямъ. Распространитель идей, выработанныхъ другими людьми въ другихъ странахъ можетъ при большихъ способностяхъ дѣлать нѣкоторыя частныя, второстепенныя открытія, но переворота въ наукѣ онъ не совершить, потому что вовсе не тѣмъ и занять. Въ такомъ именно по-

ложенія былъ и нашъ авторъ. Въ его сочиненіяхъ разсыпано не мало важныхъ замѣчаній, проливающихъ новый свѣтъ на различные вопросы науки. Подобныя замѣчанія часто вполне совпадаютъ съ важнѣйшими открытіями, дѣлавшимися тогда въ западной наукѣ. Но эти проблески гениальной мысли не разработаны послѣдовательно, не приведены въ систему; поэтому рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ у него и такіе взгляды, которые уже и тогда могли считаться устарѣлыми, а теперь и совсѣмъ оставлены наукой. Въ концѣ концовъ оказывается, что недостатки и пробѣлы философіи того мыслителя, который имѣлъ на него наибольшее вліяніе, не были пополнены и исправлены имъ. Въ матеріалистическихъ взглядахъ Чернышевскаго осталась неразвитаю та самая сторона, которая мало была развита и у его учителя. Говоря вообще, Николай Гаврловичъ былъ еще чуждъ современнаго матеріалистическаго пониманія исторіи, а тамъ гдѣ онъ силою своего ума приближается къ нему, онъ часто придаетъ ему довольно наивную форму.

III

Матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ“, чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ. Смотря на человѣка какъ на невольный продуктъ окружающей его среды, Чернышевскій относится съ величайшей гуманностью даже къ такимъ некрасивымъ проявленіямъ испорченной человѣческой природы, въ которыхъ идеалисты видятъ лишь „злую волю“, заслуживающую строгой кары. „Все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ — разсуждаетъ онъ — и отъ обстоятельствъ, т. е. въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка, — всмотритесь прежде, онъ-ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его“. „Охранители“ хотѣли видѣть въ подобныхъ словахъ Чернышевскаго защиту нравственной распущенности, но, разумѣется, только доказали этимъ свое собственное непониманіе дѣла.

Недостаточная выработанность матеріалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго сказала уже въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его ученія о нравственности. Для него, какъ и для Гельвеція, даже наиболѣе самоотверженные поступки представляютъ только особый видъ разумнаго эгоизма. По его словамъ, „надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все такъ лежитъ та же мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ“. Иногда разсужденія Чернышевскаго по этому поводу принимаютъ

нѣсколько странный характеръ. „Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она поступила очень разсчетливо“. Слѣдуютъ доказательства вѣрности сдѣланнаго Лукреціей разсчета. „Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя по прежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращенія съ нею; но такого рода нѣжность обидѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ“ и т. д. Но весьма сомнительно, чтобы Лукреція передъ своимъ самоубійствомъ могла предаваться такимъ основательнымъ разсчетамъ. Для нихъ нужно хладнокровіе, а хладнокровной она быть не могла. Не вѣриѣ-ли предположить, что въ ея поступкѣ разсудокъ игралъ гораздо меньшую роль, чѣмъ чувство, сложившееся подъ вліяніемъ тогдашнихъ общественныхъ привычекъ и отношеній? Человѣческія чувства и привычки такъ приспособляются обыкновенно къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ, что совершаемые подъ ихъ вліяніемъ поступки могутъ показаться подчасъ плодомъ самыхъ основательныхъ разсчетовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности вовсе не были вызваны разсчетливостью. Вообще во взглядахъ Чернышевскаго на разумный эгоизмъ замѣтно свойственное всѣмъ „просвѣтительнымъ періодамъ“ (Aufklaerungsperiode) стремленіе искать въ разсудкѣ опоры для нравственности и въ болѣе или менѣе основательной разсчетливости отдѣльнаго лица объясненія его характера и поступковъ. Но уже въ вышеприведенныхъ словахъ Чернышевскаго заключается опроверженіе подобныхъ крайностей разсудочности. Поступки отдѣльнаго лица представляютъ собою результатъ общественныхъ привычекъ, общественныя же привычки складываются не подъ вліяніемъ разсчетовъ разсудка, а въ силу историческаго развитія общества. При правильной постановкѣ вопроса онъ долженъ быть поставленъ именно въ эти предѣлы: Что такое нравственность отдѣльнаго средняго человѣка? Результатъ его разсчетливости, или бессознательный плодъ общественныхъ отношеній? Наконецъ, слѣдуетъ еще спросить, въ силу какихъ вліяній общества на отдѣльную личность можетъ развиваться и развивается въ ней интересъ къ общему благу? Такие вопросы имѣютъ большое общественное значеніе. Спорить же о томъ, какъ назвать подобный интересъ къ общественному благу: альтруизмомъ, или благороднымъ эгоизмомъ, — мы не видимъ надобности.

Сообразно съ преувеличеннымъ значеніемъ, придаваемымъ Чернышевскимъ человѣческой разсчетливости, онъ и историческія событія объясняетъ иногда сознательнымъ разсчетомъ пользы тамъ, гдѣ для объясненія ихъ нужно обращаться къ несознаннымъ людямъ силамъ экономическаго развитія. Съ перваго взгляда подобныя объясненія Чернышевскаго могутъ навести на мысль о томъ, что онъ въ своихъ историческихъ теоріяхъ совершенно сталъ на точку зрѣнія новѣйшаго материализма. Но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается совершенно противное. Кто видитъ въ исторической дѣя-

тельности людей лишь вліяніе сознательнаго расчета, тотъ еще далеко отъ пониманія всей силы и всего значенія экономіи. Въ дѣйствительности ея вліяніе распространяется даже на такіе поступки людей и на такіа привычки различныхъ общественныхъ классовъ, по поводу которыхъ нельзя и заикаться о сознательномъ расчетѣ. Мы уже видѣли, что главнѣйшіе, наиболѣе вліятельные факторы экономического развитія до сихъ поръ стоятъ внѣ всякаго вліянія сознательнаго расчета. Мы видѣли также, что всѣ общественныя отношенія, всѣ нравственныя привычки и всѣ умственныя склонности людей складываются подъ посредственнымъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ слѣпыхъ силъ экономического развитія. Ими опредѣляются, между прочимъ и всѣ виды человѣческой расчетливости, всѣ проявленія человѣческаго эгоизма. Слѣдовательно, нельзя говорить о сознательномъ расчетѣ пользы, какъ о первичномъ двигателѣ общественнаго развитія. *Подобный* взглядъ на исторію противорѣчитъ ученію новѣйшаго матеріализма; *подобный* историческій матеріализмъ еще очень наивенъ.

Впрочемъ, историческіе взгляды Чернышевскаго еще не сведены въ систему и часто противорѣчатъ одинъ другому. Безъ большого труда можно выбрать изъ его сочиненій и сопоставить такіе взгляды на исторію, которые покажутся принадлежащими совершенно различнымъ писателямъ. И подобныхъ противорѣчій нельзя объяснить предположеніемъ о постепенномъ измѣненіи образа мыслей нашего автора. Онъ приступилъ къ литературной дѣятельности въ такую пору своего умственнаго развитія, когда взгляды его, въ главнѣйшихъ чертахъ, уже окончательно сложились. Поэтому встрѣчающіяся намъ противорѣчія и непослѣдовательность его историческихъ взглядовъ приходится отнести на счетъ неясности и шаткости общей точки зрѣнія его на исторію человѣчества.

Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. Въ своихъ „Очеркахъ Политической Экономіи“ Н. Г. Чернышевскій, объяснивъ законы существующаго въ современныхъ передовыхъ странахъ „трехчленнаго распредѣленія продуктовъ“, и дѣлая изъ своихъ объясненій краткій заключительный выводъ, высказываетъ слѣдующій, чрезвычайно замѣчательный взглядъ на внутреннія пружины новѣйшей исторіи Европы: „Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. *Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.* Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, *исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ*“*). Подъ этими строками охотно подписался бы любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ. Тѣмъ болѣе охотно, что приведенный взглядъ Чернышевскаго на причину борьбы „средняго сословія“ съ „народомъ“ въ другомъ мѣстѣ его „Очерковъ“ поясняется еще ука-

*) Курсивъ нашъ. Очерки Политической Экономіи (по Миллю), сочиненія Н. Г. Чернышевскаго т. IV, ст. 205

заніями на гибель мелкой промышленности и мелкой поземельной культуры и на неотвратимое торжество крупных капиталистических предприятий, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи. Точно также любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ, съ нѣкоторыми только оговорками, призналъ бы справедливость слѣдующаго взгляда Чернышевскаго на исторію политической и философской мысли. „Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали ихъ основатели, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся спеціально политической стороной жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббсъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ — республиканецъ, Монтескье — либераль въ англійскомъ вкусѣ, Руссо — революціонный демократъ, Бентамъ — просто демократъ, революціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами далѣе: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ — представитель партіи, запуганной революціей, искавшей спокойствія въ средне-вѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патриотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель — умѣренный либераль, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ испроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ“*). Оставляя въ сторонѣ частности взглядовъ на того или другого мыслителя, можно сказать вообще, что въ приведенныхъ словахъ обнаруживается очень глубокое пониманіе тѣхъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе философской и политической мысли. Современный матеріалистъ-діалектикъ прибавилъ бы къ нимъ только то, что и сама политическая борьба, опредѣлявшая собою направленіе человѣческой мысли, велась не во имя какихъ нибудь отвлеченныхъ соображеній, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ нуждъ и стремленій тѣхъ классовъ или тѣхъ слоевъ общества, къ которымъ принадлежали борющіяся партіи. Противъ этого едва ли сталъ бы спорить

*) Антропологическій принципъ въ философіи, стр. 2, 3.

Чернышевскій. Въ его взглядахъ на исторію экономической науки довольно ясно высказывается сознание зависимости понятій людей отъ окружающей ихъ соціальной обстановки. Въ своей рецензіи на книгу Рошера „Начала народнаго хозяйства“ нашъ авторъ указываетъ на тотъ „психологическій законъ“, въ силу котораго „почти у каждаго, — простого-ли человѣка, оратора-ли, писателя, въ разговорахъ-ли, въ рѣчахъ-ли, въ книгахъ-ли, все равно — оказывается теоретически хорошимъ, песомнѣннымъ, вѣчнымъ все то, что практически выгодно для группы людей, представителемъ которой онъ служитъ. Этимъ психологическимъ закономъ надо объяснить и тотъ фактъ, что политико-экономамъ школы Адама Смита казались очень хороши, достойны вѣчнаго господства тѣ формы экономического быта, которыя господствовали или стремились къ господству въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Писатели этой школы были представителями биржевого или коммерческаго сословія въ обширномъ значеніи этого слова: банкировъ, оптовыхъ торговцевъ и вообще промышленныхъ людей. Нынѣшнія формы экономического устройства выгодны для коммерческаго сословія, выгоднѣе для него всякихъ иныхъ формъ; потому школа, бывшая представительницей его, и находила, что формы эти самыя лучшія во теоріи... Начали думать о вопросахъ политической экономіи люди, бывшіе представителями не того сословія, которому какъ разъ пригодны нынѣшнія экономическія формы, а представители массы, и явилась въ наукѣ другая школа, которую называютъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, партіей утопистовъ“*). Здѣсь сознание того вліянія, которое имѣетъ борьба классовъ на развитіе науки высказывается съ поразительной ясностью. Но очень ошибся бы тотъ, кто заключилъ бы отсюда, что сознание это никогда не покидало Чернышевскаго. Между простымъ пониманіемъ или признаніемъ извѣстнаго принципа и послѣдовательнымъ проведеніемъ его черезъ всю систему взглядовъ цѣлая бездна. Прекрасно понимая значеніе борьбы классовъ въ человѣческихъ обществахъ, Чернышевскій все таки держался такого взгляда на „прогрессъ“, который гораздо ближе къ ученію Бокля, чѣмъ къ ученію новѣйшихъ матеріалистовъ. Чтобы дать о немъ понятіе, мы сдѣлаемъ довольно большую выписку изъ чрезвычайно интересной статьи его „О причинахъ паденія Рима“, написанной по поводу выхода русскаго перевода „Исторіи цивилизациі въ Европѣ“ Гизо. Въ этой статьѣ Чернышевскій энергически возстаетъ противъ того очень распространеннаго мнѣнія, по которому Западная Римская Имперія погибла вслѣдствіе своей внутренней неспособности къ дальнѣйшему развитію, между тѣмъ какъ варвары принесли съ собою новыя сѣмена прогресса. Мы не хотимъ пока разсматривать, правъ-ли нашъ авторъ въ своихъ нападкахъ на это мнѣніе. Для насъ теперь важенъ единственно только взглядъ его на ходъ прогресса. Вотъ этотъ взглядъ. „Да подумайте только, что такое значить прогрессъ и что такое значить варваръ?—воскликаетъ нашъ авторъ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній... Раз-

*) Современникъ, 1861 г. апрѣль, Новая Книга, стр. 431—432.

вивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д... Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги... тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было — значить, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ — результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ скольконибудь развитаго ума... Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все таки человѣческія, все таки имѣющія въ себѣ хоть чтонибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными бычьями?"

Мы видимъ, что здѣсь и рѣчи нѣтъ ни о внутреннихъ соціальныхъ отношеніяхъ Рима, причинившихъ его слабость и указанныхъ тѣмъ же Гизо въ первой статьѣ его „Essais sur l'histoire de France“, ни о тѣхъ формахъ общежитія, которыми обуславливалась сила германскихъ варваровъ въ эпоху завоеванія западной имперіи. Чернышевскій забылъ даже знаменитое изрѣченіе: *latifundia perdidere Italiam* (латифундіи погубили Италію). Въ его формулѣ прогресса (какъ стали выражаться у насъ впоследствии) нѣтъ самостоятельнаго мѣста для внутреннихъ отношеній той или иной „прогрессирующей“ страны. Все дѣло сводится къ количеству и распространенію знаній, и ему даже въ голову не приходитъ здѣсь спросить себя, не зависитъ-ли исторія знаній отъ исторіи соціальныхъ отношеній цивилизованныхъ странъ. „Говорятъ, обществу стѣснительны были укоренившіяся формы — рассуждаетъ онъ далѣе — значить въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ. Но вѣдь иное дѣло надобность въ прогрессѣ, иное дѣло — присутствіе въ обществѣ „прогрессивной силы“, способной удовлетворить этой надобности. Нельзя смѣшивать этихъ двухъ понятій, совершенно различныхъ по своему характеру и содержанію: одно изъ нихъ есть чисто отрицательное („надобность въ прогрессѣ“ указываетъ лишь на стѣснительность существующихъ формъ), другое—положительное, такъ какъ присутствіе въ обществѣ прогрессивной силы, способной совершить необходимую передѣлку формъ общежитія предполагаетъ извѣстную степень умственного, нравственного и политическаго развитія того класса, или тѣхъ классовъ, на которыхъ формы эти обрушиваются своими невыгодными сторонами. Еслибы эти понятія были тождественны, то дѣло человѣческаго прогресса упрощалось бы до крайности, и мы не встрѣчали бы въ исторіи печальнаго зрѣлища обществъ, падающихъ подъ тяжестью такихъ формъ общежитія, которыя, при всей несомнѣнной

своей вредоносности, не могли быть устранены, потому что не было въ народѣ живыхъ силъ, способныхъ совершить это дѣло. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ здѣсь о формахъ, вредныхъ рѣшительно для всѣхъ классовъ даннаго общества. Подобныя формы устраняются, можно сказать, сами собою. Но чаще всего особенно вредными для дальнѣйшихъ успѣховъ общества оказываются инныя формы, невыгодныя для большинства и очень выгодныя для привилегированнаго меньшинства. Устранить подобныя формы можно только въ томъ случаѣ, если страдающее большинство обладаетъ хоть нѣкоторою способностью къ политической самодѣятельности. А оно не всегда обладаетъ этою способностью. Способность эта вовсе не есть необходимое свойство угнетеннаго большинства. Она сама создается *экономіей* даннаго общества. Казалось бы не было ничего выгоднѣе для римскихъ пролетаріевъ, какъ поддержать законопроекты Гракховъ. Но они не поддержали и не могли поддержать ихъ, потому что социальная обстановка, въ какую ставило ихъ экономическое развитіе Рима, не только не содѣйствовала ихъ политическому развитію, но, напротивъ, постоянно понижала его уровень. Что же касается высшихъ классовъ, то, во первыхъ, смѣшно было бы ожидать отъ нихъ политическихъ дѣйствій, враждебныхъ ихъ экономическимъ интересамъ, а, во вторыхъ, и сами они развращались все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ другой стороны того самаго хода экономическаго развитія, который, создавая римскій пролетаріатъ, превращалъ его въ кровожадную и тупую чернь. Въ концѣ концовъ дѣло пришло къ тому, что римляне, эти всемірные завоеватели, оказались неспособными къ военной службѣ, и легіоны пополнялись тѣми самыми варварами, которые и положили, наконецъ, предѣлъ существованію за-живо разложившейся имперіи. Такимъ образомъ, въ паденіи Рима, вопреки объясненіямъ Чернышевскаго, нѣтъ ничего случайнаго, такъ какъ оно представляло собою естественный конецъ давно уже начавшагося историко-экономическаго движенія.

Мы вовсе не хотимъ утверждать, подобно многимъ, въ особенности нѣмецкимъ писателямъ, что германцы принесли съ собою какой-то особенный духъ и особенныя склонности, обезпечившіе за ними первое мѣсто въ дальнѣйшей исторіи человечества. Мы говоримъ только, что слабость Рима въ борьбѣ съ варварами была причинена и подготовлена ходомъ его экономическаго развитія, уничтожившаго классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые нѣкогда составляли его силу. Мелкіе крестъянскіе участки слились въ огромныя латифундіи, населенныя толпами рабовъ. Но рабы плохая опора для государства: свезенные со всѣхъ концовъ міра, разноплеменные и разноязычные, они не составляли *народа* въ собственномъ смыслѣ слова. Они были и оставались *сбродомъ* (если только можно назвать такъ массу людей, сошедшихся не по доброй волѣ) и разумѣется вовсе не думали объ интересахъ римскаго государства. Чернышевскій замѣчаетъ, правда, что рабство постепенно смягчалось въ Римской Имперіи, а подъ конецъ стало замѣняться колонатомъ. Но, во-первыхъ, распоряженія императоровъ относительно колоната означали не болѣе, какъ стремленіе государства обезпечить за собою часть *прибавочнаго продукта*, создаваемаго подневольнымъ трудомъ земледѣльца. Облегчить

его положеніе переходъ къ колонату рѣшительно не могъ въ то время, когда всѣ слои римскаго общества были буквально *раздавлены* государственными податями и поборами*). Во вторыхъ, само собою ясно, что колонны и адскриптиціи не могли замѣнить собою свободныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, даже въ численномъ отношеніи рабы и колонны, по крайней мѣрѣ въ деревняхъ, уступали населенію старой Италіи свободныхъ земледѣльцевъ. Еще Титъ Ливій удивлялся, какимъ образомъ нѣкоторые округа Италіи, въ которыхъ въ его время встрѣчались только немногіе пастухи съ ихъ стадами, могли, во время своей независимости, выставять многочисленныя и храбрыя арміи для борьбы съ Римомъ. Дѣло объясняется просто: во время своей независимости округа эти жили при совершенно иныхъ экономическихъ отношеніяхъ, которымъ и были обязаны своимъ многочисленнымъ, сильнымъ и бодрымъ населеніемъ. Тогда въ нихъ еще крѣпки были родовыя учрежденія, обеспечивавшія благосостояніе всѣхъ членовъ общины и сообщавшія имъ независимый и воинственный духъ. Такія же учрежденія существовали и у германцевъ, и именно имъ обязаны были варварскія орды своею силою и крѣпостью. Выражаясь короче, можно сказать, что подъ конецъ существованія Римской имперіи, въ ней господствовали такія экономическія отношенія, которыя доводили до *минимума* силу ея сопротивленія. Наоборотъ, тогдашнія учрежденія германцевъ доводили ихъ силу нападенія до *максимума*. Вотъ и все: дѣло въ экономіи, а не въ духѣ и не въ какихъ нибудь таинственныхъ свойствахъ расы.

Если бы при объясненіи исторической судьбы различныхъ странъ мы вынуждены были ограничиваться однимъ отвлеченными соображеніями объ ихъ „прогрессѣ“ и о количествѣ накопленныхъ въ нихъ знаній, то мы никогда не могли бы понять, на примѣръ, исторіи Греціи, гдѣ наиболѣе образованная, „прогрессивная“ страна одна за другою сходять со сцены, уступая мѣсто все менѣе и менѣе образованнымъ и „прогрессивнымъ“. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Ходомъ развитія экономическихъ и, главнымъ образомъ, поземельныхъ отношеній въ Греціи. Въ наиболѣе „прогрессивныхъ“ странахъ развитіе это раньше привело къ скопленію поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, къ страшному увеличенію численности рабовъ, къ обезсиленію и деморализаціи ниспаго класса свободныхъ гражданъ. Прямо пропорціонально этому явленію уменьшалась и государственная сила „прогрессивныхъ“ греческихъ странъ. Въ менѣе „прогрессивныхъ“ странахъ процессъ этотъ начался позже и совершался медленнѣе, поэтому и государственная сила ихъ надала медленнѣе, даже возрастала въ извѣстныхъ періодахъ этого процесса (какъ бывало и въ болѣе „прогрессивныхъ“ странахъ); поэтому онѣ и могли играть выдающуюся роль, когда болѣе „прогрессивныя“ страны уже окончательно ослабѣли подъ губительнымъ вліяніемъ безысходной *въ то время* (а не въ наше, когда у нея есть выходъ) борьбы классовъ. Но

*) См. упомянутую первую статью Гизо въ его „Essais sur l'histoire de France“; см. также „Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassischen Alterthums“ Родбертуса.

и менѣе „прогрессивныя“ страны въ концѣ концовъ слабѣли, благодаря тому же указанному процессу; одна за другой онѣ допѣвали свою пѣсенку и также сходили со сцены, пока, наконецъ, желѣзная рука Рима не положила предѣла самостоятельному существованію Греціи. Когда пришли римляне, то греческихъ странъ, за небольшими исключеніями, *буквально некому было защищать*. Это обстоятельство отмѣчено было еще Полибіемъ и Плутархомъ.

Въ историческихъ взглядахъ нашего автора *случайности* отводятся вообще очень широкое мѣсто. Даже современный намъ экономическій строй, характеръ, законы и тенденціи котораго онъ довольно хорошо выясняетъ вслѣдъ за школой Смита-Рикардо, представляется ему продуктомъ историческихъ случайностей. „По исторіи оказалось — говорить онъ, въ цитированной уже рецензіи на книгу Рошера — что нынѣшнія экономическія формы возникли подъ вліяніемъ отношеній, противорѣчащихъ требованіямъ экономической науки, несомѣстимыхъ ни съ успѣхами труда, ни съ разсчетливостью потребленія, — словомъ сказать, представляютъ собою результатъ причинъ, враждебныхъ и труду и благосостоянію. Напримѣръ, въ западной Европѣ экономическій бытъ основался на завоеваніи, на конфискаціи и монополіи^{*)}. Никто не скажетъ, что завоеваніе, конфискаціи и монополіи не имѣли мѣста въ исторіи западной Европы. Но вѣдь они имѣли мѣсто и въ древней Греціи, и въ Индіи, и въ Китаѣ, и, однако, экономическій строй этихъ странъ очень существенно отличался или отличается отъ экономического строя современной Европы. Чѣмъ создано это различіе? Не тѣмъ-ли, что всѣ эти завоеванія, конфискаціи и „монополіи“, далеки отъ того, чтобы опредѣлить собою направленіе экономического развитія, сами, напротивъ того, опредѣлялись имъ въ своихъ формахъ и дальнѣйшихъ социальныхъ слѣдствіяхъ? Направленіе и ходъ экономическаго развитія древней Греціи, или Индіи, или Китая, не похожи былъ на направленіе и ходъ экономического развитія средневѣковой и новой Европы, — поэтому и завоеванія со всѣми ихъ послѣдствіями, привели тамъ къ другимъ порядкамъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ виду рѣшающаго значенія, приписываемаго Чернышевскимъ завоеванію въ дѣлѣ созданія экономического строя современной Европы, намъ невольно припоминаются слова Энгельса: „Даже въ томъ случаѣ, если мы исключимъ всякую возможность грабежа, насилия и обмана, если мы допустимъ, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личномъ трудѣ ея обладателя и затѣмъ, во все дальнѣйшее время, только равныя стоимости обмѣнивались на равныя, то тѣмъ не менѣе, съ дальнѣйшимъ развитіемъ производства и обмѣна, мы необходимо придемъ къ современному капиталистическому способу производства, къ монополизированію средствъ производства и существованія въ рукахъ одного малочисленнаго класса, къ пригнетенію другого, составляющаго огромнѣйшее большинство, класса до положенія лишенныхъ всякой собственности пролетаріевъ, къ періодической смѣнѣ производительной горячки и торговыхъ кризисовъ

*) Современникъ, Апрель 1861, Новая книга, стр. 434

и ко всей современной анархii въ производствѣ*). Тагъ смотрятъ на это дѣло современные матеріалисты-діалектики. Но Чернышевскій смотрѣлъ еще совершенно иначе.

Относя различныя, существовавшія въ исторіи формы экономическаго быта на счетъ завоеванія и считая ихъ противорѣчащими „требованіямъ экономической науки“, нашъ авторъ естественно не могъ придавать большой цѣны ихъ изученію. Знакомый съ такъ называемымъ историческимъ методомъ въ экономической наукѣ лишь по трудамъ такихъ его представителей, какъ Вильгельмъ Рошеръ и прочіе *Citaten-professoren*, онъ относился къ нему очень пренебрежительно и считалъ его плодомъ реакціи противъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса. „Противъ средневѣковыхъ учреждений, несогласныхъ съ выгодами коммерческаго сословія, ратовали... во имя разума; а тутъ вотъ какъ на грѣхъ явились люди, начавшіе говорить: по разуму дѣйствительно слѣдуетъ быть тому, чего желаете вы, только сверхъ того требуется по разуму еще многое другое; вы произносите только начало формулы, а конецъ ея^{*)} вотъ каковъ; словомъ сказать, передъ лицомъ мыслителей непослѣдовательныхъ явились мыслители послѣдовательные... Что тутъ дѣлать?.. Если разумъ говоритъ противъ тебя, хватайся за исгорію, она выручитъ“. Сообразно съ такимъ происхожденіемъ историческаго метода теоретическая задача передовыхъ представителей рабочаго класса сводилась, въ борьбѣ ихъ противъ „непослѣдовательныхъ мыслителей“, лишь къ тому, чтобы обнаружить возникновеніе современнаго экономическаго строя изъ „завоеванія, конфискацій и монополій“. Соціалисты и дѣлаютъ это, по мнѣнію Чернышевскаго. Въ ихъ рукахъ „исторія изобличаетъ то, на защиту чего была приглашена“***). Но еще раньше выступленія Чернышевскаго на путь литературной дѣятельности, еще въ эпоху его предшественниковъ, т. е. Бѣлинскаго и его кружка, лучшіе теоретическіе представители рабочаго класса пользовались исторіей не для однихъ только полемическихъ ссылокъ на завоеванія и конфискаціи. Марксъ и Энгельсъ поставили изученіе экономической исторіи человѣчества на твердую научную почву, показавши ея внутреннюю необходимость и строгую законосообразность***). Но по всему видно, что Чернышевскій

*) Развитие научнаго соціализма, приложение, стр. 58.

**) *Соврем.* Апрель 1861, Новая книга, стр. 432 - 33 - 34.

***) Опираясь на исторію, Рошеръ и его единомышленники являются принципиальными противниками революціоннаго способа дѣйствій. Въ ихъ понятіяхъ *эволюція* совершенно исключаетъ *революцію*. Это взглядъ столь же ошибочный, какъ и взглядъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, встающихъ противъ эволюціи. Обѣ эти крайности совершенно исключаютъ правильное пониманіе исторіи. Вооруженные *діалектическимъ* методомъ, новѣйшіе соціалисты иначе смотрятъ на дѣло. Для нихъ эволюція есть такой же необходимый *моментъ* въ процессѣ историческаго развитія человѣчества, какъ и *революція*. Эволюція подготавливаетъ революцію, революція облегчаетъ дальнѣйшее теченіе эволюціи. Принятый въ особенности германскими учеными „историческій методъ“ совершенно произвольно ограничиваетъ поле зрѣнія науки однимъ изъ этихъ моментовъ, эволюціей. и потому долженъ быть признанъ *активнаучнымъ*. Объ его „ученыхъ“ представителяхъ и теперь еще можно съ полнымъ правомъ сказать то, что говорилъ о нихъ Марксъ въ 1844 году: они оправдываютъ низости, совершаемыя сегодня низостями вчерашняго дня; объявляютъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостнаго противъ кнута, если только это кнутъ историческій; исторія показыва-

не знакомъ былъ съ этимъ направленіемъ, выросшимъ изъ теорій его учителя Фейербаха, какъ теорія Фейербаха выросла изъ системы Гегеля.

Отрицая историческій методъ, нашъ авторъ пользовался въ своихъ экономическихъ излѣдованіяхъ другимъ методомъ, который онъ называлъ *ипотетическимъ*. Мы характеризуемъ его собственными словами Чернышевскаго. „Этотъ методъ состоитъ въ томъ — говоритъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на первую книгу Политической Экономіи Милля — что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи и приписывать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаруживалъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, приписывать задачи самаго простѣйшаго свойства. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами на время. Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были-ли войны съ Франціей въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ: можетъ-ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи? Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатствъ, объ уменьшеніи или объ увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же возьмемъ мы цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ, чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны... Итакъ изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назначаются просто по удобству. Напримѣръ оно (отвлеченное мышленіе) поступаетъ такъ. Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человекъ населенія, въ томъ числѣ 1000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества? Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто ничѣмъ и ничѣмъ... По термину „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ“*).

Такого метода Чернышевскій держится во всѣхъ своихъ экономи-

етъ имъ, какъ израильскій богъ Моисей только „заднюю“ спину; при всякомъ кускѣ вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, эти вѣрнопопдаемые Шейлоки ссылаются на историческій вексель и проч. Все это справедливо какъ нельзя болѣе. Однако революціонеръ Марксъ, въ такихъ сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ разоблачившій сервизизмъ официальныхъ представителей „историческаго метода“, не только не игнорировалъ исторической эволюціи, но первый показалъ ея дѣйствующія пружины и ея строгую законосообразность.

*) Сочиненія И. Г. Чернышевскаго, т. III-й стр. 89 - 90 - 91.

ческих изслѣдованіяхъ, которыя принимаютъ, благодаря этому, совершенно особенный, до крайности отвлеченный характеръ. Извѣстно, что главное экономическое сочиненіе нашего автора представляетъ собою часть переводъ, частью изложеніе политической экономіи Милля, сопровождаемое очень обширными замѣчаніями и самостоятельными дополненіями. Читая это сочиненіе, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ принятый авторомъ методъ изслѣдованія постоянно увлекаетъ его изъ области дѣйствительныхъ, существующихъ экономическихъ отношеній въ область отвлеченнаго мышленія. Въ томъ, что касается существующихъ отношеній Чернышевскій рѣдко оспариваетъ Милля. Онъ большею частью довольствуется его анализомъ, который, какъ извѣстно, оставляетъ желать очень многого по своей неясности и непослѣдовательности. Онъ не расходится съ Миллемъ даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ вопросы о стоимости, о цѣнѣ, о деньгахъ, о законѣ рабочей платы и т. п. Милль совершенно правъ въ томъ, что касается существующаго, говоритъ обыкновенно Чернышевскій, но посмотримъ, такъ-ли должно быть, того-ли требуетъ здравая экономическая теорія? „Предположимъ“ и т. д. — слѣдуетъ обыкновенно блестящая критика существующихъ отношеній, критика, опирающаяся, однако, исключительно только на совершенно отвлеченныя соображенія и предположенія. Недостатки метода выдаются, такимъ образомъ, въ глаза, и его, конечно, не одобрить ни одинъ изъ современныхъ научныхъ противниковъ капитализма, такъ какъ противники эти опираются теперь не на требованія отвлеченной „теоріи“, а на тѣ внутреннія противорѣчія существующаго нынѣ строя, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, необходимо должны повести къ его устраненію.

Читатели, знакомые съ методомъ той философской школы, послѣдователемъ которой считалъ себя Чернышевскій, безъ труда замѣтятъ, что нашъ авторъ не остался вѣренъ ему въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, „гипотетическій методъ“ не имѣетъ ничего общаго съ діалектическимъ методомъ нѣмецкихъ учителей Чернышевскаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить тѣ характеристическія особенности, которыя самъ Чернышевскій видѣлъ въ системѣ Гегеля, породившей ученіе Фейербаха. Указаніе этихъ особенностей очень облегчитъ намъ дѣло изложенія и критики взглядовъ Чернышевскаго, поэтому мы просимъ читателя отнестись со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ этой матеріи, пожалуй, сухой и скучной, но право же не бесполезной.

Въ глазахъ новѣйшихъ матеріалистовъ - діалектиковъ величайшей заслугой системы Гегеля и всей вообще нѣмецкой философіи является то, что она, какъ говоритъ о ней Энгельсъ, „впервые представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т. е. изслѣдовала его въ непрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи, и пыталась обнаружить внутреннюю связь этого движенія и развитія.“ Чернышевскій, при своемъ огромномъ умѣ и своихъ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ философіи, не могъ игнорировать этой стороны дѣла. Онъ понималъ огромную важность гегелевскаго ученія о развитіи и даже излагалъ его въ энергическихъ, почувствованныхъ выраженіяхъ. „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное от вер

женіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія — восклицаетъ онъ въ своей статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ — кто позналъ этотъ высшій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто приучился принимать его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach' auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ“*)! Но, какъ видно, не этотъ „великій, вѣчный, повсемѣстный законъ“ считалъ онъ главной заслугой и наиболѣе выдающейся особенностью философіи Гегеля. По крайней мѣрѣ въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ онъ, подробно говоря о Гегелѣ по поводу извѣстнаго увлеченія имъ кружка Станкевича и Бѣлинскаго, обращаетъ наибольшее вниманіе на другую сторону его философіи. Здѣсь главною его заслугой выставляется выведение философіи изъ области отвлеченнаго мышленія и внимательное отношеніе къ *дѣйствительности*. „Объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ... Но въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени, — и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не рассматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе, что — эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, рассмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ**). Въ примѣчаніи къ цитируемой страницѣ Чернышевскій поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ. „Напримѣръ, благо или зло дождь? Это вопросъ отвлеченный, опредѣлительно отвѣтить на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: послѣ того какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь, — полезенъ ли онъ былъ для хлѣба? Только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: этотъ дождь былъ полезенъ... Пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста... Мараѳонская битва была благодѣлительнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества“ и т. д. Отсюда видно, что при извѣстномъ вниманіи къ дѣйствительности даже такой, повидимому, простой вопросъ,

*) Сочиненія Чернышевскаго т. V й, стр. 531.

***) Современникъ, 1856, кн. 9 Критика, стр. 12.

какъ вопросъ о пользѣ или вредѣ войны, не можетъ рѣшаться посредствомъ той или другой незамысловатой и совершенно отвлеченной „гипотезы“. Все зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени. Это совершенно вѣрно. Но, къ сожалѣнію вѣрно и то, что Чернышевскій слишкомъ часто забывалъ объ этомъ, какъ въ общихъ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ спорахъ о такихъ конкретныхъ явленіяхъ, какъ русское общинное землевладѣніе.

Мы увидимъ ниже, что забываемая имъ дѣйствительность нерѣдко напоминала о себѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Но теперь мы должны продолжать характеристику историческихъ взглядовъ Чернышевскаго, которая поможетъ намъ опредѣлить мѣсто, принадлежащее нашему автору въ общемъ развитіи философской мысли Европы.

IV

Замѣчательно, что, не придавая цѣны исторической точкѣ зрѣнія въ области политической экономіи, онъ считалъ ее необходимой въ области литературной критики. Въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей, именно въ статьѣ объ извѣстномъ сочиненіи Аристотеля „О поэзіи“, переведенномъ Б. Ордынскимъ, онъ ставитъ эстетикѣ въ большую заслугу то, что она у насъ никогда не была враждебна исторіи литературы. „У насъ всегда провозглашалась необходимость исторіи литературы; и люди, особенно занимавшіеся эстетическою критикою, очень много, — больше, нежели кто нибудь изъ нашихъ нынѣшнихъ писателей — сдѣлали и для исторіи литературы. У насъ эстетика всегда признавала, что должна основываться на точномъ изученіи фактовъ“.... *„Исторія искусства служитъ основаніемъ теоріи искусства“* *). Казалось бы, что человѣкъ, написавшій эти строки, оставаясь вѣрнымъ себѣ, долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ признать, что исторія экономическаго развитія человѣчества должна служить основаніемъ экономической „теоріи.“ Но мы уже видѣли, что онъ не такъ смотрѣлъ на эту „теорію.“

Большая правильность взгляда Чернышевскаго на теорію искусства объясняется, во-первыхъ, благотворнымъ вліяніемъ его предшественниковъ: послѣ „Эстетики“ Гегеля и критическихъ работъ Бѣлинскаго (напомнимъ хоть его статьи о Пушкинѣ) совершенно невозможно было игнорировать историческую точку зрѣнія въ теоріи искусства. Прибавьте къ этому, что въ эстетической теоріи возставать противъ исторической точки зрѣнія могли только сторонники такъ называемаго искусства для искусства, т. е. люди, которымъ хотѣлось бы поставить „вѣчное“ искусство внѣ всякой связи съ дѣйствительностью и ея насущными, жгучими общественными вопросами. Борясь противъ такихъ людей, Чернышевскій естественно долженъ былъ

*) Сочиненія Чернышевскаго т. I, стр. 3-4.

склоняться въ исторической точкѣ зрѣнія на искусство, такъ какъ она давала возможность связать задачи искусства съ важнѣйшими общественными стремленіями даннаго времени. Еще Шеллингъ говорилъ, что „*verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil*“*) Развивая эту мысль, не трудно было на голову разбить сторонниковъ „чистаго“ искусства. — Иное дѣло въ политической экономіи. Тамъ за-живо окаменѣвшій Рошеръ и его братія являлись противниками самыхъ дорогихъ Чернышевскому стремленій рабочаго класса. Они были единственными извѣстными ему представителями исторической точки зрѣнія въ политической экономіи. Неудивительно, что изъ реакціи противъ нихъ онъ сталъ въ такое отношеніе къ этой точкѣ зрѣнія, ошибочность котораго бросилась бы ему въ глаза при другихъ условіяхъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, что нашему автору удалось послѣдовательно развить свой взглядъ на значеніе *исторіи* искусства, какъ необходимой основы для *теоріи* искусства. Мы уже замѣчали, что отъ простаго признанія извѣстнаго принципа еще очень далеко до послѣдовательнаго проведенія его въ соотвѣтствующей отрасли науки. Чернышевскому представлялся прекрасный случай поставить теорію искусства въ связь съ его исторіей въ диссертациі объ „*Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*“, представленной имъ филологическому факультету петербургскаго университета въ началѣ 1854 года для полученія степени магистра. Это сочиненіе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ произведеній нашего автора; поэтому въ немъ чрезвычайно ярко выражаются всѣ достоинства и недостатки его взглядовъ и пріемовъ мышленія. Вѣрный своимъ матеріалистическимъ взглядамъ, Чернышевскій задался въ своей диссертациі цѣлью покончить съ идеализмомъ въ эстетикѣ. Онъ преслѣдуетъ идеализмъ во всѣхъ его эстетическихъ закоулкахъ и убѣжищахъ, начиная отъ общихъ теоретическихъ вопросовъ о происхожденіи искусства и о значеніи его въ жизни и кончая такими частностями, какъ ученіе о трагическомъ и о возвышенномъ. Мы приведемъ нѣкоторые изъ выставленныхъ имъ тезисовъ, такъ какъ они прекрасно отбѣняютъ именно матеріалистическій взглядъ Чернышевскаго на искусство.

„Истинное опредѣленіе прекраснаго, говоритъ онъ, таково: прекрасное есть жизнь; прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ; прекрасный предметъ тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни.

„Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ идею абсолютнаго; оно почти никогда не пробуждаетъ ее.

„Возвышеннымъ кажется человѣку то, что гораздо больше предметовъ или гораздо сильнѣе явленій, съ которыми сравнивается человѣкомъ.

„Трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы или необходимости. Въ дѣйствительной жизни трагическое большею частью случайно, не вытекаетъ изъ сущности предшествующихъ момен-

*) Ueber das Verhaeltniss der bildenden Künste zu der Natur.

товъ. Форма необходимости, въ которую облачается оно искусствомъ — слѣдствіе обыкновеннаго принципа произведеній искусства: развязка должна вытекать изъ завязки, или неумѣстное подчиненіе поэта понятіямъ о судьбѣ.

„Трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.

„Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи. Образы фантазіи только бѣдныя и почти всегда неудачныя переделки дѣйствительности.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности вполне прекрасно.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности совершенно удовлетворяетъ человѣка.

„Искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки дѣйствительности.

„Потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящное искусство) есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи... искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности.

„Воспроизведеніе жизни — общій характеристическій признак искусства, составляющій сущность его: часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе — объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни.,,

Съ нѣкоторыми изъ этихъ тезисовъ можно согласиться только съ извѣстными оговорками, придающими имъ болѣе широкій смыслъ. Съ однимъ изъ нихъ даже вовсе нельзя согласиться, именно, нельзя сказать, что „трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.“ Совершенно вѣрно, что „трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы.“ Но несомнѣнна связь его съ идеей необходимости. Не все ужасное въ жизни человѣка трагично. Ужасна судьба людей, на которыхъ обрушиваются, напр., стѣны строящагося дома; но трагична она можетъ быть только для нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно для тѣхъ, въ жизни которыхъ были извѣстныя обстоятельства (великіе замыслы, широкія политическія стремленія), придающія трагическій смыслъ случайной смерти ихъ отъ груди кирпичей. Однако, во взятомъ нами примѣрѣ трагическое все еще тѣсно связано съ случайностью, поэтому оно не есть трагическое въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Истинно трагическое основывается на идеѣ объ *исторической необходимости*. Истинно трагична судьба Гракховъ, планы и сама жизнь которыхъ разбились отъ неспособности римскихъ пролетаріевъ къ политической самодѣятельности. Истинно трагична судьба Робеспьера и С. Жюста, погибшихъ отъ неотразимыхъ и неизбежныхъ противорѣчій въ ихъ историческомъ положеніи между различными классами французскаго общества, боровшимися за преобладаніе. Вообще истинный трагизмъ создается столкновеніемъ сознательныхъ стремленій человѣческой личности, но необходимости ограниченной и болѣе или менѣе односторонней

со слѣпными силами историческаго движенія, дѣйствующими подобно законамъ природы. Чернышевскій не обратилъ и не могъ обратить вниманія на эту сторону дѣла, потому что его борьба противъ матеріализма ограничивалась еще областью отвлеченныхъ философскихъ положеній. Въ этой борьбѣ онъ опять дошелъ до крайностей разсудочности и просто приравнялъ трагическое къ ужасному. А между тѣмъ, еслибы онъ припомнилъ хоть бы то объясненіе трагическаго, которое Гегель дѣлаетъ на примѣрѣ софокловой „Антигоны,“ онъ увидѣлъ бы, что можно говорить о необходимости, не будучи идеалистомъ. Гегель указываетъ въ „Антигонѣ“ столкновеніе двухъ правъ, родового и государственнаго. Представительницей перваго является Антигона, представителемъ втораго Креонъ. Борьба этихъ двухъ правъ несомнѣнно играла огромную роль въ исторіи и можно, ни мало не грѣша идеализмомъ, поставить трагическое въ связь съ подобнаго рода борьбою. Чернышевскій не видитъ этого, потому что онъ какъ будто забываетъ объ исторіи въ своемъ изслѣдованіи. Это тѣмъ болѣе досадно, что еслибы Чернышевскій своевременно вспомнилъ о своемъ правилѣ: теорія искусства должна основываться на исторіи искусства, ему можетъ быть удалось бы придать эстетикѣ совершенно новое теоретическое основаніе. Доказывая свой тезисъ, что прекрасное есть жизнь, онъ дѣлаетъ чрезвычайно мѣткое замѣчаніе о томъ, что различные классы общества имѣютъ различные идеалы красоты въ зависимости отъ экономическихъ условій ихъ существованія. Мѣсто это такъ важно, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

„Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселянна понятіе „жизнь“ всегда заключается въ понятіи о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у молодого поселянна или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работа много, поэтому будучи крѣпка сложениемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна, — это также необходимое условіе красавицы сельской; свѣтская, „полувоздушная красавица“ кажется поселянину рѣшительно „невзрачной,“ даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли.“ Но работа не даетъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго“ сложения, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Со-

вершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ конечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества — жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной, хорошей фамиліи.... Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка; потому что и въ довольствѣ и въ роскоши плохо жить безъ здоровья, — вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственного образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ за то часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей,“ которыми придаетъ цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очаровываться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила? (**)

Понятія людей о красотѣ выражаются въ произведеніяхъ искусства. Понятіе о ней различныхъ общественныхъ классовъ, какъ мы видѣли, очень различны, иногда даже противоположны. Тотъ классъ, который господствуетъ въ данное время въ обществѣ, господствуетъ также въ литературѣ и въ искусствѣ. Онъ вноситъ въ нихъ свои взгляды и свои понятія. Но въ развивающемся обществѣ въ разное время господствуютъ разные классы. Притомъ же всякій данный классъ имѣетъ свою исторію: онъ развивается, доходитъ до процвѣтанія и господства и, наконецъ, клонится къ упадку. Сообразно съ этимъ измѣняются и его литературные взгляды, и его эстетическія понятія. Поэтому въ исторіи мы встрѣчаемся съ различными литературными взглядами и съ различными эстетическими понятіями людей: понятія и взгляды, господствовавшіе въ одну эпоху, оказываются устарѣвшими въ другую. Чернышевскій показалъ, что эстетическія понятія людей стоятъ въ тѣсной причинной связи съ ихъ экономическимъ бытомъ. Это — открытіе гениальное въ полномъ смыслѣ слова. Ему оставалось только прослѣдить дѣйствіе открытаго имъ принципа черезъ всю исторію человечества съ ея смѣною различныхъ господствующихъ классовъ, — и онъ сдѣлалъ бы величайшій переворотъ въ эстетикѣ, тѣсно связавши теорію искусства съ

*) Соч. Чернышевскаго, т. I стр. 44, 45, 46.

новѣйшимъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Но мы знаемъ, что ему самому въ значительной степени чуждо было такое пониманіе исторіи. Поэтому онъ и не могъ докончить столь блестяще начатаго дѣла; поэтому же и въ его *Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ действительности* мы встрѣчаемъ гораздо меньше истинно матеріалистическихъ замѣчаній объ исторіи искусства, чѣмъ напр. въ „Эстетикѣ“ „абсолютнаго идеалиста“ Гегеля *). Въ диссертациі Чернышевскаго особенно ярко отражаются, какъ мы уже сказали, всѣ недостатки и всѣ достоинства его приемовъ мышленія.

V

Лѣвая сторона гегельянской школы, къ которой, подобно своимъ литературнымъ предшественникамъ, принадлежалъ Н. Г. Чернышевскій, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи примкнула, какъ извѣстно, къ социализму. Примкнули къ нему и русскіе гегельянцы лѣвой стороны. Извѣстно, какъ увлекался социализмомъ Бѣлинскій. Въ его сочиненіяхъ есть статьи, обнаруживающія очень глубокое для того времени пониманіе отношеній западнаго пролетаріата къ буржуазіи**). Чернышевскій явился въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, прямымъ и непосредственнымъ продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что онъ пошелъ дальше Бѣлинскаго. Онъ не только увлекался социализмомъ, онъ хорошо изучилъ доступную ему социалистическую и экономическую литературу. Онъ говорилъ о социализмѣ не только тогда, когда это приходилось къ слову въ статьяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ. Его литературная дѣятельность была направлена почти исключительно на распространеніе въ русской читающей публикѣ социалистическихъ ученій. Въ виду этого, мы обязаны по возможности подробно характеризовать отношеніе Чернышевскаго къ западно-европейскому социализму.

Въ настоящее время, кто говоритъ о социализмѣ — говорятъ объ ученіи Маркса, или не говорятъ ровно ничего, заслуживающаго вниманія. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы въ развитіи Чернышевскаго (конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ), это было еще не такъ. Ученіе Маркса далеко не достигло еще господства, оно еще только слагалось, вырабатывалось и крѣпло въ борьбѣ съ другими социалистическими теоріями. Главнѣйшія произведенія школы Маркса еще не появлялись тогда въ печати. Тогда еще вполне позволительно было считать себя социалистомъ и не имѣть о Марксѣ нивакого понятія. Тогда еще сильно было влияніе

*) См. напр. замѣчанія Гегеля объ исторіи голландской живописи, съ которыми почти безусловно можетъ согласиться любой изъ современныхъ матеріалистовъ-диалектиковъ (*Aesthetik*, I Band, p. 217, 218; B. II p. 217-223). Подобныхъ замѣчаній много разсѣяно въ его „Эстетикѣ.“

**) См., напр., его статью объ Эженѣ Сю въ VII части полнаго собранія его сочиненій.

такъ называемыхъ теперь социалистовъ-утопистовъ, въ особенности Фурье и Оуэна. Даровитые социалисты того времени всѣ испытали на себѣ это вліяніе, собственными силами дополняя теоріи своихъ учителей и устраняя изъ нихъ ненаучные, фантастическіе элементы. Чернышевскій находился именно въ такомъ положеніи. Мы уже говорили, что о произведеніяхъ школы Маркса онъ не имѣлъ никакого понятія. Правда, еще Бѣлинскій съ восторгомъ читалъ парижскіе „Deutsch-Französische Jahrbücher“, первые и послѣдніе два номера которыхъ изданы были Арнольдомъ Ругэ въ сотрудничествѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но вліяніе этого журнала на русскую публику не было настолько сильно, чтобы безповоротно опредѣлить направленіе русской социалистической мысли. Она еще долго, очень долго, гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало, развивалась безъ всякаго вліянія научныхъ трудовъ Маркса. Неудивительно, что, при выработкѣ своихъ социалистическихъ воззрѣній, Чернышевскій не принималъ въ расчетъ новѣйшаго направленія социализма, который уже и раньше игралъ немалую роль въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія, а со второй половины 60-хъ годовъ сдѣлался господствующимъ среди всего европейскаго рабочаго класса. Какъ человѣкъ, получившій правильное, научное образованіе, Чернышевскій былъ совершенно чуждъ странныхъ фантазій, перемѣшанныхъ въ ученіи Фурье съ геніальными взглядами на исторію и современный бытъ человечества. Къ ученію Сенъ Симона онъ всегда относился очень критически. Робертъ Оуэнъ, святой старикъ, какъ называетъ его Лопуховъ въ романѣ „Что дѣлать?“, всегда былъ очень симпатиченъ Чернышевскому. Но трезвый умъ нашего автора рѣдко позволялъ ему обольщаться надеждами Оуэна на помощь угнетенному большинству со стороны коронованныхъ особъ и высшаго класса. Изучая западно-европейскія общественныя отношенія, Чернышевскій, можно сказать, невольно приходилъ къ тому выводу, который легъ впослѣдствіи въ основу программы Интернаціонала и который гласитъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, взглядъ нашего автора на историческія задачи рабочаго класса отличается такою неясностью, которая можетъ показаться странною читателю нашего времени. Чернышевскій не выдѣляетъ пролетаріата изъ общей массы страдающаго и угнетеннаго народа. Для обозначенія рабочаго класса, долженствующаго освободить себя своими собственными усиліями, Чернышевскій употребляетъ выраженіе, очень характерное для русскаго писателя и въ то же время обнаруживающее всю неясность его представленія о роли пролетаріата въ западно-европейской исторіи. Чернышевскій называетъ рабочій классъ запада *простонародьемъ* и представляетъ себѣ его нужды и задачи почти совершенно такъ, какъ могъ представлять себѣ русскій образованный и гуманный человѣкъ нужды и задачи русскаго „простонародья“ того времени. Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ, впрочемъ, въ пылу полемики, вызванной вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, нашъ авторъ доходитъ даже до слѣдующихъ странныхъ представленій о взглядахъ западно-европейскихъ демократовъ. Онъ утверждаетъ, что политическая свобода не имѣетъ никакого значенія для народной массы и что поэтому защитники

народныхъ интересовъ могутъ оставаться равнодушными къ политикѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ политическіе взгляды либераловъ съ одной стороны и „демократовъ“ съ другой*). „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддерживать новое устройство общества, для нихъ почти все равно **). Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа — наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одной — аристократіи (но не абсолютизму?); либераль почти всегда находитъ, что только при известной степени аристократизма общество можетъ достигъ либеральнаго устройства. Потому либералы питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы“***).

Статья, изъ которой мы заимствуемъ эти строки, была написана, какъ мы уже сказали, въ самый разгаръ полемики по крестьянскому вопросу. Очень возможно, что Чернышевскій написалъ ее, нѣкоторымъ образомъ, *ad usum delphini*, желая показать русскому правительству, что ему не слѣдуетъ бояться русскихъ демократовъ, все вниманіе которыхъ дѣйствительно сосредоточилось въ теченіи нѣкотораго времени на экономическомъ положеніи освобождаемаго крестьянства. Впослѣдствіи, въ особенности въ своихъ „Письмахъ безъ адреса,“ Чернышевскій высказывалъ уже новый взглядъ на значеніе политической свободы для народнаго благосостоянія. Но все таки приведенное мнѣніе остается очень характернымъ фактомъ въ исторіи русскаго политическаго сознанія. Оно несомнѣнно должно было оказать свое вліяніе на подрастающую русскую демократію, которая до самаго конца 70-хъ годовъ продолжала питать глубокое презрѣніе къ „политикѣ.“ Конечно, это объясняется не однимъ только вліяніемъ Чернышевскаго, — много сдѣлала въ этомъ отношеніи анархическая пропаганда Бакунина. Но шаткость и неопредѣленность политическихъ взглядовъ любимаго учителя русской молодежи навѣрное внес-

*) Не нужно забывать, что и социалистахъ трудно было говорить по цензурнымъ условіямъ.

**) Курсивъ нашъ.

***) Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. Перепечатано въ третьемъ выпускѣ „Русской социальна-демократической Библіотеки“ Женева 1875, стр. 5, 6.

ла свою лепту въ послѣдующія програмныя скитанія русскихъ революціонеровъ. Что взгляды Чернышевскаго на политическія задачи западно-европейскаго пролетаріата никогда не отличались большою ясностью, лучше всего показываетъ слѣдующее мнѣніе его о значеніи всеобщаго избирательнаго права. Мы заимствуемъ это мнѣніе изъ статьи „Іюльская монархія,“ написанной уже въ 1860-омъ году, т. е. въ то время, когда, окончательно разочаровавшись въ правительственной постановкѣ крестьянскаго вопроса, онъ не могъ уже ничего писать *ad usum delphini*. Чернышевскій обращается между прочимъ въ этой статьѣ къ тѣмъ „лучшимъ людямъ,“ которые, увидѣвъ, что введеніемъ всеобщаго избирательнаго права во Франціи воспользовались реакціонеры и обскуранты, перестали придавать ему значеніе. Чернышевскій успокоиваетъ ихъ не тѣмъ соображеніемъ, что реакціонеры и обскуранты могли воспользоваться результатомъ всеобщаго избирательнаго права только послѣ избіенія іюньскихъ инсургентовъ. Онъ не говоритъ имъ, что всеобщее избирательное право безусловно необходимо для политическаго воспитанія рабочаго класса. Онъ просто указываетъ на неразвитость „поселянъ,“ „Прямой результатъ декрета (вводившаго названное право во Франціи), говоритъ онъ, противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ этого? Развѣ все таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и оставшаяся безъ лѣченія; но все таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принсенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все таки декретъ о немъ при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно большую пользу*).

✕ Здѣсь, какъ видимъ, нѣтъ рѣчи ни о борьбѣ классовъ во французскомъ обществѣ, ни о революціонной роли французскаго пролетаріата. Всѣ надежды нашего автора возлагаются на какихъ то честныхъ людей, которые займутся воспитаніемъ поселянъ, вслѣдствіе чего „прогрессъ для Франціи станетъ легче.“ Это очень странно звучитъ въ настоящее время. Но опять таки не нужно забывать, что пролетаріатъ былъ для Чернышевскаго „простонародьемъ,“ мало отличавшимся по своимъ свойствамъ, стремленіямъ и зада-

* Іюльская монархія въ „Русской соціально-демократической Библиотекѣ“, Женева 1875 г. стр. 58 59.

чамъ отъ другихъ слоевъ трудящагося населенія. Въ особенностяхъ экономическаго положенія западно-европейскаго пролетаріата Чернышевскій если и видѣлъ что-либо революціонное, то развѣ въ томъ смыслѣ, что экономическія бѣдствія вызываютъ неудовольствіе рабочихъ. Но такъ какъ и другіе слои трудящагося населенія переносятъ немалыя бѣдствія, то революціонное настроеніе въ ихъ средѣ казалось ему столь же естественнымъ, какъ и въ средѣ пролетаріата. Когда Чернышевскій защищалъ русское общинное землевладѣніе, то въ числѣ выгодъ приносимыхъ имъ, онъ указывалъ на то обстоятельство, что оно спасаетъ насъ отъ „язвы пролетаріатства.“ Правда, при этомъ ему, очевидно, не разъ вспоминались слова реакціонеровъ, въ родѣ барона Гакстгаузена или Тенгоборскаго, утверждавшихъ, что „язва пролетаріатства“ является источникомъ революціонныхъ движеній въ западной Европѣ. И ему приходили сомнѣнія относительно выгодъ, которыя принесетъ съ собою устраненіе названной „язвы“ дѣлу русскаго прогресса. Но онъ отвѣчалъ себѣ на эти сомнѣнія такого рода замѣчаніемъ. „Землевладѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, какой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной землевладѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать, каковъ характеръ западно-европейскаго поселяннина. Напомнимъ только о томъ, что казаки были большей частью изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіей земледѣльческаго населенія“. Здѣсь крестьянскія войны ставятся, какъ видимъ, по своему значенію на одну доску съ революціонными движеніями новѣйшаго пролетаріата, — смѣшеніе совершенно невозможное для социалиста настоящаго времени.

Въ глазахъ современнаго социалиста революціонныя движенія рабочаго класса являются результатомъ борьбы классовъ въ обществѣ, сложившемся на основѣ крупной промышленности. Современный социалистъ видитъ залогъ торжества своего дѣла въ дальнѣйшемъ развитіи этой самой промышленности. Чернышевскій не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Его взгляды на него сильно окрашены самымъ недвусмысленнымъ идеализмомъ. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ въ своей рецензій на книгу Бруно Гильдебранда, „Политическая экономія настоящаго и будущаго.“ „То, что истинно человѣчно, истинно разумно, найдетъ себѣ симпатію во всѣхъ народахъ... Разумъ одинъ и тотъ же подъ всѣми широтами и долготами, у всѣхъ чернокожихъ и свѣтлорусыхъ людей. Конечно, въ американскихъ степяхъ живутъ другіе люди, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ, и на Сандвичевыхъ островахъ обитаютъ господа, непохожіе на англійскихъ джентльменовъ; но вѣдь и русскому мужику и дикарю, также какъ и высокопочтенному римскому кардиналу, хочется, думаемъ мы, ѣсть, а затѣмъ, чтобы ѣсть, хочется что нибудь имѣть. Стремленіе къ улучшенію своего положенія составляетъ существенное свойство

всего человечества. Если бы новыя теоріи были противны природѣ человѣка, онѣ и не пошли бы дальше той страны и тѣхъ людей, которымъ угодно было выдумать ихъ, не стремились бы къ нимъ всѣ народы образованнаго міра*). Едва-ли нужно повторять, что народы образованнаго міра стремятся къ социализму не потому, что онъ согласенъ съ „природой человѣка“ (это еще ничего не доказываетъ), а единственно потому, что онъ согласенъ съ природой экономического состоянія современнаго намъ цивилизованнаго человечества.

При указанныхъ взглядахъ на социализмъ, какъ могли представляться Чернышевскому практическія задачи социалистической партіи? По цензурнымъ условіямъ ему рѣдко приходилось говорить о нихъ въ печати, но онъ все таки настолько опредѣленно высказался на этотъ счетъ, что сомнѣніе возможно только относительно частныхъ: общій характеръ его практическихъ стремленій достаточно ясенъ.

Замѣтимъ прежде всего, что Чернышевскій по своему трезвому уму и всегдашнему стремленію къ практической дѣятельности не могъ принадлежать къ числу тѣхъ социалистовъ, которые требуютъ, чтобы человечество цѣликомъ приняло ихъ утопіи и считаютъ безплодными или даже прямо вредными всѣ частныя экономическія реформы. Таковы, напр., современные анархисты, если только позволительно называть анархистовъ социалистами, хотя бы и не въ строгомъ, а только въ разговорномъ смыслѣ слова. Чернышевскій ѣдко смѣется надъ подобными фантазерами. „Во имя высшихъ идеаловъ отвергать какое нибудь, хотя бы и не вполне совершенное улучшение дѣйствительности — значитъ слишкомъ уже идеализировать и потѣпаться безплодными теоріями.“ По его мнѣнію, у людей, склонныхъ къ такимъ потѣхамъ, „дѣло кончается большею частью тѣмъ, что послѣ напряженныхъ усилій подняться до своего идеала, они опускаются такъ, что уже вовсе не имѣютъ передъ собою никакого идеала.“ Это уже не въ бровь, а прямо въ глазъ современнымъ анархистамъ. Но дѣло не въ томъ. Посмотримъ, какъ же смотрѣлъ самъ Чернышевскій на реформы, полезныя и возможныя съ социалистической точки зрѣнія?

Извѣстно, что современные социаль-демократы также не только не отрицаютъ значенія частныхъ экономическихъ реформъ, но очень настойчиво требуютъ ихъ. Принимаемая ими въ разныхъ странахъ программы частныхъ реформъ или такъ называемыхъ минимальныхъ требованій стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ конечными стремленіями. Они хотятъ, чтобы реформы, вытребованныя ими у современныхъ правительствъ, облегчали имъ приближеніе къ конечной цѣли, чтобы онѣ были послѣдовательнымъ рядомъ побѣдъ экономіи Труда надъ экономіей Капитала. Чернышевскій понималъ, что требуемая социалистами реформы должны быть сообразованы съ ихъ конечной цѣлью. Но конечная цѣль социализма не представлялась ему съ такой ясностью, съ какою представляется она новѣйшимъ социаль-демократамъ. Само торжество социализма отодвигалось въ его представленіяхъ въ

*) Современникъ, мартъ 1861, Новыя книги, стр. 71.

довольно неопредѣленную даль, должно было явиться результатомъ „вѣковыхъ опытовъ“ человечества. Поэтому и программа желательныхъ для него частныхъ реформъ не могла отличаться опредѣленностью. Въ общемъ можно сказать однако, что, такъ какъ социалистическій строй представлялся Чернышевскому въ видѣ ассоціацій, то онъ отстаивалъ все, въ чемъ видѣлъ хоть малѣйшій намекъ на принципъ ассоціаціи. Съ точки зрѣнія большей легкости введенія ассоціацій Чернышевскій отстаивалъ и русское общинное землевладѣніе. Община представлялась ему готовой исторической подкладкой для земледѣльческихъ ассоціацій. Заведеніе ассоціаціи рекомендуетъ онъ русскимъ социалистамъ и въ романѣ „Что дѣлать?“ Очень интересенъ тотъ историческій фактъ, что проповѣдь ассоціацій велась одновременно въ Россіи и въ Германіи. Въ 1863 году появился романъ Чернышевскаго, съ выходомъ котораго начинается у насъ цѣлый рядъ попытокъ устройства производительныхъ ассоціацій. Въ томъ же 1863 году Лассаль рекомендуетъ нѣмецкимъ рабочимъ ассоціаціи, какъ единственное средство хоть въ некоторомъ улучшенія ихъ быта. Но какая разница въ постановкѣ этого вопроса у насъ и въ Германіи! Въ романѣ Чернышевскаго, ставшемъ на время программой русскихъ социалистовъ, устройствомъ ассоціацій занимаются отдѣльныя, гуманныя, образованныя личности: Вѣра Павловна и ея друзья. Къ этому дѣлу привлекается даже просвѣщенный священникъ Мерцаловъ, играющій, по его собственному выраженію, роль „щита“ въ устроенныхъ Вѣрой Павловной мастерскихъ. О политической самостоятельности класса, заинтересованнаго въ устройствѣ такихъ ассоціацій, романъ не говоритъ ни слова. Не говорили о ней ни слова и тѣ люди 60-хъ годовъ, которые пытались осуществить предложенную Чернышевскимъ программу. Напротивъ, первымъ словомъ Лассалевской агитаціи было указаніе рабочимъ на необходимость съ ихъ стороны политической самостоятельности. Лассаль требовалъ, чтобы рабочіе, сплотившись въ особую политическую партію и приобретя вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ, заставили правительство дать имъ необходимыя для заведенія ассоціацій деньги. Въ проэктѣ Лассалья дѣло заведенія ассоціацій имѣетъ широкій, общесовѣстный характеръ. Ассоціаціямъ, вводимымъ усиліями отдѣльныхъ, просвѣщенныхъ лицъ, Лассаль не придавалъ ровно никакого значенія. По сравненію съ Лассалемъ Чернышевскій является въ своемъ романѣ настоящимъ утопистомъ. По сравненію съ Чернышевскимъ Лассаль является въ своей агитаціи истиннымъ представителемъ новѣйшаго социализма. Это различіе происходитъ не отъ того, чтобы Лассаль былъ въ умственномъ отношеніи выше Чернышевскаго. Можно съ увѣренностью сказать, что по своимъ умственнымъ силамъ Чернышевскій нимало не уступалъ Лассалю. Но русскій социалистъ былъ сыномъ своей страны, политическая и экономическая отсталость которой придавала всѣмъ его практическимъ планамъ и даже многимъ теоретическимъ взглядамъ характеръ утопій. Въ своихъ практическихъ планахъ заведенія ассоціацій онъ былъ гораздо ближе къ Шульце-Деличу, чѣмъ къ Лассалю. Но съ другой стороны, замѣтимъ, что и Лассаль въ своихъ практическихъ планахъ является истиннымъ представителемъ новѣйша-

го социализма только по сравненію съ Чернышевскимъ. Тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ были истинными представителями и основателями новѣйшаго социализма, Марксъ и Энгельсъ, находили, что и Лассалевскіе планы представляютъ собою не болѣе какъ утопію. Они отказались поддержать знаменитаго агитатора именно потому, что не хотѣли питать въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ склонности къ экономическимъ утопіямъ.

Годы, рѣшительные для развитія Чернышевскаго, относятся къ тому времени, когда западно-европейскій пролетаріатъ, подавленный послѣ революцій 48 года, не подавалъ никакихъ признаковъ политической жизни. Наблюдая его со стороны и не имѣвъ возможности по личнымъ наблюденіямъ познакомиться съ движеніями пролетаріата въ предшествующую эпоху, Чернышевскій естественно не имѣлъ повода задуматься объ его исторической роли. Даже признавая въ принципѣ, что пролетаріатъ долженъ освободить себя собственными усилиями, Чернышевскій, тѣмъ не менѣе склонился иногда къ чрезвычайно страннымъ практическимъ планамъ облегченія его участи. Говоря это, мы имѣемъ въ виду статью, напечатанную въ майской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ, въ отдѣлѣ иностранной литературы. Очень возможно, даже вѣроятно, что статья эта не принадлежитъ лично Чернышевскому. Но такъ какъ она касается экономическихъ вопросовъ и такъ какъ черезъ руки Чернышевскаго проходило въ „Современникѣ“ все, что имѣло хоть какое нибудь отношеніе къ этимъ вопросамъ, то, разумѣется, она не могла бы быть напечатана, если бы противорѣчила взглядамъ нашего автора. Во всякомъ случаѣ она должна быть признана очень характерной для взглядовъ кружка „Современника“ на социальный вопросъ. Въ началѣ статьи авторъ высказываетъ очень дѣльные замѣчанія о томъ, что пролетаріатъ представляетъ собою явленіе, свойственное исключительно новой исторіи. „Только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился на западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было, можетъ быть, больше, чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи.“ Далѣе авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе о томъ, что женскій промышленный трудъ послужитъ залогомъ семейнаго освобожденія женщины. Читая это, можно подумать, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, вполне стоящимъ на точкѣ зрѣнія современнаго социализма. Но разочарованіе является тотчасъ же, какъ только рѣчь заходитъ о практическихъ способахъ улучшенія участи пролетаріата. Именно, говоря о лионскихъ ткачахъ шелковыхъ издѣлій, авторъ видитъ спасеніе ихъ въ „децентрализаціи производства,“ въ заведеніи мастерскихъ внѣ города, въ соединеніи ткацкаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ. По мнѣнію автора, соединеніе занятій ткацкимъ ремесломъ съ сельскимъ хозяйствомъ сильно увеличитъ благосостояніе рабочаго. Другой источникъ возможнаго увеличенія благосостоянія ткачей видитъ онъ въ дешевизнѣ сырыхъ припасовъ въ деревняхъ. Вотъ подлинныя слова его. „Для лионскаго рабочаго начало освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи день-

ги? На хозяевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ лионскому пролетарію, онъ освободится отъ эксплуатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги.“ Но авторъ опасается, что рабочіе не захотятъ переселиться въ деревни. „Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни... Но это зло переходное. Нельзя ожидать, разумѣется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности; но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы польза такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознание рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочій увидитъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ ужъ не труденъ переходъ къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями“ *). Мы нисколько не удивились бы, еслибы прочли подобный планъ въ сочиненіяхъ г. Успенскаго или кого нибудь изъ „субъективныхъ“ русскихъ „соціологовъ“. Но въ журналѣ Чернышевскаго онъ производитъ странное, тяжелое впечатлѣніе. Видно, что человѣку, придумавшему такой планъ, равно какъ и людямъ, напечатавшимъ его въ своемъ журналѣ, совсѣмъ еще не ясно, какимъ это образомъ освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ самыхъ рабочихъ. Для современныхъ соціал-демократовъ дѣло вполне понятно: *экономическое* освобожденіе пролетаріата явится слѣдствіемъ его *политическаго* господства, захвата имъ политической власти въ свои руки. Авторъ приведеннаго плана экономическаго освобожденія лионскихъ ткачей отводитъ главную роль въ этомъ освобожденіи правительству Наполеона III. По этому проѣкту оно должно было взять на себя починъ и постепенно приучить рабочихъ къ мысли о переселеніи въ деревни. Такимъ образомъ рабочіе явились бы пассивнымъ предметомъ благотѣльнаго воздѣйствія бонапартовскаго правительства. Это кореннымъ образомъ расходится со взглядами соціал-демократовъ, не говоря уже объ экономической сторонѣ проѣкта, не выдерживающей никакой критики. Но появленіе такихъ проѣктовъ на страницахъ „Современника“ было, если угодно, понятно и естественно. Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ Чернышевскій на всеобщее избирательное право. Онъ не считалъ его необходимымъ орудіемъ пролетаріата въ борьбѣ съ буржуазіей. Для кого неясно значеніе всеобщаго избирательнаго права въ этой борьбѣ, для того неясны и вообще всѣ ея политическія задачи неочевидна и необходимость сплоченія пролетаріата въ особую политическую партію съ цѣлью захвата власти въ будущемъ. А при такихъ условіяхъ даже самый искренній сторонникъ рабочаго класса по необходимости будетъ колебаться, когда рѣчь пойдетъ о практическихъ мѣрахъ для улучшенія участи рабочихъ. Онъ будетъ отъ души сочувствовать ихъ революціонному движенію; но въ мирное

*) Совр. 1861 г. май, иностр. литер., стр. 22 и 23.

время онъ не откажется передать все дѣло улучшенія ихъ участи въ руки существующихъ правительствъ: не ясно понимая политическія задачи рабочихъ, онъ не можетъ ясно понять и значенія ихъ политической *самодѣятельности*. Вообще можно сказать, что пониманіе современныхъ задачъ пролетаріата лучше всего обнаруживается въ сужденіяхъ о тактикѣ этого класса въ *мирное, спокойное время*. Чтобы сочувствовать революціонному взрыву рабочихъ нужно только не быть заинтересованнымъ въ поддержаніи буржуазнаго строя. Но чтобы составить себѣ ясное понятіе о тактикѣ, которой рабочіе должны держаться въ то время, когда революцій нѣтъ и еще не предвидится, — нужно хорошо выяснить себѣ всѣ задачи, всѣ условія и весь ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса. Чернышевскому все это было еще не ясно; отсюда и появленіе на страницахъ „Современника“ прозрѣтовъ, подобныхъ вышеприведенному.

Замѣчательно, что нашъ авторъ, энергически отстаивая государственное вмѣшательство въ экономическія отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, нигдѣ не упоминаетъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня. Этой сторонѣ дѣла онъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія или, лучше сказать, вовсе не задумывался надъ ней.

Теперь мы достаточно выяснили социалистическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго. Для читателей, знакомыхъ съ западнымъ движеніемъ и съ западно-европейской социалистической литературой, интересно будетъ, можетъ быть, отмѣтить здѣсь то обстоятельство, что нашъ авторъ видѣлъ въ Прудонѣ „полнаго представителя умственнаго положенія, до котораго возвышается на Западѣ простолюдинъ.“ Чернышевскій вовсе не поклонникъ Прудона. Онъ замѣчаетъ его слабыя стороны, его колебанія, его непослѣдовательность. „Но во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній“ *). О какихъ „простолюдинахъ“ говоритъ здѣсь Чернышевскій? Имѣеть-ли онъ въ виду крестьянъ, мелкихъ независимыхъ ремесленниковъ, или пролетаріевъ въ собственномъ смыслѣ слова? Онъ говоритъ о нихъ вообще, не дѣлая никакого различія между различными слоями трудящагося населенія, потому что всѣ они, какъ мы видѣли, сливались въ его умѣ въ одно общее представленіе о „простолюдинѣ.“ Не такъ смотрятъ на это дѣло новѣйшіе социалисты. Еще въ 48 году Марксъ и Энгельсъ въ своемъ „Манифестѣ коммунистической партіи“ указали на рѣзкое различіе между крестьянами и ремесленниками съ одной стороны и пролетаріатомъ съ другой. Для авторовъ Манифеста крестьяне и мелкіе ремесленники въ томъ

*) Антрополог. принципы въ философіи, стр. 21, 24.

случаѣ, когда они отстаиваютъ экономическія особенности своего положенія и не переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, являются *реакціонерами, стремящимися повернуть назадъ колесо исторіи*. Только въ пролетаріатѣ видятъ Марксъ и Энгельсъ истинно революціонный классъ современнаго общества. Сообразно съ этимъ и въ Прудонѣ Марксъ и Энгельсъ могли видѣть, пожалуй, представителя западно-европейскихъ простолюдиновъ, но простолюдиновъ, поставленныхъ въ особыя условія мелкобуржуазнаго производства. Соціализмъ Прудона казался Марксу соціализмомъ мелкой буржуазіи или, если угодно, крестьянъ, этихъ мелкихъ буржуа земледѣлія. Непослѣдовательность и шаткость мысли Прудона Марксъ объяснялъ не тѣмъ, что до него не дошло послѣднее слово науки, а тѣмъ, что предрасудки и предубѣжденія, вынесенныя имъ изъ мелкобуржуазной среды, лишили его возможности понять это слово даже въ томъ случаѣ, еслибы оно и дошло до него *). Различіе въ отношеніяхъ къ Прудону Маркса и Чернышевскаго прекрасно рисуетъ различіе въ ихъ отношеніяхъ ко всему западно-европейскому рабочему движенію.

VI

Мы знаемъ теперь отношеніе Чернышевскаго къ тѣмъ „нашимъ общимъ великимъ западнымъ учителямъ“, у которыхъ русскому человѣку и въ настоящее время приходится старательно учиться. Мы знаемъ, что на выработку взглядовъ Чернышевскаго имѣла огромное вліяніе нѣмецкая философія. Мы знаемъ также, въ какой періодъ развитія нѣмецкой философіи изучалъ ее нашъ авторъ: въ періодъ перехода отъ идеализма къ матеріализму. Въ этотъ переходной періодъ новѣйшіе матеріалистическіе взгляды далеко еще не дошли до той степени выработанности, ясности и послѣдовательности, на какую возвели ихъ впоследствии труды Маркса и Энгельса. Это очень замѣтно отразилось на воззрѣніяхъ Чернышевскаго. Сравнивая ихъ съ ученіемъ той самой школы, которая развилась впоследствии изъ ученія Фейербаха, мы находимъ въ нихъ много пробѣловъ, много неясностей и непослѣдовательностей. Историческіе и соціалистическіе взгляды Чернышевскаго ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны удовлетворительными съ точки зрѣнія современной намъ европейской науки. Тотъ, кто вздумалъ бы держаться ихъ въ настоящее время, былъ бы совершенно отсталымъ человекомъ. Но, говоря это, мы вовсе не хотимъ осуждать великаго русскаго писателя. Его развитію сильно помѣшало то обстоятельство, что онъ жилъ въ странѣ отсталой во всѣхъ отношеніяхъ, до которой часто совершенно не доходили новѣйшія открытія и направленія общественной науки. Въ окружавшей же его обстановкѣ не было никакихъ матеріаловъ для самостоятельныхъ открытій въ этомъ смыслѣ. Кромѣ того нужно помнить, что переворотъ сдѣланный въ общественной наукѣ Марксомъ и Эн-

*) См. „Ницету Философіи“ (пятый выпускъ „Библиотеки Современнаго Соціализма.“)

гельсомъ не сразу былъ по достоинству оцѣненъ даже самыми даровитыми людьми Западной Европы. Лассаль находился въ условіяхъ, очень благоприятныхъ для его общественнаго и политическаго развитія, онъ былъ близко знакомъ съ основателями новѣйшаго социализма, ему, повидимому, достаточно было только усвоить мысли, выработанныя другими и совершенно доступныя для него по обстоятельствамъ его жизни, и однако мы встрѣчаемся въ его сочиненіяхъ со множествомъ вопіющихъ противорѣчій. Въ своихъ большихъ сочиненіяхъ (*Philosophie Heraclei'os des I unkeln, System der erworbenen Rechte*), онъ является чистѣйшимъ идеалистомъ и толкуетъ о *саморазвитіи понятій* (*Selbstentwicklung der Begriffe*). Въ своихъ агитаціонныхъ брошюрахъ онъ уже гораздо ближе къ новѣйшему материализму, онъ уже почти цѣликомъ признаетъ всѣ его положенія, но тѣмъ не менѣе и въ этихъ брошюрахъ его много неясности и непоследовательности. Во сколькихъ поправкахъ нуждается теперь главное его полемическое сочиненіе „Бастія-Шульце“! Лассалья приходится признавать такимъ же представителемъ переходной эпохи въ развитіи философской социалистической мысли, какимъ былъ и Чернышевскій. Но пробѣлы и противорѣчія во взглядахъ Лассалья не помѣшали ему оказать существенную услугу развитію своей страны. Не помѣшала въ этомъ и Чернышевскому неполная выработанность его взглядовъ. Въ настоящее время, стоя на точкѣ зрѣнія Маркса, мы можемъ осуждать очень многое въ теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ планахъ Чернышевскаго. Но для его времени и для его страны даже тѣ его взгляды, которые мы должны теперь признать ошибочными, все таки были въ высшей степени важными и благотворными, потому что они будили русскую мысль и толкали ее на тотъ путь, на который ей не удалось выступить въ предшествующій періодъ: на путь изслѣдованія общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Въ политической экономіи, въ исторіи, даже въ эстетикѣ и литературной критикѣ Чернышевскій все таки высказалъ множество такихъ важныхъ мыслей, которыя и до сихъ поръ еще не усвоены во всемъ ихъ объемѣ и не разработаны, какъ слѣдуетъ, русской литературой. Чтобы опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе всего, что сдѣлалъ Чернышевскій для развитія русской мысли, достаточно будетъ указать на слѣдующій фактъ, который признаетъ безспорнымъ всякій, кто знакомъ съ состояніемъ литературы за послѣднія тридцать лѣтъ. Ни русскіе социалисты въ огромнѣйшемъ числѣ своихъ фракцій и направленій, ни легальная русская критика и публицистика не сдѣлали ни шагу, буквально ни шагу впередъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась литературная дѣятельность Чернышевскаго. Въ его статьяхъ вы найдете всѣ тѣ мысли и взгляды, распространеніе которыхъ составило славу передовыхъ писателей слѣдующаго періода. Писатели эти не сдѣлали никакихъ поправокъ ко взглядамъ Чернышевскаго, да и не могли сдѣлать ихъ, потому что ихъ міросозерцанію свойственны были еще въ гораздо большей степени всѣ тѣ недостатки, какими отличалось міросозерцаніе Чернышевскаго. Слабая сторона взглядовъ Чернышевскаго обуславливалась тѣмъ, что онъ не знакомъ былъ съ новѣйшимъ направленіемъ философской мысли западной Европы, съ ученіемъ

Маркса и Энгельса. Но хорошо ли усвоили это учение литературные вожаки послѣдующаго періода? Они заговорили о непримѣнности къ намъ западно-европейскихъ теорій, о „субъективномъ методѣ“ въ социологіи, объ особенностяхъ русскаго экономическаго быта, объ ошибкахъ Запада, словомъ явились болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе усердными проповѣдниками того народническаго ученія, которое навѣрное, показалось бы Чернышевскому самой неудобоваримой мистикой*). Разъ свихнувши въ сторону народничества, передовые представители русской мысли не могли даже и задуматься о серьезной критикѣ Чернышевскаго. Напротивъ, они часто съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, отстаивали именно тѣ его взгляды, которые составляли его ошибки, показывали отсталость его отъ западно-европейской науки. Удивительна судьба гениальныхъ или просто даже даровитыхъ людей, имѣвшихъ замѣтное вліяніе на умственное развитіе своей страны! Ихъ послѣдователи и почитатели часто усваиваютъ именно ихъ ошибки и заблужденія, и затѣмъ отстаиваютъ ихъ со всѣмъ энтузіазмомъ, возбуждаемымъ великимъ именемъ. Примѣрамъ подобнаго, на первый взглядъ очень страннаго, пристрастія учениковъ къ ошибкамъ ихъ учителей положительно изобилуетъ исторія умственнаго развитія человѣчества. За что ухватилась правая сторона гегелевской школы? За промахи и нопослѣдовательность гениальнаго философа. Что съ особенною настойчивостью пережевывали такъ называемые позитивисты? Схоластическую часть ученія Огюста Конта (да простятъ намъ читатели по-истинѣ святотатственное сопоставленіе Конта съ Гегелемъ). Что мѣшало нѣмецкимъ лассальянцамъ соединиться съ фракціей Либкнехта-Бебеля? Пристрастіе къ политическимъ ошибкамъ и къ экономическимъ утопіямъ Лассалья. Положительно обскуранты оклеветали человѣческій умъ, приписывая ему вѣчное движеніе впередъ и вѣчное недовольство существующимъ! Въ дѣйствительности, онъ оказывается самымъ лѣнливымъ изъ всѣхъ консерваторовъ.

Но возвратимся къ нашему автору. Зная теперь общій характеръ его взглядовъ, зная достоинства и недостатки свойственнаго ему пониманія „высшихъ идей правды, науки, искусства“, мы легко можемъ дать себѣ отчетъ объ его литературной дѣятельности.

Мы уже сказали, что, готовя свою диссертацию объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“, Чернышевскій занимался переводами и другими литературными работами, главнымъ образомъ, для „Отечественныхъ Записокъ“. Появленіе въ печати его диссертации обратило на него вниманіе редакціи „Современника“, изда-

*) Аристовъ въ своей книгѣ о Щаповѣ разсказываетъ, что Чернышевскій, заинтересовавшись сочиненіями Щапова, искалъ знакомства съ нимъ и встрѣтивъ его у одного близкаго пріятеля, велъ съ нимъ длинный споръ. Споръ этотъ показалъ Чернышевскому, что сотрудникъ „Современника“ Щаповъ быть не можетъ: такъ сильно расходился ихъ взглядъ. Но какъ относились къ Щапову вполнѣдствіи тѣ самыя люди, которые считали себя горячими поклонниками Чернышевскаго? Щаповскіе взгляды на русскую исторію явились составною частью народническаго ученія, и наши народники, продолжая „уважать“ Чернышевскаго, даже не потрудились спросить себя, — не существуетъ-ли противорѣчія между его взглядами и щаповскою идеализаціей старинной народной жизни?

вавшася съ 1847-го г. Некрасовымъ и Панаевымъ. Чернышевскому предложили постоянное сотрудничество въ этомъ журналѣ и даже отдали въ его завѣдываніе весь критическій отдѣлъ. Впослѣдствіи, когда „Современнику“ позволили въ 1859 г. писать о политикѣ, Чернышевскій завѣдывалъ и политическимъ отдѣломъ. За Некрасовымъ и Панаевымъ навсегда останется та огромная заслуга, что они не сторонились, какъ это дѣлали многіе другіе „друзья Бѣлинскаго“, отъ людей, продолжавшихъ его дѣло. Само собою разумѣется, что редакціи не пришлось жалѣть о томъ, что она сошлась съ Чернышевскимъ. Уже въ декабрьской книжкѣ Современника за 1855 годъ появилась первая статья изъ того, уже много разъ упомянутого ряда „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, который представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Чернышевскаго и до сихъ поръ остается лучшимъ пособіемъ для всякаго, желающаго познакомиться съ критикой гоголевскаго періода. Вторая статья изъ этого замѣчательнаго ряда очерковъ была напечатана въ январской, третья въ февральской, четвертая въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за слѣдующій годъ. Въ этихъ четырехъ статьяхъ была сдѣлана оцѣнка литературной дѣятельности Полевого, Сенковскаго, Шевырева, и Надеждина. Въ іюльской книжкѣ авторъ перешелъ къ Бѣлинскому, которому и посвящены остальные пять очерковъ. Въ этихъ статьяхъ имя Бѣлинскаго впервые названо въ печати послѣ 1848 года, когда на Бѣлинскаго стали смотрѣть, какъ на запрещеннаго писателя. Съ появленіемъ „Очерковъ“ можно было съ отрадной увѣренностью и, ни мало не преувеличивая дѣла, сказать, что у Бѣлинскаго есть достойный преемникъ. Съ тѣхъ поръ какъ Чернышевскій выступилъ въ качествѣ критика и публициста „Современника“, за этимъ журналомъ снова было обезпечено преобладающее мѣсто между русскими періодическими изданіями, принадлежавшее ему при жизни Бѣлинскаго. „Современнику“ съ интересомъ и уваженіемъ внимала передовая часть читающей публики, къ нему естественно тяготѣли всѣ свѣжія, нарождающіяся литературныя силы. Такъ въ половинѣ 1856 года въ немъ сталъ писать молодой Добролюбовъ. Людямъ нашего времени трудно даже представить себѣ, какъ велико было тогда у насъ значеніе журналистики. Теперь общественное мнѣніе значительно уже переросло журналистику; въ 40-хъ годахъ оно еще не успѣло дорости до нея. Конецъ же 50-ыхъ и начало 60-ыхъ годовъ является эпохой наибольшаго согласія между общественнымъ мнѣніемъ и журналистикой и наибольшаго вліянія журналистики на общественное мнѣніе. Только при такомъ условіи и возможно было то горячее увлеченіе литературной дѣятельностью и та искренняя вѣра въ значеніе литературной пропаганды, которыя замѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ выдающихся писателяхъ. Короче, это былъ золотой вѣкъ русской журналистики. Несчастныи исходъ крымской войны заставилъ правительство сдѣлать нѣсколько уступокъ образованному обществу и совершить, по крайней мѣрѣ, самыя насущныя, давно уже ставшія необходимыми реформы. Вскорѣ на очередь поставленъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ затрогивающій интеле-

ресы всѣхъ сословій. Нужно ли говорить, что Николай Гавриловичъ съ жаромъ принялся за разработку этого вопроса? Къ 1857—58 гг. относятся его замѣчательныя статьи о крестьянскомъ дѣлѣ. Какъ много написано имъ по этому поводу, видно изъ того, что въ отдѣльномъ заграничномъ изданіи статьи эти составляютъ большой томъ очень убористой печати. Теперь довольно уже хорошо извѣстно взаимное отношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ эпоху уничтоженія крѣпостного права. Поэтому мы будемъ говорить о немъ лишь мимоходомъ, лишь поскольку это нужно для выясненія роли, принятой на себя въ этомъ дѣлѣ нашей передовой журналистикой, во главѣ которой стоялъ тогда Н. Г. Чернышевскій. Всѣмъ извѣстно, что эта журналистика горячо отстаивала крестьянскіе интересы. Нашъ авторъ писалъ одну за другой статьи, въ которыхъ отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землею и утверждалъ, что выкупъ земель, отходящихъ въ надѣль крестьянамъ, не можетъ представить для правительства никакой трудности. Онъ доказывалъ это положеніе и общими теоретическими соображеніями и самими подробными примѣрами вычисленіями. „Какимъ это образомъ выкупъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ можетъ онъ превышать силы народа? Это не правдоподобно — писалъ онъ въ статьѣ „Труденъ-ли выкупъ земли?“ Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва-ли представляетъ стоимость во сто миліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе, какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно бы было выкупить у когонибудь всю Францію, они могли бы сдѣлать это въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только одну пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупить со всѣми ея богатствами? Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю? Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе“ и т. д.*). Показавъ затѣмъ, что земли подлежащія выкупу составляли бы не болѣе шестой части пространства, занимаемаго Европейской Россіей, онъ предлагаетъ цѣлыхъ восемь плановъ выкупной операціи. По его словамъ, принявши одинъ изъ этихъ плановъ, правительство могло бы выкупить надѣльныя

*) См. статью „Труденъ ли выкупъ земли“ въ пятомъ томѣ заграничнаго изданія соч. Чернышевскаго.

земли не только безъ обремененія крестьянъ, но и съ большою выгодною для государственнаго казначейства. Въ основѣ всѣхъ плановъ Чернышевскаго лежало соображеніе о „необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ при опредѣленіи величина выкупа“. Мы знаемъ теперь, насколько наше правительство имѣло въ виду интересы крестьянства при уничтоженіи крѣпостнаго права и насколько оно послѣдовало совѣтамъ Чернышевскаго относительно умѣренности при опредѣленіи выкупныхъ платежей. Статистика показываетъ, что въ среднемъ, платежи, лежащіе на крестьянскихъ земляхъ, значительно превышаютъ ихъ доходность. Она показываетъ также, что платежами обременены главнымъ образомъ земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Отсюда ясно, что если при освобожденіи крестьянъ наше правительство ни на минуту не позабыло выгодъ государственнаго казначейства, то объ интересахъ крестьянъ оно думало очень мало. При выкупной операціи имѣлись въ виду исключительно только фискальные и помѣщичьи интересы. И это совершенно понятно, такъ какъ никому нѣтъ ни нужды, ни охоты думать объ интересахъ того сословія (въ данномъ случаѣ крестьянскаго), которое само не можетъ энергично и систематически отстаивать ихъ. Но въ ту пору, когда еще только шли толки о крестьянскомъ освобожденіи, самые передовые люди Россіи думали нѣсколько иначе. Имъ казалось, что само правительство безъ большого труда могло бы понять, до какой степени его собственныя выгоды совпадаютъ съ интересами крестьянства. Подобныя надежды довольно долго питалъ, между прочимъ, Герценъ. Питалъ ихъ и Чернышевскій. Отсюда происходила и та настойчивость, съ которою онъ возвращался въ своихъ статьяхъ къ крестьянскому вопросу, и то усердіе, съ которымъ онъ выяснялъ правительству его собственные интересы. Но Чернышевскій былъ первымъ, по времени, русскимъ писателемъ, понявшимъ некрасивую и лицемѣрную роль русскаго правительства въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія. Уже въ 1858 году появилась его статья „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ съ многознаменательнымъ эниграфомъ изъ Фауста: wie weh' wie weh' wie wehe! Обыкновенно эта прекрасная статья разсматривается какъ самая энергическая и самая удачная защита общиннаго землевладѣнія, но мы взглянемъ на нее со стороны самаго принципа освобожденія крестьянъ съ землею. Статья эта показываетъ, что уже въ 1858 г. Чернышевскій потерялъ всякую надежду на удовлетворительное рѣшеніе правительствомъ крестьянскаго поземельнаго вопроса. „Я стыжусь самаго себя — говоритъ онъ въ началѣ этой статьи. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою я поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу. Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но онъ все таки составляетъ только одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, высшія гарантіи благосостоянія, нужны для

доставленія его дѣйствию простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самого ея полученія... Когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты“. Но это условіе не могло быть соблюдено въ дѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ, поэтому Чернышевскій и считалъ бесполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самое надѣленіе крестьянъ землею. У кого оставалось бы какое нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, того совершенно убѣдитъ слѣдующій примѣръ, приводимый нашимъ авторомъ. „Предположимъ говорить онъ, обращаясь къ своему любимому способу объясненія посредствомъ „параболъ“ — предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ собственно изъ расположенія къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовленный изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ?... Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?... Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, которое приноситъ вамъ только раззореніе!*)

Еслибы читатель, не довольствуясь приведенными выписками, захотѣлъ составить себѣ еще болѣе ясное представленіе о томъ, до какой степени и какъ рано Чернышевскій разочаровался въ крестьянской „эмансипаціи,“ то мы указали бы ему на романъ „Прологъ пролога,“ изданный въ 1877 году редакціей журнала „Впередъ!“ и написанный Чернышевскимъ, какъ кажется, значительно раньше романа „Что дѣлать?“. „Прологъ пролога“ — это собственно не романъ, а записки автора, относящіяся именно къ эпохѣ уничтоженія крѣпостного права. Подъ вымышленными именами графа Чаплина, Рязанцева, Савелова, Левицкаго, Соколовскаго и т. д. выступаютъ

*) См. пятый томъ женевскаго изданія соч. Чернышевскаго, стр. 472—478.

извѣстные литературные и политическіе дѣятели той эпохи. Кромѣ того, подъ именемъ Волгина Чернышевскій изобразилъ самого себя, и это придаетъ большой біографическій интересъ | его роману-запискамъ. Не задаваясь цѣлью излагать содержаніе романа, мы укажемъ лишь на разговоры Волгина съ Нивельзиннымъ и Соколовскимъ, касавшіеся освобожденія крестьянъ. „Пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика — говоритъ Волгинъ Соколовскому, и на замѣчаніе его собесѣдника о томъ, что, напротивъ, разница колоссальная, такъ какъ помѣщичья партія противъ надѣленія крестьянъ землею, онъ рѣшительно отвѣчаетъ: „нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, еслибы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее человѣку — разница, но взять съ него плату за нее — все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, *въпротиву, меньше и обремененія для крестьянъ* *). У кого изъ крестьянъ есть деньги — тотъ купить себѣ землю. У кого нѣтъ — тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. *Это будетъ только раззорять ихъ*. Выкупъ таже покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли... Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ за того, кто станетъ освобождать ихъ, либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше**).

Въ разговорѣ съ Нивельзиннымъ Волгинъ выставляетъ другую сторону своего отношенія къ тогдашней постановкѣ крестьянскаго дѣла. „Толкуютъ: освободить крестьянъ — восклицаетъ онъ. Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ, — сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать... Испортишь дѣло, выйдетъ мерзость. Эхъ наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компанією! вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то...“ ***)

Эти разсужденія Волгина о преждевременности крестьянскаго освобожденія, конечно, ошибочны. Крѣпостное право было такимъ огромнымъ зломъ, оно до такой степени стѣсняло развитіе рѣшительно всѣхъ сторонъ общественной жизни тогдашней Россіи, что уничтоженіе его ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не могло быть преж-

*) Курсивъ повсюду въ этой выпискѣ нашъ.

***) Прологъ пролога, стр. 199.

***) Ibid. стр. 110. Собственно говоря, по ходу романа видно, что эти разсужденія Волгина относятся ко времени появленія статей Чернышевскаго о выкупѣ. Но въ такомъ случаѣ самый исходъ этихъ статей былъ бы необъяснимъ: кто станетъ отстаивать такіе проекты, которые самъ считаетъ совершенно несбыточными при данныхъ условіяхъ? Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что когда Чернышевскій писалъ свой романъ, то онъ незамѣтно для себя пріурочилъ съ и повдвѣйшіе взгляды на условія крестьянскаго освобожденія къ болѣе | аннему времени.

девременнымъ. Но для правильнаго пониманія взгляда Чернышевскаго на это дѣло нужно помнить, что тогдашнія событія могли представляться ему совсѣмъ не въ той перспективѣ, въ какой они представляются намъ теперь. Онъ питалъ, какъ кажется, нѣкоторую надежду на крестьянскія возстанія, а въ тоже самое время онъ, повидимому, считалъ возможнымъ очень быстрый ростъ крайней партіи, всецѣло стоявшей на сторонѣ крестьянства. Такимъ образомъ, освобожденіе могло казаться ему преждевременнымъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ оно успокоивало волненія крѣпостныхъ, то гордіевъ узелъ помѣщичьей власти не могъ уже быть разрубленъ топоромъ крестьянина а съ другой стороны крайняя демократическая партія не имѣла еще силы для серьезнаго давленія на правительство. Приобрѣтеніе партіей достаточной для этого силы могло казаться ему дѣломъ лишь нѣсколькихъ лѣтъ, и онъ могъ считать полезной кратковременную отсрочку освобожденія въ виду важности сулимыхъ ею результатовъ. Что революціонное движеніе въ тогдашней Россіи представлялось ему вполне возможнымъ, — на это есть совершенно ясныя намеки въ его статьяхъ, намеки, на которыхъ мы еще остановимъ вниманіе читателя, такъ какъ ими въ значительной степени объясняется направленіе его дальнѣйшей литературной дѣятельности.

Наши народники страшно идеализируютъ теперь русское крестьянство и съ поразительною легкостью открываютъ въ немъ рѣшительно всѣ тѣ свойства и стремленія, какія имъ хотѣлось бы въ немъ видѣть. Поэтому мы, не желая ни на мнунту уподоблять имъ Н. Г. Чернышевскаго, спѣшимъ прибавить, что онъ, не смотря на свою вѣру въ возможность крестьянской революціи, въ сущности все таки былъ далекъ отъ ложной идеализаціи народа. Тогдашняя Россія вообще представлялась ему не въ особенно пріятельномъ видѣ. Временами же онъ доходилъ до самаго рѣзкаго отрицательнаго отношенія къ своимъ соотечественникамъ. „Жалкая нація, жалкая нація -- восклицаетъ про себя въ „Прологъ пролога“ Волгинъ, подъ пменемъ котораго Чернышевскій изобразилъ, какъ мы сказали, самого себя — нація рабовъ, съ низу до верху все сплошь рабы“*). Даже и въ болѣе спокойныя минуты его не покидало сознаніе страшной неразвѣтности и забитости русскаго крестьянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямымъ наслѣдникомъ взглядовъ Бѣлинскаго, который подъ конецъ своей жизни говорилъ, что споры со славянофилами помогли ему „сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ“**). Чтобы не быть голословными, укажемъ на превосходную и очень поучительную статью Чернышевскаго „*Не начало-ли перемѣны?*“, въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ. Статья написана по поводу выхода отдѣльнаго изданія „Разказовъ“ Н. В. Успенскаго. Авторъ возстаетъ въ ней именно противъ „непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и попятій“. Подобнымъ влеч-

*) Стр. 209.

***) См. Панина: Бѣлинскій, его жизнь и переписка. СПб. 1876, т. II. стр. 324-325.

ченіемъ отличались, по его словамъ, повѣсти изъ народнаго быта Тургенева и Григоровича. Онъ сравниваетъ отношеніе этихъ писателей къ народу съ отношеніемъ Гоголя къ Акакію Акакіевичу. Гоголь умалчиваетъ о недостаткахъ своего героя, потому что считаетъ его недостатки совершенно непоправимыми. „Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идиотъ... Но говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ бесполезно и безсовѣстно... Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу... Будемъ молчать о его недостаткахъ“. Совершенно также относились къ народу Григоровичъ, Тургеневъ и всѣ ихъ подражатели. Всѣ народныя недостатки „прячутся, затушевываются, замазываются, налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастен!“*). Главной заслугой Н. В. Успенскаго въ глазахъ нашего автора являлось совершенное отсутствіе у него подобнаго отношенія къ народу. Чернышевскій замѣчаетъ, что Н. В. Успенскій „выставилъ русскаго простолюдина простофилю“, которому „трудно связать въ головѣ двѣ отдѣльныя мысли“. Но по его словамъ иначе и быть не можетъ. Не только русскіе, и западно-европейскіе поселяне отличаются страшною неразвитостью. Что же касается до качества „простофили“, то онъ „готовъ уличить въ немъ огромное большинство людей всякаго сословія“. Большинство людей всѣхъ сословій и всѣхъ странъ живетъ рутинной и обнаруживаетъ крайнюю несообразительность едва только случится ему выдти изъ обычнаго круга представленій. Чтобы давать намъ вѣрныя дѣйствительности изображенія народной жизни, литература не должна закрывать глазъ на отрицательныя стороны народнаго характера. Въ разказахъ Н. В. Успенскаго — которые, замѣтимъ мы отъ себя, нерѣдко доходили до шаржа — Чернышевскій видитъ „начало переменъ“ въ отношеніяхъ литературы къ народу, а въ самомъ авторѣ этихъ разказовъ онъ привѣтствуетъ появленіе новаго слоя образованныхъ русскихъ людей, умѣющихъ обращаться и толковать съ крестьянами не въ качествѣ добрыхъ и снисходительныхъ господъ, а совершенно запросто, какъ равные съ равными. Онъ многого ждетъ отъ появленія этого слоя.

Казалось бы, что взглядъ на крестьянство, какъ на сословіе „простофилей“, исключаетъ всякую надежду на возможность революціоннаго движенія въ русскомъ народѣ. Но Чернышевскій нисколько не отказывается отъ этой надежды. Онъ категорически заявляетъ, что крестьяне крайне неразвиты или, по просту говоря, глупы. „Но не смѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа — говоритъ онъ въ концѣ статьи. Возьмите самаго дюжинаго... пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другого отѣнка, минуты энергичныхъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи cadaго народа.“

На такую то минуту отважныхъ рѣшеній и возлагалъ свои упованія Н. Г. Чернышевскій. Ему казалось, что уже не далека эта ми-

*) С. 1. въ указанной книжкѣ отдѣлъ русской литературы, стр. 83.

нута, и совершенно также думали почти все лучшие люди того времени. На этой уверенности основывались возникавшие в начале шестидесятых годов тайные революционные общества. Она поддерживалась частью волнениями освобождаемых крестьян, упорно ожидавших „настоящей воли“, частью положением дѣлъ на Западѣ. Итальянскія событія, Сѣверо-Американская война, сильное политическое брожение въ Австріи и Пруссіи, — все это могло дать повод думать, что реакція, царствовавшая съ 1849 г., будетъ, наконецъ, побѣждена новымъ освободительнымъ движеніемъ. А при этомъ позволительно было надѣяться, что европейскія событія увлекутъ и Россію. Вѣдь такъ легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить! Чернышевскій и его единомышленники еще не сознавали того, что политическія движенія Запада могутъ служить полезнымъ толчкомъ для внутренняго развитія Россіи только при одномъ необходимомъ условіи: именно, если ея внутреннія и прежде всего экономическія отношенія хотя до нѣкоторой степени уподобятся отношеніямъ Запада. Теперь это подобіе уже существуетъ и можно сказать ежечасно увеличивается. Но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до этого было еще далеко. Поэтому освободительныя движенія Запада могли тогда усилить скорѣе русскій застой, чѣмъ русскій прогрессъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Россія еще могла бы снова попытаться взять на себя роль европейскаго жандарма, такъ блистательно исполненную ею въ 1848-49 гг.

VII

Если при всей горячей любви къ народу нашъ авторъ умѣлъ трезвыми глазами взглянуть на его недостатки, то можно представить себѣ, какъ относился онъ къ дворянству и къ довольно сильно кричавшей тогда либеральной партіи. Тутъ онъ былъ совершенно безпощаденъ. Мы уже привели отзывъ Волгина о либеральномъ Рязанцевѣ съ братіей. Подобныхъ отзывовъ множество въ „Прологѣ пролога“. Вообще Чернышевскій не упускалъ случая посмѣяться въ своихъ статьяхъ надъ русскими либералами и печатно заявить, что ни онъ, ни вся крайняя партія не имѣютъ съ ними ничего общаго. Трусость, недалковидность, узкость взглядовъ, бездѣятельность и болтливая хвастливость — вотъ отличительныя качества, какія онъ видѣлъ въ тогдашнихъ либералахъ. Такая характеристика почти дословно сдѣлана имъ въ статьѣ „Русскій человѣкъ на rendez-vous“, напечатанной въ „Атенеѣ“ 1858 года. Она написана по поводу повѣсти Тургенева „Ася“, но такъ какъ „Ася“ появилась въ „Современникѣ“, то Чернышевскій и не счелъ удобнымъ писать о ней въ своемъ журналѣ. О самой повѣсти въ статьѣ говорится очень немного, лучше сказать почти ничего. Авторъ обращаетъ вниманіе только на сцену любовнаго объясненія героя повѣсти съ Асей и по поводу этой сцены передается своимъ „размышленіямъ“. Читатели помнятъ, конечно, что

въ рѣшительную минуту тургеневскій герой струсилъ и пошелъ на попятную. Вотъ это-то обстоятельство и наводитъ Чернышевскаго на его „размышленія“. Онъ замѣчаетъ, что нерѣшительность и трусость составляютъ отличительное свойство не одного только этого героя, но и большинства героев нашихъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній. Онъ вспоминаетъ о Руднѣ, о Бельтовѣ, о просвѣтителѣ некрасовской Саши и во всѣхъ видитъ то же самое свойство. Онъ не винитъ за него беллетристовъ, такъ какъ они отмѣчали лишь то, что на каждомъ шагу встрѣчается въ дѣйствительности. Мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, поэтому не имѣютъ его и дѣйствующія лица беллетристическихъ произведеній. А мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, потому что нѣтъ у нихъ привычки къ участию въ общественныхъ дѣлахъ. „Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиною или шесть, а иные и больше футовъ роста; они оглаживаютъ или брѣютъ волосы на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображаемъ, что видимъ передъ собою мушницъ. Это совершенное заблужденіе, оптической обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участию въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенка мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола, среднихъ а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мушциною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мушциною благороднаго характера.“ У людей, развитыхъ, образованныхъ и *либеральныхъ* недостатокъ благороднаго мужества бросается въ глаза еще больше, чѣмъ у людей темныхъ, потому что развитой и либеральный человекъ любитъ поговорить о матеріяхъ важныхъ. Онъ говоритъ съ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не начнется рѣчь о переходѣ отъ словъ къ дѣлу.“ Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства, — большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и коснѣющимъ языкомъ выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ. Но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ, — при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что какъ это можно такъ скоро, и при томъ они же честные люди, и не только честные, но очень смиренные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не

можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они никакъ не ждали и не ожидали и проч.“

Намъ никогда не случалось читать такой злой и вмѣстѣ до такой степени мѣткой характеристики російскаго либерализма. Что сказалъ бы Н. Г. Чернышевскій тѣмъ немалочисленнымъ теперь у насъ людямъ, которые, называя себя революціонерами, возлагаютъ всѣ свои упованія на либеральное „общество“ и всѣми правдами и неправдами стараются превратить нашу революціонную партію въ партію солидныхъ и умѣренныхъ либераловъ? Вѣдь русскіе либералы мало измѣнились съ того времени, когда „Современникъ“ осыпалъ ихъ своими сарказмами.

Для безпристрастія нужно, однако, прибавить, что нашъ авторъ относился презрительно не къ однимъ только русскимъ либераламъ. Въ превосходныхъ политическихъ обзорѣніяхъ, которыя онъ писалъ для „Современника“ до самаго конца своей жизни на свободѣ, нашъ авторъ постоянно обнаруживалъ самое безпощадное презрѣніе ко всѣмъ вообще европейскимъ либераламъ. Въ особенности доставалось либераламъ австрійскимъ (т. е. либеральной партіи австрійскихъ нѣмцевъ), прусскимъ и итальянскимъ. Въ статьяхъ по исторіи Франціи онъ, какъ извѣстно, также не выказалъ большого уваженія къ либеральной партіи. Все это, разумѣется, не могло нравиться представителямъ російскаго либерализма и они въ борьбѣ съ нимъ употребляли тотъ приемъ, къ которому такъ часто прибѣгаютъ либералы всѣхъ странъ въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми, ушедшими дальше ихъ въ политикѣ: они упрекали его въ нелюбви къ свободѣ и даже въ симпатіяхъ къ деспотизму. Конечно, подобные упреки со стороны либераловъ могли только смѣшить Чернышевскаго. Онъ такъ мало боялся ихъ, что временами какъ бы вызывалъ своихъ противниковъ на новые упреки, дѣлая впдѣ, что признаетъ ихъ вполне справедливыми. „Для насъ нѣтъ лучшей забавы какъ либерализмъ — говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ политическихъ обзорѣній — такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними“*). И онъ начинаетъ потѣшаться надъ прусскими либералами, которые, по его мѣткому замѣчанію, сердились на то, что политическая свобода въ Пруссіи „не водворяется сама собою“**). Но такіа „потѣхи“ не мѣшали внимательному читателю понимать, что не недостаткомъ любви къ свободѣ вызывалось презрительное отношеніе Чернышевскаго къ либерализму. Достаточно было прочесть хоть нѣкоторыя изъ его политическихъ обзорѣній, чтобы увидѣть, какъ горячо сочувствовалъ онъ всякимъ освободительнымъ движеніямъ, гдѣ бы они ни начинались: во Франціи или въ Италіи, въ Америкѣ или въ Венгріи. Онъ думалъ только, что роль либераловъ въ такихъ движеніяхъ бываетъ обыкновенно очень некрасива. Сами они дѣлаютъ очень мало, часто даже тормозятъ усилія другихъ, нападая на людей болѣе чѣмъ они смѣлыхъ и рѣшительныхъ. За то впоследствии, когда, благодаря успіямъ этихъ рѣшительныхъ людей,

*) Современникъ, 1862 мартъ, Политика, стр. 188.

***) Современ. 1862 г. апрѣль Политика, стр. 357.

борьба близится къ концу и побѣда кажется несомнѣнной, либералы стараются протиснуться на первый планъ и полакомиться каштанами, вынутыми изъ огня руками „фанатиковъ“. Кто не знаетъ, что либералы всегда и всюду вели себя подобнымъ образомъ? Кто не знаетъ, что эти люди и въ политикѣ остаются такимъ же *эксплуататорами*, какими являются въ области экономіи, гдѣ они принадлежатъ обыкновенно къ классу дѣльцовъ и предпринимателей? Вотъ за эти-то эксплуататорскія наклонности и ненавидѣлъ ихъ Чернышевскій. И эта-то ненависть къ *эксплуататорамъ* и сквозитъ на каждой страницѣ его политическихъ обзорѣній. Мы, съ своей стороны, пожалѣемъ не о томъ, что Чернышевскій высказывался на этотъ счетъ ясно и опредѣленно, а развѣ лишь о томъ, что послѣ него никто изъ нашихъ политическихъ обзорѣвателей не высказывался уже съ такою ясностью и опредѣленностью. Политическія понятія нашей передовой журналистики вообще страшно спутались и измельчали въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Поэтому уже ни въ одномъ русскомъ журналѣ не было потомъ такихъ прекрасныхъ политическихъ обзорѣній, какія писалъ Чернышевскій для „Современника“. Въ этихъ обзорѣніяхъ съ особою силою сказывается его выдающійся умъ и его трезвый взглядъ на вещи. Въ нихъ онъ почти никогда не отступаетъ отъ того безспорнаго положенія, что „*ходъ исторіи опредѣляется реальными отношеніями силъ*“ *) и, исходя изъ него, дѣлаетъ точный анализъ внутреннихъ пружинъ современной ему политической жизни цивилизованныхъ странъ. Одно только замѣчаніе можно сдѣлать по поводу обзорѣній Чернышевскаго. Ему случалось, конечно, ошибаться въ тѣхъ или другихъ своихъ политическихъ предсказаніяхъ: такъ, напримѣръ, онъ не допускалъ, что междоусобная война въ Сѣверной Америкѣ можетъ затянуться надолго и еще въ началѣ 1862 г. писалъ, что эту войну можно считать уже окончившеюся полной побѣдой Сѣвера. Но кто же не ошибается въ предсказаніяхъ подобнаго рода? Въ общемъ онъ все таки обнаружилъ большую политическую проницательность и замѣчательно вѣрно оцѣнивалъ взаимныя отношенія различныхъ государствъ и различныхъ политическихъ партій. Не предвидѣлъ и не предсказалъ онъ только той выдающейся политической роли, которую въ самомъ близкомъ будущемъ (со времени основанія Международнаго Общества Рабочихъ въ 1864 г.) предстояло взять на себя рабочему классу во всѣхъ передовыхъ странахъ. Этотъ *революціонеръ по принципу*, утверждавшій, что во внутреннихъ дѣлахъ каждой страны, какъ и между отдѣльными государствами, всѣ важныя споры рѣшаются въ концѣ концовъ *войною***), не видѣлъ еще, до какой степени всѣ революціонныя силы современныхъ цивилизованныхъ обществъ соединяются въ одномъ только рабочемъ классѣ. Онъ все еще слишкомъ склоненъ былъ возлагать преувеличенныя надежды на „лучшихъ людей“ изъ другихъ

*) Читатель помнитъ, вѣроятно, что Лассаль въ своей рѣчи „О сущности конституціи“ почти тѣми самыми словами говоритъ объ *отношеніяхъ силъ*, какъ о существенной основѣ политическаго устройства каждой данной страны.

**) Современникъ 1862 г. апрѣль, Политика, 364 стр.

классовъ общества. Здѣсь обычная проницательность его парализовалась неопредѣленностью его взгляда на пролетаріатъ какъ на „простонародье“.

Однако, мы замѣчаемъ, что заговоривъ объ отношеніи нашего автора къ либерализму и къ либераламъ, мы уклонились далеко въ сторону. Эта интересная тема заставила насъ забыть о послѣдовательности въ изложеніи. Пospѣшимъ же загляднть нашу ошибку.

И прежде всего, опять таки въ видахъ безпристрастія, скажемъ, что трусость русскихъ либераловъ болѣе бросалась въ глаза только благодаря ихъ склонности къ возвышеннымъ разглагольствованіямъ. На дѣлѣ же и реакціонная „помѣщичья партія“ — не отличалась большею храбростью. Чернышевскій не имѣлъ ирямыхъ сношеній съ нашими „аристократами“. „Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Онъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, нагле“*). Въ эпоху освобожденія крестьянъ было поставлено на карту все то, что эти люди считали своими важнѣйшими интересами. Они фрондировали и громко кричали: „не позволимъ, не допустимъ! — не хотимъ и не посмѣютъ! — Пусть посмѣютъ и увидятъ, что такое значить прогнѣвать русское дворянство!“. Но едва правительство прикрикнуло на нихъ, они тотчасъ поджали хвостъ, „присмирѣли, будто были разбиты параличемъ“. Чернышевскому, „какъ демократу“ было и смѣшно, и пріятно видѣть такое превращеніе. „Онъ не любилъ дворянства, но бывали мннуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно-ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ?**)

VIII

Такъ относился Чернышевскій къ различнымъ сословіямъ и партіямъ современной ему Россіи. И чѣмъ больше проникался онъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ, тѣмъ рѣзче становился тонъ его статей, тѣмъ беспощаднѣе дѣлались его насмѣшки, тѣмъ чаще бросался онъ въ полемику. Полемизировать онъ вообще очень любилъ. По его словамъ, даже друзья его всегда замѣчали въ немъ чрезвычайную, „по ихъ мнѣнію даже излишнюю любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою“***). Полемика всегда казалась ему очень удобнымъ, а пожалуй даже необходимымъ орудіемъ для проведенія въ общество новыхъ понятій. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ какъ будто избѣгалъ полемики.

*) Такъ говоритъ въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій о Волгинѣ.

**) Прологъ пролога, стр. 208-209.

***) Соч. т. V стр. 472. Въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“, онъ оправдываетъ предшественника Бѣлинскаго, Надеждина, отъ упрековъ, которые многіе дѣлали ему за его страсть къ рѣзкой полемикѣ. „Зачѣмъ Надоумко (псевдонимъ Надеждина) г о

„Очерки гоголевскаго періода русской литературы“ написаны спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. Только къ Шевыреву, извѣстному московскому критику временъ Бѣлинскаго, относится онъ съ ѣдкой ироніей, да еще о Сенковскомъ (баронѣ Брамбеусѣ) высказывается съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ о человѣкѣ, затратившемъ свои огромныя силы на бесплодное литературное фиглярство. О другихъ же писателяхъ гоголевской эпохи онъ отзывается большею частью съ похвалою. Даже въ литературной дѣятельности Погодина, — надъ которымъ такъ много смѣялся кружокъ Бѣлинскаго и котораго Щедринъ называлъ потомъ археологомъ-чревоушщателемъ — даже въ дѣятельности Погодина находятъ онъ полезныя и похвальныя черты. О славянофилахъ же говоритъ онъ съ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Несмотря на всѣ ихъ, очевидныя для него заблужденія, онъ считаетъ ихъ искренними друзьями „просвѣщенія“ и горячо сочувствуетъ ихъ отношенію къ русской поземельной общинѣ*).

Но уже со времени споровъ объ общинномъ землевладѣніи онъ вынужденъ былъ покинуть этотъ спокойный, добродушный тонъ и выступить во всеоружіи своего полемическаго таланта. Плохо пришлось тогда патентованнымъ представителямъ либеральной экономіи въ особенности редактору „Экономическаго Указателя“, Вернадскому. Чернышевскій положительно обезсмертилъ этого „С. С.“ (статскаго совѣтника) и „Д-ра ист. н. пол. эк. и стат. (т. е. доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики; такъ подписывался гордый своими дипломами Вернадскій). Разбитый на голову ученый не только бѣжалъ съ поля битвы, но, къ довершенію комизма, началъ увѣрять въ своемъ уваженіи того самаго Чернышевскаго, котораго онъ въ началѣ спора позволялъ себѣ третировать какъ дерзкаго и вѣжду. Надо признаться, что едва-ли возможно вести защиту какого бы то ни было дѣла искуснѣе, чѣмъ Чернышевскій защищалъ общину. Онъ сказалъ въ ея пользу рѣшительно все, что можно было сказать, и, можетъ быть, вышелъ бы побѣдителемъ изъ спора даже въ томъ случаѣ, если бы его противники были во много разъ сильнѣе,

ворилъ такимъ рѣзкимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло — наши литературныя да и всякія другія понятія. Вѣчно предлагаются вопросы, почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, и война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, вѣленной оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитнаго, на старцевъ и калѣкъ, а поэты и литераторы противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы...“ Современникъ, апрѣль 1856 г. Критика, стр. 41-42.

*) „Понятіе о преобладаніи „міра“, общины надъ отдѣльною личностію въ древней Руси — одно изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій для Славянофиловъ — говоритъ онъ въ третьей статьѣ „Очерковъ“. И это ученіе объ отношеніи личности къ обществу составляетъ, по его мнѣнію, „здоровую часть ихъ системы и вообще достойно всякаго уваженія по своей справедливости. (См. Современникъ, 1856 г. февраль, критика, стр. 80). За это же ученіе объ общинѣ онъ защищалъ иногда славянофильскую „Русскую Бесѣду“ отъ нападеній со стороны другихъ періодическихъ изданій. (См. Замѣтки Чернышевскаго о журналахъ, — Маргъ 1857 г., перепечатанныя въ пятомъ томѣ заграничнаго издачія его сочиненій).

чѣмъ они оказались на дѣлѣ. Если наша „интеллигенція“ до сихъ поръ такъ крѣпко держится за общину, то въ этомъ сказывается неизгладимое вліяніе Чернышевскаго.

Мы уже видѣли, что нашъ авторъ очень рано пересталъ придавать значеніе надѣленію крестьянъ землею. Онъ сталъ видѣть въ немъ источникъ будущаго раззоренія крестьянъ. Въ „*Письмахъ безъ адреса*“ онъ уже прямо доказываетъ, что освобожденные съ землею крестьяне поставлены въ худшее экономическое положеніе сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находились они, будучи въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Поэтому мы вовсе могли бы не разбирать его доводовъ въ пользу общины. Но такъ какъ имъ до сихъ поръ придается у насъ большое практическое значеніе то, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать краткую ихъ оцѣнку. — Въ своей защитѣ русскаго общиннаго землевладѣнія Чернышевскій обнаруживаетъ тотъ же самый недостатокъ, который характеризуетъ всѣ его экономическія изслѣдованія. Онъ вдается въ излишнюю *отвлеченность*. Онъ говоритъ въ сущности не о русской общинѣ съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ и возможными условіями ея дальнѣйшаго развитія, а объ общинѣ *an sich*, существующей въ теоріи и удовлетворяющей лишь пзвѣстнымъ требованіямъ относительно періодическаго передѣла земель. Но такимъ образомъ нельзя разсуждать ни объ общинѣ, ни о какихъ бы то ни было другихъ формахъ народнаго быта. Въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ Чернышевскій возражаетъ своимъ противникамъ, ссылаясь на знаменитое учене Гегеля о томъ, что третья и конечная фаза въ развитіи всякаго даннаго явленія по своей формѣ похожа на первую. Народы начали съ общиннаго землевладѣнія и они снова вернутся къ нему въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. На это можно замѣтить, что Чернышевскій пошелъ здѣсь гораздо дальше Гегеля. Гегель говоритъ о формальномъ сходствѣ третьей фазы развитія съ первой, но онъ не говорилъ о полномъ *тождествѣ* этихъ фазъ. Чернышевскій же какъ будто предполагаетъ полное тождество. Слѣдуя Гегелю, дѣйствительно можно предположить, что народы, начавъ съ *общественной* собственности, возвратятся къ ней впоследствии, но нельзя сказать, что народы возвратятся именно къ тѣмъ формамъ общиннаго владѣнія, съ которыхъ они начали свое развитіе. А если можно ожидать этого, то зачѣмъ останавливаться на сельской общинѣ съ передѣлами? Надо предполагать въ такомъ случаѣ, что народы вернутся къ первобытнымъ родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ сама сельская община является ихъ остаткомъ и дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ. Но на такое предположеніе едва ли кто отважится въ настоящее время. Ссылаясь на Гегеля, Чернышевскій упустилъ изъ виду двѣ важнѣйшія особенности гегелевской философіи. Во первыхъ, у Гегеля всякое развитіе, — и въ логикѣ, и въ природѣ, и въ общественныхъ отношеніяхъ — совершается само изъ себя, силой своей внутренней, „имманентной“, діалектики. Чернышевскому слѣдовало показать, что въ русской общинѣ есть именно та внутренняя логика отношеній, которая современемъ должна привести ее отъ общиннаго владѣнія землею къ общинной ея *обработкѣ* и къ общинному *пользованію* ея продуктами. Вѣдь именно въ интересахъ такой

формы общественной собственности и отставалъ онъ общинное землевладѣніе: ему казалось, что община облегчитъ переходъ къ ней. Но Чернышевскій не сдѣлалъ этого, такъ какъ, вообще, возлагая свои надежды главнымъ образомъ на распространеніе знаній, онъ мало обращалъ вниманія на ту *внутреннюю логику общественныхъ отношеній, подъ вліяніемъ которой совершается развитіе человечества.* А кромѣ того Чернышевскій забылъ о всегдашнемъ вниманіи къ дѣйствительности, которое, по его собственнымъ словамъ, характеризовало Гегеля. Припомнимъ, какъ онъ излагалъ взгляды Гегеля въ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“: „Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, рассмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ: пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста“. Совершенно такъ же слѣдовало разсуждать и объ общинѣ: хорошая или плохая вещь поземельная община? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой общинѣ идетъ дѣло; все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Но Чернышевскій разсуждалъ не такъ. Онъ вдался въ отвлеченность и такимъ образомъ совершенно измѣнилъ духу той самой философіи, на которую ссылался въ своей главной полемической статьѣ*).

Справедливо считая частную собственность лишь промежуточной формой въ развитіи экономическихъ отношеній, Чернышевскій сильно

*) Кажется, Чернышевскій былъ противъ круговой поруки. Мы предполагаемъ это вотъ почему. Въ библиографической замѣткѣ о брошюрѣ Гана: „О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи“ онъ безъ всякой оговорки приводитъ то мнѣніе разбираемаго имъ автора, что круговая порука вредно отзывается на благосостояніи плательщиковъ. „Кто исправнѣ платитъ, на того и накладываютъ больше“, говоритъ Ганъ. Чернышевскій, повидимому, совершенно съ нимъ согласенъ (См. Собр. 1861, Январь, Русская литература, стр. 14). Оставляя въ сторонѣ мѣщанъ, мы спросимъ, какъ же современное государство можетъ безъ круговой поруки обезпечить себѣ исправный взносъ податей крестьянами-общинниками? Если крестьянскіе участки составляютъ собственность общины и потому не могутъ быть отчуждаемы въ случаѣ податной несостоятельности отдѣльныхъ домохозяевъ, то вся община должна отвѣчать за несостоятельность плательщиковъ. Въ этомъ случаѣ круговая порука не только естественна, но просто необходима. Наоборотъ, если земельные участки составляютъ собственность отдѣльныхъ дворовъ, то круговая порука теряетъ всякое основаніе, но тогда приходится допустить отчуждаемость участковъ въ случаѣ несостоятельности домохозяевъ. Правда, теорія допускаетъ еще и третій выходъ; говоря отвлеченно, можно уничтожить круговую поруку, а въ тоже время признать принадлежность земли общинѣ и ея полную неотчуждаемость. Но какъ сдѣлать это на практикѣ? Какъ будетъ поступать государство съ несостоятельными плательщиками? Продавать ихъ движимость? Но вѣдь продажа движимости легко можетъ повести и часто уже теперь ведетъ за собою полную невозможность для крестьянина обработывать доставшуюся ему въ на дѣлъ землю. Или можетъ быть скотъ и всѣ хозяйственныя орудія также должны быть признаны неотчуждаемыми? Но много ли останется у средняго русскаго крестьянина подлежащей продажѣ движимости, если мы исключимъ изъ нея скотъ и хозяйственныя орудія? Опытъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ у крестьянъ остается одна только движимость: ихъ собственное тѣло, которое и подвергается истязанію за недоимки. Но вѣдь истязаніе неимщиковъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, который необходимо долженъ быть разрѣшенъ, потому что государство, разумѣется, не согласится лишиться себя всякихъ гарантій исправнаго взноса податей. Напомнимъ, однако, читателю, что въ

напиралъ на то обстоятельство, что по мнѣнію Гегеля промежуточные фазы развитія могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, значительно сокращаться или даже вовсе не имѣть мѣста. За это въ особенности ухватились впоследствии наши народники, всѣ программы которыхъ основывались именно на томъ предположеніи, что капитализмъ — эта промежуточная фаза въ развитіи человѣчества — не будетъ имѣть мѣста въ Россіи. Отвлеченно говоря, подобныя сокращенія промежуточныхъ фазъ исполнѣ возможны. Но отъ возможности извѣстнаго явленія еще очень далеко до его дѣйствительности. Чтобы то или иное, возможное въ теоріи, явленіе осуществилось въ дѣйствительной жпзни, нужны извѣстныя конкретныя условія, другими словами нужна достаточная для этого причина. Въ то время когда Чернышевскій отстаивалъ русское общинное землевладѣніе, онъ могъ считать причиной, достаточной для устранения „извы пролетаріатства“, добрую волю русскаго правительства, которому, казалось, не трудно было понять, что его собственная выгода зависитъ отъ благосостоянія крестьянства. Но правительство не поняло этого, а потому и не было у насъ достаточной причины для устранения „извы пролетаріатства“ и связанной съ ней фазы экономического развитія. Чернышевскій и самъ, какъ мы знаемъ, очень скоро понялъ всю естественность подобнаго непониманія со стороны правительства. Онъ считалъ бесполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самый принципъ падѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею. По его сильному безпощадно, рѣзкому выраженію онъ „сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“ и „стыдился той безвременной самоуверенности“, съ которой выступилъ на защиту общиннаго землевладѣнія. Но того, чего стыдился Чернышевскій, не стыдятся современные народники. Они и до сихъ поръ толкуютъ о вѣковѣчныхъ устояхъ народнаго быта и о сокращеніи въ фазахъ развитія, — сокращеніи, для котораго они не указываютъ никакой причины, кромѣ своихъ собственныхъ „идеаловъ“. Но эта причина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана достаточной. Зато мы можемъ безъ труда найти достаточную причину упорства нашихъ народниковъ. Она заключается между прочимъ въ томъ пристрастіи маленькихъ учениковъ къ ошибкамъ великихъ учителей, о которомъ мы уже говорили выше. Впрочемъ, мы еще увидимъ, что самъ Чернышевскій совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на русскую общину, какъ современные народники*).

то время, когда Чернышевскій считалъ еще нужнымъ защищать общину, онъ надѣялся, что она будетъ поставлена въ довольно благоприятное экономическое положеніе, при которомъ вопросъ о податяхъ не былъ бы такимъ жгучимъ, какимъ онъ сталъ въ настоящее время.

*) Что касается сокращенія извѣстныхъ фазъ развитія, то Чернышевскій прекрасно понималъ, что не всегда данная фаза, при своемъ сокращеніи, приводитъ къ такимъ же результатамъ, къ какимъ приводитъ она при большей продолжительности. Въ „Полемическихъ Красотахъ“ (соч. т. 1, стр. 373) онъ указываетъ на сигары которыя пріобрѣтаютъ особенно цѣнныя для курильщиковъ качества, подвергаясь медленному процессу высыхания и связанныхъ съ нимъ химическихъ измѣненій. Но попробуйте сократить продолжительность этого процесса высыхания и сразу искусственно высушить свѣжія сигары. По словамъ нашего автора, хорошаго въ такихъ сигарахъ будетъ немного. Что же это значитъ? Это значитъ, что иной ходъ процесса ведетъ за собою иные

Начавшись съ общиннаго землевладѣнія, споръ Чернышевскаго съ нашими либеральными экономистами принялъ скоро болѣе широкій теоретическій характеръ и перешелъ къ общимъ вопросамъ экономической политики. Вѣрные догматамъ вульгарной экономіи, подъ вліяніемъ которой сложились всѣ ихъ воззрѣнія, наши манчестерцы поспѣшили выдвинуть на сцену свою главную научную твердыню: *принципъ государственнаго невмѣшательства*. Они знали, что на этомъ принципѣ основывалось все ученіе Бастіа и его эпигоновъ, и наивно полагали, что сильнѣе Бастіа нѣтъ никого на свѣтѣ. Разумѣется, дѣло приняло такой оборотъ, что споръ о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь народа послужилъ поводомъ лишь для новаго торжества Чернышевскаго. Хорошо знакомый съ экономической и социалистической литературой, онъ безъ всякихъ усилій, шутя и посмѣиваясь, въ пухъ и прахъ разбивалъ всю бастіановскую премудрость. Его статья „*Экономическая дѣятельность и законодательство*“ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ ловкихъ одроверженій теоріи „laissez faire, laissez pa ser“ не только въ русской экономической литературѣ, гдѣ Чернышевскій до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, но и вообще въ литературѣ европейскаго социализма. Нашъ авторъ пускаетъ въ ней въ дѣло всю свою діалектическую силу и всю свою полемическую ловкость. Онъ какъ бы забавляется этой борьбой, въ которой онъ съ такою легкостью отражаетъ удары противниковъ. Онъ играетъ съ ними, какъ кошка съ мышью; дѣлаетъ имъ всевозможныя уступки, выражаетъ готовность согласиться съ любымъ изъ ихъ положеній, принять любое толкованіе всякаго даннаго положенія, и уже только потомъ, давши имъ, повидимому, всѣ шансы побѣды, поставивъ ихъ въ самыя благопріятныя для ихъ торжества условія, — переходитъ въ наступленіе, и тремя-четырьмя силлогизмами приводитъ ихъ къ нелѣпости, Затѣмъ начинаются новыя уступки, новыя, еще болѣе благопріятныя истолкованія того же положенія и новыя доказательства его нелѣпости. А въ концѣ статьи Чернышевскій, по своему обыкновенію, читаетъ своимъ противникамъ назиданіе и даетъ имъ почувствовать, до какой степени они не имѣютъ понятія не только о строгихъ пріемахъ научнаго мышленія, но и о самыхъ первоначальныхъ требованіяхъ простаго здраваго смысла. Замѣчательно, что принципъ государственнаго невмѣшательства, имѣвшій у насъ такихъ горячихъ сторонниковъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ былъ почти совершенно оставленъ русскими экономистами. Это въ значительной степени объясняется какъ общимъ состояніемъ нашей промышленности и торговли, такъ и послѣдующимъ вліяніемъ на нашихъ теоретиковъ нѣмецкой катедеръ-соціалистической

химическіе результаты. Не то ли же и въ общественной жизни? Нѣтъ ли основанія думать, что болѣе или менѣе продолжительный процессъ капиталистическаго развитія создаетъ такія политическія, умственныя и нравственныя качества трудящагося класса, какихъ мы вовсе не найдемъ въ народѣ, не покидавшемъ въ теченіи всей своей исторіи допотопныхъ „устоевъ“ своего быта? Нельзя ли опасаться, что такой народъ откажется не только отъ промежуточныхъ, но и отъ всякихъ другихъ „фазъ развитія“ и станетъ представлять къ началству людей, рекомендующихъ ему прямо перейти въ послѣднюю фазу общественнаго прогресса? какъ думаютъ народники?

школы. Но, несомненно, много значить въ этомъ случаѣ и то, что названный принципъ уже при самомъ началѣ его распространенія въ русской литературѣ встрѣтилъ такого могучаго противника, какъ Н. Г. Чернышевскій. Разъ получивши хорошій урокъ, русскіе манчестерцы почли благоразумнымъ смолкнуть, ступешаться и сойти со сцены.

IX

Не по однимъ только экономическимъ вопросамъ приходилось Чернышевскому вести ожесточенную полемику. И при томъ противниками его были не одни только либеральные экономисты. Чѣмъ вліятельнѣе становился кружокъ „Современника“ въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе нападокъ сыпалось съ самыхъ различныхъ сторонъ и на этотъ кружокъ вообще и на нашего автора въ частности. Сотрудниковъ „Современника“ считали опасными людьми, готовыми ниспровергнуть всѣ пресловутыя „основы“. Нѣкоторые изъ „друзей Бѣлинскаго“, въ началѣ еще считавшіе возможнымъ идти рядомъ съ Чернышевскимъ и его единомышленниками (между которыми первое мѣсто занималъ Н. А. Добролюбовъ), отшатнулись отъ „Современника“, какъ отъ органа „нигилистовъ“, и стали кричать о томъ, что Бѣлинскій никогда не одобрилъ бы принятаго имъ направленія. Такъ поступилъ И. С. Тургеневъ*). Даже самъ радикальный Герценъ сталъ ворчать въ своемъ „Колоколѣ“ на „желчевниковъ“ и „свистуновъ“, которые отрицаютъ ради отрицанія, глумятся ради глумленія и которымъ угодить будто бы рѣшительно ничѣмъ невозможно. Читатель знаетъ, конечно, что „свистунами“ или иначе „рыцарями свистопляски“ называли сотрудниковъ „Современника“ съ тѣхъ поръ, какъ при немъ сталъ появляться, въ видѣ особаго приложения, „Свистокъ“, занимавшійся безпощаднымъ осмѣяніемъ всѣхъ литературныхъ и общественныхъ проявленій самодурства, фразерства, обскурантизма и педантизма. Впрочемъ, большинство статей въ „Свисткѣ“ принадлежитъ не Чернышевскому; онъ только изрѣдка принималъ въ немъ участіе, такъ какъ былъ буквально заваленъ другой работой. Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ не только аккуратно писалъ для каждой книжки „Современника“, но почти всегда въ каждой книжкѣ было по нѣскольکو его статей. Обыкновенно статьи его распредѣлялись по различнымъ отдѣламъ журнала такимъ образомъ: онъ давалъ, во первыхъ, большую статью по какому нибудь общему теоретическому вопросу; затѣмъ писалъ политическое обозрѣніе, дѣлалъ обзоръ русской, а иногда и иностранной литера-

*) Чернышевскій рассказываетъ, что Тургеневъ могъ еще выносить его до нѣкоторой степени, но за то уже окончательно не терпѣлъ Добролюба. „Вы простила змѣя, а Добролюбовъ—очковая“— говорилъ онъ Чернышевскому. [См. уже цитированное письмо „Въ изъясненіи признательности“].

туры, разбиралъ нѣсколько новыхъ книгъ, и наконецъ, какъ бы для отдыха и развлеченія, охотно предпринималъ еще полемическія вылазки противъ своихъ противниковъ. „Современникъ“ 1861 года особенно богатъ полемическими статьями Чернышевскаго. Къ этому году относятся его извѣстныя „Подемическія красоты“, „Національная безтактность“ (противъ львовскаго „Слова“), „Народная безтолковость“ (противъ аксаковскаго „Дня“) и многія полемическія замѣтки въ отдѣлѣ русской и иностранной литературы. На нѣкоторыхъ изъ этихъ полемическихъ статей необходимо остановиться.

О „Подемическихъ красотахъ“ мы много говорить не будемъ. Статьи эти составляютъ отвѣтъ на нападки „Русскаго Вѣстника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Для историка нашей литературы, конечно, очень интересно будетъ припомнить, съ какими доводами выступали враги „Современника“; для характеристики же Чернышевскаго нѣтъ надобности подробно разсказывать, какіе странные и часто рѣшительно ни съ чѣмъ несообразные упреки дѣлалъ ему Катковъ, Альбертини или Дудышкинъ. Но въ статьѣ, направленной противъ „Русскаго Вѣстника“, нашъ авторъ высказываетъ, между прочимъ, чрезвычайно интересный взглядъ на свою собственную литературную дѣятельность. Мы приведемъ его здѣсь. Чернышевскій прекрасно знаетъ, что занялъ въ русской литературѣ выдающееся мѣсто. Его противники очень боятся его и временами начинаютъ даже говорить ему комплименты. Но его ни мало не радуетъ его возростающая извѣстность. Онъ слишкомъ низко ставитъ русскую литературу, чтобы считать почетнымъ занимаемое имъ въ ней выдающееся мѣсто. Онъ „совершенно мертвъ къ своей литературной репутаци“. Его интересуеть только одинъ вопросъ: сумѣетъ-ли онъ сохранить свѣжесть мысли и чувства до той лучшей поры, когда литература наша станетъ дѣйствительно полезной обществу. „Я знаю, что будутъ лучшія времена литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу, и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится-ли у меня къ тому времени способность служить обществу какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденія. А я вижу, что уже начинаю входить въ число „уважаемыхъ“ писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и смѣлѣе меня“... Странно встрѣчаться теперь съ этими благородными опасеніями намъ, знающимъ, что когда Чернышевскій высказывалъ ихъ, ему оставалось жить на свободѣ не болѣе года. Приведенныя строки были напечатаны въ іюльской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ, а въ Іюль слѣдующаго года онъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости... Но можно представить себѣ, съ какимъ презрѣніемъ относился къ своимъ врагамъ этотъ человекъ, который при полномъ сознаніи своего огромнаго превосходства надъ ними все таки не придавалъ цѣны даже и своимъ собственнымъ литературнымъ заслугамъ. И дѣйствительно, почти каждая страница „Подемиче-

скихъ красотъ“ дышетъ холоднымъ презрѣніемъ къ порицателямъ „Современника“. Имъ отличается въ особенности отвѣтъ „Отечественнымъ Запискамъ“. Чернышевскій нисколько не сердится на своихъ оппонентовъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“. Онъ поучаетъ ихъ почти ласково, какъ поучаетъ добрый педагогъ провинившагося школьника. Конечно, добрый педагогъ, журя своего питомца, говоритъ ему подчасъ очень горькія истины и ни мало не скрываетъ своего умственнаго превосходства надъ нимъ. Но онъ дѣлаетъ это единственно въ интересахъ питомца. Такъ поступаетъ и Чернышевскій. Онъ не забываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха „Отечественныхъ Записокъ“ и отъ чesки журитъ редакцію за неловкость. Онъ досадуетъ на нихъ больше всего за ту неосторожную горячность, съ какой они кинулись въ борьбу съ нимъ. Куда же вамъ со мной полемизировать, повторяетъ онъ имъ, показавши полифѣшную несостоятельность того или другого изъ возводимыхъ ими на него обвиненій. При случаѣ онъ прямо говоритъ, что знаетъ гораздо больше и понимаетъ вещи гораздо глубже ихъ, что они просто не въ состояніи оцѣнить тѣхъ новыхъ идей, которыя онъ проводитъ въ литературѣ. Вы хотите знать, какъ обширны мои знанія? обращается онъ къ Дудышкину, обвинявшему его, со словъ другихъ журналовъ, въ нахальномъ невѣжествѣ. „На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него. Да вы, пожалуйста, не примите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять таки не примите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало званій. Нѣтъ, ничего - таки: кое-что знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только зачѣмъ же вы такъ плохо полемизируете“ и т. д. — Все это было можетъ бы быть слишкомъ рѣзко, если бы не было безусловно справедливо.

Не щадить теперь Чернышевскій и славянофиловъ, о которыхъ прежде отзывался съ уваженіемъ. Теперь они уже не кажутся ему искренними друзьями просвѣщенія. Тенденціи славянофиловъ настолько уже выяснились къ началу шестидесятыхъ годовъ, что ихъ скорѣе можно было назвать обскурантами. Конечно, они по прежнему защищали общину и отстаивали крестьянское землевладѣніе. Но теперь Чернышевскій уже не придавалъ этому значенія. А кромѣ защиты названныхъ принциповъ въ тогдашней славянофильской литературѣ были только нелѣпыя выходки противъ гнѣющаго и лукаваго Запада, да приторныя восхваленія православія, самодержавія и прочихъ, подобныхъ этому, прелестей самобытной россійской дѣйствительности. И вотъ Чернышевскій рѣшается дать имъ урокъ. Поводомъ къ этому послужило появленіе газеты И. Аксакова „День“, въ первыхъ № № которой было нѣсколько выходовъ противъ „Современника“. Чернышевскій отвѣчалъ въ статьѣ „Народная безтолковость“. Грубость выбраннаго имъ заглавія онъ объясняетъ тѣмъ, что проникшись славянофильскими доводами, онъ рѣшился избѣгать употребленія иностранныхъ словъ, которыя могли бы, неизмѣняя названія статьи по существу, придать ему болѣе вѣжливую форму.

Чернышевскій всегда былъ самымъ горячимъ западникомъ. И если сочувствіе къ общинному землевладѣнію на время и до извѣстной степени сблизило его со славянофилами, то онъ, тѣмъ не менѣе, всегда прекрасно понималъ нелѣпость ихъ толковъ о разложеніи Запада и объ обновленіи челоувѣчества посредствомъ византійскихъ преданій. Уже въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ высказался онъ на этотъ счетъ хотя и мягко, но очень рѣшительно. Источникъ мнѣній славянофильскихъ писателей о гніеніи запада и о банкротствѣ его философіи онъ видитъ въ томъ, что даже лучшіе изъ нихъ не знакомы съ истиннымъ положеніемъ западно-европейскихъ дѣлъ и съ направленіемъ передовой западно-европейской мысли. Для Чернышевскаго Западъ не хилый старикъ; напротивъ, это юноша, и юноша бодрый и свѣжій, „который (устаами своихъ передовыхъ мыслителей) говоритъ: кое-что я знаю, но очень многому мнѣ еще остается учиться, я еще горю жаждой большаго знанія и учусь довольно успѣшно... Мнѣ еще остается много трудиться, чтобы обезпечить себѣ прочное, бездѣльное существованіе; но трудиться я готовъ, силъ у меня довольно и пожалуйста не отчаявайтесь за мое будущее“*). По вопросу о будущности европейскаго Запада Чернышевскій сильно расходился не только со славянофилами, — что понятно само собою, — но даже и съ Герценомъ, для котораго не прошли безслѣдно его сношенія съ московскимъ славянофильскимъ кружкомъ сороковыхъ годовъ, и который не рѣдко высказывалъ то опасеніе, что Западъ, додумавшись до социализма, уже не въ силахъ будетъ осуществить его программы, какъ древній Римъ не въ силахъ, будто бы, былъ осуществить требованій христіанства. Само собою разумѣется, что въ виду этой мнимой несостоятельности Запада Россія представлялась обѣтованной страной социализма, призванной къ обновленію одряхлѣвшаго челоувѣчества. По всей вѣроятности именно противъ этого взгляда Герцена направлена уже цитированная нами статья Чернышевскаго „О причинахъ паденія Рима“. Авторъ прямо говоритъ въ ней, что съ такими „чудаками“ какъ славянофилы о судьбахъ Запада не стоитъ уже и спорить, и что онъ беретъ за перо, имѣя въ виду другихъ людей, обладающихъ челоувѣческимъ смысломъ. Этими-то людямъ со смысломъ онъ и доказываетъ, что западная Европа ни въ какомъ случаѣ не могла истощить своихъ силъ, такъ какъ ея историческая судьба до самаго новѣйшаго времени опредѣлялась дѣятельностью одного только сословія: аристократіи. Даже среднее сословіе сдѣлалось господствующимъ на материкѣ Европы лишь въ ближайшую къ намъ эпоху. А за среднимъ сословіемъ стоитъ еще нисшій классъ, не имѣвшій до сихъ поръ прямого вліянія на судьбы Европы. На какомъ основаніи думаютъ, спрашиваетъ Чернышевскій, что это новое сословіе, въ свою очередь выступивъ на историческую арену, не сумѣетъ рѣшить тѣхъ общественныхъ задачъ, которыхъ не могли рѣшить высшія сословія? Думать такъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія, а слѣдовательно нѣтъ основанія и для опасенія за судьбу Запада. Боятся же новаго пришествія варваровъ просто смѣшно въ виду

*) Современникъ 1856 г. Февраль, Критика, стр. 75.

огромнаго превосходства силъ цивилизованнаго міра. Наконецъ, что касается Россіи и ея мнимаго призванія къ обновленію человѣчества, то Чернышевскій безпощадно разоблачаетъ неосновательность подобнаго патріотическаго самообольщенія. Единственной достойной сочувствія особенностью нашего соціального быта онъ признаетъ общинное землевладѣніе. Но и общинное землевладѣніе не находитъ пощадны передъ его критикой. Община могла бы, по мнѣнію Чернышевскаго, принести свою долю пользы въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи, однако гордиться ею все таки нельзя, потому что она есть признакъ нашей экономической отсталости. Любя пояснять всякую свою мысль примѣрами, Чернышевскій и здѣсь приводитъ примѣръ для поясненія своего взгляда на русскую общину. Европейскіе инженеры говорятъ онъ, пользуются теперь прикладной механикой для постройки всякихъ мостовъ. Но вотъ оказывается, что въ какой то — онъ самъ хорошенько не помнитъ, въ какой — отсталой азіатской странѣ туземные инженеры давно уже строили всячіе мосты въ подходящихъ для этого мѣстностяхъ. Значить ли это, что азіатскую прикладную механику можно поставить на одинъ уровень съ европейской? Мостъ мосту — рознь, и всячій мостъ азіатскихъ инженеровъ безконечно далеко отстоитъ отъ европейскаго всячаго моста. Конечно, когда въ азіатской странѣ, издавна знакомой съ всякими мостами, явятся европейскіе техники, то имъ легче будетъ убѣдить иного мандарина въ томъ, что новѣйшіе всячіе мосты не представляютъ собою безбожной затѣи. Но и только. Несмотря на свои всячіе мосты, азіатская страна все таки останется отсталой страной, а Европа все таки будетъ ея учительницей. То же съ русской общиной. Она, можетъ быть, облегчитъ дѣло развитія нашей родины; но главный толчекъ для него все таки придетъ съ Запада, и обновлять человѣчество намъ, даже съ помощью общины, все таки не пристало.

Однако „чудаки“ славянофилы не только кричали объ обновленіи Европы русско-византійскимъ духомъ, но и выставляли практическую программу подобнаго обновленія. По мнѣнію „Дня“ И. Аксакова Россія должна была начать съ преподнесенія славянамъ „дара самостоятельнаго бытія подъ сѣнію крыль русскаго орла“. Чернышевскій доказываетъ, что подобныя мысли представляютъ собою не болѣе какъ продуктъ „народной безтолковости“. Во-первыхъ, ему кажется, что у могущественнаго русскаго орла очень много своихъ домашнихъ русскихъ дѣлъ, которыхъ онъ не долженъ забывать ни для какихъ обновленій. „Если вы хотите войны, говоритъ онъ, то разсудите же, дозволяютъ ли намъ думать о войнѣ наши обстоятельства“. Во-вторыхъ, онъ полагаетъ, что наше военное вмѣшательство вооружило бы противъ освобожденія славянъ всѣ западныя державы. „Вѣдь турокъ въ Европѣ только 2 милліона, а славянъ 7 или 8 мил. Неужели не могли бы они справиться съ турками?... Имъ нужна только увѣренность, что другія державы не стануть мѣшать ихъ освобожденію“. Если бы славянофилы дѣйствительно желали добра турецкимъ славянамъ, то они постарались бы внушить западнымъ державамъ увѣренность, что паденіе турецкой власти въ Европѣ не по-

служить къ поглощенію Дунайскихъ княжествъ Россіей и не поведетъ къ обращенію Константинополя въ русскій губернский городъ. Если бы славянофилы сдѣлали это, то турецкіе славяне освободились бы и безъ нашей помощи. То же и относительно австрійскихъ славянъ. „Неужели было бы мило нѣмцамъ поддерживать Австрію, если бы не опасались они, что при паденіи этой имперіи восточная половина ея подпадетъ подъ власть Россіи? „Вы возстановляете нѣмцевъ противъ освобожденія австрійскихъ славянъ, говоритъ Чернышевскій редакціи „Дня“, и прибавляетъ, что ея военный задоръ вызывается не сочувствіемъ къ славянамъ, а стремленіемъ подчинить славянскія племена русской власти.

Мимоходомъ Чернышевскій опровергаетъ также и славянофильскія разглагольствованія о коварномъ и злостномъ отношеніи Запада къ Россіи. Помилуйте, говоритъ онъ, развѣ всѣ серьезные органы европейской печати не относились съ большимъ сочувствіемъ къ важнѣйшимъ реформамъ въ Россіи? И развѣ сочувствовать успѣхамъ русской общественной жизни значитъ желать зла Россіи?

Въ слѣдующемъ году Чернышевскому пришлось еще рѣзче выступить противъ славянофиловъ. Корифей славянофильства возымѣлъ странную мысль обратиться къ сербамъ съ цѣлымъ рядомъ наивнѣйшихъ поученій. Поученія эти содержатся въ брошюрѣ „Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы“, подъ которою подписались рѣшительно всѣ выдающіеся представители славянофильской партіи. Нѣкоторыя изъ содержащихся въ этой брошюрѣ мыслей просто смѣшны, другія же не только смѣшны, но еще и до-нельзя реакціонны. Такъ напр. славянофилы совѣтовали сербамъ не давать политическихъ правъ людямъ неправославнаго вѣроисповѣданія. Чернышевскій отвѣчалъ на это „Посланіе“ тѣдой статьей „Самозванные стартійшины“.

Къ спорамъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ вообще примѣшался споръ о взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Извѣстно, что славянофилы очень одобрительно относились къ борьбѣ галиційскихъ русиновъ противъ поляковъ. Чернышевскій всегда сочувствовалъ малороссамъ. Онъ видѣлъ большую ошибку въ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго къ возникавшей малорусской литературѣ. Въ январьской книжкѣ „Современника“ 1861 г. онъ помѣстилъ очень сочувственную статью по поводу появленія малорусскаго органа „Основа“. Но къ борьбѣ галицкихъ русиновъ противъ поляковъ онъ не могъ относиться съ безусловнымъ одобреніемъ. Ему не нравилось, во-первыхъ, что русины искали поддержки у вѣнскаго правительства. Не нравилась ему также и вліятельная роль духовенства въ движеніи галицкихъ русиновъ. „О мірскихъ дѣлахъ писалъ онъ, надобно заботиться мірскимъ людямъ“. Наконецъ, не нравилась Чернышевскому и исключительно національная постановка того вопроса, въ которомъ Чернышевскій видѣлъ прежде всего вопросъ *экономическій*. Въ статьѣ „*Національная безтактность*“ (Совр. 1861, іюль), направленной противъ львовскаго „Слова“, Чернышевскій рѣзко напалъ на излишній націонализмъ этого органа. „Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній — писалъ онъ — львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, со-

вершенно чуждый племенному вопросу — вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ — людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русскихъ поселянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго вопроса заключается въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ“.

Взаимная вражда народностей, входящихъ въ составъ Австріи, тѣмъ болѣе должна была казаться Чернышевскому безтактною, что вѣнское правительство тогда, какъ и прежде, извлекало изъ нея большія выгоды. „Какъ подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долготѣнному существованію Австрійской имперіи — писалъ онъ въ политическомъ обзорѣннй той же книжки „Современника“, гдѣ помѣщена статья „Національная безтактность“ — еще бы не держаться ей при такомъ отличномъ политическомъ тактѣ, связанныхъ ея границами національностей“. Австрійскіе нѣмцы, чехи, кроаты и, какъ мы видѣли, русины одинаково казались Чернышевскому „несообразительными“. Онъ боялся, что въ особенностя испытанная въ 1848—49 гг. славинская „несообразительность“ снова зайдетъ очень далеко. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Венгрія вела упорную борьбу съ вѣнскими реакціонными централистами. Недовольство венгровъ дошло до такой степени, что одно время можно было ожидать въ ихъ странѣ революціоннаго взрыва. Нашъ авторъ не разъ высказывалъ въ своихъ политическихъ обзорѣнняхъ то опасеніе, что въ случаѣ революціоннаго движенія въ Венгріи австрійскіе славяне опять явятся покорными орудіями реакціи. Тогдашняя тактика многихъ славянскихъ племёнъ Австріи способна была только усилить подобныя опасенія, такъ какъ австрійскіе славяне позволили себѣ хвалиться тою позорною ролью, какую они играли въ событіяхъ 1848—49 гг. Строго осуждая эту тактику, Чернышевскій доказывалъ, что имъ выгоднѣе было бы, наоборотъ, поддерживать враговъ вѣнскаго правительства, отъ которыхъ они могли бы получить очень существенныя уступки. Это говорилъ онъ по поводу отношеній кроатовъ къ венграмъ, это же повторялъ и русинамъ. „Сословная партія враждебная русинамъ, — читаемъ мы въ статьѣ „Національная безтактность“, — готова теперь на уступки... Вотъ объ этомъ то и не мѣшало подумать львовскому „Слову“; быть можетъ уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами, можетъ быть, эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что эти уступки гораздо больше и гораздо важнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ.“

Наконецъ, въ то время, когда Чернышевскій полемизировалъ противъ „Слова“, въ русской Польшѣ также происходило сильное политическое движеніе, къ которому онъ относился съ большимъ сочувствіемъ. И уже по этому одному выходки русскихъ подданныхъ Габс-

бургскаго дома противъ поляковъ не могли казаться ему тактичными и своевременными.

Вѣтви революціонной польской организаціи существовали и въ Петербургѣ, гдѣ почти безвыѣздно жилъ Чернышевскій. Стоялъ-ли онъ въ какихъ нибудь опредѣленныхъ, формальныхъ отношеніяхъ къ польскимъ революціонерамъ? На это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что разъясненію этого вопроса въ состояніи были бы способствовать польскіе историки той эпохи. Отъ русской литературы ждать ничего нельзя по весьма понятнымъ причинамъ. Современемъ скажетъ, вѣроятно, кое-что „Русская Старина“, но это будетъ еще не скоро. Не желая пускаться въ догадки, мы ограничимся только тѣми данными для уясненія общихъ симпатій Чернышевскаго къ польскому дѣлу, какія можно извлечь изъ его сочиненій. Но и такихъ данныхъ не много.

Мы могли бы совсѣмъ не касаться здѣсь романа „Прологъ пролога“. Тамъ изображаются дружескія отношенія Волгина (Чернышевскаго) къ Соколовскому (Сѣраковскому). Волгину нравится беззаѣтная преданность Соколовскаго своимъ убѣжденіямъ, отсутствіе въ немъ себялюбивой мелочности, умѣніе владѣть собою, соединенное съ страстной горячностью истиннаго агитатора. Волгинъ называетъ его *настоящимъ человекомъ* и думаетъ, что наши либералы могли бы многому у него поучиться. Все это очень интересно, но ни мало не разъясняетъ практическихъ отношеній Чернышевскаго къ польскому дѣлу, о которомъ въ романѣ нѣтъ ни слова. Изъ статей нашего автора, печатавшихся въ подцензурномъ „Современникѣ“ можно видѣть только то, что онъ при случаѣ всегда высказался въ защиту Польши. Онъ защищаетъ отъ нападокъ оффиціальныхъ русскихъ писателей даже старинный польскій государственный строй, которому онъ, при своихъ демократическихъ взглядахъ, не могъ сильно сочувствовать. Но онъ хвалитъ въ немъ такія стороны общественныхъ отношеній, которымъ не придавалъ цѣны въ своихъ болѣ раннихъ статьяхъ. Какъ мы уже знаемъ, въ статьѣ „Борьба партій во Франціи“ онъ обнаружилъ совершенное равнодушіе къ политическимъ формамъ. Когда онъ писалъ эту статью (въ 1858 г.), ему казалось, что демократъ не можетъ помириться *только съ одной аристократіей*, и что не смотря на политическую свободу Англіи, демократъ долженъ предпочесть ей Сибирь, гдѣ „простонародье“ живетъ будто бы лучше, чѣмъ въ Англіи. Теперь Чернышевскій совсѣмъ иначе смотритъ на вопросы политическаго устройства. Старинный бытъ Польши привлекаетъ его политической свободой. „Въ польскомъ отсутствіи бюрократической централизаціи — говоритъ онъ, разбирая только что вышедшую тогда вторую часть *Архива югозападной Россіи* — лежатъ стремленіе къ осуществленію иного порядка общества, чѣмъ тотъ, къ которому доходили инныя державы (тутъ, конечно, имѣется въ виду Московское государство) — порядка, основаннаго не на принесеніи личности въ жертву отвлеченной идеѣ государства, воплощаемой волею власти, а на соглашеніи свободныхъ личностей для взаимнаго благополучія... Тутъ общественное дѣло есть результатъ общественной мысли; тутъ вѣчная борьба понятій и

убѣжденій переходить изъ области размышленія и слова прямо въ проявленія жизни“. Положимъ, что польское общество было совершенно аристократично, „но кругъ привилегированный могъ расширяться болѣе и болѣе и обнять заброшенную, отверженную, лишенную всякихъ правъ массу народа, еслибы понятія о гражданственности сдѣлались шире и возрасли бы до общечеловѣческихъ идей, не связуемыхъ временными, ограничивающими ихъ полноту предрасудками“*). До такихъ увлеченій въ защитѣ стараго быта Польши не всегда доходили и польскіе демократы. Вѣдь весь вопросъ сводился именно къ тому, какимъ образомъ можно было привести польскихъ магнатовъ къ признанію „общечеловѣческихъ идей“.

По вопросу объ историческихъ результатахъ соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей, Чернышевскій также очень сильно расходится съ нашими официальными историками. „Неужели состояніе Руси во времена Ольгердовъ, Любартовъ, Скирагайловъ, Свидригайловъ было лучше, чѣмъ при Сикизмундахъ въ XVI и въ XVII вѣкахъ? вкликаетъ онъ въ отвѣтъ историкамъ, которые соединеніе съ Польшею выставляли единственной причиной всего дурного въ западной Россіи. „Пора перестать намъ быть односторонними, быть несправедливыми къ Польшѣ, продолжаетъ онъ,—признаемъ по крайней мѣрѣ благотворность ея вліянія на Русь хоть по отношенію къ просвѣщенію. Возьмемъ степень умственнаго образованія въ тѣхъ частяхъ русскаго міра, который соединился съ Польшею, и сравнимъ ее съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи было въ той части нашего общерусскаго отечества, которая оставалась самобытной — въ формѣ Московскаго государства. Не изъ Малороссіи ли пошло просвѣщеніе въ Москву XVII вѣка и не оно ли приготовило все послѣдующее наше образованіе? И не подъ вліяніемъ ли Польши оно возрасло въ Малороссіи?“

Въ ополченіи западной Россіи виноваты, по мнѣнію Чернышевскаго, также не поляки. Высшій классъ въ западной Россіи имѣлъ и права и средства отстоять свою вѣру и свой языкъ и спасти отъ униженія свой народъ, впрочемъ, имъ же самимъ поработенный. Если западнорусская аристократія тѣмъ не менѣе совершенно ополчилась, то винить въ этомъ нужно ее и только ее. „Сами не умѣли себя сохранить, нечего на другихъ взваливать свою вину“ — замѣчаетъ нашъ авторъ.

X

Революціонное настроеніе польскаго общества совпало съ сильнымъ возбужденіемъ крайней партіи въ Россіи. Волновалась учащаяся молодежь, возникали тайныя общества, печатавшія революціонныя программы и прокламаціи, ждали возстанія недовольнаго „не настоящей волей“ крестьянства. Мы видѣли, что Чернышевскій самъ вѣриль въ

*) Совр. 1861 г. апрѣль, Новая книга, стр. 443 и слѣдующія.

возможность подобнаго возстанія ; но по вопросу объ его отношеніяхъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ въ Россіи мы, къ сожалѣнію, знаемъ такъ же мало, какъ и объ отношеніяхъ его къ польскимъ организаціямъ. Здѣсь мы также можемъ говорить лишь о настроеніи Чернышевскаго, выражавшемся полу-словами и намеками въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ“. Настроеніе это несомнѣнно становилось все болѣе и болѣе революціоннымъ. Чернышевскій, находившій когда-то возможнымъ и полезнымъ разъяснить правительству его собственныя выгоды въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, теперь уже и не думаетъ обращаться къ правительству. Всякія сдѣлки съ нимъ, всякіе расчеты на него справедливо кажутся ему вреднѣйшимъ самообольщеніемъ. Въ статьѣ „Русскій реформаторъ“, написанной по поводу выхода книги барона М. Корфа, „Жизнь графа Сперанскаго“, Чернышевскій подробно доказываетъ, что никакой реформаторъ въ дѣлѣ серьезныхъ общественныхъ реформъ не можетъ рассчитывать у насъ на правительство. Тѣмъ менѣе могутъ рассчитывать на него революціонеры. Враги называли Сперанскаго революціонеромъ, но такой отзывъ о немъ кажется Чернышевскому смѣшнымъ. У Сперанскаго были дѣйствительно очень широкіе планы преобразованій, но „смѣшно называть Сперанскаго революціонеромъ по размѣру средствъ, какими онъ думалъ пользоваться для исполненія своихъ проэктвъ“. Онъ держался исключительно тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсть довѣріе императора Александра. Опираясь на это довѣріе, онъ и думалъ совершить свои реформы. И именно поэтому онъ казался Чернышевскому вреднымъ мечтателемъ. Мечтатели часто бываютъ просто смѣшны, а ихъ самообольщенія мелочны, но они „могутъ быть вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль идти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредною“ *).

Намекая молодежи на необходимость революціоннаго способа дѣйствій, Чернышевскій въ то же время объяснялъ ей, что революціонеру, ради достиженія его цѣлей, часто приходится становиться въ такія положенія, до какихъ никогда не можетъ допустить себя честный человѣкъ, преслѣдующій чисто личныя задачи. Такъ, еще въ январѣ 1861 г. Чернышевскій, разбирая одну книгу американскаго экономиста Кэри, неожиданно переходитъ къ разсужденіямъ объ извѣстной еврейской героинѣ Юдѣи и горячо оправдываетъ ея поступокъ. „Историческій путь не троттуаръ Невскаго Проспекта, замѣчаетъ нашъ авторъ ; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкаты сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность : она занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно :

*) Современникъ 1861 г., октябрь, Русская Литер., стр. 249-250.

иному, можетъ быть, кажется, что напр. Юдиѳъ не запятнала себя... Расширьте кругъ вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ.“

По отношенію къ русскому правительству тонъ Чернышевскаго становится все болѣе и болѣе вызывающимъ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ правительство рѣшило нѣсколько ослабить цензурныя стѣсненія. Рѣшено было написать новый цензурный уставъ, и печати позволили высказаться по вопросу объ ея собственномъ обузданіи. Чернышевскій не замедлилъ выяснить свое мнѣніе на этотъ счетъ, мнѣніе сильно расходившееся съ обычнымъ либеральнымъ взглядомъ. Правда, Чернышевскій самъ ѣдко смѣется надъ тѣми людьми, которые полагаютъ, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладоны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра и т. п. „Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію ненатурально-вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такія бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Вѣдь нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ нибудь, затопили они страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ нибудь и хлопнувъ по литерамъ, стрѣльнули онѣ имп какъ картечью.“ Однако Чернышевскій признаетъ, что бываютъ такія эпохи, когда печать можетъ оказаться опасною для правительства данной страны не менѣе картечи. Это именно такія эпохи, когда интересы правительства *расходятся съ интересами общества* и приближается революціонный взрывъ. Находясь въ подобномъ положеніи, правительство имѣетъ всѣ основанія стѣснить печать, потому что печать, наравнѣ съ другими общественными силами, готовитъ его паденіе. Въ такомъ положеніи постоянно находились почти всѣ часто смѣнявшіяся французскія правительства нпнѣшняго вѣка. Все это очень обстоятельно и спокойно изложено Чернышевскимъ. О русскомъ правительствѣ до самаго конца статьи нѣтъ и рѣчи. Но въ заключеніе Чернышевскій неожиданно спрашиваетъ читателя, — а что если бы оказалось, что законы о печати дѣйствительно нужны у насъ? „Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію.“ Поэтому онъ и не хочетъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности специальныхъ законовъ о печати у насъ. „Мы опасаемся, говоритъ онъ, — что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.“*) Выводъ ясенъ: нужны потому, что Россія вступила въ революціонный періодъ своего развитія.

Въ той же мартовской книжкѣ: „Современника“, въ которой была напечатана цитированная статья, появилась также полемическая замѣтка: „*Научились-ли?*“ по поводу извѣстныхъ студенческихъ безпорядковъ 1861 года. Чернышевскій защищаетъ въ ней студентовъ отъ упрека въ нежеланіи учиться, который дѣлали пчѣ наши „охра-

*) Совр. 1862 г. мартъ, статья: „Французскіе законы по дѣламъ печати“

нителі“, и по пути высказываетъ также много горькихъ истинъ правительству. Ближайшимъ поводомъ къ этой полемикѣ послужила статья неизвѣстнаго автора въ „С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: „Учиться или не учиться?“ Чернышевскій отвѣчаетъ, что по отношенію къ студентамъ такой вопросъ не имѣетъ смысла, такъ какъ они всегда хотѣли учиться, но имъ мѣшали стѣснительныя университетскія правила. Студентовъ, — людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда по нашимъ законамъ мужчина можетъ жениться, принимается на государственную службу и „можетъ быть командиромъ военнаго отряда“, — университетскія правила хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Неудивительно, что они протестовали. Имъ запрещали даже такія совершенно безвредныя организаціи, какъ товарищества взаимной помощи, безусловно необходимыя при матеріальной необезпеченности большинства учащихся. Студенты не могли не возстать противъ такихъ порядковъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о „кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.“ Чернышевскій прямо заявляетъ, что составители университетскихъ правилъ именно хотѣли отнять возможность учиться у большинства людей, поступающихъ въ студенты университета. „Если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли правила.“

Безъименный авторъ статьи „Учиться или не учиться?“ направилъ свой упрекъ въ нежеланіи учиться не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества. Этимъ и воспользовался Чернышевскій, чтобы свести споръ о безпорядкахъ въ университетѣ на болѣе общую почву. Противникъ его допускалъ, что существуютъ нѣкоторые признаки желанія русскаго общества учиться. Доказательствомъ этому служили по его мнѣнію „сотни“ возникающихъ у насъ новыхъ журналовъ, „десятки“ воскресныхъ школъ. „Сотни новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? восклицаетъ Чернышевскій. А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочеть-ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ, какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣскольво хотя маленькихъ газетъ ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть... *Десятки воскресныхъ школъ...* Вотъ это не преувеличено, не то что *сотни новыхъ журналовъ* : воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милліоновъ населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленают-

ся, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.“

Сославшись на существованіе „сотень“ новыхъ журналовъ и „десятковъ“ воскресныхъ школъ, какъ на кажущіеся признаки желанія общества учиться, авторъ разобранной Чернышевскимъ статьи поспѣшилъ прибавить, что признаки эти обманчивы. „Послушаешь крики на улицахъ, — меланхолически повѣствовалъ онъ — скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься...“ „Позвольте, г. авторъ статьи, — возражаетъ Чернышевскій, — какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городскихъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ-ли вы говорите? Скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то... — что же такое напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ. Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься...“

Обвинитель студентовъ напалъ на ихъ мнимую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, на то, что они, въ своихъ протестахъ, прибѣгаютъ къ свисткамъ, мочонымъ яблокамъ и тому подобнымъ „уличнымъ орудіямъ“. Чернышевскій возражаетъ ему, что „свистки и мочонныя яблоки употребляются не какъ *уличныя орудія*: уличными орудіями служатъ штыки, приклады, палаши.“ Онъ предлагаетъ своему противнику вспомнить, „студентами-ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ... и была-ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ.“

Понятно, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя статьи Чернышевскаго на русское студенчество. Когда въ послѣдствіи студенческіе беспорядки повторились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то статейка „Научились-ли“ читалась на сходкахъ студентовъ, какъ лучшая защита ихъ справедливыхъ требованій. Понятно также, какъ должны были встрѣчать подобныя вызывающія статьи наши преержащія власти. „Опасное“ вліяніе великаго писателя на учащуюся молодежь все болѣе и болѣе становилось для нихъ несомнѣннымъ.

Кромѣ текущей журнальной работы Чернышевскій усердно занимался также пропагандой основныхъ теоретическихъ положеній своего міросозерцанія. Полемика съ тогдашними представителями русской вульгарной экономіи показала ему, какъ ничтоженъ запасъ экономическихъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Онъ рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ и принялся за переводъ и толкованіе Милля. Длинный рядъ его экономическихъ статей печатался въ продолженіе двухъ лѣтъ (1860-1861) на страницахъ „Современника“. Мы уже высказали свой взглядъ на свойственные Чернышевскому методъ и приемы экономического изслѣдованія. Во второй статьѣ, которая будетъ спеціально посвящена этому предмету, мы сдѣлаемъ подробный разборъ экономического ученія нашего автора. Поэтому теперь мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Выборъ книги Милля, какъ пособія для распространенія въ русской читающей публикѣ правильныхъ политико-экономическихъ воззрѣній, никакъ нельзя при-

знать удачнымъ. Экономическіе взгляды Милля такъ неясны и непослѣдовательны, что въ головѣ читателя никакъ не могло остаться ясныхъ экономическихъ понятій, не смотря на всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя Чернышевскимъ. Временами на самомъ Чернышевскомъ замѣтно отражается вліяніе свойственнаго Миллю „синкретизма“. Торопясь перейти къ критикѣ существующихъ общественныхъ отношеній съ точки зрѣнія здоровой „теоріи“, Чернышевскій пропускаетъ безъ разбора такіе взгляды Милля, которыхъ и тогдашняя наука далеко не могла признать правильными. Мѣстами кажется, что и самъ Чернышевскій раздѣляетъ эти ошибочныя понятія. Впрочемъ, теперь мы не станемъ пускаться въ подробности.

Чернышевскій могъ бы найти въ тогдашней западно-европейской экономической литературѣ писателей, гораздо болѣе достойныхъ серьезнаго вниманія. По вопросу объ отношеніяхъ труда къ капиталу Родбертусъ является настоящимъ гигантомъ въ сравненіи съ Миллемъ. По другимъ отдѣламъ полезнѣе было бы перевести, снабдивъ ее примѣчаніями и дополненіями, книгу Рикардо. У Рикардо есть чему поучиться даже свѣдущему читателю, между тѣмъ какъ даже свѣдущій читатель можетъ сбиться съ толку подъ вліяніемъ Милля. Вредное вліяніе на нашу читающую публику этого человѣка, всю жизнь свою старавшагося сѣсть между двухъ стульевъ, сдѣлалось особенно замѣтнымъ въ послѣдствіи, когда примѣчанія и дополненія Чернышевскаго къ его книгѣ были запрещены и въ продажѣ оставался одинъ только переводъ ея. Почерпая изъ Милля свои экономическія понятія, русская читающая публика не имѣла, можно сказать, ровно никакихъ экономическихъ понятій.

Почти одновременно съ популярзаціей Милля Чернышевскій принялъ переводъ на русскій языкъ Шлоссера, очень любимаго имъ и дѣйствительно очень достойнаго уваженія историка.

IX

Чернышевскому было тогда около 35 лѣтъ. Онъ находился въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, и до чего не могъ бы онъ дойти въ своемъ развитіи! Но уже не долго оставалось ему жить на свободѣ. Онъ былъ признанъ главою крайней партіи, явнымъ проповѣдникомъ матеріализма и социализма. Его считали „коноводитомъ“ революціонной молодежи, его винили за всѣ ея вспышки и волненія. Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва раздувала дѣло и приписывала Чернышевскому даже такія намѣренія и дѣйствія, какихъ у него никогда не было. Въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій самъ описываетъ тѣ сочувственно-либеральныя сплетни, которыя ходили въ Петербургѣ относительно мнимыхъ сношеній Волгина (т. е. его самого) съ лондонскимъ кружкомъ русскихъ изгнанниковъ. Сплетни эти возникли по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ политикой. И, какъ водится, сплетнями не ограничи-

валось дѣло. „Охранительная“ печать давно уже занималась литературными доносами на Чернышевскаго. Въ 1862 году „Современникъ“ былъ на время приостановленъ. Потомъ появились и нелитературные доносы. „Управляющій Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, говорится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго, получилъ безыменное письмо, конемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго социалиста“; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличать; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого человѣка; всѣ бывшіе пріатели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральнѣе отделились отъ него. Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы... Можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется изъ за нихъ. Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ — вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но скорѣе отпните у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія.“

Седьмого іюля 1862 года Чернышевскаго арестовали. Такъ какъ, по словамъ доносчика, онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличать, то синіе рыцари 3-го отдѣленія успѣшили состричь фальшивыя улики. Какъ велось дѣло Чернышевскаго, видно изъ того, что прокуроръ не постыдился цитировать письмо безыменнаго доносчика даже въ обвинительномъ актѣ, между тѣмъ какъ русскій законъ предписываетъ „по доносамъ въ безыменныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не производить слѣдствія“ (ст. 52 кн. II Зак. Уг. т. XV Св. зак., изд. 1857 г.). Еще до ареста Чернышевскаго схватили какого-то Вѣтошкина, у котораго нашли, будто бы, письмо Герцена къ Серно-Соловьевичу, гдѣ есть, будто бы, такая приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать Современникъ“. На основаніи этой приписки и арестовали Чернышевскаго. А между тѣмъ Герценъ въ номерѣ 193 „Колокола“ утверждалъ, что онъ ни слова не говорилъ въ письмахъ о своихъ планахъ литературной дѣятельности вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. „Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать „Современникъ“ съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, хочетъ онъ или нѣтъ издавать „Современникъ“ внѣ Россіи... Запрещеніе „Современника“ было объявлено въ газетахъ, мы тотчасъ предложили громко и открыто издателямъ „Современника“ печатать его на нашъ счетъ за-границей. На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужъ не служу ли послѣ этого и я въ тайной полиціи?“ — Но когда же останавливались передъ ложью и фальсификаціями усердные слуги русскаго правительства? При обыскѣ у Чернышевскаго нашли нѣсколько ничего не доказывающихъ бумагъ и писемъ, привлекли къ дѣлу такихъ, уже всѣмъ извѣстныхъ тогда, доносчиковъ, какъ Всеволодъ Костомаровъ, раскопали даже дневникъ обвиняема-

го, въ которомъ онъ, еще до своей женитьбы, писалъ, между прочимъ, что „его каждый день могутъ взять“, — и дѣльце было обдѣлано. Чернышевскаго предали суду сената, обвиняя его: 1) въ сношеніяхъ съ Герценомъ; 2) въ сочиненіи возмутительнаго воззванія „къ барскимъ крестьянамъ“, переданнаго будто бы доносчику В. Костомарову для напечатанія, и 3) въ приготовленіи къ возмущенію. Интересно, что единственнымъ доказательствомъ „приготовленія къ возмущенію“ было доставленное Костомаровымъ же письмо къ какому-то Алексѣю Николаевичу, въ которомъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорится, что времени терять нечего, что „теперь или никогда“, и что у неизвѣстнаго Алексѣя Николаевича нѣтъ энергии. Чернышевскій настойчиво отрицалъ принадлежность ему этого письма, но еслибы оно ему даже и принадлежало, то на основаніи его можно было бы доказать лишь участіе его въ заведеніи тайной типографіи: „Вы вотъ уже около года водите насъ своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы наше дѣло было выиграно.“ О какомъ дѣлѣ говорится въ письмѣ, — это совершенно неизвѣстно. Упоминается въ немъ, правда, о печатаніи какого то манифеста, но вѣдь не всякій манифестъ есть „приготовленіе къ возмущенію“. Казалось бы, даже третье-отдѣленскіе юристы должны были понимать, что отъ заведенія тайной типографіи и печатанія манифестовъ еще далеко до приготовленія къ возмущенію. Они, конечно, и понимали это. Но еще лучше понимали они, что Чернышевскій представляетъ собою огромную, незамѣнимую революціонную силу.

Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ предположеніи, что Чернышевскій принадлежалъ къ какому нибудь революціонному обществу. Напротивъ, такое предположеніе даже вполнѣ вѣроятно. Но гдѣ же въ цивилизованномъ мірѣ *вѣроятность* считается *юридической уликой*? Нигдѣ, кромѣ Россіи, да и въ Россіи только въ политическихъ процессахъ.

Неразборчивость прокурорскаго надзора по отношенію къ уликамъ въ дѣлѣ Чернышевскаго показываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Обвинительный актъ цитируетъ письмо подсудимаго къ женѣ, писанное имъ уже изъ крѣпости. „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, говорится въ немъ, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами“. Кромѣ этихъ словъ ясно указывающихъ на „приготовленіе къ возмущенію“, обвинительный актъ цитируетъ еще слѣдующія строки изъ того же письма. Говоря женѣ о своемъ намѣреніи составлять „Энциклопедію знанія и жизни“, Чернышевскій пишетъ: „Со времени Аристотеля не было еще дѣлано никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.“ Что доказываютъ эти строки? Зачѣмъ ссылался на нихъ составитель обвинительнаго акта? Ясное дѣло! человекъ готовый къ изданію энциклопедіи совершенно готовъ и къ „возмущенію“!

Около 2 лѣтъ тянулось слѣдствіе по дѣлу Чернышевскаго. Онъ упорно отрицалъ возводимыя на него обвиненія и надѣялся, пови-

димому, что ему скоро удастся вырваться изъ когтей русскаго орла. На эту надежду указываетъ самое намѣреніе издавать „Энциклопедію“. Полонъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и романъ „Что дѣлать?“, написанный имъ уже въ заключеніи. Впрочемъ, въ романѣ этомъ надежды приурочиваются не къ юридическимъ соображеніямъ о невозможности осудить его по недостатку уликъ, а къ скорому торжеству освободительнаго движенія въ Россіи. Намеки на близость этого торжества часто встрѣчаются въ романѣ. Въ эпилогѣ есть даже какія-то неясныя указанія на 1866 г. (романъ оконченъ въ апрѣлѣ 1864 г.), въ которомъ должно произойти въ Россіи что-то особенное. Одна дама, являвшаяся въ послѣднихъ сценахъ романа и носившая трауръ по близкомъ человѣкѣ, очевидно находившемся въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, въ 1866 г. ѣдетъ по улицамъ Петербурга уже веселая и радостная, въ сопровожденіи своего освобожденнаго друга. Мы, разумѣется, можемъ только догадываться, что хотѣлъ сказать этимъ авторъ.

XII

Содержанія „Что дѣлать?“ мы излагать не будемъ. Кто не читалъ и не перечитывалъ этого знаменитаго произведенія? Кто не увлекался имъ, кто не становился подъ его благотворнымъ вліяніемъ чище, лучше, бодрѣе и смѣлѣе? Кого не поражала нравственная чистота главныхъ дѣйствующихъ лицъ? Кто послѣ чтенія этого романа не задумывался надъ собственной жизнью, не подвергалъ строгой провѣркѣ своихъ собственныхъ стремленій и наклонностей? Всѣ мы черпали изъ него и нравственную силу, и вѣру въ лучшее будущее,

И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Наши обскуранты не разъ указывали на отсутствіе въ романѣ художественныхъ достоинствъ, на его очевидную тенденціозность. Съ внѣшней стороны упреки эти справедливы: романъ дѣйствительно очень тенденціозенъ, художественныхъ достоинствъ въ немъ очень мало. Но пусть укажутъ намъ хоть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, истинно художественныхъ произведеній русской литературы, которое по своему вліянію на нравственное и умственное развитіе страны могло бы поспорить съ романомъ „Что дѣлать?“ Никто не укажетъ такого произведенія, потому что его не было, нѣтъ и, навѣрное, не будетъ. Съ тѣхъ поръ какъ завелись типографскіе станки въ Россіи и вплоть до нашего времени ни одно печатное произведеніе не имѣло въ Россіи такого успѣха, какъ „Что дѣлать?“ Извольте послѣ этого указывать на тенденціозность автора, извольте повторять, что онъ не художникъ! Читающая публика очень основательно затѣтитъ вамъ, что ей до этого нѣтъ дѣла, что всякая беллетристика хороша, кромѣ скучной, романъ же Чернышевскаго вызывалъ въ ней восторгъ, а не скуку;

этого съ нея совершенно достаточно. Наконецъ, господа обскуранты, вѣдь вы также не чуждаетесь тенденціозности въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Вы также не прочь написать тенденціозный романъ или повѣсть. Вся бѣда въ томъ, что *вашихъ* тенденціозныхъ произведеній никто не читаетъ, что ими никто не увлекается. Какъ вы думаете, откуда происходитъ это различіе? Не показываетъ ли оно, что тенденція тенденціи рознь, и что бываютъ такіа тенденціи, которыя нисколько не мѣшаютъ успѣху окрашенныхъ ими произведеній?

Въ чемъ заключалась тайна колоссальнаго, неслыханнаго успѣха „Что дѣлать?“ Именно въ характерѣ его тенденціи, въ полной своевременности распространенія у насъ высказанныхъ авторомъ мыслей. Сами по себѣ мысли эти были не новы, Чернышевскій цѣликомъ взялъ ихъ изъ западно-европейской литературы. Проповѣдью свободныхъ и, главное, *искреннихъ, честныхъ* отношеній въ любви мужчины къ женщинѣ гораздо раньше его занималась Жоржъ Сандъ во Франціи*). Лукреція Флоріани по нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ею къ любви, ничѣмъ не отличается отъ Вѣры Павловны. Идеи Жоржъ Сандъ еще въ сороковыхъ годахъ встрѣчали у насъ (самое горячее сочувствіе. Бѣлинскій былъ страстнымъ поклонникомъ этой писательницы. Въ своихъ статьяхъ онъ не разъ проводилъ ея взгляды на свободу и искренность въ любовныхъ отношеніяхъ. Извѣстно, какъ упрекалъ онъ пушкинскую Татьяну въ томъ, что, любя Онѣгина, но въ то же время будучи „другому отдана“, она не послѣдовала влеченію своего сердца и продолжала жить съ нелюбимымъ старикомъ-мужемъ. Лучшіе изъ „людей сороковыхъ годовъ“ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ держались тѣхъ же принциповъ, какимъ слѣдовали Лопуховъ и Кирсановъ. Но до появленія романа „Что дѣлать?“ эти принципы раздѣлялись только небольшою кучкой „избранныхъ“, масса читающей публики совсѣмъ не понимала ихъ. Даже Герценъ не рѣшился высказать ихъ во всей полнотѣ и ясности въ своемъ романѣ „Кто виноватъ?“ Съ выходомъ „Что дѣлать?“ — вопросъ былъ поставленъ до послѣдней степени ясно и рѣзко. Никакія сомнѣнія не могли болѣе имѣть мѣста. Мыслящимъ людямъ оставалось: или руководствоваться въ любви принципами Лопухова и Кирсанова, или, склоняясь передъ святостью брака, прибѣгать, въ случаѣ появленія у нихъ новаго чувства, къ старому испытанному средству тайныхъ амурныхъ похиженій, или, наконецъ, совершенно подавлять въ себѣ всякое любовное чувство, въ виду *принадлежности* своей другому, уже нелюбимому человѣку. И выборъ приходилось дѣлать совершенно сознательно. Чернышевскій такъ разъяснилъ этотъ вопросъ, что естественная прежде необдуманность и непосредственность любовныхъ отношеній сдѣлались совер-

*) Замѣтимъ кстати, что „wahlverwandschaften“ Гете и нѣкоторыя изъ его драмъ также представляютъ собою слово въ защиту свободной любви. Это хорошо понимаютъ многіе нѣмецкіе историки нѣмецкой литературы, которые, не дерзая хулить такого авторитетнаго писателя, и въ то же время не смѣя согласиться съ нимъ по своему филистерскому благонравію, лепечутъ обыкновенно нѣчто совершенно непонятное на счетъ странныхъ будто бы парадоксовъ великаго нѣмца.

шенно невозможными. На любовь распространился контроль сознания, сознательный взгляд на отношенія мужчины къ женщинамъ слѣдился достояніемъ широкой публики. И это было особенно важно у насъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Пережитыя Россіей реформы перевернули вверхъ дномъ не только ея общественныя, но и семейныя отношенія. Лучи свѣта проникли въ такіе закоулки, которые до того времени оставались совершенно темными. Русскіе люди вынуждены были оглянуться на себя, посмотрѣть трезвыми глазами на свои отношенія къ ближнимъ, къ обществу и семьѣ. Въ семейныхъ отношеніяхъ, въ любви и дружбѣ сталъ играть большую роль новый элементъ: *убѣжденія*, которыя имѣлись прежде лишь у самой маленькой кучки „идеалистовъ“. Различіе въ убѣжденіяхъ служило поводомъ къ неожиданнымъ разрывамъ. Женщина, „отданная“ извѣстному человѣку, нерѣдко съ ужасомъ открывала, что ея законный „обладатель“ есть обскуравтъ, взяточникъ, низкопоклонный льстецъ передъ начальствомъ. Мужчина, съ наслажденіемъ „обладавшій“ прежде красавицей женою и неожиданно для него самого затронутый потокомъ новыхъ идей, часто съ отчаяніемъ видѣлъ, что его прелестная игрушка интересуется вовсе не „новыми людьми“ и не „новыми взглядами“, а новыми нарядами да танцами, да еще чинами и жалованьемъ мужа. Всѣ объясненія и увѣщанія оказываются напрасными, красавица превращается въ настоящую мегеру, какъ только мужъ попробуетъ заикнуться, что онъ „служить бы радъ“, но что „прислуживаться тошно“. Какъ быть? Что дѣлать? Знаменитый романъ показывалъ, какъ быть и что дѣлать. Подъ его вліяніемъ люди, считавшіе себя прежде законной собственностью другихъ, начинали повторять вмѣстѣ съ его авторомъ: о грязь, о грязь, кто смѣетъ обладать человѣкомъ! — и въ нихъ просыпалось сознаніе человѣческаго достоинства, и они, часто послѣ жесточайшихъ душевныхъ и семейныхъ бурь, становились на собственные ноги, устраивали свою жизнь сообразно со своими убѣжденіями и сознательно шли къ разумной человѣческой цѣли. Уже въ виду одного этого можно сказать, что имя Чернышевскаго принадлежитъ исторіи, и будетъ оно мило людямъ, и будутъ вспоминать его съ благодарностью, когда уже не будетъ въ живыхъ никого изъ лично знавшихъ *великаго русскаго просвѣтителя*.

Обскуранты обвиняли Чернышевскаго въ томъ, что онъ проповѣдывалъ будто бы въ своемъ романѣ „*эмансипацію плоти*“. Нѣтъ ничего нелѣпѣе и лицемѣрнѣе этого обвиненія! Возьмите любой романъ изъ великосвѣтской жизни, припомните любовныя похождения дворянства и буржуазіи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ — и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповѣдовать давно уже совершившуюся эмансипацію плоти. Его романъ проповѣдуетъ, наоборотъ, *эмансипацію человѣческаго духа, человѣческаго разума*. Никто изъ людей, проникшихся направлениемъ этого романа, не будетъ имѣть склонности къ будуарнымъ похождениямъ, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь „свѣтскимъ“ людямъ, проникнутымъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ ходячей морали. Гг. обскуранты прекрасно понимаютъ строго-нравственный характеръ произведенія Чернышевскаго и сердятся на него именно за его нравственную строгость. Они чувству-

ютъ, что люди, подобные героямъ „Что дѣлать?“, должны считать ихъ величайшими развратниками и испытывать къ нимъ глубочайшее презрѣніе.

Нѣкоторые замѣчаютъ также, что хорошо было Лопухову и Вѣрѣ Павловнѣ проявлять свои возвышенныя чувства, когда у нихъ не было дѣтей: будь у нихъ дѣти, имъ пришлось бы идти по избитой дорогѣ въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ. Чернышевскій и самъ говоритъ, что если бы у Вѣры Павловны были дѣти, то она, можетъ быть, поступила бы иначе. Онъ прекрасно понималъ, что вопросъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о семьѣ, безъ которой люди не могутъ жить въ существующемъ теперь обществѣ. Онъ зналъ, что для того чтобы любовь была вполнѣ свободна, нужно перестроить всѣ семейныя, а слѣдовательно и всѣ общественныя отношенія. Но онъ не остановился передъ этой мыслью, потому что иное дѣло тѣ любовныя отношенія, въ которыя люди будутъ вступать впоследствии, иное дѣло та человѣчность и разумность, которыя уже въ настоящее время возможны въ бракѣ между развитыми людьми. Если бы потомство Вѣры Павловны и Лопухова умножилось какъ песокъ морской, то и тогда они остались бы людьми разумными и гуманными, а слѣдовательно и не отравляли бы другъ другу жизни за невольныя, независящія отъ ихъ воли уклоненія чувства. Чернышевскій, можетъ быть, даже нарочно изобразилъ въ своемъ романѣ простѣйшій случай: возникновеніе новаго чувства у замужней бездѣтной женщины. Уяснивъ на этомъ случаѣ взаимныя обязанности порядочныхъ людей, онъ затѣмъ могъ уже ожидать, что понявшіе его читатели сами рѣшатъ, какъ должны вести себя въ подобныхъ случаяхъ имѣющія дѣтей брачныя пары: подъ вліяніемъ различныхъ частныхъ соображеній они могутъ поступать различно; но разъ они поняли взглядъ Чернышевскаго, они никогда уже не поведутъ себя подобно людямъ стараго зачала.

XIII

Мы знаемъ, — распространеніе въ Россіи великихъ идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать единственную цѣль въ жизни нашего автора. Въ интересахъ такого распространенія написалъ онъ и романъ „Что дѣлать?“. Ошибочно было бы разсматривать этотъ романъ исключительно только какъ проповѣдь разумныхъ отношеній въ любви. Любовь Вѣры Павловны къ Лопухову и Кирсанову — это только канва, по которой располагаются другія, болѣе важныя мысли автора. Мы уже говорили объ ассоціаціяхъ, заведенныхъ Вѣрой Павловной. Заставляя ее братья за эту дѣятельность, авторъ хотѣлъ указать своимъ послѣдователямъ на практическія задачи социалистовъ въ Россіи. Въ снахъ Вѣры Павловны яркими красками рисуются социалистическіе идеалы автора. Картина социалистическаго общежитія нарисована имъ цѣликомъ по Фурье. Чернышевскій не предлагаетъ читателямъ ничего новаго. Онъ толь-

ко знакомить ихъ съ тѣми выводами, къ которымъ давно уже пришла западно-европейская мысль. Здѣсь опять приходится замѣтить, что взгляды Фурье уже въ сороковыхъ годахъ извѣстны были въ Россіи. За фурьеризмъ судились и были осуждены „Петрашевцы“. Но Чернышевскій придалъ идеямъ Фурье небывалое до тѣхъ поръ у насъ распространеніе. Онъ ознакомилъ съ ними широкую публику. Впослѣдствіи у насъ даже поклонники Чернышевскаго пожимали плечами, говоря о снахъ Вѣры Павловны. Сбившіеся ей фаланстеры казались потомъ нѣкоторымъ довольно наивной мечтою. Говорили, что знаменитый писатель могъ бы побесѣдовать съ читателемъ о чемъ нибудь болѣе къ намъ близкомъ и болѣе практичномъ. Такъ разсуждали даже люди, называвшіе себя социалистами. Признаемся, мы совсѣмъ не такъ смотримъ на это дѣло. Въ снахъ Вѣры Павловны мы видимъ такую черту социалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго, на которую къ сожалѣнію, не обращали до сихъ поръ достаточнаго вниманія русскіе социалисты. Въ этихъ снахъ насъ привлекаетъ вполне усвоенное Чернышевскимъ сознаніе того, что социалистическій строй можетъ основываться только на широкомъ примѣненіи къ производству техническихъ силъ, развитыхъ буржуазнымъ періодомъ. Въ снахъ Вѣры Павловны огромныя арміи труда занимаются производствомъ собообща, переходя изъ Средней Азіи въ Россію, изъ странъ жаркаго климата въ холодныя страны. Все это, конечно, можно было узнать и изъ Фурье, но что этого не знала русская читающая публика видно изъ даже послѣдующей исторіи такъ называемаго русскаго социализма. Въ своихъ представленіяхъ о социалистическомъ обществѣ наши революціонеры не рѣдко доходили до того, что воображали его въ видѣ федераціи крестьянскихъ общинъ, обрабатывающихъ свои поля тою же допотопною сохою, съ помощію которой они ковыряли землю еще при Василіѣ Темномъ. Но само собою разумѣется, что такой „социализмъ“ вовсе ни можетъ быть признанъ социализмомъ. Освобожденіе труда можетъ совершиться только въ силу освобожденія человѣка отъ „власти земли“ и вообще природы. А для этого послѣдняго освобожденія безусловно необходимы тѣ арміи труда и то широкое примѣненіе къ производству современныхъ производительныхъ силъ, о которыхъ говорилъ въ снахъ Вѣры Павловны Чернышевскій и о которыхъ мы, въ своемъ стремленіи къ „практичности“, совершенно позабыли.

Что социалистическіе взгляды Чернышевскаго не были поняты очень многими изъ его читателей, — видно изъ прекрасной въ литературномъ отношеніи статьи Д. И. Писарева: „Мыслящій пролетаріатъ“, представляющей собою разборъ „Что дѣлать?“. Писаревъ въ восторгѣ отъ Вѣры Павловны, Лопухова и Кирсанова. Для него они являются истинными представителями „базаровскаго типа“, поставленными въ наиболѣе подходящую для нихъ обстановку*). Это — новые люди въ полномъ смыслѣ слова. Но какъ представляетъ онъ

*) Впрочемъ, самъ Чернышевскій едва ли смотрѣлъ на своихъ героевъ, какъ на представителей „базаровскаго типа“. „Современникъ“ видѣлъ въ Базаровѣ каррикатуру на „молодое поколѣніе“. (См. извѣстную статью М. А. Антоновича: „Асмодей нашего времени“ въ мартовской книжкѣ „Современника“ 1862 г.)

себѣ характеръ и дѣятельность новыхъ людей? Онъ схватывается прежде всего за то, что всѣ они занимаются естественными науками. Естественныя науки были, какъ извѣстно, для Писарева альфой и омегой знанія. Занимайся одной изъ этихъ *настоящихъ* наукъ, трудись, устрой разумно свои отношенія къ женѣ и друзьямъ — и я ты тѣмъ самымъ станешь „мыслящимъ пролетаріемъ“, будешь работать на пользу другихъ, пока еще не мыслящихъ пролетаріевъ, будешь вполнѣ „содарень“ съ ними. О томъ, что у „мыслящаго“ пролетарія могутъ быть иныя, болѣе широкія задачи по отношенію къ остальнымъ пролетаріямъ—въ статьѣ нѣтъ ни слова. Конечно, хорошо завести, подобно Вѣрѣ Павловнѣ, ту или другую ассоціацію, но главное не въ этомъ, а въ разумномъ устройствѣ личной жизни и въ занятіи естественными науками. Рахметова Писаревъ даже вовсе не понимаетъ. Онъ, пожалуй, и не прочь и похвалить Рахметова (нельзя не похвалить его, его хвалитъ самъ Чернышевскій), но, не понимая этого типа, онъ невольно обнаруживаетъ свою антипатію къ нему. Настоящими, идеальными „новыми людьми“ для Писарева все таки остаются Вѣра Павловна, Лопуховъ и Кирсановъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Чернышевскаго, Рахметовъ также относится къ Лопухову и его ближайшимъ друзьямъ, какъ огромный дворецъ относится къ обыкновенному дому. Рахметовъ и выведенъ для того, чтобы показать относительную заурядность людей, подобныхъ Лопухову. Лопуховъ — человекъ личныхъ отношеній. Онъ очень сочувствуетъ социализму, но занимается общественными дѣлами лишь мимоходомъ, лишь когда случится. Рахметовъ посвящаетъ общественному дѣлу все свое время и всѣ свои помысленія. Онъ совсѣмъ не знаетъ личныхъ печалей и радостей. Онъ даже рѣшился никогда не сходить съ женщиной. Поэтому онъ совершенно застрахованъ отъ исторій, подобныхъ той, въ которой обрисовался характеръ Лопухова и Кирсанова. Это — человекъ идеи. Только на служеніи идеѣ и могутъ обнаружиться богатая сила этого желѣзнаго характера. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ тяжелъ, если хотите просто невыносимъ, какъ это безъ церемоніи говоритъ ему Вѣра Павловна. Да онъ и самъ сознаетъ это и ни мало не огорчается подобнымъ сознаниемъ. Большому кораблю — большое плаваніе.

Чернышевскій присутствовалъ при зарожденіи у насъ поваго типа „новыхъ людей“ — революціонера. Онъ радостно привѣтствовалъ появленіе этого типа и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нарисовать хотя бы неясный его профиль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ грустью предвидѣлъ, какъ много мукъ и страданій придется пережить русскому революціонеру, жизнь котораго должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелаго самоотверженія. И вотъ Чернышевскій выставляетъ передъ нами въ Рахметовѣ настоящаго аскета. Рахметовъ положительно мучаетъ себя. Онъ совсѣмъ „безжалостный до себя“, по выраженію его квартирной хозяйки. Онъ рѣшается даже попробовать, сможетъ-ли вынести пытку и съ этой цѣлью лежитъ всю ночь на войлокѣ, утыканномъ гвоздями. Многие, и въ томъ числѣ Писаревъ, видѣли въ этомъ простое чудачество. Мы согласны, что нѣкоторыя частности въ характерѣ Рахметова могли быть изображены

иначе. Но вся совокупность его характера все таки остается вполне верной действительности. Въ каждомъ изъ выдающихся русскихъ революціонеровъ была огромная доля рахметовщины.

Теперь революціонеръ изъ „интеллигентной“ среды почти совершенно сыгралъ свою роль. Въ немъ уже нѣтъ оригинальности, онъ повторяется, мельчаетъ. На смѣну ему должны придти и, конечно, придутъ революціонеры изъ рабочей среды, эти истинныя „дѣти народа“. Но онъ имѣлъ свою, полную славы, исторію и потому нельзя не подивиться чуткости Чернышевскаго, который сумѣлъ такъ хорошо подмѣтить и такъ вѣрно изобразить по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты только что нарождавшагося тогда типа.

XV

Сенатъ постановилъ лишить Чернышевскаго правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда. Въ окончательномъ приговорѣ срокъ каторжной работы былъ сокращенъ до 7 лѣтъ. 13 іюня 1864 года на Мыстинской Площади на Пескахъ происходило чтеніе приговора надъ великимъ русскимъ социалистомъ. Блѣдный, исхудалый, измученный, онъ былъ выставленъ къ „позорному“ столбу и стоялъ молча, отвернувшись спиной къ чиновнику, читавшему приговоръ. Надъ осужденнымъ продѣланъ былъ обрядъ преломленія шпаги и затѣмъ руки его были продѣты палачемъ въ кольца, прикованныя къ эшафотному столбу. Въ эту минуту на эшафотъ упалъ букетъ, и въ толпѣ, переполнявшей Мыстинскую Площадь, раздались крики сочувствія къ осужденному... Чернышевскаго отправили въ Сибирь.

Извѣстный Муравьевъ-Вѣпатель хотѣлъ было притянуть его къ Каракозовскому дѣлу, но Александръ II почему то воспротивился этому, и Чернышевскій остался въ Сибири. Тамъ онъ пробылъ 20 лѣтъ, при чемъ, по настоянію шефа жандармовъ, графа Шувалова, его миновали всѣ законы смягченія. По окончаніи 7-ми лѣтней каторжной работы онъ былъ поселенъ въ Вилюйскѣ, Якутской области, гдѣ единственными его собесѣдниками могли быть только сторожившіе его казаки и жандармы. Въ этомъ новомъ заключеніи въ отдаленномъ и до крайности нездоровомъ сибирскомъ заолустьѣ Чернышевскій прожилъ до самаго 1884 года, когда ему позволили переѣхать на житье въ Астрахань. Нужно удивляться, какъ вынесъ всю массу обрушившихся на него преслѣдованій этотъ физически безсильный, слабогрудый человекъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о довольно многочисленныхъ попыткахъ освобожденія Чернышевскаго, такъ какъ онѣ достаточно извѣстны публикѣ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Сибири Чернышевскій снова дѣятельно принялся за литературную работу. Онъ прилежно переводилъ

„Всемирную Исторію“ Вебера и написалъ нѣсколько статей для періодическихъ изданій. Замѣчательно, что одной изъ послѣднихъ статей, написанныхъ нашимъ авторомъ до ссылки, были „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, и одной изъ первыхъ большихъ статей, написанныхъ имъ по возвращеніи изъ ссылки, было продолженіе тѣхъ же „Матеріаловъ“. Очевидно, что воспоминаніе о безвременно умершемъ, даровитомъ и любимомъ товарищѣ никогда не покидало Чернышевскаго.

О статьяхъ, написанныхъ имъ послѣ ссылки, мы поговоримъ во второй статьѣ. Теперь скажемъ только, что хотя по языку и манерѣ легко было узнать въ этихъ статьяхъ Чернышевскаго, но въ нихъ уже нѣтъ прежняго блеска и прежней глубины его мысли. Его статья о Дарвинѣ положительно слаба, слаба до крайности, до того, что производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Читая ее чувствуешь, что имѣешь дѣло съ писателемъ, уже окончательно разбитымъ и надломленнымъ. Небольшая доля свободы, предоставленная ему передъ смертью, не могла уже воскресить прежняго Чернышевскаго. Преній Чернышевскій былъ убитъ приговоромъ сената, и никогда русское правительство не совершало большаго преступленія по отношенію къ умственному развитію Россіи. Вотъ почему, заканчивая эту первую статью, мы съ величайшимъ сочувствіемъ повторимъ слова Герцена, написаннаго имъ какъ только ему сталъ извѣстенъ приговоръ по дѣлу Чернышевскаго: „Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая навлекла это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она приучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди—трава, люди—слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!“

Г. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

КНИГА ВТОРАЯ

Августъ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
Отрывокъ изъ романа Степняка АНДРЕЙ КОЖУХОВЪ ,(переведе- но съ англійскаго).	4
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА (Объясча- ніе) Фридриха Энгельса.	42
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. (Статья вторая). Г Плеханова.. . . .	62

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ И и послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ. П. Аксельрода.	1
1 МАЯ 1890 года. Г. Плеханова.	43
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	61
ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И РУССКОЕ ШПИОНСТВО	82

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(Статья вторая).

Буржуазнымъ экономистамъ добраго стараго времени, на примѣръ Давиду Рикардо, окружавшія ихъ экономическія отношенія казались не только самыми лучшими и справедливыми, но и единственно-возможными отношеніями. Они знали, конечно, изъ исторіи, что не всегда люди жили и работали при одинаковыхъ условіяхъ производства. Античное рабство, средневѣковый строй съ его цехами и крѣпостничествомъ, наконецъ, административная регламентація промышленности въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, — всѣ подобныя примѣры экономическихъ отношеній, значительно или даже совершенно расходившихся съ требованіями школы Смита, не могли быть неизвѣстны буржуазнымъ экономистамъ. Но экономисты ни мало не смущались ими; они считали ихъ случайными отклоненіями отъ нормы, плодомъ насилія или невѣжества. Рикардо, приводя въ примѣръ первобытныхъ охотниковъ, заставляетъ этихъ дикарей обмѣнивать свои продукты согласно законамъ товарнаго обращенія въ буржуазномъ обществѣ. Если бы ему сказали, что такъ не бываетъ въ дѣйствительности, то онъ въ отвѣтъ на это, вѣроятно, только пожалъ бы плечами. „Мнѣ это рѣшительно все равно, сказалъ бы онъ. Я знаю, что много глупостей совершаютъ дикари по своему невѣжеству. Но если бы они получили возможность устраивать свои отношенія сообразно требованіямъ здраваго смысла, они навѣрное завели бы у себя порядки, подобныя нашимъ. Именно такой случай я и предполагаю въ своемъ гипотетическомъ примѣрѣ товарнаго обмѣна между дикарями“. — Вообще буржуазные экономисты обращались съ историческими фактами такъ же безцеремонно, какъ обращались съ ними „просвѣтителе“ XVIII вѣка: что подходило подъ готовую теорію — считалось дѣйствіемъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ „естественныхъ законовъ“, что противорѣчило ей — считалось простою случайностью.

Такая точка зрѣнія была очень наивна. Но она до поры до времени не мѣшала добросовѣстному, хотя, правда, въ то же время поверхностному, изученію экономической жизни буржуазнаго общест-

ва, точно также как не мѣшало до поры до времени успѣхамъ зоологій убѣжденіе ученыхъ въ неизмѣняемости животныхъ видовъ. До известной степени она имѣла даже свою полезную сторону, такъ какъ обуславливала спокойное и безпристрастное отношеніе экономистовъ къ предмету ихъ изученія. У нихъ не было основанія опасаться за будущее окружающаго ихъ порядка вещей, а слѣдовательно не было и причины бояться логическихъ выводовъ науки, не было надобности обходить тѣ щекотливые вопросы, которые впоследствии получили названіе „проклятыхъ“. „Проклятые“ вопросы выступаютъ на очередь обыкновенно лишь тогда, когда наивная вѣра въ незыблемость существующихъ общественныхъ отношеній оказывается утраченной. Но пока эти отношенія всѣми считаются выраженіемъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ „естественныхъ законовъ“, — для проклятыхъ вопросовъ нѣтъ мѣста. Конечно, экономисты въ своихъ изысканіяхъ могли приходиться къ нѣкоторымъ не весьма отраднымъ выводамъ на счетъ общественныхъ послѣдствій того или другого „естественнаго закона“. Такъ, Рикардо видѣлъ, что введеніе машинъ уменьшаетъ спросъ на рабочія руки и тѣмъ создаетъ излишнее рабочее населеніе. Какъ честный и безпристрастный ученый, онъ не считалъ себя въ правѣ замалчивать это печальное для него явленіе, онъ даже сожалѣлъ о томъ, что прежде, хотя бы только путемъ устныхъ бесѣдъ, содѣйствовалъ распространенію въ обществѣ другого, противоположнаго взгляда на этотъ вопросъ. Но къ чему обязывалъ его на практикѣ печальный взглядъ относительно борьбы машины съ работникомъ? Ровно ни къ чему. Ни одна страна не можетъ безнаказанно препятствовать введенію у себя машиннаго производства, разсуждалъ онъ, — если бы какая нибудь страна вздумала поступить такъ, то она не только не подняла бы благосостоянія рабочихъ, но принесла бы имъ огромный вредъ. Остается, значитъ безропотно подчиниться дѣйствию „естественнаго закона“, который изъ всѣхъ возможныхъ золъ все таки приноситъ намъ наименьшее. То же и относительно распредѣленія продуктовъ. Рикардо понималъ, что доходъ высшихъ классовъ создается трудомъ работниковъ. И онъ высказывалъ это безъ обиняковъ, такъ какъ ему и въ голову не приходило, что эта истина можетъ быть положена въ основаніе какихъ нибудь „вредныхъ“ ученій. Прибыль предпринимателя и рента землевладѣльца представляютъ собою продуктъ неоплаченнаго труда работника, — это безспорно, но вѣдь иначе и быть не можетъ, вѣдь нельзя же обойтись безъ землевладѣльцевъ и предпринимателей. А если безъ нихъ нельзя обойтись, то нѣтъ ничего опаснаго для нихъ въ указаніи истиннаго источника ихъ дохода.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что такой честный мыслитель какъ Рикардо выражалъ открываемыя имъ научныя истины лишь съ безпрестанной оглядкой на интересы высшихъ классовъ. Если бы онъ поступалъ такъ, онъ не былъ бы честнымъ мыслителемъ. Мы говоримъ лишь, что спокойная увѣренность въ незыблемости буржуазнаго порядка вещей вызвала въ буржуазныхъ экономистахъ спокойное и безпристрастное отношеніе къ научнымъ вопросамъ. Интересы и предрасудки того класса, къ которому они принадлежали, еще

не могли помѣшать успѣшному ходу ихъ научныхъ изслѣдованій. Правда, въ спорахъ съ защитниками старыхъ, до-буржуазныхъ отношеній они не могли оставаться и не оставались безпристрастными; напротивъ они очень горячо защищали экономическіе интересы буржуазіи. Но ко времени Рикардо, т. е. къ тому времени, когда буржуазная экономія достигла наивысшей точки своего развитія, дѣло буржуазіи почти окончательно восторжествовало и ея споры съ ея реакціонными противниками не могли имѣть большого вліянія на развитіе науки. При томъ же, въ спорахъ съ реакціонерами истина была въ огромномъ большинствѣ случаевъ на сторонѣ буржуазныхъ экономистовъ, а горячая защита истины никогда не мѣшаетъ, какъ извѣстно, ученымъ „высоко нести знамя науки“.

Появленіе рабочаго вопроса придадо дѣлу совершенно другой оборотъ. Защитникамъ интересовъ пролетаріата буржуазный строй не могъ казаться ни справедливымъ, ни разумнымъ. Наивный взглядъ на этотъ строй, какъ на вѣчный и неизмѣнный, уступилъ мѣсто критикѣ всѣхъ его основаній. Возникли социалистическія ученія, которыя казались буржуазіи очень „вредными“ и „разрушительными“, и которыя дѣйствительно были „вредны“ для нея во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ, успѣхи социализма очень „вредно“ повліяли на буржуазную политическую экономію. Они положили конецъ ея плодотворному развитію. Изъ спокойныхъ ученыхъ, для которыхъ научная истина была дороже всего, они, — или, лучше сказать, ихъ эпигоны — превратились въ адвокатовъ существующаго общественнаго порядка, для которыхъ главною цѣлью являлась уже не научная истина, а побѣда надъ социалистами. Съ тѣхъ поръ какъ борьба буржуазіи съ пролетаріатомъ приняла значительные размѣры, теоретики „третьяго сословія“ уже не дѣлали первостепенныхъ владовъ въ экономическую литературу. Нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь ролью сикофантовъ, изслѣдовали второстепенные, частные вопросы, но великія открытія, проливающія новый свѣтъ на всю совокупность добытыхъ истинъ науки, навсегда сдѣлались для нихъ невозможными. Съ этихъ поръ начинается очевидный упадокъ буржуазной экономіи. Послѣ Рикардо въ ней явился только одинъ замѣчательный мыслитель, — Сисмонди. Но устами Сисмонди классическая буржуазная экономія произнесла свой собственный приговоръ. Я знаю, что существующій экономическій порядокъ изъ рукъ вонъ плохъ, но не вижу возможности замѣнить его лучшимъ порядкомъ — вотъ выводъ къ которому пришелъ Сисмонди и который, разумѣется, на могъ сообщить буржуазнымъ экономистамъ отрадной вѣри въ важное общественное значеніе ихъ науки. Такимъ образомъ, развитіе общественной жизни привело къ застою мысли въ средѣ буржуазіи, т. е. въ средѣ класса, который до сихъ поръ еще остается господствующимъ.

Люди прямолинейныхъ взглядовъ на вещи, конечно, найдутъ нашъ выводъ, парадоксальнымъ и вовсе „не научнымъ“. Прямолинейные люди вообще никакъ не хотятъ допустить, чтобы *устыжи*

жизни могли отражаться, въ какой бы то ни было средѣ, въ видѣ застоя мысли. Но не мы виноваты въ томъ, что исторія человѣчества никогда не шла прямолинейно.

Впрочемъ, въ утѣшеніе прямолинейнымъ людямъ, мы скажемъ, что застой буржуазной мысли еще не означалъ застоя мысли вообще. Наука продолжала идти впередъ, но теперь она подвигалась, главнымъ образомъ, трудами *соціалистовъ*. Враги буржуазнаго строя, соціалисты смѣло разоблачали всѣ его недостатки. Прежде и больше всего ихъ заботила участь бѣдствующей массы народа, и они не боялись выводовъ, указывающихъ на причины народной бѣдности. Предразсудки буржуазіи рѣдко останавливали соціалистовъ. Ихъ чувство не связывало ихъ ума, а, наоборотъ, постоянно толкало его на новыя и новыя изслѣдованія. И великіе соціалвстическіе писатели, основатели знаменитыхъ соціалистическихъ школъ, Сен-Симонъ, Фурье, Р. Оуэнъ, очень много сдѣлали для всей общественной науки и для политической экономіи въ частности. Исторія европейской литературы до сихъ поръ еще не воздала имъ долгаго, не представила справедливой оцѣнки ихъ блестящихъ открытій, распространяющихся почти на всѣ области знанія, такъ или иначе прикосновенныя къ вопросамъ человѣческаго общежитія. Но и теперь уже всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, по крайнй мѣрѣ въ общихъ чертахъ, что соціалисты имѣли большое и благотворное влияние на политическую экономію (Сен-Симонъ, Фурье, Р. Оуэнъ) на исторію и на философію (Сен-Симонъ) и даже на психологию (Р. Оуэнъ и Фурье). Намъ интересуется здѣсь преимущественно отношеніе соціалистовъ къ политической экономіи.

II

Пока экономисты смотрѣли на буржуазный порядокъ какъ на „*ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*“, о серьезномъ изученіи экономической исторіи человѣчества не могло быть и рѣчи. Такъ называвшіеся тогда „естественные законы народнаго хозяйства“ были въ дѣйствительности законами экономической жизни буржуазнаго общества. Буржуазная экономія занималась изученіемъ этихъ законовъ и только однихъ этихъ законовъ. Для ихъ изученія экономисты сдѣлали много, но еще далеко не все, что было нужно. Нѣкоторые изъ открытыхъ ими законовъ были изслѣдованы односторонне, многія изъ введенныхъ ими въ науку понятій были частью неполны, частью неясны, частью противорѣчили другимъ понятіямъ той же науки. Даже такіе важныя отдѣлы буржуазной экономіи, какъ ученіе о товарѣ, о деньгахъ, о мѣнливой стоимости, о капиталѣ, о прибыли и заработной платѣ, — нуждались еще въ строгой провѣркѣ, въ разъясненіяхъ и пополненіяхъ. Въ такомъ видѣ еще не совсемъ законченной, даже въ главныхъ своихъ основаніяхъ, науки находилась политическая экономія въ то время, когда появились соціалисты. Дальнѣйшіе ея успѣхи зависѣли отъ правильнаго рѣшенія

соціалістами двухъ задачъ: во-первыхъ, пополненія указанныхъ пробѣловъ въ ученія о законахъ буржуазнаго хозяйства; во-вторыхъ, — установленія правильнаго научнаго взгляда на всю экономическую исторію человѣчества, а слѣдовательно и на историческую роль буржуазныхъ экономическихъ отношеній.

По многимъ причинамъ, о которыхъ намъ придется сказать нѣсколько словъ ниже, нельзя было рѣшить первую изъ этихъ задачъ, не рѣшивъ предварительно второй. А эта вторая задача не только далеко оставила за собою по своей трудности все то, съ чѣмъ имѣли дѣло буржуазные экономисты, но и вообще не могла привлечь къ себѣ вниманіе соціалистическихъ школъ тотчасъ по ихъ возникновеніи. Уже только для того, чтобы открыть существованіе этой задачи, соціалисты должны были сдѣлать огромный шагъ впередъ въ смыслѣ научнаго отношенія къ общественнымъ явленіямъ.

Главнымъ признакомъ научнаго отношенія къ явленіямъ природы и общественной жизни служитъ понятіе о законосообразности этихъ явленій. Исторія мысли показываетъ, что понятіе о законосообразности явленій природы усваивается людьми раньше и легче, чѣмъ понятіе о законосообразности общественныхъ явленій. Просвѣтителі прошлаго вѣка вполне усвоили себѣ первое изъ этихъ понятій. Оно лежало въ основѣ всего ихъ міросозерцанія, было главнымъ доводомъ въ ихъ спорахъ съ людьми стараго образа мыслей. Но достаточно припомнить историческіе взгляды огромнаго большинства просвѣтителей, чтобы видѣть, какъ далеки они были отъ правильнаго понятія о законосообразности общественнаго развитія. Общественная дѣятельность человѣка казалась имъ областью свободнаго выбора, областью рѣшеній, основанныхъ на приговорѣ разсудка, который подчиняется лишь законамъ формальной логики. Если въ теченіе всей исторіи человѣчество жило въ бѣдности и угнетенія, то это происходило оттого, что оно, по своему невѣжеству, не знало, какъ должны быть устроены нормальныя общественныя отношенія. Исторія оказывалась такимъ образомъ, простой ошибкой разсудка. Мы уже знаемъ, что буржуазные экономисты, — частью сами принадлежавшіе къ числу просвѣтителей, частью унаслѣдовавшіе ихъ взгляды на исторію, — точно также смотрѣли на экономическую жизнь человѣчества: люди жили прежде при ненормальныхъ экономическихъ условіяхъ, потому что не имѣли правильнаго понятія объ естественныхъ законахъ народнаго хозяйства. И точно тотъ же взглядъ на происхожденіе общественныхъ отношеній встрѣчаемъ мы у соціалистовъ первой половины нашего вѣка. Считая буржуазный строй несправедливымъ и неразумнымъ, они объясняли себѣ его историческое возникновеніе промахомъ мысли, ошибочнымъ расчетомъ человѣчества. На вопросъ — почему ошибалось человѣчество? — у нихъ всегда былъ готовъ отвѣтъ: по своему невѣжеству, простому или ученому. Вопросъ же о томъ, почему оно ошибалось именно въ эту, а не въ какую нибудь другую сторону? — или вовсе не приходилъ въ голову соціалистамъ, или рѣшался ими съ помощью ссылокъ на разнаго рода историческія случайности.

Такова была ихъ точка зрѣнія на общественную жизнь. Они

твердо держались ея, хотя въ ихъ теоріяхъ было уже много элементовъ правильнаго, научнаго объясненія историческаго движенія человѣчества. Эти элементы не сложились еще въ стройную систему и потому сами являлись чѣмъ-то отрывочнымъ и случайнымъ въ міросозерцаніи социалистовъ. Такъ напримѣръ, Фурье говорилъ, что человѣчество необходимо должно было пройти извѣстные фазисы въ своемъ экономическомъ развитіи. (По Фурье ихъ было четыре: дикое состояніе, варварство, патріархатъ и цивилизація. Слѣдующіе періоды будутъ различными степенями примѣненія принципа ассоціаціи.) А между тѣмъ, посмотрите, до какой степени случайнымъ кажется Фурье происхожденіе его собственной социальной теоріи. „Мнѣ возразятъ — пишетъ онъ: — и такъ, всѣ и каждый ошибались до сихъ поръ, а вы одинъ знаете больше, чѣмъ всѣ ученые всѣхъ вѣковъ? Всѣ и каждый ошибались! А почему бы и нѣтъ? Развѣ это было бы въ первый разъ? И развѣ не то же возражали Колумбу и всѣмъ изобрѣтателямъ, которые, однако, доказали, что дѣйствительно всѣ ошибались до нихъ. „*Всѣмъ и каждому*“ свойственно было ошибаться въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій относительно такихъ простыхъ и необходимыхъ вещей, какъ напримѣръ стремя. Кажется, всякому легко было сдѣлать это столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь драгоцѣнное изобрѣтеніе, и однако его забывали, на счетъ его ошибались вплоть до XII-го вѣка. Одно этого примѣра было бы довольно, чтобы показать, что „*всѣ и каждый*“ могутъ быть глупы и слѣпы, какъ относительно мелочей, такъ и относительно великихъ вещей. Но еще убѣдительнѣе показываетъ это примѣръ Ассоціаціи“. Еслибы ея принципа не сдумѣли открыть, не смотря на усердныя изслѣдованія, то и это свидѣтельствовало бы уже о человѣческой неловкости, потому что къ открытію этого принципа можно было придти, какъ я показалъ, шестнадцатью различными путями. Но что сказать объ ослѣпленіи людей, когда никто изъ нихъ даже не подумалъ выступить на одинъ изъ этихъ путей, никто не позаботился объ открытіи принципа, отъ котораго зависѣло ихъ счастье?.. Нечего удивляться тому, что „*всѣ и каждый*“ ошибались относительно судебъ общества... Не будучи гениемъ, легко можно знать больше, чѣмъ „*всѣ и каждый*“, въ особенности въ областяхъ знанія, въ родѣ той, къ которой относится Ассоціація и которой никогда не занимались. Въ этой области всякій, кто вздумаетъ, наконецъ, взяться за изслѣдованія, находится въ положеніи первыхъ европейцевъ, пріѣхавшихъ въ Перу: онъ легко откроетъ золотыя россыпи.“ Далѣе Фурье рассказываетъ, какъ въ 1799 году въ Лондонѣ одному заѣхавшему туда изъ Египта негру удалось объѣздить дикую лошадь, приводившую въ отчаяніе лучшихъ наѣздниковъ Англіи, и говоритъ, что этотъ случай является какъ бы эмблемою того положенія, въ которомъ оказались патентованные ученые послѣ его открытія. „Природная способность можетъ превзойти всѣ ухищренія науки — прибавляетъ онъ — и привести вовсе неученаго человѣка къ драгоцѣнному открытію, ускользавшему до тѣхъ поръ отъ опытнаго глаза ученыхъ. Природа распредѣляетъ какъ попало изобрѣтательный гений, научные и художественные инстинкты. Неудивительно, поэтому,

что въ средѣ темныхъ людей нашелся человекъ, обладающій способностью къ открытіямъ въ соціальной механикѣ.“ *)

Правда, по наивному признанію Фурье, эти „фамиллярныя наставленія“ предназначались для того, чтобы вызвать довѣріе къ нему въ „благожелательныхъ читателей“, непосвященныхъ въ науки. Поэтому можно было бы подумать, что онъ умышленно изображаетъ здѣсь дѣло въ слишкомъ уже простомъ видѣ. Но это не такъ. Хотя въ своихъ „фамиллярныхъ наставленіяхъ“ Фурье и приспособляетъ свое изложеніе къ умственному уровню необразованныхъ читателей, но онъ высказываетъ въ нихъ тотъ самый взглядъ, какого онъ всегда держался. Его открытія всегда казались ему дѣломъ случая, независимымъ отъ опредѣленныхъ историческихъ условій. Ему было непонятно, почему люди не пришли къ такимъ открытіямъ многими вѣками раньше. Это обстоятельство онъ объясняетъ, какъ мы видѣли, просто ослѣпленіемъ людей. Не легко согласить подобный взглядъ съ вышеупомянутымъ ученіемъ Фурье о различныхъ фазахъ историческаго движенія человечества. Но разсудокъ обладаетъ удивительною способностью устанавливать прочный и продолжительный миръ между самыми непримиримыми понятіями. „Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей — говоритъ Фурье — то это было потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ каждой профессіи и недостатковъ cadaго учрежденія.“ **) Здѣсь долгое пребываніе человечества въ фазисѣ цивилизаціи выставляется простымъ слѣдствіемъ его недогадливости и какъ бы наказаніемъ за нее. Такимъ же слѣдствіемъ случайныхъ промаховъ и ошибокъ мысли могло представиться Фурье и все историческое скитаніе человечества по различнымъ фазисамъ развитія. Скитаніе это стало неизбежнымъ лишь благодаря недогадливости людей, какъ сорокалѣтнее скитаніе въ пустынѣ стало обязательнымъ для сыновъ Израиля лишь потому, что они согрѣшили. Исторія приняла бы совсѣмъ другой и гораздо болѣе отрадный видъ, если бы люди догадались взяться за изученіе принципа Ассоціаціи нѣсколькими столѣтіями раньше. Имъ очень легко было сдѣлать это, но случилось такъ, что они этого не сдѣлали, а потому исторія и пошла извѣстной намъ дорогой. Такъ или приблизительно такъ соглашались въ міросозерцаніи Фурье зачатки научной философіи исторіи съ понятіемъ о случайности.

Цивилизованное человечество держится за существующія общественныя учрежденія лишь потому, что никто не потрудился показать нелѣпость этихъ учрежденій и возможность замѣнить ихъ лучшими. Если это такъ, то задача всякаго искренняго друга человечества, открывшаго или усвоившаго истинныя принципы общежитія, опредѣляется сама собою. Она естественно раздѣляется на двѣ части: во-первыхъ, слѣдуетъ показать людямъ, въ чемъ именно заклю-

*) Oeuvres complètes de Ch. Fourier, t. 4, Théorie de l'unité universelle, I edition pp 3-4-5.

**) Ibid. p. 121.

чается ихъ ошибка, а во-вторыхъ, научить ихъ, какъ можно ее поправить. Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей, надо сдѣлать „критическій анализъ недостатковъ каждаго учрежденія“, существующаго въ современномъ обществѣ. Но такъ какъ недостатки общественныхъ учреждений отражаются на характерѣ человѣка въ видѣ его пороковъ — что выяснили еще просвѣтители прошлаго вѣка — то критическій анализъ названныхъ недостатковъ надо дополнить анализомъ пороковъ, свойственныхъ каждой изъ тѣхъ профессій, которымъ предаются люди въ существующемъ обществѣ. За критикой общественнаго строя должна слѣдовать картина и критика нравовъ, создаваемыхъ этимъ строемъ. Сдѣлавъ это, необходимо перейти ко второй части задачи, т. е. показать, какими именно общественными учреждениями слѣдуетъ замѣнить существующія нынѣ. Къ этому нужно подходить съ большою осмотрительностью и осторожностью; проектъ будущей общественной организаціи долженъ быть разработавъ во всѣхъ подробностяхъ; исторія показала, что въ этомъ отношеніи на догадливость людей полагаться совершенно невозможно: они навѣрное надѣлаютъ много важныхъ ошибокъ, а между тѣмъ каждая, даже вовсе незначительная, повидимому, ошибка можетъ повести за собой коренную порчу всего общественнаго механизма. Реформаторъ ничего не долженъ упускать изъ виду: организація производства и распредѣленіе продуктовъ, пища и одежда, семейныя отношенія и воспитаніе, увеселенія и приѣмъ гостей, архитектура зданій, — однимъ словомъ все, рѣшительно все, должно быть предусмотрено имъ, до утѣшенія несчастныхъ любовниковъ включительно. Общественныя отношенія зависятъ отъ взглядовъ людей. Люди выбираютъ такіе общественные порядки, которые справедливо или ошибочно кажутся имъ наиболѣе разумными и выгодными. Поэтому, не можетъ встрѣтиться никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ осуществленію подробно разработаннаго проекта общественной реформы, если только онъ самъ по себѣ разуменъ и сообразенъ съ челоувѣческими интересами. Конечно, по своей косности и непонятливости „цивилизованные“ не сразу оцѣнятъ прѣимущества предлагаемаго имъ общественнаго порядка, они будутъ осмѣивать и даже преслѣдовать реформаторовъ. Не легко бороться съ подобными препятствіями, но побороть ихъ въ коуцѣ концовъ вполне возможно: нужно только энергически отстаивать свое дѣло и не упускать случая отгвѣвить передъ людьми выгодныя и пріятныя стороны предлагаемаго имъ общественнаго устройства. А такъ какъ люди подчиняются не только голосу разсудка, но и соблазнамъ воображенія, то не слѣдуетъ щадить красокъ, рисуя передъ ними картину будущаго общества. Она непременно должна быть блестящей и увлекательной. Но и это еще не все. Трудно предвидѣть, какого характера люди скорѣе и болѣе всего соблазнятся эгой картиной. Надо, слѣдовательно, позаботиться о томъ, чтобы она по возможности соотвѣтствовала всѣмъ мельчайшимъ отгвѣнкамъ вкусовъ и наклонностей. Вы скупы или даже, съ вашего позволенія сказать, жадны, вы не прочь бы заняться ростовщичествомъ, — это не бѣда, содѣйствуйте скорѣйшему осуществленію новаго строя: онъ дастъ вамъ возможность безъ вреда

для другихъ получать такіе проценты на вашъ капиталъ, какихъ вы никогда не получите въ современномъ обществѣ; въ доказательство этого вотъ вамъ небольшой примѣрный расчетъ. Вы непостоянны въ любви, вы склонны часто мѣнять предметы своего любовнаго обожанія, — и это не бѣда: въ будущемъ обществѣ самые прихотливые любовные вкусы получатъ полнѣйшее удовлетвореніе; помогите только намъ устроить это общество, — вы, навѣрное, не останетесь въ накладѣ. Или, можетъ быть, вы любите поѣсть сытно и вкусно? У насъ будетъ такая кухня, о какой не имѣютъ понятія самые тонкіе гастрономы „цивилизациі“. Переходите же на нашу сторону, это какъ разъ лежитъ въ вашихъ интересахъ. Наконецъ, вы большой охотникъ до плодовъ или до овощей, положимъ, до артишоковъ, или до дынь. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ достать хорошую дыню въ современной Западной Европѣ, и, наоборотъ, прекраснѣшія дыни будутъ всякому доступны въ будущемъ обществѣ. Такимъ образомъ, торжество нашихъ идей сулитъ вамъ много пріятнаго. *)

Это смѣшно. Но мы не затѣмъ упоминаемъ объ этомъ, чтобы смѣяться надъ людьми, достойными всякаго уваженія. Мы хотимъ показать, какимъ образомъ отсутствіе строго выработаннаго понятія о законсообразности общественнаго развитія дѣлало социалистовъ стараго времени *утопистами*. Но вѣдь мы видѣли, что не у однихъ только социалистовъ недоставало этого понятія. Его не доставало и у просвѣтителей прошлаго вѣка, и у буржуазныхъ экономистовъ. Если просвѣтителі и буржуазные экономисты не отличались склонностью къ утопіямъ, то на это были свои особыя причины, не имѣющія ничего общаго съ большею или меньшею степенью научности ихъ міросозерцанія. Ни просвѣтителямъ, ни экономистамъ въ утопіяхъ не было надобности, такъ какъ совсѣмъ или почти совсѣмъ готовый буржуазный порядокъ казался имъ нормальнымъ порядкомъ вещей. Социалистамъ же были утопіи необходимы, потому что они стали въ отрицательное отношеніе къ окружающему ихъ общественному порядку. Но отрицаніе буржуазнаго строя является не ошибкой, а огромной заслугой съ ихъ стороны. Поэтому, несправедливо и неразумно смѣяться и надъ ихъ утопіями. Филистеры, которые осыпали насмѣшками социалистовъ-утопистовъ, доказали этимъ свою буржуазную ограниченность, а вовсе не трезвость или научность своихъ воззрѣній. Нельзя винить социалистовъ-утопистовъ за тѣ недостатки ихъ міросозерцанія, которые были свойственны не имъ однимъ, а всѣмъ ихъ современникамъ, за самыми рѣдкими исключеніями. Пока понятіе о законсообразности общественнаго развитія не слѣдалось краеугольнымъ камнемъ общественной науки, до тѣхъ поръ всякій реформаторъ необходимо долженъ былъ становиться *утопистомъ*, если только предлагаемыя имъ реформы не ограничивались частностями существующаго строя, а распространялись на всѣ его основанія. Доказательствомъ этому служить вся исторія политическихъ и социальныхъ ученій. Что такое утопія? Это идеальный общественный строй,

*) См. въ цитированномъ уже томѣ соч. Фурье стр. 43-46, Note B. Sur le triplement special de richesse effective. Application au Melon et à l'Artichaut.

который предполагается годнымъ для всѣхъ народовъ, независимо отъ историческихъ условій ихъ существованія. Но съ историческими условіями существованія народовъ вообще очень мало считались въ тѣ времена, когда разгадки всѣхъ социальныхъ явленій искали въ понятіяхъ и чувствахъ людей.

Точки зрѣнія утопистовъ до сихъ поръ держатся очень многіе изъ тавихъ общественныхъ дѣятелей, которые снисходительно посмѣваются надъ утопіями или даже боятся ихъ. Чтобы быть утопистомъ, вовсе не нужно фантазировать на счетъ подробностей будущаго общественного устройства. Утопистомъ является всякій, кто за исходную точку своей общественной дѣятельности беретъ не объективныя историческія условія народнаго существованія, а свои собственные „идеалы“ или такъ называемые идеалы народа. Можно быть утопистомъ и вовсе не придерживаясь никакой утопіи. Покойный М. А. Бакунинъ былъ несомнѣннымъ утопистомъ, а между тѣмъ онъ выработку формъ будущаго общественного устройства всецѣло предоставлялъ естественному ходу революціоннаго движенія. Наши современные „субъективные социологи“ всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ числу утопистовъ безъ утопій. Да, строго говоря, въ наше время утописты съ утопіями уже невозможны. Успѣхи общественной науки настолько дискредитировали теперь утопіи, что ихъ чуждаются даже тѣ социальные реформаторы или революціонеры, которые въ своихъ взглядахъ на основныя причины общественнаго развитія не ушли дальше социалистовъ-утопистовъ. При томъ же не забудемъ еще и вотъ чего: утописты съ утопіями отличались во всякомъ случаѣ большою смѣлостью и послѣдовательностью мысли. Они предлагали реформы, представлявшія собою стройно выработанную систему. Самый процессъ построения плана будущаго общественного устройства долженъ былъ разоблачать по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ противорѣчій, закрадывавшихся въ программы утопистовъ. Известно, что противорѣчіе противорѣчію рознь: есть вещи и понятія, взаимное противорѣчіе которыхъ очевидно уже съ точки зрѣнія формальной логики. Такъ напримѣръ, формальная логика безъ труда открываетъ, что крѣпостная зависимость человѣка несовмѣстна съ его свободой. Но есть другія вещи и понятія, которыя вполне согласимы между собою съ точки зрѣнія формальной логики, и приводятъ въ непримиримыя взаимныя столкновения лишь на практикѣ, въ процессѣ развитія дѣйствительной жизни. „Права человѣка и гражданина“ ни мало не противорѣчатъ одно другому на бумагѣ; но исторія буржуазнаго общества ясно показываетъ, какъ трудно согласить ихъ одно съ другимъ въ дѣйствительности. Соціалистическія утопіи въ большинствѣ случаевъ чужды были по крайней мѣрѣ противорѣчій перваго рода. И наоборотъ, ими переполнены программы современныхъ утопистовъ безъ утопій. Этыхъ людей, опирающихся лишь на свои „идеалы“, поминутно побиваетъ несокрушимая объективная логика общественныхъ отношеній. Они отрицаютъ дѣйствительность, но не умѣютъ сдѣлать ее соумышленницей своего отрицанія. Поэтому, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ „идеалы“ ихъ все болѣе и болѣе кажутся имъ самымъ неосуществимыми. Утописты безъ утопій го-

товы удовольствоваться хотя бы самымъ маленькимъ, самымъ незамѣтнымъ приближеніемъ жизни къ „идеалу“: кусочекъ реформы здѣсь, кусочекъ реформы тамъ, — вотъ все, чего требуютъ эти рыцари несомнѣнно благороднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень печальнаго образа. Жизнь не исполняетъ обыкновенно и этихъ микроскопическихъ требованій; вмѣсто хлѣба она даетъ современнымъ утопистамъ камень. Жаль благородныхъ рыцарей, но приходится сознаться, что жизнь права, а они ошибаются: желательные для нихъ кусочки реформъ не только не имѣютъ никакого практическаго значенія, но прямо исключаютъ другъ друга...

Но богъ съ ними, съ современными утопистами безъ утопій. Вернемся къ настоящимъ, великимъ утопистамъ, къ утопистамъ съ утопіями. Мы сказали, что насъ особенно интересуетъ здѣсь ихъ отношеніе къ политической экономіи. Отношеніе это логически вытекаетъ изъ общей точки зрѣнія утопическаго социализма.

Случайно попавшій въ Лондонъ негръ укротилъ дикую лошадь, съ которой не могли справиться лучшіе наѣздники Англій. Фурье не даромъ рассказалъ этотъ фактъ и назвалъ его эмблемой того отношенія, въ которое онъ самъ сталъ къ представителямъ буржуазной общественной науки. Въ самомъ дѣлѣ, черному удалцу не было никакой надобности учиться у англійскихъ наѣздниковъ или даже вообще вникать въ принятія пми правила верховой ѣзды: онъ на опытѣ увидѣлъ, что его собственныя правила гораздо цѣлесообразнѣе. Точно также и Фурье, имѣя свою готовую систему идеальнаго общественнаго устройства, не могъ придавать никакого положительнаго значенія теоріямъ буржуазныхъ экономистовъ. Къ чему послужить систематическое изученіе той науки, которая лишь сбивала съ толку людей, и на которую падаетъ главная отвѣтственность за дурное экономическое устройство нынѣшняго общества? Теперь, когда открыты истинные принципы общежитія, людямъ полезнѣе всего было бы вовсе позабыть ошибочныя и одностороннія теоріи этой науки. Правда, вліяніе политико-экономическихъ теорій до сихъ поръ еще очень сильно, а потому люди до сихъ поръ крѣпко держатся за свои старыя отношенія. Поэтому реформаторъ обязанъ бороться съ экономистами, уличать ихъ фактами, ловить ихъ на противорѣчіяхъ. Но эта цѣль достигается съ помощью критики общественныхъ учреждений. Разъ доказана ихъ несостоятельность, — несостоятельность политической экономіи, считающей ихъ нормальными, становится очевидной сама собою. Экономисты спорятъ между собою о законахъ движенія того общественнаго механизма, который цѣлкомъ долженъ быть уничтоженъ и замѣненъ другимъ, несравненно болѣе совершеннымъ. Какая же польза вникать въ эти устарѣлые схоластическіе споры? Зачѣмъ намъ знать, какіе именно законы управляютъ заработной платой, когда мы убѣдились, что производитель не долженъ быть наемнымъ работникомъ, и что продажа рабочей силы на рынкѣ, это низведеніе челоуѣка на степень товара, представляетъ собою безнравственное и ненормальное явленіе? Такъ же безразличны для насъ и законы обмѣна, разъ мы узнали, что въ правильно устроенномъ обществѣ продукты будутъ обмѣниваться и

распредѣляться совѣмъ не такъ, какъ обмѣниваются и распредѣляются они въ настоящее время. Еще менѣе поучительнымъ кажется намъ ученіе о деньгахъ, о кредитѣ, о государственномъ долгѣ, о налогахъ и т. п. Деньги и кредитъ получаютъ совершенно новыя основанія, а налоги и государственный долгъ и вовсе не будутъ существовать въ нашемъ обществѣ. Вообще, всѣ такъ называемыя категоріи политической экономіи теряютъ почти всякій теоретическій интересъ въ нашихъ глазахъ, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ предрасудками экономистовъ.

Таково было отношеніе Фурье и другихъ социалистовъ-утопистовъ къ буржуазной экономіи. Читатель понимаетъ, что они и не могли относиться къ ней иначе. Но онъ понимаетъ также, что при подобномъ отношеніи къ ней — ея *теоріи* вообще говоря, должны были оставаться въ томъ же незаконченномъ видѣ, въ какомъ застигло ихъ появленіе социалистовъ. И дѣйствительно, послѣ Рикардо и Сисмонди вплоть до Маркса *теоретическое* изученіе законовъ буржуазнаго хозяйства мало подвинулось впередъ. Социалисты-утописты, ведя непрерывную и непримиримую борьбу съ буржуазной экономіей, въ то же самое время нерѣдко раздѣляли самыя грубыя теоретическія промахи экономистовъ. Французскіе социалисты вообще плохо знакомы были съ ученіями англійской политико-экономической школы; для нихъ буржуазная экономія сводилась къ водянистой болтовнѣ Ж. Б. Сэя. Все это, разумѣется, въ свою очередь, отражалось на социалистическихъ утопіяхъ, внося въ нихъ новые элементы ошибки.

Но поверхностное отношеніе къ теоріямъ буржуазной экономіи не мѣшало социалистамъ критиковать *практику* буржуазнаго хозяйства. Критическое изученіе этой практики было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ критикой всѣхъ буржуазныхъ „учрежденій“, которая, какъ мы видѣли, составляла существенную часть задачи утопистовъ. Утописты были какъ бы контролерами буржуазнаго хозяйства. Можно быть прекраснымъ контролеромъ, оставаясь поверхностнымъ теоретикомъ. Это мы и видимъ на примѣрѣ утопическаго социализма. Нѣтъ той области хозяйства, которой не коснулся бы контроль социалистовъ-утопистовъ. Они вездѣ нашли упущенія, вездѣ обнаружили громадныя убытки. Фурье, фантазія котораго до сихъ поръ продолжаютъ доставлять пищу дешевому остроумію филистеровъ, былъ неутомимъ въ этой работѣ контролера. Его критика практики буржуазнаго хозяйства приготовила богатѣйшій матеріалъ для теоретическихъ изысканій послѣдующаго времени. Впрочемъ, ему и самому удалось сдѣлать нѣкоторыя важныя теоретическія открытія. Такъ напримѣръ, онъ показалъ, что въ буржуазномъ обществѣ, или, по его терминологіи, въ „цивилизациі“, люди пользуются и могутъ пользоваться далеко не всѣми тѣми производительными силами, которыя уже готовы теперь къ ихъ услугамъ. Онъ показалъ далѣе, что даже и тѣ производительныя силы, которыя употребляются въ дѣло „цивилизациі“, — употребляются самымъ невыгоднымъ, нерасчетливымъ и противорѣчивымъ образомъ. „Цивилизованные“ страдаютъ отъ бѣдности, бѣдность является главной причиною большинства ихъ несчастій, они должны стремиться и всѣми силами стремятся отъ нея из-

бавиться. А въ то же самое время и тѣ же „цивилизованные“ сами создаютъ и упрочиваютъ свою бѣдность посредствомъ того избытка, къ которому они приближаются путемъ тяжелого, однообразнаго, огупляющаго и потому непривлекательнаго для нихъ труда. Это видно во время кризисовъ, когда рабочіе лишаются работы и голодаютъ вслѣдствіе переполненія рынковъ товарами, т. е. *вслѣдствіе избытка*. „Въ цивилизаціи бѣдность рождается избыткомъ“, — это положеніе строго соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а между тѣмъ, какъ далека отъ него была буржуазная политическая экономія, показываетъ то обстоятельство, что еще долго послѣ Фурье экономисты не могли понять его, наивно повторяя вслѣдъ за Сэемъ: продукты обмѣниваются на продукты, а слѣдовательно избытокъ продуктовъ не можетъ препятствовать ихъ обмѣну и дальнѣйшему производству. Буржуазные экономисты смотрѣли на вещи метафизически, они разсуждали по формулѣ, въ которую укладываются всѣ приемы метафизическаго мышленія: „нѣтъ-нѣтъ, да-да, что сверхъ того то отъ лукаваго“. *) Фурье показалъ имъ, что явленія дѣйствительной жизни не подходятъ подъ эту формулу, что въ дѣйствительности *да* является изъ *нѣтъ*, *нѣтъ* ведетъ за собою *да*, изъ сладкаго рождается горькое, изъ горькаго — сладкое, бѣдность изъ избытка, избытокъ изъ бѣдности. И Фурье не ограничилъ своихъ изслѣдованій діалектикой экономическихъ явленій: онъ связалъ эту діалектику съ діалектикой чувствъ и наклонностей. Онъ показалъ, какъ поверхностны, односторонни и отвлеченны ходячія сужденія о „хорошихъ“ и „дурныхъ“ сторонахъ человѣческаго характера; какъ въ дѣйствительности такъ называемыя порочныя склонности человѣка состоятъ изъ самыхъ привлекательныхъ элементовъ, не только не имѣющихъ въ себѣ ровно ничего вреднаго для общества, но очень полезныхъ для него, и какъ, съ другой стороны, чувства безусловно почтенныя, — напримеръ, семейное чувство, приводятъ къ самымъ некрасивымъ психологическимъ результатамъ. Все, написанное Фурье по этимъ поводамъ, и теперь еще остается очень интереснымъ и чрезвычайно поучительнымъ. Буржуазные экономисты могли уже очень многому научиться у Фурье и у другихъ социалистическихъ писателей того времени.

III

Но самое главное дѣло социализма еще не было сдѣлано. Мы видѣли, что историческое происхожденіе и историческая роль буржуазныхъ экономическихъ отношеній еще не были и не могли быть выяснены въ то время. Социалисты еще продолжали держаться стараго, метафизическаго взгляда на общественное развитіе, а вѣрнѣе сказать еще и не пробовали взглянуть на общественныя учрежденія

*) См. Развитие Научнаго Соціализма стр. 17. Второй выпускъ Библіотеки Современнаго Соціализма.

съ точки зрѣнія развитія. Экономическая исторія человѣчества оставалась незатронутымъ вопросомъ. Чтобы направить свое вниманіе на эту сторону дѣла, социализмъ предварительно долженъ былъ сблизиться съ философіей.

Читатели помнятъ, можетъ быть, какъ характеризовалъ Н. Г. Чернышевскій отношеніе Гегеля къ *дѣйствительности*. „Объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ. Но въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени, — и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не рассматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе, что эти общія, отвлеченныя изреченія неудовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ“. Такое отношеніе къ дѣйствительности безповоротно осуждало всякія произвольныя построенія плановъ идеальнаго общественнаго устройства. Окружающая насъ дѣйствительность существуетъ въ силу опредѣленныхъ условій мѣста и времени. Въ ней совершаются и имѣютъ совершиться не тѣ перемѣны, которыя кажутся намъ наиболѣе полезными или наиболѣе согласными съ нашими „идеалами“, а тѣ, которыя вызываются данными, совершенно опредѣленными условіями времени и мѣста. Зная эти условія, мы можемъ предвидѣть и зависящія отъ нихъ измѣненія окружающей насъ дѣйствительности, а предвидя эти измѣненія, мы можемъ и должны сообразно съ ними направлять свою общественную дѣятельность. Но наша дѣятельность будетъ цѣлесообразна только въ томъ случаѣ, если мы не ошиблись въ оцѣнкѣ окружающей насъ дѣйствительности. И нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ не о той поверхностной оцѣнкѣ дѣйствительности, которая заключается въ сравненія ее съ нашими „идеалами“. Что дѣйствительность не удовлетворяетъ требованіямъ идеала, — это понятно само собою, иначе идеалъ не былъ бы идеаломъ. Весь вопросъ въ томъ, *куда идетъ дѣйствительность по условіямъ мѣста и времени*: въ ту сторону, гдѣ лежатъ наши идеалы, или въ какую нибудь другую сторону? Если она идетъ въ сторону нашихъ идеаловъ, другими словами, если наши идеалы совпадаютъ съ историческимъ ходомъ дѣйствительности, то мы будемъ полезными историческими работниками, если, — нѣтъ, то намъ суждено быть донъ-Кихотами. Да и это еще не все. Общественный дѣятель можетъ всю жизнь оставаться донъ-Кихотомъ даже въ томъ случаѣ, если дѣйствительность идетъ какъ разъ туда, гдѣ находятся его идеалы. Это бываетъ всякій разъ, когда человѣкъ, правильно опредѣливъ свою цѣль, не умѣетъ найти вѣрнаго средства ея достиженія. Тогда его дѣятельность является мнимой величиной, и хотя дѣйствительность придетъ туда, куда ему хотѣлось привести ее, но придетъ совершенно независимо отъ его усилій. Наши

крестьяне служатъ молебны во время засухи и заставляютъ священниковъ читать молитвы, предохраняющія „отъ червя“ капусту. Послѣ молебновъ идетъ иногда дождь, послѣ прочтенія священникомъ молитвы „червь“ иногда исчезаетъ. Но оттого-ли идетъ дождь, что крестьяне отслужили молебенъ, оттого-ли пропадаетъ червь, что священникъ прочиталъ молитву? Все это происходитъ по причинамъ, ни мало не зависящимъ ни отъ священниковъ, ни отъ молебновъ. То же самое и съ общественнымъ развитіемъ. Ему случается, осуществлять „завѣтныя думы, вождѣланныя грезы“ общественного дѣятеля. Но если его думы не опирались на внимательное изученіе дѣйствительности, если его грезы обязаны были своимъ происхожденіемъ только тому, что ему хотѣлось грезить, то онъ могъ бы спокойно сидѣть, сложа руки: дѣло и безъ него пришло бы къ тому же концу. Чтобы вліять на дѣйствительность, нужно относиться къ ней также, какъ естествоиспытатель относится къ природѣ: изучать ея законы и, вполне подчиняясь имъ, заставлять ихъ служить своимъ цѣлямъ.

Но гдѣ же коренятся законы окружающей насъ общественной дѣйствительности? Въ ней самой и только въ ней самой, въ условіяхъ мѣста и времени и только въ условіяхъ мѣста и времени. А эти условія имѣютъ свою особую, внутреннюю логику, независимую отъ логики и воли человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы экономическія отношенія. Дурно или хорошо то, что на извѣстной степени развитія товарнаго производства сама рабочая сила человѣка становится товаромъ, но такъ было и будетъ, пока будетъ существовать товарное производство. Дурно или хорошо то, что въ капитализмѣ подъемы промышленной дѣятельности смѣняются кризисами, но такъ было и будетъ до самаго паденія капитализма. Дурно или хорошо то, что крупные капиталисты побиваютъ мелкихъ, но они будутъ побивать ихъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ нынѣшній экономическій строй. А исчезнетъ онъ опять таки не потому, что мы убѣдились въ его негодности, а потому что ему присущи особые законы развитія, неотвратимое дѣйствіе которыхъ и приведетъ къ его устраненію. Наше убѣжденіе въ его негодности само является лишь результатомъ дѣйствія этихъ внутреннихъ законовъ развитія капитализма.

Идеалистическая нѣмецкая философія совсѣмъ почти не затрогивала вопросовъ объ экономическихъ отношеніяхъ общества. Но она выработала тотъ методъ, который, будучи освобожденъ отъ своихъ идеалистическихъ элементовъ, оказалъ величайшія услуги экономической наукѣ. Мы уже говорили объ этомъ діалектическомъ методѣ въ первой статьѣ, но такъ какъ сказанное нами не всѣми было правильно понято, то мы вынуждены сказать о немъ еще нѣсколько словъ.

Нѣмецкая философія разсматривала всѣ явленія въ процессѣ ихъ развитія, въ процессѣ ихъ возникновенія и уничтоженія. Мы охотно назвали бы ея діалектическій методъ методомъ *эволюціи*, если бы эволюція не понималась многими буржуазными учеными какъ нѣчто, исключющее *революціи* и противоположное имъ. Точно также можно было бы назвать этотъ методъ *историческимъ* если бы многіе „мыслители“ не злоупотребили понятіемъ объ историческомъ мето-

дѣ для осужденія всякаго возстанія противъ завѣщанной исторіей дѣйствительности. Но въ виду подобныхъ злоупотребленій приходится держаться старой терминологіи и называть діалектической методъ по прежнему діалектическимъ. Еще Гегель прекрасно выяснилъ въ своей „Логикѣ“, что подъ развитіемъ (эволюціей) понятій и явленій ни въ какомъ случаѣ нельзя разумѣть одно только медленное, постепенное ихъ измѣненіе, такъ охотно выдаваемое теперь многими за эволюцію. Взятое само по себѣ, медленное и постепенное измѣненіе еще ровно ничего не объясняетъ, такъ какъ оно вовсе даже и не касается вопроса о *происхожденіи* понятій или явленій: измѣненіе явленія или понятія предполагаетъ уже его существованіе. Точно также не касается оно и перехода одного явленія или понятія въ другое. *) Этотъ переходъ совершается въ силу того закона, по которому *количественныя* измѣненія, дойдя до извѣстнаго предѣла, превращаются въ *качественныя*. А благодаря качественнымъ измѣненіямъ, медленно измѣнявшіяся явленія или понятія перестаютъ быть самими собою и являются уже въ видѣ другихъ, существенно различныхъ отъ нихъ понятій или явленій. Вотъ эти-то качественныя измѣненія не мыслимы безъ скачковъ, и *рѣзкихъ, внезапныхъ переходовъ*, столь страшныхъ для многихъ современныхъ эволюціонистовъ. Рѣзкіе скачки и внезапные переходы кажутся эволюціонистамъ *ненаучными*; но такъ какъ они непрерывно совершаются и въ природѣ, и въ логикѣ, и въ общественной жизни, то отрицающая ихъ „наука“ сама оказывается *ненаучною*, т. е. поверхностною, отвлеченною и одностороннею. Вотъ почему мы и не хотимъ отождествлять современнаго ученія объ эволюціи съ діалектическимъ взглядомъ на вещи. Чувствуя непреодолимый страхъ передъ революціями, многіе изъ современныхъ эволюціонистовъ стараются, съ помощью всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ формулъ „научнаго“ заклинанія, остановить то проявленіе общественной эволюціи, которое носитъ названіе *борьбы классовъ*. Но борьба классовъ является слѣдствіемъ и выраженіемъ взаимнаго противорѣчія классовыхъ интересовъ, взаимное же противорѣчіе классовыхъ интересовъ создается тѣмъ самымъ *прогрессомъ*, за который распинаются господа эволюціонисты. Все вообще діалектическое (если хотите, въ извѣстномъ смыслѣ — *прогрессивное*) движеніе понятій и явленій совершается въ силу противорѣчій, возникающихъ въ этихъ явленіяхъ или понятіяхъ по ихъ внутреннимъ законамъ. *Противорѣчіе* является силой, благодаря которой и происходитъ всякое развитіе, гдѣ бы мы его ни наблюдали: въ природѣ, въ логикѣ, или въ исторіи. Слѣдовательно, кто дѣйствительно стоитъ за прогрессъ, и кто знаетъ, что это за штука, тотъ не боится ни взаимнаго противорѣчія классовыхъ интересовъ, ни классовой борьбы. Классовая борьба гонитъ современныя общества впередъ, спасая ихъ отъ застоя; и ни одинъ искренній и мыслящій сторонникъ прогресса не отступитъ передъ логикой классовой борьбы, не будетъ пытаться примирить непримиримое. Наоборотъ, онъ приметъ дѣятельное учас-

*) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о *логическомъ*, а не о *психологическомъ* происхожденіи и переходѣ понятій изъ одного въ другое.

тіе въ ней и поможетъ ей, насколько это зависитъ отъ него, дойти до ея логическаго конца, который означаетъ торжество всего того, что люди называютъ въ настоящее время *добромъ, истиной и справедливостію*.

Соціалисты-утописты не понимали историческаго значенія борьбы классовъ. И это неудивительно. Съ своей точки зрѣнія они могли оправдывать только одинъ родъ борьбы: борьбу „истины“ съ „заблужденіемъ“. Истина была для нихъ плодомъ отвлеченной работы мысли, независимой отъ условій мѣста и времени. Мы знаемъ теперь, что „отвлеченной истины нѣтъ“, что „истина конкретна“, что истинное для одного времени становится ложнымъ для другого. Намъ разъяснила это нѣмецкая философія, которая, ставши на эту новую, конкретную точку зрѣнія, вызвала цѣлый переворотъ въ наукѣ. Ж. Б. Сэй находилъ, что бесполезно изучать исторію предшествовавшихъ Адаму Смиту экономическихъ ученій, такъ какъ всѣ они ошибочны. Гегель придавалъ огромное значеніе исторіи философіи, потому что для него каждая философская система была законнымъ дѣтищемъ своего времени. Стоило только распространить этотъ взглядъ на исторію общественной науки, чтобы придти къ тому простому и ясному заключенію, что различныя соціальныя и политическія системы являлись лишь теоретическимъ выраженіемъ фактическихъ отношеній и нуждъ современнаго имъ общества, или хотя бы только одного класса, одного слоя общества. А отсюда недалеко уже было и до пониманія того, что борьба „истины“ съ „заблужденіемъ“ является въ исторіи лишь теоретическимъ выраженіемъ развитія общественныхъ отношеній и связанной съ нимъ борьбы классовъ, стремящихся къ господству или просто къ болѣе полному удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей. Разъ взглянувши на общественныя отношенія съ точки зрѣнія развитія, нельзя было уже оцѣнивать ихъ съ помощью одного неизмѣннаго масштаба: отношенія, хорошія для одной ступени развитія, оказывались негодными для другой, все дѣло и здѣсь зависѣло отъ данныхъ условій времени и мѣста.

Такимъ образомъ, философія устранила старый, метафизическій взглядъ на общество, одинаково свойственный какъ соціалистамъ-утопистамъ, такъ и ихъ предшественникамъ, — просвѣтителемъ прошлаго вѣка — и ихъ противникамъ представителямъ буржуазной экономической науки. Соціализмъ долженъ былъ или усвоить себѣ эти новыя завоеванія человѣческой мысли, или уступить свое мѣсто ученіямъ, болѣе сообразнымъ съ современнымъ состояніемъ науки.

IV

Марксъ примѣнилъ диалектическій методъ къ изученію общественныхъ явленій и тѣмъ примирилъ философію съ соціализмомъ. По справедливому замѣчанію Энгельса, новѣйшій соціализмъ ведетъ свою родословную не только отъ Сен-Симона и Фурье, но также отъ Канта и Гегеля. Но о Марксѣ недостаточно сказать, что онъ

примѣнилъ діалектическій методъ къ изученію общественныхъ явленій. Въ качествѣ *матеріалиста* Марксъ смотрѣлъ на діалектику совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣлъ на нее *идеалистъ* Гегель. „Мой діалектическій методъ — справедливо говоритъ о себѣ авторъ „Капитала“ — въ основѣ своей не только отличается отъ гегелевскаго, но составляетъ прямую его противоположность. Гегель считаетъ процессъ мышленія деміургомъ дѣйствительности, которая составляетъ лишь его внѣшнее проявленіе. Процессъ мышленія представляется Гегелю самостоятельнымъ субъектомъ и получаетъ отъ него ния идеи. Напротивъ, для меня идеальное является ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ въ человѣческой головѣ *матеріальнаго*. Мистицизирующую сторону гегелевской діалектики я критиковалъ уже около 30 лѣтъ тому назадъ, когда она была еще модной (эти строки писаны Марксомъ въ Январѣ 1873 г.).... Въ своей мистической формѣ діалектика была нѣмецкой модой, потому что она, казалось, оправдывала существующія отношенія. Въ своемъ раціональномъ видѣ она ненавистна для буржуазіи и для буржуазныхъ доктринеровъ, такъ какъ вмѣстѣ съ положительнымъ пониманіемъ существующихъ отношеній діалектика заключаетъ въ себѣ также и пониманіе ихъ отрицанія, такъ какъ она ни передъ чѣмъ не останавливается и является критической, революціонной по существу, разсматривая каждую готовую форму съ точки зрѣнія движенія, т. е. показывая, что каждая данная форма имѣетъ лишь преходящее значеніе. *)

Если уже для Гегеля философія была лишь теоретическимъ выраженіемъ своего времени, то у Маркса этотъ взглядъ на философію и на всѣ вообще формы человѣческаго сознанія принялъ гораздо болѣе опредѣленный и при томъ строго матеріалистическій характеръ. Марксъ былъ родоначальникомъ матеріалистической философіи исторіи. „Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественныя отношенія, — говоритъ онъ — а наоборотъ, ихъ общественныя отношенія опредѣляютъ ихъ сознаніе.“ Развитіе же общественныхъ отношеній совершается подъ вліяніемъ матеріальныхъ условій ихъ существованія. Чтобы жить, люди должны прежде всего считаться со своимъ матеріальными потребностями, для удовлетворенія которыхъ служатъ предметы внѣшняго міра, добытые и болѣе или менѣе видоизмѣненные цѣлесообразною дѣятельностью, называемою трудомъ. Люди живутъ обществами (т. е. живутъ такъ въ дѣйствительности, въ сказкахъ бываетъ иногда иначе), а потому производительный трудъ ихъ долженъ имѣть общественный характеръ. Занимаясь производствомъ продуктовъ, „люди вступаютъ въ опредѣленныя взаимныя связи и отношенія, и только внутри и черезъ посредство этихъ общественныхъ связей и отношеній возникаютъ тѣ воздѣйствія людей на природу, которыя необходимы для производства.“ **) Взаимныя отношенія людей въ производствѣ продуктовъ ни мало не зависятъ отъ ихъ воли или отъ ихъ понятій, а обуславливаются характеромъ

*) См. Предисловіе ко второму изданію „Капитала“.

**) „Наемный трудъ и Капиталъ“ Карла Маркса. Четвертая книга Р. сской Соціально-революціонной Библіотеки. Женева 1883 г. стр. 17.

находящихся въ ихъ распоряженіи производительныхъ средствъ. Но такъ какъ характеръ этихъ средствъ измѣняется по мѣрѣ того какъ люди пріобрѣтаютъ все большую и большую власть надъ природою, то измѣняются и тѣ взаимныя отношенія, въ которыя люди становятся при производствѣ продуктовъ. Здѣсь происходитъ то же самое, что мы видимъ въ военномъ дѣлѣ. „Съ изобрѣтеніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимымъ образомъ измѣнилась вся внутренняя организація арміи, равно какъ всѣ тѣ взаимныя отношенія, въ которыхъ стоятъ входящія въ составъ арміи личности, и благодаря которымъ она представляетъ собою организованное цѣлое; наконецъ, измѣнились также и взаимныя отношенія цѣлыхъ армій.“ Общественныя отношенія производителей или, иначе, общественныя условія производства „образуютъ то, что называется общественными отношеніями, обществомъ, и при томъ обществомъ, находящимся на опредѣленной исторической ступени развитія, — обществомъ опредѣленнаго характера. Такія своеобразныя совокупности отношеній производства представляютъ собою — античное общество, средневѣковое общество, буржуазное общество, и каждый изъ этихъ видовъ общественной организаціи соотвѣтствуетъ, въ свою очередь, извѣстной ступени развитія въ исторіи чело-вѣчества.“ *) Совокупность общественныхъ отношеній производства составляетъ „экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные общественныя формы сознания. Способъ производства матеріальной жизни вообще обуславливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни. На извѣстной ступени ихъ развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства, или, говоря юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ развивались. Отношенія эти перестаютъ содѣйствовать развитію производительныхъ силъ и становятся препятствіемъ для него. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономической основы измѣняются также съ большею или меньшею быстротою и вся огромная держащаяся на нихъ надстройка. При изученіи подобныхъ переворотовъ всегда надо различать матеріальный переворотъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью, отъ тѣхъ юридическихъ, политическихъ, религіозныхъ, художественныхъ или философскихъ формъ, которыя принимаетъ сознание этого переворота въ головахъ переживающихъ его людей. Объ отдѣльной личности нельзя судить на основаніи того, что она о себѣ думаетъ. Точно также и объ эпохѣ переворота нельзя судить по ея сознанію; ея сознание само объясняется существующимъ противорѣчіемъ между общественными производительными силами и общественными отношеніями производства. Ни одна общественная формація не сходитъ со сцены раньше, чѣмъ разовьются всѣ тѣ производительныя силы, которымъ

*) Марксъ. Ibid. стр. 17-18.

она предоставляет достаточный просторъ, и новыя, высшія отношенія производства не могутъ явиться раньше, чѣмъ созрѣютъ въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому можно сказать, что человѣчество ставитъ себѣ только разрѣшимыя задачи, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что самыя эти задачи являются лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ихъ рѣшенія уже существуютъ въ наличности, или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія.*)

Такова философія исторіи Маркса, въ немногихъ словахъ выраженная самимъ Марксомъ. Соответствуетъ или не соответствуетъ она дѣйствительному ходу историческаго развитія? Правъ-ли былъ Марксъ или, напротивъ, правы тѣ, до сихъ поръ многочисленные „мыслители“, которые упрекаютъ его въ грубо-материалистической узкости понятій? Мы не станемъ теперь входить въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, хотя и думаемъ, что Марксъ былъ безусловно правъ и что его философія исторіи гораздо „шире“ и безконечно больше соответствуетъ современному состоянію науки, чѣмъ тотъ поверхностный, эклектичeskій идеализмъ, который сводитъ знаменитое положеніе Анаксагора — *разумъ правитъ міромъ* — къ крайне „узкому“ и совсѣмъ уже не глубокому положенію: *разсудокъ правитъ исторіей*. Относительно приведенныхъ взглядовъ Маркса мы можемъ и должны ограничиться нѣсколькими частными замѣчаніями.

Философско-историческіе взгляды Маркса представляютъ собою ключъ къ пониманію всѣхъ остальныхъ его взглядовъ. Не понимая ихъ, нельзя ровно ничего понять въ марксизмѣ. Между русскими „интеллигентами“ часто попадаются люди, которые, усвоивъ себѣ отдѣльныя страницы „Капитала“, — напримѣръ ученіе о прибавочной стоимости или о рабочемъ днѣ, или о законѣ заработной платы, — воображаютъ, что они поняли знаменитаго соціалистическаго мыслителя и даже называютъ себя марксистами. Но съ ихъ стороны это есть не болѣе, какъ „плѣнной мысли раздраженіе“. „Капиталъ“ представляетъ собою, если вамъ угодно такъ выразиться, очень, очень странное литературное произведеніе. Сократъ говорилъ когда-то о книгѣ Гераклита: то, что я понялъ въ ней уже очень глубоко, а чего я не понялъ, то, вѣроятно, еще глубже. Совершенно такъ долженъ былъ бы отзываться о книгѣ Маркса и русскій „интеллигентъ“, еслибы только онъ обладалъ скромностью Сократа. Въ „Капиталѣ“ изложена вся философія исторіи Маркса. Но она изложена такъ, что читая это сочиненіе, неподготовленный читатель можетъ пройти мимо нея, даже не заподозривъ ея присутствія. Вотъ почему у насъ много „марксистовъ“, держащихся старыхъ *идеалистическихъ*, то есть *метафизическихъ* взглядовъ на общественныя явленія. Русскій „марксистъ“ можетъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно: утопистомъ, бланкистомъ, либераломъ, даже послѣдователемъ Бакунина, этого злѣйшаго и вреднѣйшаго врага марксизма. Но трудно русскому человѣку стать истиннымъ послѣдователемъ *Маркса*, трудно проникнуться ему *материалистическимъ* взглядамъ на исторію. Русскій человѣкъ предпочитаетъ такъ

*) Zur Kritik etc. Vorwort, s. s. V-VI.

называемый „субъективный методъ въ социологіи“, который представляет собою нечто иное, какъ буржуазную реакцію противъ научнаго, матеріалистическаго пониманія общественныхъ явленій. „Я марксистъ, но не социаль-демократъ“ — говоритъ „интеллигентъ“, не дерзающій оспаривать Маркса, но въ то же время совершенно неспособный сдѣлать надлежащіе практическіе выводы изъ плохо понятыхъ имъ теоретическихъ положеній современнаго социализма... Марксистъ, но не социаль-демократъ! Это то же что дарвинистъ, не признающій происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. „Бѣдная русская мысль“, сбиваемая съ толку путаницей нашей дѣйствительности, отличается поразительнымъ отсутствіемъ послѣдовательности!

Но какъ бы поверхностно ни понимали марксизмъ такъ называющіе себя „русскіе социалисты“, несомнѣнно, что ученіе это все болѣе и болѣе распространяется между западными пролетаріями. Теперь на Западѣ уже нѣтъ иныхъ социалистовъ, кромѣ марксистовъ. Этого достаточно для насъ, чтобы объяснить нѣкоторыя, очень важныя особенности социалистической литературы нашего времени.

Современная социалистическая литература чуждается утопій. Иногда приходится слышать, что въ этомъ заключается важный недостатокъ ея. Но читатель, внимательно слѣдившій за нашимъ изложеніемъ, понимаетъ, что съ точки зрѣнія марксизма утопіи не имѣютъ ровно никакого значенія. Утопіи имѣли смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока социалисты стояли на метафизической точкѣ зрѣнія, пока чувства и понятія людей считались ими источникомъ существующихъ общественныхъ отношеній. Тогда подробно разработанный и привлекательно раскрашенный планъ „нормальнаго“ общественнаго устройства, способный убѣдить людей въ выгодахъ предлагаемой имъ реформы и подѣйствовать на ихъ воображеніе, казался необходимымъ средствомъ социалистической пропаганды. Теперь, когда социалисты знаютъ, что „идеальное“ есть отраженіе въ человѣческихъ головахъ „матеріальнаго“, они не вѣрятъ болѣе въ магическую силу утопій. Люди будутъ поступать не такъ, какъ приглашаютъ ихъ поступать утопіи, а такъ, какъ заставитъ ихъ поступать суровая экономическая необходимость. Чтобы принимать полезное и дѣятельное участіе въ ходѣ общественно-историческаго развитія, надо — не соблазнять людей блестящими картинами „справедливыхъ“ общественныхъ отношеній, а понимать и разяснять характеръ современныхъ намъ матеріальныхъ условій человѣческаго существованія. Если мы изучили эти условія, если мы умѣемъ предсказать дальнѣйшій ходъ ихъ развитія, то мы можемъ также предвидѣть, въ какую сторону будутъ измѣняться понятія и чувства нашихъ современниковъ. А сообразно съ этимъ мы можемъ направить и нашу практическую дѣятельность. Сила нашего вліянія на дальнѣйшій ходъ событій будетъ прямо пропорціональна ясности нашего пониманія сущности современныхъ намъ экономическихъ отношеній. Наша „программа“ должна быть особаго рода философіей, той философіей, которая въ понятіяхъ и въ практическихъ требованіяхъ выражаетъ предстоящій ходъ общественно-экономическаго движенія. Со-

ціалісты должны быть акушерами новаго общества, элементы котораго развиваются внутри существующаго буржуазнаго порядка. Но акушеръ представляет собою прямую противоположность утописту. Онъ не разсуждаетъ о томъ, какъ должно было бы родиться чело-вѣчество. Онъ наблюдаетъ то, что есть въ дѣйствительности; онъ изучаетъ механизмъ родовъ и, вполнѣ подчиняясь его законамъ, пользуется ими для своей практической цѣли.

Соціалистамъ-утопистамъ необходимо было предвидѣть всѣ подробности предлагаемаго ими общественнаго устройства. Малѣйшая ошибка въ расчетѣ могла, по ихъ мнѣнію, повести къ порчѣ новаго порядка. Для соціалиста-матеріалиста важно предвидѣть общее направленіе экономическаго развитія. Подробности будущихъ общественныхъ отношеній не интересуютъ его уже по той простой причинѣ, что эти подробности опредѣляются современемъ такими частностями экономіи, предвидѣть которыя совершенно невозможно. При томъ же, помня, что не сознаніе людей обуславливаетъ формы общественныхъ отношеній, а общественныя отношенія обуславливаютъ формы сознанія, соціалистъ-матеріалистъ спокойно полагается, такъ сказать, на вразумляющую силу экономической необходимости. Человѣчество вообще задается только тѣми задачами, для разрѣшенія которыхъ уже зрѣютъ необходимыя экономическія условія. Слѣдовательно, такъ пугавшая утопистовъ чело-вѣческая несообразительность не можетъ испортить дѣла соціалистическаго переворота. Мысль всегда съумѣетъ понять практическія требованія жизни. По мѣрѣ того, какъ будутъ зрѣть матеріальныя условія новаго общества, станутъ выясняться и необходимыя частности его устройства. Теперь же задача соціалистовъ сводится къ организаціи пролетаріата и къ выясненію ему общихъ экономическихъ условій его освобожденія.

Такимъ образомъ, соціализмъ изъ *утопическаго* дѣлается *критическимъ*. Соціалистическое *отрицаніе* буржуазнаго общества становится въ тѣснѣйшую связь съ *пониманіемъ* этого общества, т. е. съ *выясненіемъ его историческаго значенія*. Сообразно съ этимъ классическая буржуазная экономія (т. е. та экономія, которая одна заслуживаетъ названія науки) получаетъ совсѣмъ другой смыслъ въ глазахъ соціалистовъ. Она представляется имъ тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, т. е. не сплетеніемъ лжи и софизмовъ, сбившихъ съ толку чело-вѣчество, а ученіемъ о законахъ, управляющихъ экономической жизнью общества на извѣстной степени его развитія. Теоріи буржуазныхъ экономистовъ служатъ соціалистамъ необходимымъ пособіемъ при изученіи того общественнаго порядка, который подготавливаетъ условія соціалистической революціи. Не довольствуясь утопіями, Марксъ начинаетъ въ сороковыхъ годахъ свою критическую работу внимательнымъ изученіемъ буржуазной экономіи. И съ этихъ поръ въ исторіи экономической науки начинается новая эпоха. Діалектическая критика Маркса устранила односторонніе, метафизическіе взгляды буржуазныхъ экономистовъ, пополнила пробѣлы и исправила ошибки ихъ теорій и поставила политическую экономію на совершенно новое основаніе. Быстрые теоретическіе успѣхи соціализма были въ то же время теоретическими успѣхами эконо-

помической науки. Теперь политическая экономія стала наукой объ экономическомъ развитіи общества. Что касается буржуазнаго порядка, то она изучаетъ его исторію, его законы и показываетъ, какъ постоянное и неотвратимое ихъ дѣйствіе подрываетъ этотъ порядокъ и подготавливаетъ матеріальныя условія для новаго общественнаго устройства. Иначе сказать, буржуазная политическая экономія изучала буржуазный порядокъ въ его готовомъ, законченномъ видѣ, который она считала неизмѣннымъ. Современная намъ политическая экономія изучаетъ буржуазный порядокъ съ точки зрѣнія *развитія*, съ точки зрѣнія его возникновенія и уничтоженія.

V

„Однако, это удивительно! — восклицаетъ читатель. — Вы собирались писать вторую статью о Чернышевскомъ, но вотъ уже на многихъ и многихъ страницахъ вы говорите обо всемъ и обо всѣхъ, кромѣ Чернышевскаго! Неужели вы такъ-таки и не перейдете къ дѣлу?“ — Подождите, читатель, мы именно теперь и переходимъ къ дѣлу. Что же касается предыдущихъ страницъ, то вы пожалуй и правы, смотря на нихъ, какъ на нѣчто совершенно неотносящееся къ предмету нашей статьи. Но вы не должны забывать, что русскіе писатели вообще любятъ отклоняться отъ своего предмета. Самъ Чернышевскій сознавался, что онъ писалъ часто все не о томъ, о чемъ ему слѣдовало писать. А съ другой стороны, слѣдя за дальнѣйшимъ изложеніемъ, вы, можетъ быть, и сами согласитесь, что наше длинное введеніе не до такой уже степени лишено всякой связи съ нашей задачей, какъ это кажется на первый взглядъ.

Мы уже знаемъ, что цѣлью литературной дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго было распространеніе въ Россіи „высокихъ идей правды, науки, искусства“, выработанныхъ передовыми мыслителями Запада. Въ своихъ экономическихъ статьяхъ онъ излагалъ обыкновенно взгляды западно-европейскихъ социалистовъ. Но онъ совершенно не былъ знакомъ съ ученіемъ Маркса. Въ то время, къ которому относятся годы, рѣшительные для развитія Чернышевскаго, (конецъ сороковыхъ и начало пятидесятихъ годовъ), ученіе Маркса было сравнительно мало оцѣнено даже въ самой Германіи, за границей же о немъ знали только очень немногіе. Учителями Николая Гавриловича въ социализмъ были утописты. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются почти всѣ особенности его политико-экономическихъ взглядовъ.

Для Чернышевскаго, какъ и для всѣхъ социалистовъ-утопистовъ, главная задача науки заключалась въ указаніи того, какъ должно быть устроено нормальное общество. Онъ очень недвусмысленно высказываетъ это въ заключительныхъ строкахъ своихъ „Очерковъ изъ политической экономіи“. „Не успѣла войти въ наши очерки та часть

теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ, что не успѣли дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать! *) — Анализъ экономическихъ явленій въ современномъ обществѣ, изложеніе законовъ буржуазнаго хозяйства имѣли для Чернышевскаго второстепенное значеніе, обусловленное преимущественно полемическими цѣлями: „критика господствующихъ понятій“ должна была „приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства наиболѣе выгоднаго для людей“, отбѣнать эти принципы. Сообразно съ этимъ, Чернышевскій равнодушно относится къ тѣмъ противорѣчіямъ, въ которыя впадаетъ Милль при изложеніи важнѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Трудно представить себѣ, чтобы онъ, при своемъ ясномъ умѣ, могъ не замѣтить этихъ противорѣчій, обративъ на нихъ хоть нѣкоторое вниманіе. Но ему до нихъ не было дѣла. Его досадовало не то, что Милль плохо понимаетъ современную экономическую жизнь цивилизованныхъ обществъ, а то, что онъ слишкомъ много занимается этою жизнью и слишкомъ мало думаетъ о требованіяхъ „здоровой теоріи“, т. е. о принципахъ будущаго общественнаго устройства. Чернышевскій сравниваетъ Милля съ человѣкомъ, который, рѣшившись покинуть Петербургъ, не знаетъ, куда ему слѣдуетъ направиться, въ Берлинъ или въ Казань, и даже признавъ, наконецъ, что въ Берлинъ ѣхать было бы разумнѣе, все таки сворачиваетъ на Казань. Это очень остроумное сравненіе. Но оно характеризуетъ только практическое отношеніе Милля къ великому спору между пролетаріатомъ и буржуазіей. Теоретическихъ ошибокъ англійскаго экономиста оно вовсе не указываетъ, да и не имѣетъ ихъ въ виду. Не смотря на всю неясность своихъ экономическихъ понятій, Милль все таки кажется Чернышевскому „достойнымъ ученикомъ Рикардо“.

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго, т. четвертый. Очерки изъ политической экономіи (по Миллю). Женева 1870. стр. 469. Въ другомъ мѣстѣ того же тома Чернышевскій опредѣляетъ задачу „экономической теоріи“ такъ: разложивъ продуктъ на доли, соответствующія разнымъ „элементамъ производства, она должна искать, какое сочетаніе этихъ элементовъ и долей даетъ наиболѣе выгоднѣйшій практическій результатъ. Въ чемъ тутъ состоитъ задача, понятно каждому: надобно отыскать, при какомъ сочетаніи элементовъ производства данное количество производительныхъ силъ даетъ наибольшій продуктъ. Когда теорія найдетъ такую форму сочетанія, то само собою будетъ разумнѣе, что безусловнаго совершенства въ осуществленіи этой формы достичь невозможно человѣку не теперь, но и рѣшительно никогда; таково уже общее свойство всѣхъ требованій всякой науки; ни одно изъ нихъ не можетъ быть осуществлено въ безусловномъ совершенствѣ, потому что безусловнаго совершенства вообще никогда ни въ чемъ не бывало и не можетъ быть“ и т. д. (стр. 136)

Подъ вліяніемъ современнаго ему рабочаго движенія, Милль уже не смотрѣлъ на буржуазное общество, какъ на вѣчное и неизмѣнное. Онъ допускалъ, что буржуазный общественный порядокъ можетъ быть, пожалуй, замѣненъ другимъ, болѣе соответствующимъ интересамъ массы. О будущности „рабочихъ сословій“ онъ высказывалъ даже мысли, которыя казались вѣрными социалисту Чернышевскому. Поэтому нашъ авторъ и выбралъ его книгу для перевода на русскій языкъ. Но „вѣрныя“ мысли Милля были, во-первыхъ, слишкомъ „блѣдны“, а во-вторыхъ, онъ высказывалъ ихъ только мимоходомъ, занимаясь почти исключительно „условіями быта и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности“ (слова Милля). Поэтому Чернышевскій рѣшилъ снабдить переводъ его книги дополненіями и примѣчаніями, излагающими болѣе правильные принципы общежитія. Таково было происхожденіе главнаго экономического труда нашего автора.

Типическимъ образчикомъ отношенія Чернышевскаго къ спорнымъ теоріямъ буржуазныхъ экономистовъ можетъ служить слѣдующее замѣчаніе его о государственныхъ займахъ: „Разумѣется, бываютъ разные роды займа, какъ бываютъ разные роды налога, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе обременительны для націи, чѣмъ другіе. Но мѣсто не дозволяетъ намъ здѣсь вдаваться въ эти подробности, которыя впрочемъ теряютъ значительную часть своей важности для теоретическаго изслѣдованія, если мы твердо убѣдимся въ общей невыгодности самаго принципа замѣнять налогъ займами. Теорія говоритъ, что займовъ не слѣдуетъ заключать; послѣ этого, какую степень серьезности могли бы имѣть разсужденія о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ размѣрѣ можно заключать займы?*) Разсуждая такимъ образомъ, можно было равнодушно проходить мимо важнѣйшихъ вопросовъ буржуазнаго хозяйства. Какую степень серьезности могутъ имѣть наши разсужденія о стоимости, если мы твердо убѣдимся въ общей несостоятельности современнаго обмѣна? Какую степень серьезности могутъ имѣть споры о законѣ заработной платы, если теорія говоритъ, что рабочая сила не должна быть продаваема на рынкѣ? Читатель уже знаетъ, что именно такъ разсуждали социалисты-утописты, и что такое отношеніе ихъ къ теоріямъ буржуазной экономіи было одной изъ главныхъ ошибокъ утопическаго социализма, препятствовавшихъ дальнѣйшему развитію общественной науки.

Въ 1866 году въ англійскомъ журналѣ „Common Wealth“ началось печатаніе ряда статей рабочаго Георга Эккаріуса, который задался цѣлью подробно разобрать экономическія ученія Милля. Статьи Эккаріуса появились въ видѣ отдѣльной брошюры на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Ansichten John Stuart Mill's“. Въ 1888 году вышло въ Цюрихѣ новое изданіе этой брошюры (см. Social-demokratische Bibliothek., выпускъ XXI), такъ что знающіе по нѣмецки русскіе читатели имѣютъ полную возможность познакомиться съ этой интересной работой. Эккаріусъ былъ дѣятельнымъ членомъ Междуна-

*) Стр. 480 томъ четвертый сочиненій Чернышевскаго.

роднаго Общества Рабочихъ и долгое время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса. По его отношенію къ Миллю можно судить о томъ, какъ относятся къ этому писателю современные намъ социалисты, т. е. послѣдователи Маркса. Эккаріусъ нападалъ на Милля со стороны совершенно противоположной той, съ которой нападалъ на него Чернышевскій. Его возмущало не то, что Милль слишкомъ мало говорилъ о будущемъ обществѣ, а то, что англійскій экономистъ слишкомъ плохо понималъ законы современнаго буржуазнаго порядка. Главный недостатокъ книги Милля заключается, по мнѣнію Эккаріуса, въ томъ, что авторъ ея не сумѣлъ стать на историческую точку зрѣнія, съ которой всѣ категоріи буржуазной экономіи представляются переходящими, историческими категоріями. Эккаріусъ старался „освѣтить реакціонныя стремленія миллевской экономіи съ рабочей точки зрѣнія.“ Онъ могъ относиться къ Миллю *только* полемически. Излагать свои собственные взгляды въ видѣ дополненія къ теоріямъ Милля было бы для Эккаріуса невозможно и въ логическомъ и въ психологическомъ смыслѣ: онъ слишкомъ далеко, слишкомъ рѣзко съ нимъ расходился. Откуда же эта разница въ отношеніи къ Миллю двухъ социалистовъ, писавшихъ о немъ почти въ одно и то же время? Эти социалисты-современники по взглядамъ своимъ принадлежали къ различнымъ періодамъ исторіи социализма. Эккаріусъ былъ марксистъ, Чернышевскій держался взглядовъ до-марксовой, утопической эпохи.

Предпринятая Чернышевскимъ „критика господствующихъ понятій“ по своимъ приемамъ и по своимъ результатамъ совершенно сходится съ той критикой общественныхъ „учрежденій“, которой такъ дѣятельно занимался, на примѣръ, Фурье. Но что такое общественныя учрежденія? Это юридическая надстройка, возвышающаяся на данномъ экономическомъ базисѣ, характеръ котораго опредѣляется степенью развитія общественныхъ производительныхъ силъ. При данной степени развитія производительныхъ силъ люди, занимающіеся производствомъ, необходимо должны становиться въ извѣстныя, опредѣленныя взаимныя отношенія. А этими взаимными отношеніями производителей въ процессѣ производства опредѣляются, какъ мы знаемъ, всѣ ихъ общественныя отношенія, т. е. слѣдовательно и всѣ общественныя учрежденія. Критиковать данное учрежденіе, значитъ стараться понять, какая степень развитія производительныхъ силъ вызвала его къ жизни, какая степень его упрочила и какая — приведетъ къ его паденію. Такъ смотрятъ на задачи своей критики современные социалисты. Даже въ агитаціонныхъ рѣчахъ главными доводами противъ того или другаго учрежденія является у нихъ указаніе его несоотвѣтствія съ нынѣшними экономическими нуждами человѣчества. Но современные социалисты смотрятъ такъ потому, что теперь уже выяснена зависимость общественныхъ учрежденій отъ хода экономическаго развитія. Для социалистовъ утопическаго періода зависимость эта была совсѣмъ еще неясной, а чаще всего они вовсе ея не подозрѣвали. Поэтому они смотрѣли на „учрежденія“, какъ на нѣчто, вполне зависящее отъ воли людей, опредѣленное болѣе или менѣе разумнымъ выборомъ со стороны членовъ даннаго обще-

ства. Поэтому же критика общественных учреждений сводилась для них в выяснению тех невыгодных сторон данных учреждений, которая в действительности являются только на известных ступенях экономического развития, а имъ казались совершенно безусловными. Въ утопической критикѣ отсутствуетъ самый важный, т. е. *историческій* элементъ. Совершенно то же видимъ мы и у Н. Г. Чернышевскаго.

Въ первыхъ двухъ главахъ второй книги своей „Политической экономіи“ Милль вдается въ пространныя разсужденія о частной собственности. Изложивъ взгляды англійскаго экономиста, Чернышевскій, по своему обыкновению, дополняетъ ихъ собственными замѣчаниями. Но у него нѣтъ ни слова объ историческомъ значеніи частной собственности. Онъ старается только показать, что частная собственность и связанный съ нею принципъ наследственности невыгодны, потому что ведутъ къ неравенству имуществъ. По его справедливому замѣчанію, частная собственность дѣйствуетъ какъ разрушительная, революціонная сила, обогащая немногихъ счастливицевъ и ведя къ матеріальному порабощенію большинства. Но если частная собственность и принципъ наследственности дѣйствуютъ такъ всегда, „неотступно, каждый день и каждый часъ“; если невыгоды ихъ такъ осязательны, то спрашивается, какимъ же образомъ возникли они въ исторіи? На это Чернышевскій отвѣчаетъ также, какъ отвѣчали всѣ социалисты-утописты: по недостатку у людей здраваго экономического разсчета.

Недостаткомъ разсчета или вліяніемъ злой воли—насилія, завоеваній—объясняетъ нашъ авторъ все вообще современное, несправедливое распредѣленіе продуктовъ. „Рутинныя политико-экономы представляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независимыми въ своихъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производство, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ, остальные же элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и исполнѣ подлежатъ его власти“. Если люди плохо распредѣляли до сихъ поръ продукты своего производства, то это происходило потому, что они не знали истинныхъ экономическихъ принциповъ, или сами у себя отнимали фактическую возможность соображаться съ ними. „Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный бытъ при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма, или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наши времена? спрашиваетъ Чернышевскій. Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій разсчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго разсчета велись войны при Наполеонѣ I, — войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому разсчету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжиріею Франція? Развѣ по здравому экономическому разсчету упрочились и сохраняются поземельныя отношенія Англіи? *) Матеріальная, объективная воз-

*)Ibid. стр. 64

возможность нормального устройства человеческих отношений существует съ давнихъ временъ, а можетъ быть существовала даже съ самаго начала исторіи. „Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ— говоритъ Чернышевскій — а даже во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими, — не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человеческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безразсечно, на удачу: тутъ виноватъ только недостатокъ разсчета“. *) Такимъ образомъ, вся экономическая исторія человечества объясняется, по мнѣнію Чернышевскаго, какъ и всѣхъ социалистовъ-утопистовъ, простыми ошибками разсудка.

Такой взглядъ вель за собою то, что Чернышевскій, какъ и Милль, считалъ возможнымъ разсматривать законы производства совершенно независимо отъ распредѣленія и отъ обмѣна. Но разсматривать производство независимо отъ распредѣленія и обмѣна — на языкѣ Милля и Чернышевскаго — значитъ разсматривать его независимо отъ его общественныхъ условій, т. е. независимо отъ тѣхъ взаимныхъ отношений, въ которыхъ стоятъ производители продуктовъ. Поэтому весь вопросъ о производствѣ сводится у нихъ къ вопросу объ отношеніи человека къ силамъ природы, т. е. къ вопросу о болѣе или менѣе цѣлесообразномъ примѣненіи силъ природы къ нуждамъ человека, да еще къ вопросу о нѣкоторыхъ технологическихъ условіяхъ успѣшности труда. А такъ какъ всѣ важнѣйшія категоріи политической экономіи — „капиталь“, „трудъ“ и т. д. — выражаютъ собою лишь взаимныя отношенія производителей — и при томъ *не въ мастерской, а въ общественномъ процессѣ производства*, — то разсматривать производство независимо отъ его общественныхъ условій значитъ добровольно затруднять себѣ путь къ пониманію названныхъ категорій. Ниже мы увидимъ это яснѣе. Мы увидимъ также, что по отношенію ко многимъ категоріямъ политической экономіи нашъ авторъ раздѣлялъ взгляды буржуазныхъ экономистовъ.

Такъ какъ законы распредѣленія, въ противоположность законамъ производства, вполне зависятъ отъ воли людей, то въ особенности въ ученіи о распредѣленіи экономисты должны были бы, по мнѣнію Чернышевскаго, излагать требованія здравой теоріи. Школа Смита поступила иначе. Она довольствовалась изслѣдованіемъ существующихъ нынѣ законовъ распредѣленія. Это и мѣшало успѣхамъ экономической науки. Благодаря этому теорія распредѣленія выходитъ у школы Смита „не результатомъ строгаго научнаго анализа, а просто изложеніемъ довольно безобразной рутинны, матеріальнымъ основаніемъ которой служитъ фактъ завоеванія, д. н. нынѣ владычествующій своими послѣдствіями надъ экономической сферою того положенія вещей, нравственною поддержкою котор-ому служитъ невѣжество массы“; **)

*)Ibid. стр. 93

**)Сочиненія Н. Чернышевскаго, т. III Примѣчанія и Дополненія на первую книгу Политической Экономіи Джона Стюарта Милля. Женева 1861 стр. 46.

чтобы стать научной теоріей, теорія распределенія должна была бы превратиться въ ученіе о распределеніи продуктовъ сообразно требованіямъ разума и справедливости.

Методъ изслѣдованія явленій вообще подсказывается тою точкой зрѣнія, съ которой смотритъ на нихъ изслѣдователь. Марксъ смотрѣлъ на общественныя явленія съ точки зрѣнія ихъ внутренняго развитія, съ точки зрѣнія присущей имъ діалектики. Поэтому онъ и держался конкретнаго *діалектическаго* метода. Соціалисты-утописты смотрѣли на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія „здравой теоріи“, т. е. съ точки зрѣнія того общественнаго устройства, которое казалось имъ нормальнымъ. Поэтому они въ своихъ изслѣдованіяхъ придерживались *отвлеченнаго* метода сравненія дѣйствительности съ идеаломъ. Именно таковъ тотъ методъ, который называется у Чернышевскаго *ипотетическимъ*. Читатель помнитъ вѣроятно, какъ характеризовалъ свой методъ Н. Г. Чернышевскій. Чтобы правильно судить объ экономическихъ явленіяхъ мы должны, по словамъ нашего автора, переноситься „изъ области историческихъ событій въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторію, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрамъ, значеніе которыхъ условно, и которыя назначаются просто по удобству“. *) Такимъ образомъ, методъ Чернышевскаго сводится къ отвлеченію отъ всѣхъ конкретныхъ условій даннаго явленія. Но такимъ образомъ не можетъ быть, изучено никакое явленіе. Чернышевскій полагаетъ, что онъ, посредствомъ своего метода, окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, „были ли войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи“? Съ помощью очень несложныхъ соображеній, показывающихъ, что война всегда отвлекаетъ производительныя силы отъ полезнаго употребленія, онъ рѣшаетъ, что „война вредна для благосостоянія общества“. Иначе и нельзя отвѣтить на вопросъ о полезности войны съ отвлеченной точки зрѣнія. Но историческая дѣйствительность вноситъ въ это абстрактное рѣшеніе очень существенныя поправки. Она показываетъ намъ, во-первыхъ, что явленіе вредное для всего общества, въ его цѣломъ, можетъ быть очень полезно для господствующаго класса этого общества. А такъ какъ международная политика цивилизованныхъ обществъ всегда зависѣла отъ ихъ господствующихъ классовъ, то разгадки воинственности, проявленной Англіей въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нужно искать въ тогдашнихъ интересахъ англійской аристократіи и англійской буржуазіи, а вовсе не въ плохой способности англичанъ къ экономическому разсчету. Во-вторыхъ, еще Джемсъ Стюартъ (James Stewart) въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, появившемся за десять лѣтъ до выхода книги Смита „О богатствѣ народовъ“, справедливо замѣчаетъ, что торговая страна можетъ вести продолжительныя войны и одерживать блестящія побѣды, не проливая ни одной капли крови своихъ собственныхъ гражданъ. Все дѣло сводится въ такомъ случаѣ къ болѣе или менѣе значительной затратѣ денеж-

*) Соч. Чернышевскаго т. III стр. 89 90

ныхъ средствъ, съ помощью которыхъ торговая нація заставляетъ воевать за себя своихъ союзниковъ или наемниковъ. Выгодны-ли для нея подобныя затраты? Можетъ быть — нѣтъ, можетъ быть — да, все зависитъ отъ фактическаго хода и исхода войны, а не отъ абстрактныхъ соображеній о томъ, что затраченныя на войну деньги могли бы быть израсходованы съ большою пользою для чело-вѣчества. Если бы мы хотѣли спорить съ Чернышевскимъ, то мы сказали бы его собственными словами, что здѣсь, какъ и вездѣ, все рѣшается обстоятельствами времени и мѣста. Но намъ нѣтъ надобности спорить съ нимъ, потому что теперь едва-ли кому придется въ голову отстаивать его методъ. Теперь уже всякій согласится, что Чернышевскій ошибался; споръ возможенъ только относительно того, почему онъ ошибался и почему ошибался именно въ эту, а не въ другую сторону. А это вполнѣ удовлетворительно объясняется общей точкой зрѣнія социалистовъ-утопистовъ на общественную жизнь чело-вѣчества.

Мы уже видѣли, что въ своей литературной пронагандѣ социалисты-утописты ставили себѣ совершенно опредѣленную, хотя и очень одностороннюю задачу: имъ нужно было прежде всего, какъ выражается Чернышевскій, „критикою господствующихъ понятій приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей“. А это всего удобнѣе было дѣлать съ помощью отвлеченныхъ расчетовъ, примѣрныхъ математическихъ выкладокъ. Еще Фурье очень любилъ такія выкладки, къ которымъ сводится на дѣлѣ весь гипотетическій методъ Чернышевскаго. Трудно открыть что либо съ помощью такого метода, но очень удобно, опираясь, на него, разъяснить истины, открытыя другимъ, и въ сущности вовсе не „гипотетическимъ“ путемъ, въ особенности когда эти истины имѣютъ отвлеченный, математическій характеръ, когда — говоря словами нашего автора — весь вопросъ заключается только въ томъ, „увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать“, или когда, — какъ выражается онъ же — „больше будетъ, меньше будетъ, вотъ все, что намъ нужно узнать, чему мы придаемъ важность“. Социалистамъ-утопистамъ именно только и нужно было показать, что „больше будетъ“ въ рекомендуемомъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ идеальномъ обществѣ, а „меньше будетъ“ при современномъ порядкѣ. Для достиженія этой цѣли нельзя было придумать приема доказательства болѣе удобнаго, чѣмъ тотъ, къ которому такъ охотно прибѣгалъ Чернышевскій. Гипотетическій методъ — въ томъ видѣ какъ онъ понималъ его — не имѣетъ ровно никакого значенія какъ методъ изслѣдованія, но на извѣстной ступени развитія социализма онъ былъ самымъ лучшимъ методомъ *разъясненія* (все равно, себѣ, или другимъ) социалистическихъ ученій. Поспорить съ нимъ въ убѣдительности могли только свойственные Фурье сатирическіе приемы. Но писать сатиры труднѣе, чѣмъ дѣлать арифметическія выкладки.

Чернышевскій думалъ, что гипотетическаго метода держались самые знаменитые экономисты. Онъ приписываетъ его Давиду Рикардо. Рикардо дѣйствительно любилъ прибѣгать къ „гипотезамъ“. Но у

него эти „гипотезы“ были именно только приемомъ разъясненія понятій, а не методомъ изученія явленій. Для Рикардо критеріемъ истинности той или другой теоріи служила окружающая его буржуазная дѣйствительность. Для Чернышевскаго и его учителей требованія отвлеченной теоріи рѣшали всѣ вопросы. Рикардо никогда не покидалъ реальной почвы. Чернышевскій и всѣ вообще социалисты-утописты не считали нужнымъ держаться ее, по крайней мѣрѣ, въ „теоріи“. Лордъ Брумъ говорилъ о Рикардо, что онъ какъ будто смотритъ на землю съ другой планеты. О социалистахъ-утопистахъ можно сказать, что земля уходила изъ ихъ поля зрѣнія, уступая мѣсто другимъ, болѣе привлекательнымъ планетамъ.

VI

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, характеризующихъ общую точку зрѣнія нашего автора, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію его отдѣльныхъ экономическихъ взглядовъ. Но разсматривать ихъ въ той послѣдовательности, въ которой онъ излагалъ ихъ, слѣдуя за Миллемъ, было бы и не нужно и неудобно. Для болѣе легкаго сравненія взглядовъ Чернышевскаго съ новѣйшей социалистической критикой политической экономіи мы предпочитаемъ держаться по возможности того порядка, въ которомъ анализировалъ экономическую жизнь буржуазнаго общества авторъ „Капитала“.

Начнемъ съ ученія о стоимости.

Въ буржуазномъ обществѣ раздѣленіе труда доведено, какъ известно, до очень высокой степени. Раздѣленіемъ труда гордятся буржуазные экономисты. Ни одинъ изъ нихъ не упускаетъ случая поговорить, по примѣру Адама Смита, о чудодѣйственной силѣ раздѣленія труда, объ его благотворномъ вліяніи на ходъ производства. И не смотря на это, роль и характеръ раздѣленія труда въ современномъ обществѣ оставались плохо выясненными вплоть до появленія главныхъ трудовъ Маркса. Дѣло въ томъ, что буржуазные экономисты въ большинствѣ случаевъ подходили къ вопросу о раздѣленіи труда совсѣмъ не съ той стороны, на которую нужно было прежде всего обратить вниманіе. На раздѣленіе труда можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. „Если мы будемъ имѣть въ виду только самый трудъ говоритъ Марксъ, то мы можемъ назвать раздѣленіе общественнаго производства на его крупные роды, каковы земледѣліе индустрія и пр. — раздѣленіемъ труда вообще; раздѣленіе этихъ родовъ производства на виды и разновидности, — раздѣленіемъ труда въ частности, а раздѣленіе труда внутри мастерской — раздѣленіемъ труда въ отдѣльности“. *) При изученіи того, что они называли законами производства, буржуазные экономисты имѣли въ виду преимущественно только раздѣленіе труда внутри мастерской, т. е. раздѣленіе труда „въ отдѣльности“. Но при буржуазномъ порядкѣ

*) См. „Капиталъ“ ст. 306 русскаго перевода.

вещей раздѣленіе труда въ „отдѣльности“ не похоже на раздѣленіе труда „вообще“ и на раздѣленіе труда „въ частности“. Другими словами, при этомъ порядкѣ раздѣленіе труда внутри мастерской имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и другое экономическое значеніе, чѣмъ общественное раздѣленіе труда.

При общественномъ раздѣленіи труда каждый производитель, занимаясь изготовленіемъ одного какого нибудь продукта, производитъ не тѣ предметы, которые нужны лично ему для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, а тѣ, которые нужны для другихъ производителей, одновременно съ нимъ занимающихся выдѣлкой другихъ предметовъ. *) Въ этомъ заключается взаимная зависимость производителей. Но съ другой стороны, при буржуазномъ порядкѣ вещей производители совершенно независимы одинъ отъ другого. Средства производства составляютъ частную собственность производителей, точно также какъ и изготовляемые съ ихъ помощью продукты. При такомъ положеніи дѣлъ *обмѣнъ* является единственной общественной связью между производителями. Только вывозя свой продуктъ на рынокъ и обмѣнивая его на другіе, производитель получаетъ возможность удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, продукты буржуазныхъ производителей становятся *товарами*. Товары обмѣниваются одинъ на другой въ извѣстной пропорціи: за данное количество товара, А можно получить такое то количество товара Б, товара С, товара Д и т. д. Каждого производителя естественно интересуетъ прежде и больше всего вопросъ о томъ, какое именно количество другихъ товаровъ можетъ онъ получить въ обмѣнъ за свой собственный иначе сказать какова мѣновая стоимость его товара. А когда между буржуазными производителями появляются ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ законовъ экономической жизни буржуазнаго общества, то вопросъ о мѣновой стоимости получаетъ огромное теоретическое значеніе, онъ становится однимъ изъ основныхъ вопросовъ буржуазной политической экономіи. Посмотримъ же и мы, чѣмъ опредѣляются мѣновыя отношенія товаровъ.

Иванъ трудится надъ производствомъ мебели, Семень трудится надъ производствомъ сукна. Они обмѣниваются своими продуктами. За стулъ Иванъ получаетъ 1 аршинъ сукна. У насъ является, слѣдовательно, равенство: 1 стулъ = 1 аршину сукна. Что же показываетъ это равенство? Въ какомъ смыслѣ и почему стулъ можетъ равняться аршину сукна? Ясно, что въ этомъ случаѣ сравниваются между собою не физическія свойства этихъ предметовъ, не потребительная стоимость стула съ потребительною стоимостью сукна, а какія-то другія свойства, независимыя отъ только что названныхъ. Какія же именно? Стулъ есть продуктъ труда Ивана; сукно продуктъ труда Семени. Если стулъ приравнивается къ 1 или 2 аршинамъ сукна то это значитъ, что трудъ, необходимый на производство стула приравнивается къ труду необходимому на производство 1-го или

*) При раздѣленіи труда внутри мастерской работники производятъ не отдѣльные предметы, а *отдѣльныя части* предмета, выдѣлкой котораго занимается мастерская.

2-хъ аршинъ сукна. Слѣдовательно отношеніе стула къ сукну выражаетъ собою лишь отношеніе труда Ивана къ труду Семена. Выражая это въ болѣе общей формѣ, можно сказать, что мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ собою взаимныя отношенія людей (ихъ производительныхъ дѣятельностей) въ общественномъ процессѣ производства. Теперь, далѣе: какимъ образомъ трудъ мебельщика а можетъ быть сравниваемъ съ трудомъ суконщика? Вѣдь это совершенно различные виды производительной дѣятельности. Что общаго между ними? Общее между ними то, что и тотъ и другой видъ производительной дѣятельности, при всѣхъ своихъ различіяхъ, сводятся въ сущности къ одному и тому же: къ извѣстному расходу человѣческой силы, къ извѣстной работѣ мускуловъ и нервовъ. Слѣдовательно, равенство: 1 стулъ — 1 аршину сукна показываетъ, что на приготовленіе стула потрачено столько же человѣческой силы, сколько — на приготовленіе аршина сукна. И такъ, мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ взаимныя общественныя отношенія ихъ производителей, или — какъ говоритъ Марксъ — „мѣновая стоимость есть извѣстный общественный способъ выраженія труда, употребленнаго на какую нибудь вещь.“ А это означаетъ, что трудъ есть единственный источникъ мѣновой стоимости, и продолжительность его служитъ ея мѣриломъ. Теперь это также очевидно, кааъ и то, что притяженіе есть единственный источникъ тяжести. Но это становится очевиднымъ только тогда, когда мы смотримъ на вопросъ о мѣновой стоимости съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній производителей. Если же мы отвлечемся отъ взаимныхъ отношеній людей и станемъ искать ключа къ пониманію мѣновой стоимости въ свойствахъ обмѣниваемыхъ вещей, то необходимо придемъ къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что о мѣновой стоимости написано невѣроятнѣйшее количество всякаго вздора: простъ вздора, вздора педантическаго, вздора краснорѣчиваго, вздора наивнаго, вздора благонамѣреннаго и даже вздора, окрашеннаго нѣкоторою склонностью къ потрясенію основъ, какъ это мы видимъ у Прудона. Впрочемъ, лучшимъ представителямъ науки въ вопросѣ о мѣновой стоимости удалось выяснить, по крайней, мѣрѣ количественную сторону дѣла. Рикардо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе всѣхъ другихъ высказалъ ту мысль, что величина мѣновой стоимости предмета опредѣляется количествомъ труда, нужнаго на его производство. Приблизился къ этой мысли и Адамъ Смитъ, но его сбilo съ толку распределеніе продуктовъ въ современномъ обществѣ. Онъ думалъ, что въ первобытномъ обществѣ (in early and rude state of society) мѣновая стоимость продуктовъ опредѣлялась единственно количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, а съ тѣхъ поръ, какъ явились капиталисты и ландлорды, дѣло происходитъ иначе. *) „Адамъ опредѣляетъ стоимость товара заключающимся въ немъ рабочимъ временемъ, но относитъ дѣйствительное существованіе такого опредѣленія стоимости къдо-адамовскимъ временамъ.“ **) Какъ бы тамъ ни было,

*) Wealth of Nations, B. I, ch. VI

**) Карлъ Марксъ, Zur Kritik, s, 37.

послѣ Рикардо вопросъ о величинѣ мѣновой стоимости могъ считаться хоть приблизительно рѣшеннымъ. Нападокъ на ученіе Рикардо о стоимости было много, но серьезныхъ возраженій не сдѣлалъ никто, да, разумѣется, никто и не могъ сдѣлать.

Вотъ на примѣръ, противъ опредѣленія величины стоимости количествомъ труда возражали иногда, что въ такомъ случаѣ чѣмъ меньше ловкости имѣеть производитель, тѣмъ большую стоимость получаетъ его товаръ, потому что тѣмъ болѣе времени употребитъ онъ на его приготовленіе. Но это, разумѣется, чистѣйшая нелѣпость. „Стоимости - образовательнымъ трудомъ считается только общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть время, требующееся для созданія какой нибудь потребительной стоимости съ помощью наличныхъ общественныхъ нормальныхъ условий производства и среднею общественною степенью искусства и напряженности труда. На примѣръ, послѣ введенія пароваго ткацкаго станка въ Англии сдѣлалась, можетъ быть, достаточной половина того труда, какой былъ прежде нуженъ для превращенія даннаго количества пряжи въ ткань. Хотя англійскій ручной ткачъ употреблялъ для этого превращенія то же количество рабочаго времени, какъ и прежде, но продуктъ его собственнаго рабочаго часа сталъ представлять теперь только *половину* общественнаго рабочаго часа и упалъ потому въ своей стоимости на половину въ сравненіи съ прежнимъ“. *)

Мы видимъ, что это недоразумѣніе очень легко устранимо. Но опредѣленіе стоимости трудомъ вело иногда къ другимъ недоразумѣніямъ, разрѣшить которыя нѣсколько труднѣе. Нѣкоторые писатели рассуждали такъ: стоимость товара опредѣляется трудомъ, употребленнымъ на его производство; рабочее время есть внутренняя мѣра стоимостей. Зачѣмъ же всѣ товары измѣряютъ свою стоимость въ особомъ товарѣ, называемомъ *деньгами*? Почему они не обмѣниваются непосредственно одинъ на другой по количеству затраченнаго на нихъ рабочаго времени? Не происходитъ-ли это вслѣдствіе какой нибудь ошибки, какого нибудь злоупотребленія? И если — да, то нельзя-ли поправить эту ошибку, устранить это злоупотребленіе? При поверхностномъ взглядѣ на дѣло казалось, что — можно. Отсюда и выросли проекты „организациі обмѣна“, организациі, которая должна была лишить деньги принадлежащей имъ теперь „привилегіи“. Но достаточно понять свойственныя буржуазному порядку отношенія производителей, чтобы видѣть до какой степени несостоятельны подобныя проекты.

Возьмемъ хоть того же англійскаго ручнаго ткача, о которомъ говоритъ Марксъ въ вышеприведенной выпискѣ. Вслѣдствіе введенія пароваго ткацкаго станка продуктъ рабочаго часа ткача сталъ представлять только половину общественнаго рабочаго часа, а потому и упалъ въ своей стоимости на половину. Какимъ же образомъ совершилось это приведеніе индивидуальнаго труда ткача къ нормѣ общественно - необходимаго рабочаго времени? Было - ли оно созна-

*)Капиталъ, стр. 4 русскаго перевода.

тельнымъ дѣйствіемъ людей? Не было и не могло быть—при томъ отсутствіи всякой плановѣрности въ общественномъ производствѣ, которое свойственно буржуазнымъ отношеніямъ. Въ буржуазномъ обществѣ производители работаютъ независимо одинъ отъ другого, каждый изъ нихъ трудится какъ хочетъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ, на свой собственный рискъ и по своему собственному усмотрѣнію. *) Поэтому и отношеніе труда каждаго изъ нихъ ко всему общественно-производительному механизму опредѣляется на рынкѣ, по выраженію Маркса, за спиной людей, дѣйствіемъ слѣпой экономической силы, называемой конкуренціей. Но это еще не все. Каждый производитель старается, разумѣется, создать такой продуктъ, который былъ бы кому нибудь нуженъ, который представлялъ бы собою общественную потребительную стоимость. Если продуктъ его не удовлетворяетъ этому условію, то онъ не будетъ товаромъ, а трудъ затраченный на него, не будетъ „стоимости-образовательнымъ трудомъ“. Но буржуазные производители не знаютъ и не могутъ точно знать общественныхъ потребностей ни съ количественной ни даже съ качественной ихъ стороны. Изъ этого и происходятъ всѣ тѣ многочисленныя опасности, которыя угрожаютъ продуктамъ буржуазныхъ производителей на рынкѣ. Можетъ быть продуктъ даннаго производителя „есть продуктъ новаго рода труда, который намѣревается удовлетворить какой нибудь новой явившейся потребности, или самъ хочетъ вызвать новую потребность“. Какое нибудь занятіе, можетъ быть вчера только бывшее однимъ изъ многихъ занятій одного и того же производителя товаровъ, сегодня отрывается отъ этого цѣлаго, обособляется и именно потому посылаетъ свой частичный продуктъ, какъ самостоятельный товаръ, на рынокъ. Обстоятельства могутъ быть зрѣлы или не зрѣлы для этого процесса обособленія. Продуктъ удовлетворяетъ сегодня общественной потребности. Завтра можетъ быть онъ вполнѣ или частью вытѣснится сходнымъ родомъ продукта“. **) Конечно, есть такіе продукты, которые всегда нужны обществу и которые Марксъ называетъ привилегированными членами общественнаго раздѣленія труда. Производители *такихъ* товаровъ не могутъ ошибиться относительно *качественной* стороны общественныхъ потребностей. Но знаютъ ли они количественную сторону ихъ? Извѣстно-ли всѣмъ имъ вообще, какое количество ихъ продуктовъ нужно обществу? Извѣстно ли каждому производителю въ отдѣльности, какое количество приготовлено другими производителями, его соперниками? Нѣтъ не извѣстно, а потому только случайно можетъ выйти, что они произведутъ какъ разъ столько продукта, сколько его было нужно; а часто, очень часто этого продукта окажется или больше, или меньше, чѣмъ надо. Положимъ, что его произвели больше чѣмъ слѣдуетъ. Какъ отразится это обстоятельство на дальнѣйшей судьбѣ нашего продукта? Его цѣна упадетъ и это покажетъ, что слишкомъ

*) Читатель понимаетъ, что мы говоримъ здѣсь не о наемныхъ рабочихъ, а о самостоятельныхъ производителяхъ, то есть о хозяевахъ и о предпринимателяхъ. Объ экономической „самостоятельности“ рабочихъ рѣчь будетъ ниже.

**) Книга 2-я стр. 53.

большая доля всей суммы общественнаго рабочаго времени потрачено въ формѣ производства нашего продукта. „Дѣйствіе будетъ тоже самое, какъ если бы каждый производитель употребилъ на свой индивидуальный продуктъ рабочаго времени болѣе чѣмъ это было необходимо по общественнымъ условіямъ производства.“ *) Наказанные паденіемъ цѣны ихъ продукта, производители постараются впередъ лучше сообразоваться съ размѣромъ удовлетворяемой ими общественной потребности; они должны будутъ позаботиться о томъ, чтобы на производство ихъ продукта тратилась какъ разъ та доля всей суммы общественнаго рабочаго времени, какая должна тратиться на это при существующихъ обстоятельствахъ. Положимъ, что подъ вліяніемъ горькаго опыта они произведутъ затѣмъ слишкомъ мало продукта. Дѣйствіе будетъ обратное только что указанному: цѣна продукта поднимется, а возвышеніе цѣны заставитъ ихъ производить, болѣе чѣмъ они произвели, или привлечетъ къ ихъ дѣлу новыхъ производителей. Такимъ образомъ, колебаніе цѣнъ указываетъ на анархическое состояніе буржуазнаго производства; но въ то же время оно является регуляторомъ его, и притомъ единственнымъ и необходимымъ регуляторомъ. Если бы цѣны не колебались, и если бы каждый отдѣльный производитель могъ, безъ дальнихъ околичностей, обмѣнивать свой продуктъ на другіе, сообразно тому количеству времени, какое на него затратилъ, то существованіе буржуазнаго общества сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ: оно тотчасъ же пало бы жертвой самой невѣроятной путаницы въ производствѣ.

Продукты могли бы непосредственно обмѣниваться на другіе продукты по количеству времени затраченнаго на ихъ изготовленіе только въ томъ случаѣ, если бы общественное производство было организовано и велось по опредѣленному плану. Тогда трудъ каждаго отдѣльнаго производителя всегда имѣлъ бы общественный характеръ потому что всегда создавалъ бы только нужные для общества продукты, только „общественныя потребительныя стоимости“. Тогда трудъ каждаго изъ нихъ непосредственно имѣлъ бы „стоимости-образовательный“ характеръ. Но дѣло въ томъ, что тогда обмѣнъ товаровъ на рынкѣ отошелъ бы въ область преданія. Какъ распредѣлялись бы тогда продукты — это вопросъ другой. Распредѣленіе ихъ соотвѣтствовало бы „высотѣ историческаго развитія производителей“. Но несомнѣнно, что продукты не дѣлались бы тогда товарами, въ куплѣ-продажѣ ихъ на рынкѣ не было бы ни смысла, ни надобности. Невозможно говорить объ „организациі обмѣна“ въ такомъ обществѣ, въ которомъ обмѣна не существуетъ. Ясно, стало быть, что всѣ разсужденія объ обмѣнѣ продуктовъ безъ посредства денегъ такъ же непримѣнимы къ подобному обществу, какъ несостоятельны они по отношенію къ современному буржуазному порядку.

Свойственныя буржуазному порядку общественныя отношенія производит лей возникли тогда, когда производительныя силы были уже достаточно велики, чтобы сдѣлать необходимымъ широкое раздѣленіе труда въ обществѣ, но *еще* не были достаточно велики для того, что-

*) Капиталъ стр. 54.

бы сдѣлать необходимымъ общественное присвоение производительныхъ средствъ и соотвѣтствующую ему планомѣрную организацію производства. При буржуазномъ порядкѣ трудъ планомѣрно организованъ только внутри мастерской, общественное же раздѣленіе труда является дѣломъ случая и слѣпой необходимости. Буржуазные экономисты очень гордятся планомѣрной организаціей труда въ мастерской. Но когда заходитъ рѣчь объ организаціи всего общественнаго труда, они съ ужасомъ говорятъ, что такая организація превратила бы все общество въ одну большую мастерскую.

Буржуазный порядокъ вещей содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ въ небывалой прежде степени. Теперь онѣ уже такъ развиты, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе буржуазныя отношенія производителей. Теперь все болѣе и болѣе сказывается необходимость общественнаго присвоенія производительныхъ средствъ, т. е. устраненія самихъ буржуазныхъ отношеній. И чѣмъ болѣе растутъ производительныя силы, тѣмъ болѣе созрѣваютъ для гибели буржуазныя отношенія. Бывшія необходимыми на одной ступени развитія производительныхъ силъ, буржуазныя отношенія сдѣлаются невозможными на другой, болѣе высокой.

Но мы должны вернуться къ вопросу о стоимости и, чтобы покончить съ нимъ, просимъ у читателя еще одну минуту вниманія.

Цѣна товара есть только денежное выраженіе его стоимости. Противъ этого никто не станетъ спорить. Но съ другой стороны, товарныя цѣны постоянно колеблются, и поэтому товары въ своемъ обмѣнѣ постоянно отступаютъ отъ того закона стоимости, въ силу котораго они должны были бы обмѣниваться по количеству труда, затраченнаго на ихъ производство. Колебанію товарныхъ цѣнъ показываетъ, что отношеніе единичнаго труда всякаго даннаго производителя товаровъ ко всему общественно-производительному механизму постоянно измѣняется; что удѣльный вѣсъ этого труда то приближается къ нормальному, то отклоняется отъ него въ ту или другую сторону. Мы уже знаемъ, что иначе и быть не можетъ въ буржуазномъ обществѣ. А зная это, мы безъ труда отвѣтимъ на вопросъ: *какимъ образомъ проявляется законъ мѣнливой стоимости?*

Онъ появляется лишь посредствомъ постоянныхъ „переворотовъ“, посредствомъ постоянныхъ отклоненій отъ нормы, посредствомъ своей *собственной противоположности*. „Частныя работы, исполняемыя независимо другъ отъ друга, но въ то же время всесторонне зависящія другъ отъ друга (потому что онѣ суть члены естественнаго раздѣленія труда), постоянно приводятся къ своей общественной относительной мѣрѣ тѣмъ, что управляющій ими законъ природы, — т. е. рабочее время, общественно-необходимое для производства ихъ продуктовъ, — насильственно прорывается сквозь случайныя и вѣчно колеблющіяся мѣнливыя отношенія продуктовъ, подобно напр. закону тяжести, когда кому нибудь на голову обрушивается домъ“. *) „Законъ, управляющій стоимостью товаровъ, опредѣляетъ, сколько можетъ данное общество издержать на производство каждаго особеннаго рода товаровъ, изъ все-

*) Капиталъ стр. 31.

го того количества рабочаго времени, которымъ оно можетъ располагать. Но это постоянное стремленіе различныхъ сферъ производства къ устойчивому равновѣсію проявляется лишь какъ реакція противъ постоянного нарушенія этого равновѣсія“. *) Смѣшны, поэтому, тѣ экономисты, которые думаютъ опровергнуть законъ стоимости ссылкой на колебанія цѣнъ, между тѣмъ какъ посредствомъ колебанія цѣнъ, онъ именно и проявляется.

VII

Какъ же смотреть на стоимость Д. С. Милля, взгляды котораго излагалъ и дополнял Н. Г. Чернышевскій?

У Милля была большая склонность къ соглашенію совершенно несогласимыхъ понятій. Поэтому даже вѣрно понятія имъ теорій сочетались въ его головѣ съ другими, тоже, пожалуй, вѣрно понятыми, но прямо противоположными имъ теоріями. Въ результатѣ получалось нѣчто совершенно непостижимое. Съ величайшимъ трудомъ глотаете вы эту логически-невозможную микстуру и во-очію видите, какой ужасный народъ господа эклектики. Ужъ лучше твердо держаться ошибочныхъ взглядовъ, чѣмъ стараться примирить ошибочные взгляды съ вѣрными. Если бы Милль твердо и послѣдовательно держался какогонибудь одного ошибочнаго ученія о стоимости, то это было бы, конечно, плохо, но сравнительно легко поправимо. Усвоивъ его разсужденія, читатель имѣлъ бы хотя и ошибочный, но все таки опредѣленный взглядъ на стоимость. Современемъ онъ могъ бы ознакомиться съ другимъ, тоже опредѣленнымъ и въ добавокъ еще вѣрнымъ взглядомъ на нее. Сравнивая эти два взгляда, онъ при доброй волѣ, безъ большого труда могъ бы добраться до истины. Но представьте себѣ, что Милль преподноситъ своему читателю смѣсь, гдѣ сначала на первый планъ выступаетъ ошибочная теорія, потомъ эта ошибочная теорія, какъ будто нѣсколько стушевывается: проглядываетъ что-то похожее на истину; въ заключеніе дѣлается попытка привести истину къ одному знаменателю со вздоромъ, и получается какое-то среднее ученіе, въ которомъ вѣрное окончательно испорчено ложнымъ, а ложное возведено въ квадратъ незаконнымъ сожительствомъ съ истиной. Разбирайтесь какъ хотите, — вы никогда не поймете, въ чемъ дѣло. Учасъ политической экономіи по Миллю, вы ровно ничему не научитесь, хотя будете думать, что вы знакомы со всѣми главнѣйшими взглядами на данный экономическій вопросъ, такъ какъ всѣ главнѣйшіе взгляды излагались передъ вами. Въ ученіи о стоимости можетъ быть, яснѣе, чѣмъ гдѣнибудь видно, какъ трудно было Миллю дойти до ясныхъ и опредѣленныхъ взглядовъ на вещи.

*)Ibid. стр. 310. При товарномъ способѣ производства, вслѣдствіе анархическаго характера этого способа „равновѣсіе само есть только случайность“, замѣчаетъ Марксъ во второмъ томѣ „Капитала“ (стр. 496 нѣмецкаго изданія).

Милль зналъ, что по ученію Рикардо трудъ является единственнымъ источникомъ стоимости товаровъ. Онъ не могъ совершенно игнорировать великаго экономиста. Но въ то же время онъ, по складу своего ума, не могъ и согласиться съ нимъ всецѣло. Поэтому онъ постарался передѣлать его ученіе на свой ладъ. „Читатель замѣтитъ — говоритъ онъ, — что Рикардо выражается такъ, какъ будто *количество* труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ — единственная вещь, опредѣляющая стоимость товара. Но издержки производства сводятся для капиталиста не къ труду, а къ рабочей платѣ, и количество труда остается одинаково при высокой и при низкой рабочей платѣ“. Что же? Это показываетъ, что Рикардо ошибался? Нѣтъ, онъ не ошибался: слѣдуютъ разсужденія, которыя должны повидимому защитить теорію Рикардо. Ну, такъ стало быть, Рикардо правъ? Да, онъ правъ, но только въ томъ смыслѣ, что трудъ есть *главный элементъ* стоимости, а кромѣ него есть и другіе, второстепенные. Въ концѣ концовъ Милль благополучно приходитъ къ слѣдующему положенію: „если оставить въ сторонѣ случайные элементы стоимости, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату“. Здѣсь нѣтъ уже и слѣда ученія Рикардо о стоимости; оно безслѣдно скрывается въ туманѣ эклектизма, который позволяетъ относить *прибыль* предпринимателя къ *издержкамъ* производства. Прибыль предпринимателя есть часть стоимости, созданной трудомъ работника. Зависитъ-ли *величина* этой стоимости отъ ея распредѣленія между работникомъ и предпринимателемъ? Она такъ же мало зависитъ отъ него, какъ величина урожая зависитъ отъ раздѣла жатвы между землевладѣльцемъ и половникомъ-арендаторомъ, или размѣры шкуры убитаго медвѣдя — отъ взаимныхъ отношеній между охотниками, принимавшими участіе въ облавѣ. Всякій понимаетъ, что какъ ни дѣли медвѣжьё шкуру, она въ цѣломъ не будетъ ни больше, ни меньше, чѣмъ она была прежде. Но когда заходитъ рѣчь о величинѣ стоимости, то экономистамъ начинаетъ казаться, что она — хоть „немного“, хотя бы только „отчасти“ — зависитъ отъ обмѣна или отъ распредѣленія. Въ этомъ случаѣ экономистовъ сбиваетъ съ толку коммерческая точка зрѣнія единичнаго предпринимателя. Единичный предприниматель въ своихъ расчетахъ дѣйствительно имѣетъ въ виду „не трудъ“, т. е. не трату человѣческой силы, а издержки производства (которыя, замѣтимъ мимоходомъ, сводятся вовсе не къ одной только заработной платѣ) и прибыль. Но вѣдь мало-ли что имѣетъ, мало-ли чего не имѣетъ въ виду единичный предприниматель! Вѣдь вотъ по собственному замѣчанію Милля слово „богатство“ имѣетъ два значенія: „оно имѣетъ одинъ смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, другой смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода“. Можетъ быть и выраженіе „издержки производства“ имѣетъ „одинъ смыслъ“ въ примѣненіи къ отдѣльному предпринимателю и „другой

смыслъ“, примѣняясь „къ націи“? И если дѣйствительно выраженіе это имѣетъ два смысла, то какой именно смыслъ долженъ имѣть въ виду экономистъ, разсуждающій о *wealth of nations*? Единичный предприниматель можетъ имѣть въ виду даже штрафы, которые позволяютъ ему уменьшить его расходы на рабочую силу. Неужели намъ придется и штрафы отнести къ „случайнымъ“ (*отрицательнымъ*) элементамъ стоимости? Этого до сихъ поръ, насколько мы знаемъ, никто еще не сдѣлалъ. Но мы не видимъ, почему бы не сдѣлать этого тѣмъ экономистамъ, которые не могутъ разстаться съ точкой зрѣнія единичнаго предпринимателя.

Намъ замѣтить, пожалуй, что Милль не такъ уже далеко расходился съ Рикардо, какъ мы думаемъ. Самъ Рикардо признавалъ, что стремленіе прибыли къ одному уровню во всѣхъ предпріятіяхъ видоизмѣняетъ дѣйствіе его закона стоимости. Называя прибыль „элементомъ“ стоимости, Милль, можетъ быть, только иначе выражалъ мысль своего учителя. Мы отвѣтимъ на это вотъ что. До появленія третьяго тома „Капитала“ мы не станемъ пытаться разрѣшить противорѣчіе между закономъ стоимости и закономъ равенства прибылей. Но какъ бы ни разрѣшалось это противорѣчіе, несомнѣнно то, что оно никогда не оправдываетъ электического ученія Милля о стоимости. Нельзя сказать, что Милль только иначе выразилъ взглядъ Рикардо на противорѣчіе двухъ экономическихъ законовъ. Онъ существенно исказилъ этотъ взглядъ. Рикардо видѣлъ, что законъ равенства прибылей противорѣчитъ закону стоимости, и постарался разрѣшить, какъ умѣлъ, это противорѣчіе. Но онъ не отказывался отъ своего взгляда на стоимость. Онъ понималъ, что, отказавшись отъ этого взгляда, онъ лишилъ бы себя возможности ныяснить природу и происхожденіе самой *прибыли*. Милль поступилъ какъ разъ наоборотъ. Изъ столкновенія закона стоимости съ закономъ равенства прибылей онъ выкроилъ какой-то средній законъ стоимости, который въ совершенно ложномъ свѣтѣ выставляетъ, какъ природу *стоимости*, такъ и природу *прибыли*. Указанное Рикардо противорѣчіе *двухъ законовъ* отразилось въ головѣ Милля въ видѣ *путаницы двухъ понятій*.

Но допустимъ, что Милль правъ; положимъ, что предметы обмѣниваются „по пропорціи количества рабочей платы... и количеству прибыли“ и т. д. Какъ согласить съ этимъ взглядомъ увѣренность Милля въ томъ, что „стоимость — явленіе относительное“? Почему же — „относительное“? Развѣ „издержки производства“ (какъ понимаетъ ихъ Милль) не могутъ служить внутренней мѣрой стоимости? Прежде для производства даннаго продукта нужно было два рабочихъ дня, за которыя предприниматель платилъ, положимъ, 2 рубля. Его прибыль равнялась — a руб.. Стоимость продукта, по Миллю, была $2r. + ar$. Теперь для производства того же продукта нуженъ только одинъ день. Если заработная плата осталась безъ переменъ, то при его выдѣлѣ онъ заплатитъ рабочимъ только одинъ рубль. На этотъ рубль онъ уже не получитъ a руб., прибыли, а получитъ, положимъ, только $\frac{1}{2} a$. Значитъ стоимость его продукта будетъ теперь равна — $1 \text{ руб.} + \frac{1}{2} a$ руб. Ничего не зная о мѣновомъ отношеніи своего продукта къ

другимъ товарамъ, онъ видитъ, однако, что стоимость его упала на половину. И вы все таки скажете, что она — „явленіе“ совершенно относительное? Для этого нѣтъ никакого логическаго основанія даже въ ошибочныхъ взглядахъ Милля.

Если бы законы буржуазнаго хозяйства имѣли самостоятельный интересъ въ глазахъ Н. Г. Чернышевскаго, то онъ, конечно, понялъ бы ихъ гораздо лучше и гораздо глубже, чѣмъ понималъ ихъ Милль. По характеру своего ума онъ всегда былъ какъ небо отъ земли далеко отъ эклектизма. При нѣкоторомъ вниманіи къ вопросу, онъ легко увидѣлъ бы, какъ неосновательно ученіе Милля о стоимости. Но его, какъ мы знаемъ, почти исключительно интересовали вопросы будущаго общественнаго устройства. Поэтому ученіе Милля казалось ему удовлетворительнымъ, хотя и неполнымъ. Онъ съ удовольствіемъ оттъ-няетъ свое согласіе съ англійскимъ экономистомъ. „Въ теоріи распредѣленія встрѣчали мы такіе отдѣлы—говоритъ онъ—которые достаточно разработаны основателями господствующей теоріи и у Милля изложены удовлетворительно. Еще больше мы найдемъ подобныхъ отдѣловъ въ теоріи обмѣна“.¹⁾ Приводя тѣ семнадцать положеній, въ которыхъ Милль резюмируетъ свое ученіе о стоимости, нашъ авторъ замѣчаетъ, что всѣ они совершенно вѣрны, но что ихъ нужно дополнить другими, не менѣе важными положеніями. И вотъ какъ дополняетъ онъ выводы Милля.

„XVIII. Всѣ предшествующіе выводы относятся исключительно къ мѣновой цѣнности.“²⁾ Она отдѣляется отъ внутренней, когда товаромъ бываетъ человѣческой трудъ. Но такое состояніе вещей невыгодно ни для самаго работника, ни для общества, при низкомъ качествѣ наемнаго труда сравнительно съ трудомъ на самого себя.

„XIX. Если же трудъ не считать товаромъ, то мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутренней, и понятія запроса, снабженія, стоимости производства получаютъ точнѣйшій характеръ, возводясь прямо къ основнымъ элементамъ экономической дѣятельности, къ потребностямъ человѣка. Размѣръ снабженія тутъ опредѣляется количествомъ производительныхъ силъ; размѣръ запроса — интенсивностью надобности производителя въ продуктѣ; стоимость производства опредѣляется прямо количествомъ труда. Уравненіе запроса и снабженія получается черезъ расчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія надобностей человѣка“.³⁾

Въ этихъ двухъ дополнительныхъ тезисахъ Чернышевскаго содержится много вполне вѣрныхъ мыслей. Но вѣрныя мысли частью не вполне точно выражены въ нихъ, частью сопровождаются утопическими взглядами на предметъ.

¹⁾ Сочиненія Н. Чернышевскаго- т. четвер, стр. 207.

²⁾ Чернышевскій вездѣ употребляетъ выраженіе „цѣнность“ вмѣсто болѣе употребительнаго теперь въ русской экономической литературѣ выраженія — *стоимость*. Подъ стоимостью же товара Чернышевскій понимаетъ то, что экономисты называютъ издержками производствъ.

³⁾ Ibid стр. 255

Читатель понимает, что именно хочет сказать Чернышевский словами: „если не считать трудъ товаромъ“. Подъ этимъ неудачнымъ выраженіемъ скрывается вполне вѣрный взглядъ на отличительные признаки современнаго хозяйства. Конечно, характеръ этого хозяйства не измѣнится отъ того, будемъ ли не будемъ мы „считать“ трудъ товаромъ. Но если бы трудъ дѣйствительно пересталъ быть товаромъ, то буржуазное общество сдѣлалось бы немислмымъ. Буржуазное общество основано на эксплуатаціи класса производителей классомъ присвоителей, людей, выносящихъ свою рабочую силу на рынокъ въ видѣ товара — людьми, покупающими этотъ товаръ и употребляющими его на производство другихъ товаровъ; короче, оно основано на эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей. Хотя общество товаро-производителей и не есть непременно капиталистическое общество, но полного развитія своего товарный способъ производства достигаетъ только тогда, когда превращается въ капиталистическій способъ, т. е. тогда когда трудъ становится товаромъ. Поэтому и выводы буржуазныхъ экономистовъ относятся почти исключительно къ капиталистическому обществу, основанному на продажѣ и покупкѣ труда. Вопросъ о мѣновой стоимости товаровъ имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ продукты становятся товарами. Чернышевский понимаетъ, что товарное производство не есть альфа и омега экономического развитія, что оно не существовало на низшихъ ступеняхъ этого развитія, и что оно перестанетъ существовать на болѣе высокой. А когда перестанетъ существовать товарное производство, то, дѣйствительно, въ основу сознательно организованнаго народнаго хозяйства ляжетъ „разсчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распределены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія потребностей человѣка“.

Это не подлежитъ сомнѣнію. Но это не выясняетъ намъ законовъ товарнаго обмѣна. Зная, что продукты не всегда дѣлались и не всегда будутъ дѣлаться товарами, мы еще не знаемъ, какъ происходитъ обмѣнъ ихъ, когда они являются въ видѣ товаровъ, или, какъ выражается Чернышевский, когда мѣновая стоимость отдѣляется отъ внутренней. Что такое мѣновая стоимость? Хотя нашъ авторъ и признаетъ относящійся къ ней анализъ Милля вполне удовлетворительнымъ, но можетъ быть онъ все таки смотритъ на нее нѣсколько иначе?

„Есть пріемъ, посредствомъ котораго очень легко усвоить себѣ понятіе мѣновой цѣнности, несмотря на его высокую отвлеченность — говоритъ Чернышевский. 1) Что такое цѣна вещи, это ясно для каждаго. Теперь: цѣна вещи и есть ея мѣновая цѣнность, выраженная въ денежномъ счетѣ. Замѣните именованныя числа рублей и копѣекъ отвлеченными числами, проще сказать, отбросьте эти слова — рубль и копѣйка, оставьте только цифры, при которыхъ они стоятъ, и вы будете имѣть мѣновую цѣнность вещи. Положимъ, что въ известное время въ известномъ мѣстѣ четверть пшеницы стоитъ 5 руб-

¹⁾Мы напоминаемъ читателю, что по терминологіи Чернышевскаго цѣнность означаетъ стоимость товара.

лей, за рабочій день плотнику платится одинъ рубль, за кубическую сажень березовыхъ дровъ 15 рублей. Это цѣны. Отбросьте теперь слово рубль, и у васъ останутся мѣновыя цѣнности, состоящія въ цифрахъ 5, 1, 15. Имѣя только эти цифры, вы уже будете разсматривать не то, сколько денегъ нужно на покупку извѣстной вещи, а то, въ какой пропорціи одна вещь обмѣнивается на другую. Понятіе о деньгахъ отвлекаетъ ваше вниманіе отъ того факта, что четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) и на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15). А вотъ въ этомъ самомъ отношеніи, въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла. Мѣновая цѣнность вещи есть покупательная сила вещи, степень власти къ приобрѣтенію другихъ вещей въ замѣнъ за эту вещь. При нынѣшнемъ устройствѣ общества мѣновая цѣнность вообще совпадаетъ съ цѣною, потому очень долго эти два понятія смѣшивались не только практикою, а даже и теоріею. Но наука должна стремиться къ разложенію всякаго сложнаго понятія на основныя. Мы видимъ, что понятіе цѣны составляется изъ двухъ понятій мѣновая цѣнность и деньги. Потому наука должна отдѣльно изслѣдовать каждое изъ этихъ двухъ понятій.¹⁾

Мы видимъ отсюда, что для Чернышевскаго, какъ и для Милля, мѣновая стоимость есть нѣчто совершенно относительное, или, иначе сказать, понятіе о мѣновой стоимости товара совершенно совпадаетъ для него съ понятіемъ объ его относительной стоимости. Но это послѣднее понятіе крайне безсодержательно. Оно не выясняетъ не только природы стоимости, но даже и ея величины. „Четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) или на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15)... Въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла“. Положимъ, что это такъ. Но откуда же берется эта пропорція? Почему четверть пшеницы обмѣнивается на 5, а не на 3, не на 6, не на 10 рабочихъ дней плотника, не на двѣ трети и не на одну осьмую часть кубической сажени березовыхъ дровъ? Отвѣта на эти неизбѣжные вопросы Чернышевскій ищетъ въ „основномъ законѣ цѣнности“.

„Если количество извѣстнаго предмета можетъ быть увеличиваемо по произволу — говоритъ онъ — мѣновая цѣнность его опредѣляется уравненіемъ снабженія и запроса, то есть мѣновая цѣнность этой вещи имѣетъ такую величину, при которой снабженіе и запросъ равны другъ другу... Отъ увеличенія цѣнности запросъ уменьшается, а снабженіе возрастаетъ, отъ уменьшенія цѣнности бываетъ противное. Потому, если при извѣстной высотѣ цѣнности запросъ будетъ больше снабженія, — цѣнность предмета станетъ возвышаться, пока снабженіе увеличится, а запросъ уменьшится настолько, что оба эти элемента сравняются. Если же, наоборотъ, снабженіе будетъ больше запроса, тотъ же результатъ будетъ произведенъ припженіемъ цѣнности. Таковъ основной законъ цѣнности“.²⁾

Итакъ, мѣновая стоимость вещи имѣетъ такую величину, при

¹⁾ Сочиненія Чернышевскаго т. четвер. стр. 209-210.

²⁾ Ibid. стр. 213.

которой снабженіе и запросъ равны другъ другу. Этотъ мнимый отвѣтъ есть въ сущности не болѣе, какъ выраженный въ утвердительной формѣ вопросъ о томъ, чѣмъ опредѣляется величина стоимости, когда запросъ покрывается снабженіемъ. Чернышевскій самъ чувствуетъ, что его „основной законъ“ ровно ничего не говоритъ на этотъ счетъ, и потому онъ дѣлаетъ оговорки. По его словамъ, „прямымъ образомъ и съ физическою необходимостью“ основной законъ стоимости „дѣйствуетъ лишь въ немногихъ товарахъ, количество которыхъ вовсе не можетъ увеличиваться. Но искусственнымъ образомъ можетъ быть подводимъ подъ его прямое дѣйствіе всякій предметъ при монополіи, если монополистъ имѣетъ возможность производить или продавать не все количество товара, какое могъ бы производить или продавать, а лишь то количество, при которомъ товаръ даетъ ему наибольшую сумму чистой прибыли, за вычетомъ издержекъ производства. А всѣ остальные товары подводятся подъ силу уравненія запроса и снабженія косвеннымъ путемъ, посредствомъ элемента, называемаго стоимостью производства“.¹⁾

Такимъ образомъ, основной законъ стоимости получаетъ теперь другой видъ. Теперь оказывается, что мѣновая стоимость предмета опредѣляется издержками его производства. Это нѣсколько ближе къ истинѣ, хотя все таки далеко отъ нея. Но почему же нашъ авторъ прямо не обратился къ издержкамъ производства, почему онъ предпочелъ подойти къ нимъ окольной дорогой запроса и снабженія? Неужели онъ не замѣчалъ, что, дѣлая этотъ обходъ, онъ отклоняется въ сторону Ж. Б. Сэя, къ которому всегда относился,—и разумѣется, съ полнымъ правомъ на это—очень презрительно? Формулируя „основной законъ цѣнности“, Чернышевскій болѣе думалъ о будущемъ общественномъ устройствѣ, чѣмъ о существующихъ нынѣ экономическихъ отношеніяхъ. Онъ принималъ въ соображеніе исключительно то, что, будучи понятъ надлежащимъ образомъ, законъ „уравненія запроса и снабженія“ можетъ лечь и ляжетъ въ основу социалистическаго общества.

„Что такое запросъ, и что такое снабженіе“? — спрашиваетъ себя нашъ авторъ. Запросъ — это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ приобрѣтенію предмета, отвѣчаетъ онъ; снабженіе — это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ производству предмета. Такимъ образомъ все сводится къ одному общему знаменателю — къ энергіи человѣческихъ побужденій. Вотъ мы и нашли коренную норму всякаго экономическаго расчета; она заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ и потребностяхъ. Сообразно этому анализу, уравненіе запроса и снабженія обозначаетъ ни больше, ни меньше, какъ тотъ фактъ, что сила побужденій къ производству предмета бываетъ соразмѣрна силѣ побужденій къ пользованію предметомъ. Чѣмъ сильнѣе у человѣка надобность въ продуктъ или влеченіе къ нему, тѣмъ сильнѣе человекъ и обращается къ производству его. Только и всего. А этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ ежедневнаго житейскаго опыта“.²⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 213 и 214.

²⁾ Тамъ же, стр. 237.

По отношенію къ потребностямъ продукты производства раздѣляются Чернышевскимъ на три разряда: 1) предметы первой потребности; 2) предметы комфорта, и 3) предметы роскоши. Пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости, общество, держащееся правильнаго экономическаго разсчета, не будетъ тратить своихъ производительныхъ силъ на предметы комфорта; пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ комфорта, не будутъ производиться предметы роскоши. Такъ установится необходимое соотвѣтствіе между „силой побужденій къ пользованію предметомъ“ и „силой побужденій къ его производству“, т. е. между запросомъ и снабженіемъ. Рутинные политико-экономы тоже признають, что „основная пружина и коренная норма всѣхъ экономическихъ явленій заключается въ потребностяхъ человѣка“. Съ этой истины начинается каждый курсъ политической экономіи. Но въ рутинныхъ курсахъ она не проникаетъ дальше перваго параграфа. „Наше дѣло только въ томъ и состоитъ—говорить о себѣ Чернышевскій—что мы не забываемъ этого основнаго принципа и стараемся возводить къ нему каждый вопросъ, между тѣмъ какъ рутинная школа совершенно забываетъ о немъ, замѣняя его по каждому частному вопросу какою нибудь рутинною иллюзіею“. ¹⁾

Слѣдовательно, уравненіе запроса и снабженія потому *является* основнымъ закономъ мѣнновой стоимости, т. е., иначе сказать, однимъ изъ основныхъ законовъ всего *буржуазнаго хозяйства*, что въ *соціалистическомъ обществѣ* производство *будетъ* основываться на правильной классификаціи предметовъ и потребностей. Такой способъ рѣшенія спорныхъ теорій буржуазной экономіи какъ нельзя лучше характеризуетъ утопическую точку зрѣнія Чернышевскаго.

Такъ же характерны для его утопическаго взгляда на вещи и всѣ остальные разсужденія его о мѣнновой стоимости. Ему кажется, что „по сущности дѣла мѣнновая стоимость должна совпадать съ внутренней и отклоняется отъ нея только *вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ*, ²⁾ которымъ труду никакъ не слѣдуетъ быть. Поэтому возможность отличать мѣнновую цѣнность отъ внутренней свидѣтельствуетъ только объ экономической неудовлетворительности быта, въ которомъ существуетъ разность между ними. Теорія должна смотрѣть на раздѣльность мѣнновой цѣнности отъ внутренней точно такъ же, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможною подробностью, но не должна забывать, что она тутъ описываетъ отклоненія отъ естественнаго порядка. Она можетъ находить, что устраненіе того или другаго изъ этихъ феноменовъ экономической жизни потребуетъ очень долгаго времени и очень значительныхъ усилій; но какъ бы далека ни представлялся срокъ излѣченія отъ той или другой экономической болѣзни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положеніе вещей. Точно такъ и мы говоримъ объ отдѣленіи мѣнновой цѣнности отъ внут-

¹⁾ Тамъ же, стр. 237 и 238.

²⁾ Курсивъ нашъ.

ренней, какъ о феноменѣ болѣзненномъ, отвергаемомъ теорією... Скоро-ли могутъ произойти въ бытѣ и привычкахъ какой нибудь націи такія перемѣны, послѣ которыхъ трудъ перестанетъ быть товаромъ и мѣновая цѣнность совпадетъ съ внутреннею, — это вопросъ о будущемъ, исторію котораго съ обозначеніемъ годовъ мы не беремъ разсказывать". ¹⁾ — Само собою разумѣется, что подобнаго разсказа ни отъ кого нельзя требовать. Но можно спросить себя, какъ же представлялъ себѣ Чернышевскій „совпаденіе мѣновой цѣнности съ внутреннею"? Взятое въ буквальномъ смыслѣ слова, подобное совпаденіе совершенно невозможно, если подъ внутреннею цѣнностью продукта понимать то, что называется теперь *потребительною его стоимостью*: мѣновая стоимость хлѣба никакъ не можетъ „совпасть" съ его питательными свойствами, мѣновая стоимость кастороваго масла не можетъ совпасть съ его способностью производить всѣмъ извѣстныя явленія въ желудочно - кишечной области. Но дѣло въ томъ, что выраженіе „внутренняя цѣнность" употребляется Чернышевскимъ очень неразборчиво. „Чтобы предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность — говорить онъ — нужно быть ему годнымъ на извѣстное употребленіе, — по мнѣнію покупателя. Никто ничего не даетъ за то, что ему ни для чего непригодно. На языкѣ политической экономіи это выражается такъ: мѣновую цѣнность имѣютъ только тѣ предметы, которые имѣютъ внутреннюю цѣнность". ²⁾ Здѣсь подъ внутреннею цѣнностью онъ понимаетъ потребительную стоимость предмета. Но иногда онъ выражается совсѣмъ иначе, называя внутреннюю цѣнность стоимостью (т. е. издержками) производства. ³⁾ Эту-ту „стоимость производства" онъ и имѣетъ въ виду, говоря о совпаденіи мѣновой цѣнности съ внутреннею въ социалистическомъ обществѣ. И мы должны обратить на нее большее вниманіе, если хотимъ уяснить себѣ экономическіе взгляды нашего автора.

Какъ станутъ опредѣлять стоимость производства въ будущемъ обществѣ, — показываетъ слѣдующій примѣрный разсчетъ.

„Предположимъ семейство, состоящее, напримѣръ изъ 20 членовъ, сумма труда которыхъ равна труду 10 работниковъ. Полагая въ годъ по 300 рабочихъ дней, мы будемъ имѣть 3,000 рабочихъ дней. Предположимъ, что всѣ предметы необходимости подведены подъ слѣдующіе четыре разряда;

„1) Пища, переведенная въ счетъ на пшеницу; пшеницы нужно семейству въ годъ 60 четвертей; это количество производится тру- 1,500 рабочихъ дней.

„2) Одежда, переведенная въ счетъ на аршины сукна; его нужно въ годъ 100 аршинъ; они добываются трудомъ 500 дней.

„3) Топливо, въ кубическихъ саженьяхъ дровъ; нужно 10 саженьей, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

¹⁾ Тамъ же, 238 и 239.

²⁾ Тамъ же, стр. : 12.

³⁾ Тамъ же, стр. 303.

„4) Жилище съ принадлежностями, переведенное на счетъ тысячъ кирпича: нужно въ годъ 5 тысячъ, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

„Всѣ 3,000 дней идутъ на эти предметы необходимости; предметовъ комфорта некогда производить; они не имѣютъ никакой цѣнности, потому что не существуютъ. Угодно-ли вамъ знать цѣнность предметовъ необходимости? Вы видите сами, какъ она опредѣляется:

Четверть пшеницы стоитъ (1,500 : 60) — 25 раб. дней.

Аршинъ сукна . . . , (500 : 100) — 5 раб. дней.

Кубическая сажень дровъ (500 : 10) — 50 раб. д.

Тысяча кирпича (500 : 5) — 100 раб. д.

„Предположимъ теперь, что, благодаря усовершенствованіямъ, предметы необходимости стали производиться количествомъ труда, меньшимъ прежняго на одну пятую долю. Изъ 3,000 рабочихъ дней на эти предметы стало нужно только 2,400; остальные 600 дней могутъ (и почему же теперь не должны?) употребляться на предметы комфорта. Подведемъ ихъ для краткости подъ одинъ разрядъ хорошей мебели, переложенной въ счетъ дивановъ; положимъ, что диванъ производится 60 днями работы; счетъ цѣнностей будетъ:

Четверть пшеницы	20
Аршинъ сукна	4
Куб. саж. дровъ	40
Тысяча кирпича	80
Диванъ	60 ¹⁾

Ограничимся этимъ, не слѣдя за Чернышевскимъ въ его опредѣленіи стоимости производства предметовъ роскоши. Читатель и самъ видитъ, чѣмъ будетъ она опредѣляться: совершенно тѣмъ же, чѣмъ опредѣляется стоимость производства всѣхъ другихъ предметовъ, т. е. числомъ рабочихъ дней, количествомъ труда, котораго требуетъ ихъ приготовленіе.

Такъ будетъ въ социалистическомъ обществѣ. Но развѣ не такъ же происходитъ дѣло теперь? Развѣ „стоимость производства“ предмета не сводится теперь, какъ всегда сводилась и какъ всегда будетъ сводиться, къ количеству труда, нужнаго на выдѣлку даннаго предмета? Нѣтъ, отвѣчаетъ Чернышевскій. Во-первыхъ, въ настоящее время стоимость производства „слагается изъ мѣншой цѣнности труда, употребленнаго на предметъ, и прибыли на этотъ трудъ“. ²⁾ А во-вторыхъ, теперь вообще совершенно неизвѣстно, сколько именно труда требуется для выдѣлки того или другого предмета. „Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменщики, столяры, кровельщики, — работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ, а ка-

¹⁾ Тамъ же, стр. 249.

²⁾ Тамъ же, стр. 35

кого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, ими употребляемыхъ и производство матеріаловъ постройки, этого никто не скажетъ: кирпичъ, лѣсъ, желѣзо, вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго расчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по постройкѣ жилищъ не подведенъ расчетъ способомъ, какого требуетъ наука... А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто, ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла". 1) Въ социалистическомъ обществѣ, съ одной стороны, будетъ точно узвано количество труда, необходимое на производство любого предмета, и такимъ образомъ явится объективная возможность безошибочнаго опредѣленія стоимости производства. А съ другой стороны, социалистическое общество не будетъ знать ни продажи труда на рынкѣ, ни предпринимательской прибыли: тамъ не будетъ предпринимателей. Слѣдовательно „остается только коренное понятіе о количествѣ труда". 2)

Все это относится къ стоимости производства. Посмотримъ теперь, какъ повліяетъ ея точное опредѣленіе на мѣновую стоимость продуктовъ.

Здѣсь читатель замѣтитъ, что по нашимъ собственнымъ словамъ Чернышевскій считалъ невозможнымъ существованіе обмѣна въ социалистическомъ обществѣ. Дѣйствительно, онъ нѣсколько разъ очень опредѣленно высказывался на этотъ счетъ. Но мы думаемъ, что опредѣленнымъ выраженіямъ у него соответствовали въ этомъ случаѣ довольно неопредѣленные понятія.

Въ его реформаторскихъ проэктахъ производительною единицею является большая рабочая община — фаланстеръ Фурье — работающая не для сбыта своихъ продуктовъ на рынкѣ, а для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей. Внутри общины нѣтъ обмѣна. Но обмѣнъ продолжаетъ существовать между общинами. „Какъ не быть и зачѣмъ не быть между ними обмѣну? Вѣдь происходитъ же обмѣнъ продуктовъ и между цѣлыми странами, — тѣмъ больше въ немъ надобности и удобства между отдѣльными провинціями, городами, селами... Теорія требуетъ, чтобы въ каждой группѣ производителей главная масса продуктовъ производилась на внутреннее употребленіе самой этой группы; а если затѣмъ нѣкоторая часть продуктовъ обмѣнивается, это ни чему не помѣшаетъ, — напротивъ, можетъ быть очень полезно". 3) На какихъ же основаніяхъ будетъ совершаться этотъ обмѣнъ? „Мѣновая цѣнность не является различною отъ внутренней, внутренняя цѣнность прямо превращается въ мѣновую безъ всякаго увеличенія или уменьшенія". 4) Та-

1) Тамъ же, стр. 95.

2) Тамъ же, стр. 235 и 236.

3) Тамъ же, стр. 253.

4) Тамъ же, стр. 307.

кимъ образомъ, въ обмѣнѣ продуктовъ между общинами у Чернышевскаго является что-то въ родѣ „*leur constituée*“ Прудона, известная книга котораго не осталась, очевидно, безъ сильнаго вліянія на русскаго экономиста.

Въ какомъ неясномъ видѣ представлялось Чернышевскому „совпаденіе мѣновой цѣнности съ внутреннею“, показываютъ слѣдующія строки.

„Если мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, а внутренняя измѣряется потребностями человѣка, то не трудно дойти до слѣдующихъ выводовъ — разсуждаетъ онъ. Соразмѣряться между собою прямымъ образомъ могутъ только потребности однородныя, — на примѣръ, разные виды потребностей, относящіяся къ физическому благосостоянію организма. Потому должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ друга предметы первой необходимости. Но не должны быть сравниваемы прямо между собою потребности совершенно разнородныя. На примѣръ, какъ вы будете опредѣлять отношеніе между потребностью ѣды и потребностью чтенія, или между потребностями въ обуви и въ музыкѣ? Потому и продукты, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, прямо не должны имѣть мѣновой цѣнности относительно другъ друга. Въ сколько разъ меньше или больше, чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка? Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ жилище, нужна ему бронза? Это вещи несоизмѣримыя прямымъ образомъ“. Пополнивъ, затѣмъ, свою классификацію потребностей и замѣтивъ, что „съ экономической точки зрѣнія“ онѣ дѣлятся на потребности матеріальнаго благосостоянія, потребности умственной дѣятельности и потребности эстетическаго наслажденія, Чернышевскій продолжаетъ: „потребности эстетическаго наслажденія никакъ не могутъ уже и сами по себѣ идти въ сравненіе съ потребностями матеріальнаго благосостоянія. Наслаждаться чѣмъ нибудь изящнымъ удобно человѣку лишь тогда, когда его матеріальныя потребности удовлетворены. Выражаясь быть можетъ слишкомъ сурово, но совершенно вѣрно, надобно сказать, что эстетическое наслажденіе годится собственно лишь на то время, котораго уже ни на что другое не способенъ употребить человѣкъ или по отсутствію всякихъ надобностей, или истощенію силъ предшествующимъ трудомъ; оно всегда бываетъ или отдыхомъ, или праздностью. Но отдыхъ и праздность, конечно, не должны имѣть мѣновой цѣнности. Потому не слѣдуетъ имѣть ея и предметамъ эстетическаго наслажденія. Разумѣется, мы очень хорошо знаемъ, что они имѣютъ ее теперь: за входъ въ театръ собирается плата, картина или статуя продается. Но мы говоримъ, что этимъ оскорбляется самая природа подобныхъ вещей... Дѣятельность, производящая предметы эстетическаго наслажденія, не должна имѣть никакого другаго вознагражденія, кромѣ удовольствія, чувствуемаго занимающимъ ею человекомъ. О мѣновой цѣнности не должно быть тутъ никакого поминанія... Съ такой же точки зрѣнія разсматривается и умственная дѣятельность, дѣятельность ученаго и дѣятельность учащагося; ихъ трудъ не долженъ имѣть мѣновой цѣнности. „Но есть умственная дѣятельность другаго рода, составляющая не самонаслажденіе, а жер-

тву для занимающагося ею. Это дѣятельность педагогическая... Педагогъ — такой же чернорабочій, какъ землекопъ или портной. Его трудъ долженъ имѣть экономическую цѣнность¹⁾

Все это по меньшей мѣрѣ очень туманно. Мы уже знаемъ, что „внутренняя цѣнность“ измѣряется не „потребностями человѣка“ а количествомъ труда, нужнымъ на изготовленіе предмета. Вышеприведенныя выкладки Чернышевскаго не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ. Но предположимъ, на этотъ разъ, что внутренняя цѣнность измѣряется потребностями человѣка. Съ точки зрѣнія потребностей нельзя рѣшить, „во сколько разъ меньше или больше чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка“. Но вѣдь скрипка есть продуктъ производства. На ея выдѣлку, какъ и на выдѣлку сапоговъ, нужно извѣстное количество рабочаго времени. Почему же скрипка „не должна имѣть мѣншой цѣнности“ относительно сапоговъ? Для этого можетъ быть только одно основаніе: въ социалистическомъ обществѣ не будетъ обмѣна, а слѣдовательно и трудъ, затраченный на производство предметовъ, не будетъ выражаться въ видѣ ихъ мѣншой стоимости. Это совершенно достаточное основаніе. Но его достаточно для того, чтобы *ни одинъ* продуктъ не имѣлъ мѣншой стоимости „относительно“ другихъ, какому бы роду потребностей они ни удовлетворяли. У Чернышевскаго же выходитъ иначе: „должны имѣть мѣншую цѣнность относительно другъ друга предметы первой потребности“, но не могутъ имѣть ее предметы, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ. Какъ бы ни подраздѣлялись „съ экономической точки зрѣнія“ потребности, ясно, что разъ зашла рѣчь о томъ общественномъ устройствѣ, при которомъ предметы имѣютъ мѣншую стоимость, то ихъ мѣншья отношенія должны опредѣляться вовсе не характеромъ потребностей, удовлетворяемыхъ этими предметами. Говоря, что предметы, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, *не могутъ* имѣть „мѣншой цѣнности относительно другъ друга“, Чернышевскій въ сущности высказываетъ только свое неодобреніе подобному явленію: ему *не хотѣлось бы*, чтобы оно имѣло мѣсто въ социалистическомъ обществѣ. Но экономическая невозможность явленія и нежелательность его для человѣка того или другого образа мыслей — совершенно различныя вещи, очень часто, впрочемъ, смѣшиваемыя социалистами - утопистами.

Вообще, только что приведенныя разсужденія Чернышевскаго сводятся къ тому, что такъ называемая духовная дѣятельность должна находить свое вознагражденіе въ самой себѣ, — и еще, пожалуй, къ тому, что не слѣдуетъ думать о пріятномъ, когда нѣтъ необходимаго. Это, конечно, вѣрно. Но поясняя эту вѣрную мысль, Чернышевскій окончательно запутываетъ вопросъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ „совпаденія мѣншой стоимости предметовъ съ внутреннею“.

Повторяемъ, „Система экономическихъ противорѣчій“ Прудона не осталась безъ сильнаго вліянія на взгляды нашего автора. Если Адамъ Смитъ относилъ, по замѣчанію Маркса, опредѣленіе стоимо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 243 и 246

сти трудомъ къ до-адамовскимъ временамъ, то Чернышевскій, вмѣстѣ съ Прудономъ, относитъ его ко временамъ лучшаго будущаго. А между тѣмъ мы уже знаемъ, что это опредѣленіе соответствуетъ не болѣе и не менѣе, какъ современной намъ некрасивой буржуазной дѣйствительности. Чернышевскому казалось невѣроятнымъ, чтобы трудъ могъ быть единственнымъ источникомъ стоимости въ обществѣ предпринимателей, не заботящихся ни о чемъ, кромѣ прибыли, и обращающихся съ трудомъ, какъ съ простымъ товаромъ. Онъ говорилъ, какъ мы знаемъ, что количество труда, необходимое на приготовленіе продуктовъ, никому неизвѣстно въ буржуазномъ обществѣ. 1) Кромѣ того, его сбивали еще и колебанія товарныхъ цѣнъ. Онъ зналъ, что „нѣтъ вещи именно и есть ея мѣровая стоимость, выраженная въ деньгахъ“. Но онъ зналъ также и то, что цѣны постоянно колеблются, и при томъ каждый производитель всеми правдами и неправдами старается получить за свой товаръ какъ можно больше, не стѣсняясь соображеніями о такъ называемой „законной прибыли“. Это, съ одной стороны, заставило нашего автора признать, по примѣру Милля, стоимость „явленіемъ относительнымъ“, а съ другой — дало ему новый поводъ для нападокъ на буржуазное общество. „Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости, — замѣчаетъ онъ — для этого нужно, чтобы некому было выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, т. е. опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность“. Та самая конкуренція, которая въ дѣйствительности приводитъ товары къ нормѣ рабочаго времени, кажется Чернышевскому главнымъ препятствіемъ, не позволяющимъ стоимости опредѣляться трудомъ. По его мнѣнію, „коренной

1) Мы не возразили на это, полагая, что читатель и самъ увидитъ ошибку Чернышевскаго. Во избѣжаніе недоразумѣній сдѣлаемъ, однако, здѣсь нѣсколько замѣчаній. Что экономисты и „люди, имѣющіе прямое вліяніе на общественныя дѣла“, не знаютъ „сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей“ — это вѣроятно, но это и совершенно понятно: имъ нѣтъ необходимости знать это. Но каждый рабочий, каждый мастеръ, каждый директоръ фабрики или завода, если не каждый фабрикантъ и заводчикъ, хорошо знаютъ, какое среднее количество времени нужно для выдѣлки единицы продукта, производимаго въ ихъ мастерской. Они могутъ не имѣть подробныхъ свѣдѣній относительно матеріаловъ, обрабатываемыхъ у нихъ, или орудій труда, употребляемыхъ ими въ дѣло; но производители этихъ матеріаловъ и этихъ орудій хорошо освѣдомлены на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, если вся сумма труда, употребленнаго на данный продуктъ и не и вѣстна, то хорошо извѣстны отдѣльныя *слабаемая*, т. е. количества труда, прибавляемыя къ продукту на каждой ступени его производства. Пряильщику извѣстно во сколько времени можно приготовить фунтъ пряжи, ткачу извѣстно, во сколько времени можно соткать ее, портной знаетъ, сколько рабочихъ дней нужно ему, чтобы сдѣлать изъ данной матеріи данный костюмъ и прочее. Сбивая свою пряжу ткачу, пряильщикъ долженъ принимать въ соображеніе не лишь то *слабаемое*, то количество труда, которое онъ самъ прибавилъ къ продукту, до остальныхъ ему нѣтъ никакого дѣла. Мы говорили, правда, что трудъ отдѣльнаго производителя, можетъ и не быть среднимъ общественно-необходимымъ трудомъ. Но это рѣшается *конкуренціей*: если X тратитъ на приготовленіе своего товара вдвое больше времени, чѣмъ нужно по общественнымъ условіямъ производства, то соперничество другихъ производителей того же товара тотчасъ же покажетъ ему, какъ сильно онъ отсталъ „отъ вѣка“. Замѣчательно, что разбираемому нами мыслю Чернышевскій высказалъ именно въ статьѣ о конкуренціи. Его вни-

недостатокъ соперничества — тотъ, что нормою расчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его „не стоимость а цѣну“. ¹⁾ Выясняя различіе взглядовъ на стоимость Рикардо съ одной стороны и А. Смита и Мальтуса — съ другой, Милль дѣлаетъ очень справедливое замѣчаніе: „когда Рикардо и другіе политико-экономы говорятъ, что стоимость вещи опредѣляется количествомъ труда, они говорятъ не о томъ количествѣ труда, за какое обмѣнивается вещь, а о томъ количествѣ, какое нужно на ея производство... Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ—мѣра стоимости, они разумѣютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть сдѣлана вещь, а то количество труда, какое обмѣнивается или покупается за эту вещь“. Чернышевскій прибавляетъ къ этому, что Адамъ Смитъ и Мальтусъ искали въ трудѣ „вѣрнаго мѣрила не мѣновой, а внутренней цѣнности, или стоимости производства“ и такимъ образомъ приближались „къ истинному смыслу вопроса, который понятъ былъ ихъ послѣдователями, какъ вопросъ о мѣновой цѣнности“. ²⁾ Выходитъ, что Рикардо только вслѣдствіе плохого пониманія имъ Адама Смита и Мальтуса искалъ причинной связи между трудомъ и мѣною стоимостью! Это уже совершенно утопическое пониманіе исторіи политической экономіи.

VIII

Мы подробно изложили и разобрали ученіе Чернышевскаго о стоимости, сопоставивъ его съ современными научными взглядами на тотъ же предметъ. Мы потому считали нужнымъ сдѣлать это, что ученіе о стоимости по справедливости считается краеугольнымъ камнемъ науки о законахъ буржуазнаго хозяйства. Кто ошибается относительно этой простѣйшей категоріи буржуазной экономіи, тотъ необходимо долженъ ошибаться и относительно другихъ ея категорій. Мѣновая стоимость выражаетъ самое простое отношеніе производе-

маніе было поглощено соображеніями о томъ, что производство возможно было бы и безъ конкуренціи. Критикуя конкуренцію съ утопической точки зрѣнія, т. е. отбѣгая ея невыгодныя для общества послѣдствія и вовсе не затрогивая вопроса объ ея историческомъ происхожденіи и значеніи, Чернышевскій естественно проглядѣлъ важнѣйшую сторону дѣла: ту роль, которую играетъ конкуренція въ дѣлѣ приведенія мѣновой стоимости товаровъ къ нормѣ общественно-необходимаго рабочаго времени. Одной этой ошибки было бы достаточно, чтобы спутать всѣ его экономическіе взгляды.

Замѣтимъ здѣсь также, что то соображеніе его, по которому мѣновая стоимость не можетъ опредѣляться количествомъ труда, нужнымъ на производство каждой данной вещи, (потому что это количество никому неизвѣстно теперь въ точности) напоминаетъ подобное же соображеніе Родбертуса. Убѣжденный доводами этого послѣдняго, одинъ нѣмецкій архитекторъ рѣшился исправить этотъ важный недостатокъ буржуазнаго общества и принялся высчитывать среднюю производительность труда рабочихъ, занимающихся строительнымъ дѣломъ (каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ и т. д.). Нѣтъ надобности прибавлять, что эта затѣя архитектора — родбертусианца не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

¹⁾ То есть не издержки производства, а цѣну. т. четвер. стр. 85.

²⁾ Тамъ же, стр. 303.

лей въ общественномъ процессѣ производства. Другія категоріи, какъ напримѣръ *капиталъ*, выражаютъ собою уже гораздо болѣе сложныя и при томъ производныя отношенія. Поэтому правильное пониманіе ихъ невозможно безъ правильнаго пониманія стоимости. Смотра на буржуазную политическую экономію глазами утописта, т. е. не находя нужнымъ внимательно и хладнокровно изучать экономическіе законы буржуазнаго общества, — которое представляетъ собою лишь печальное уклоненіе ось „естественнаго порядка“ и противорѣчитъ всѣмъ „требованіямъ теоріи“, — Чернышевскій естественно приходилъ къ ошибочнымъ выводамъ, какъ на счетъ существующихъ экономическихъ отношеній, такъ и на счетъ судьбы, ожидающей ихъ въ будущемъ. Сбивчивость, запутанность его соображеній о совпаденіи „мѣновой цѣнности съ внутреннею“ въ социалистическомъ обществѣ является логическимъ слѣдствіемъ ошибочности посылокъ, лежащихъ въ основѣ этихъ соображеній. Въ своей критикѣ буржуазной дѣйствительности онъ счелъ возможнымъ взять за исходную точку политико-экономическія теоріи Милля. Неудивительно, что въ своихъ планахъ относительно будущаго онъ сблизился съ Прудономъ. Его ученіе о стоимости служить поразительнымъ доказательствомъ этого сближенія. Въ другихъ отдѣлахъ своего главнаго экономического сочиненія Чернышевскій несомнѣнно имѣетъ очень мало общаго съ Прудономъ. Но и тамъ коренной недостатокъ той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на общественную жизнь, очень сильно даетъ себя чувствовать. И тамъ онъ, недостаточно критикуя свои послыки, приходитъ къ ошибочнымъ, утопическимъ заключеніямъ.

Мы не станемъ долго останавливаться на его ученіи о „покупательной силѣ“, т. е. о деньгахъ. Читатель, хоть немного знакомый съ политической экономіей, и самъ видитъ, что, раздѣляя взглядъ Милля на мѣновую стоимость, Чернышевскій ни въ какомъ случаѣ не могъ пойти дальше его въ уясненіи экономической роли денегъ. И дѣйствительно, онъ согласенъ съ Миллемъ во всемъ, что тотъ говоритъ о деньгахъ. Милль, подобно другимъ буржуазнымъ экономистамъ, говоритъ о нихъ много несообразностей. Чернышевскій не замѣчаетъ этихъ несообразностей. Онъ думаетъ, что вопросъ о деньгахъ почти совершенно исчерпанъ буржуазной экономіей. „Господствующая теорія очень ясно выставляетъ затруднительность прямого обмѣна продукта на продуктъ и необходимость такого общаго орудія обмѣна всякихъ продуктово, каковымъ являются деньги. Она превосходно объясняетъ свойства, нужныя для хорошаго орудія обмѣновъ или для денегъ, и очень основательно доказываетъ, что лучше всѣхъ другихъ продуктово и предметовъ годятся для исполненія роли денегъ благородные металлы. Все, что они говорили объ этихъ сторонахъ вопроса, мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю или предоставляемъ узнать изъ обыкновенныхъ курсовъ политической экономіи“. *)

При такомъ взглядѣ на деньги, нашему автору оставалась откры-

*) Тамъ же, стр. 256.

той только одна область критики, т. е. опять таки *утопическая* критика буржуазныхъ отношеній: отгъненіе невыгодныхъ сторонъ денежнаго хозяйства, указаніе несоотвѣствія этого хозяйства съ требованіемъ „теоріа“. На этотъ счетъ онъ дѣлаетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, которыя, однако, въ виду неудовлетворительности общаго понятія его о деньгахъ, не могли не сопровождаться совершенно ошибочными соображеніями. Онъ утверждаетъ, что при естественномъ хозяйствѣ, по самой логикѣ отношеній, невозможно такое экономическое подчиненіе человѣка человѣку, какое возникаетъ при денежномъ. По своему обыкновенію онъ поясняетъ свою мысль примѣромъ. „Представимъ себѣ — говоритъ онъ — отношеніе между человѣкомъ очень богатымъ и человѣкомъ очень зажиточнымъ при такъ называемомъ, въ противоположность „денежному“, — „естественномъ“ хозяйствѣ, въ которомъ деньги не играютъ важной роли. Въ табунахъ киргиза Абдаллы 10,000 головъ; у киргиза Юсуфа весь табунъ состоитъ изъ 100 головъ. Какую экономическую власть надъ Юсуфомъ можетъ имѣть Абдалла своимъ богатствомъ, если они кочуютъ въ такой части степи, куда еще не проникло денежное хозяйство? Предположивъ Юсуфа человѣкомъ обыкновеннаго характера, мы не можемъ не сказать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго разчета становиться въ экономическую зависимость отъ своего богатаго соплеменника. Что такое, особенно нужное для него, можетъ дать ему Абдалла? Лошадей и кумыса у Юсуфа довольно, онъ не нуждается въ этихъ предметахъ. А кромѣ ихъ, ничего не можетъ предложить ему Абдалла. Предположимъ теперь, что введено въ этомъ племени денежное хозяйство. Пусть лошадь круглымъ счетомъ стоитъ 10 р. Абдалла располагаетъ суммою нмущества на 100 тысячъ, Юсуфъ имѣетъ его только на 1 тысячу рублей. Каждому изъ ежедневнаго опыта извѣстно, каково при денежномъ хозяйствѣ отношеніе небогатаго человѣка къ сосѣду, который въ 100 разъ богаче его. Это отношеніе зависимое. Изъ чего возникаетъ зависимость? Изъ того самаго, что деньги служатъ всеобщю покупательною силою, даютъ возможность удовлетворенія не одной какой нибудь потребности, какъ даетъ продуктъ, прямо служащій для потребленія, а общую возможность удовлетворенія всякимъ вообще наклонностямъ и желаніямъ. Человѣкъ можетъ чувствовать, что ему нѣтъ нужды въ томъ или другомъ предметѣ, что этотъ извѣстный предметъ былъ бы для него лишній: но онъ никакъ не можетъ чувствовать увѣренности, что ему никогда не понадобится ничего. А чтобы не желать денегъ, надобно имѣть такую увѣренность, и не только за настоящее или ближайшее будущее, а за всю свою будущность“. *) — Развивая далѣе эту мысль, Чернышевскій говоритъ, что „только въ деньгахъ пріобрѣтается человѣкомъ экономическій источникъ совершенно пражднаго наслажденія“. Это совершенно вѣрно, въ томъ смыслѣ, что развитіе денежнаго хозяйства, т. е. товарнаго производства необходимо приводитъ на извѣстной ступени своего развитія, къ превращенію въ товаръ рабочей силы, и тѣмъ самымъ къ эксплуатаціи одного класса другимъ.

*) Тамъ же, стр. 256 и 257.

Но экономическія свойства „денегъ“ означаютъ не что иное, какъ взаимныя отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства. Межтѣмъ, Чернышевскій, повидимому, склоненъ объяснять ихъ свойствами того *матеріала*, изъ котораго дѣлаются деньги. Онъ разсуждаетъ такъ: „Почти всѣ предметы, прямо служащіе для потребленія, очень недолговѣчны. Значительнымъ исключеніемъ изъ этого правила можно назвать только благородные металлы, матеріаль, изъ котораго дѣлаются деньги, отъ которыхъ довольно мало отличаются и золотые или серебряные слитки, хотя бы и не имѣли штемпеля, дѣлающаго ихъ деньгами въ строгомъ смыслѣ слова (Чернышевскій хочетъ сказать—монетой). Остальные важные въ экономическомъ отношеніи предметы не имѣютъ свойства долго сохраняться сами собою, — это свойство принадлежитъ только деньгамъ. Есть многочисленный разрядъ продуктовъ, которые не могутъ быть далѣе нѣсколькихъ лѣтъ бережены никакою заботливостью. Сюда принадлежитъ хлѣбъ, во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ самый главный по своей цѣнности продуктъ. Эти продукты сохраняются только воспроизведеніемъ, то есть посредствомъ переработки продукта такою же массою труда, какая была нужна на первое производство. Другіе предметы долго остаются, — на примѣръ, каменные зданія, — но требуютъ ремонта, который за нѣсколько лѣтъ въ сложности составитъ сумму труда, равную той массѣ его, которая требовалась на первоначальное производство предмета. Безъ этого они быстро теряютъ годность и цѣнность. Такимъ образомъ, говоря вообще, деньги отличаются отъ другихъ продуктовъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать сами собою, безъ надобности въ дальнѣйшемъ производительномъ трудѣ, даютъ полное увольненіе отъ него человѣку, ихъ имѣющему, — между тѣмъ какъ сохраненіе всѣхъ другихъ предметовъ требуетъ продолженія работы, которою они первоначально приобрѣтены.

Почти излишне доказывать неудовлетворительность и сбивчивость подобныхъ объясненій. Читатель, вѣроятно, видитъ, ихъ и безъ нашихъ указаній. Онъ видитъ, что Чернышевскій повторяетъ здѣсь ошибку многихъ и многихъ экономистовъ, приписывавшихъ *вещамъ* тѣ свойства, которыя въ дѣйствительности принадлежатъ *общественнымъ отношеніямъ*. Значеніе денегъ такъ же мало опредѣляется физическими свойствами благородныхъ металловъ, какъ мѣновая стоимость товара опредѣляется его вещественными особенностями. Физическія свойства благородныхъ металловъ дѣлаютъ лишь то, что они оказываются наиболѣе подходящими для роли денегъ. Точно такъ же подчиненіе человѣка человѣку, экономическое порабощеніе одного класса другимъ происходитъ при денежномъ хозяйствѣ не отъ того, что деньги не требуютъ для своего сохраненія почти никакого труда со стороны своего обладателя, а отъ того, что развитое товарное производство приводитъ, какъ мы уже сказали это выше, къ превращенію рабочей силы въ товаръ, къ ея продажѣ и покупкѣ, т. е. къ ея *эксплуатаціи*. Только въ силу такой эксплуатаціи деньги и могутъ служить „источникомъ празднаго наслажденія“ не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ классовъ; и наоборотъ, безъ посредства такой эксплуатаціи деньги могли бы явиться

источникомъ „празднаго наслажденія“ развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда производителю, трудомъ цѣлой жизни, удалось бы скопить себѣ „малую толпку“ подѣ старость. Но Чернышевскій, конечно, имѣетъ въ виду не этого рода „праздное наслажденіе“.

Очень характерно для Чернышевскаго, державшагося утилитарнаго ученія о нравственности, то обстоятельство, что, нападая на денежное хозяйство, онъ опасается, какъ бы не заподозрили его въ излишней сантиментальности. „Въ признаніи принципа личной пользы за основное побужденіе и за послѣднюю норму всей экономической дѣятельности человѣка мы не уступимъ ни одному писателю школы Адама Смита, и идемъ гораздо дальше большинства рутинныхъ политико-экономистовъ, которымъ предоставляемъ толковать вслѣдъ за моралистами о необходимости идеальныхъ стремленій — оговаривается онъ... Мы находимъ, что расчетъ личной пользы есть одинъ изъ главныхъ руководителей человѣка, и разсуждаемъ только о томъ, что наиболѣе сообразно съ личной выгодой человѣка, а желаемъ лишь того, чтобы люди стали расчетливѣе... Порядокъ дѣлъ, при которомъ надъ всѣмъ господствуютъ деньги, мы находимъ неудовлетворительнымъ не потому, что люди при немъ своекорыстны, — они всегда будутъ да и должны больше всего думать о своей личной выгодѣ, — а просто потому, что при немъ слишкомъ плохо удовлетворяется потребность матеріальнаго благосостоянія у огромнаго большинства людей, что для этого огромнаго большинства онъ не выгоденъ“. *)

Какимъ именно экономическимъ порядкомъ должно быть замѣнено, по мнѣнію Чернышевскаго, невыгодное для большинства денежное хозяйство — это мы уже сказали, излагая его ученіе о стоимости. Большихъ размѣровъ хозяйственная единица, собственными силами удовлетворяющая большую часть своихъ потребностей и обмѣнивающая лишь незначительное меньшинство своихъ продуктовъ — таковъ идеалъ нашего автора. Но обмѣнъ этого меньшинства продуктовъ между отдѣльными хозяйственными единицами долженъ вестись посредствомъ денегъ. „Иначе вестись ему слишкомъ неудобно, и само по себѣ употребленіе денегъ или равнозначительныхъ имъ общихъ знаковъ цѣнности — дѣло очень полезное. Возставать противъ нихъ значитъ тоже самое, что вооружаться противъ носовыхъ платковъ, которые сами по себѣ тоже вещь превосходная и необходимая въ порядочномъ обществѣ для дѣла, къ которому предназначены. Мы вовсе не желаемъ возвратитъ людей къ тому состоянію, когда они обходились безъ посредства носоваго платка. Но совершенно иной вопросъ то, хорошая-ли вещь насморкъ, при которомъ роль носоваго платка становится очень велика. Мы полагаемъ, что человѣку слѣдуетъ лечиться отъ насморка, и что когда насморкъ пройдетъ, носовой платокъ потеряетъ самъ собою ту излишнюю занимательность, въ которой виноватъ вовсе не онъ самъ“. — Такимъ образомъ, по ученію Чернышевскаго, социалистическая организація производства не устранить денегъ, а только съузитъ роль ихъ, отводя ей надлежащія предѣлы.

*) Тамъ же, стр. 257 и 258.

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что Чернышевскій раздѣлялъ то, долго бывшее господствовавшимъ между буржуазными экономистами, мнѣніе, по которому цѣны товаровъ опредѣляются количествомъ обращающихся въ странѣ денегъ. Въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ наоборотъ: количество находящихся въ обращеніи денегъ опредѣляется цѣнами товаровъ. Но это уже слишкомъ спеціальнѣйшій вопросъ, и мы не можемъ здѣсь его разсматривать. *)

IX

Перейдемъ теперь къ ученію Чернышевскаго о капиталѣ.

Что такое капиталъ? Капиталъ есть общественное отношеніе производства, говоритъ Марксъ, приводя такимъ образомъ буржуазныхъ экономистовъ въ величайшее и, на этотъ разъ, искреннѣйшее удивленіе. Какимъ образомъ капиталъ можетъ быть общественнымъ отношеніемъ? — недоумѣваютъ они. Капиталъ, это — или деньги, или товаръ, или вообще средства производства; капиталъ, — это вещь или вещи, а вовсе не „отношеніе“. Буржуазные экономисты не хотятъ даже и спорить противъ такого опредѣленія, какъ спорятъ они, напримѣръ, противъ опредѣленія величины стоимости товара количествомъ труда, нужнаго для его производства; они просто пожимаютъ плечами, убѣжденные въ томъ, что знаменитый социалистъ просто хотѣлъ поразить своихъ читателей неожиданнымъ парадоксомъ.

Посмотримъ, однако, что означаетъ этотъ мнимый парадоксъ.

Какковы признаки „капитала“? Всѣмъ извѣстно, что самымъ главнымъ отличительнымъ признакомъ его служитъ его способность приносить „доходъ“, періодически обростать прибылью, подобно тому, какъ овца обростаетъ шерстью. Когда „капиталъ“ не приноситъ дохода, онъ считается „мертвымъ капиталомъ“, капиталомъ, утратившимъ душу, несоотвѣтствующимъ болѣе своему истинному понятію. Спрашивается теперь, указываютъ ли буржуазные экономисты этотъ главный признакъ капитала, когда говорятъ, что капиталъ есть накопленный трудъ, служащій средствомъ для новаго производства? Нисколько; а между тѣмъ это опредѣленіе — самое распространенное и наименѣе несостоятельное. Говоримъ *наименѣе несостоятельное* — потому что состоятельнымъ признать его невозможно: хорошо опредѣленіе, упускающее изъ виду главный отличительный признакъ предмета! Но если это опредѣленіе несостоятельно, и если мы знаемъ, почему оно несостоятельно, то какое же новое опредѣленіе поставимъ мы на его мѣсто? Замѣтимъ прежде всего слѣдующее, въ высшей степени важное обстоятельство: „капиталъ останется такимъ же капиталомъ, возьмемъ ли мы вмѣсто шерсти хлопчатую бумагу, вмѣсто ржи — рисъ, вмѣсто желѣзныхъ дорогъ — пароходы, если только хлопчатая бумага, рисъ, пароходы, это тѣло капитала, имѣютъ ту же мѣнову ю стоимость, что и шерсть, рожь, желѣзная

*, Объ этомъ см. Zur Kritik der politischen Oekonomie стр. 138-170.

дорога, въ которыхъ онъ воплощался прежде. Тѣло капитала можетъ постоянно измѣняться, не причиняя этимъ ему самому ни малѣйшаго измѣненія“. *) И не только тѣло капитала *можетъ* измѣняться, не причиняя ему измѣненія, — оно *должно* измѣняться для того, чтобы капиталъ оставался капиталомъ. Въ процессѣ производства капиталъ является сначала въ видѣ определенной суммы денегъ, которая и составляетъ первую фазу его превращеній. Деньги употребляются затѣмъ на покупку необходимыхъ для дѣла производительныхъ средствъ; эти производительныя средства составляютъ вторую фазу его превращеній. Когда производительныя средства находятся въ наличности, начинается производство, въ результатѣ котораго являются извѣстные продукты — третья фаза превращенія: продукты вывозятся на рынокъ для продажи, а съ рынка капиталъ возвращается въ карманъ своего обладателя опять въ видѣ денегъ. Всѣ эти метаморфозы такъ же необходимы для существованія капитала, какъ для жизни животнаго необходимъ обмѣнъ веществъ въ его организмѣ. И въ каждой новой фазѣ своего превращенія капиталъ остается такимъ же капиталомъ, какимъ былъ во всѣхъ предъидущихъ. Чѣмъ объясняется это его свойство? Тѣмъ, что всякій капиталъ представляетъ собою *извѣстную мѣновую стоимость*, а для мѣновой стоимости рѣшительно все равно, какой товаръ является ея носителемъ: „томъ сочиненій Проперція и 8 унцій нюхательнаго табаку могутъ быть одинаковой мѣноюю стоимостью, независимо отъ различія потребительныхъ стоимостей табака и элегій“. **) — Но если всякій капиталъ непременно представляетъ собою мѣновую стоимость, то не всякая мѣновая стоимость есть капиталъ, такъ какъ не всякая мѣновая стоимость имѣетъ способность обростать „доходомъ“. Капиталъ есть мѣновая стоимость, одаренная способностью къ совершенно, повидимому, произвольному возрастанію. Входя въ процессъ производства въ видѣ данной величины A , она выходитъ изъ него въ видѣ новой величины $A + a$. Мы уже говорили, что это свойство капитала служить его главнымъ отличительнымъ признакомъ. Теперь намъ нужно посмотрѣть, откуда оно берется.

Мы уже знаемъ, что мѣновая стоимость есть опредѣленная общественная форма труда, употребленнаго на производство вещи. Мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ собою взаимныя отношенія производителей въ общественномъ процессѣ производства. Но если это такъ, то и капиталъ, эта мѣновая стоимость, получившая новое свойство возрастанія, не можетъ представлять собою что-либо другое, кромѣ общественныхъ отношеній производителей. Всѣ его свойства, какъ и всѣ свойства мѣновой стоимости, должны вытекать изъ особенностей, характеризующихъ отношенія производителей въ процессѣ производства. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и говоритъ, что „капиталъ есть общественное отношеніе производства“, и именно — отношеніе, свойственное буржуазному обществу, „буржуазное отношеніе производства“.

*) Марксъ, Наемный трудъ и капиталъ, стр. 19.

**) Марксъ, Zur Kritik etc. s. 4.

Чѣмъ характеризуется это отношеніе? Тѣмъ, что въ обмѣнъ за средства къ жизни рабочій продаетъ предпринимателю свою рабочую силу, которая и употребляется въ дѣло, запасенныя ея покупателемъ, производительныя средства. Приобрѣтенная предпринимателемъ рабочая сила составляетъ его собственность совершенно также, какъ пряжа, машина, или какое нибудь другое „средство производства“. Рабочій поступаетъ подъ власть капитала. „Накопленный“, овеществленный въ средствахъ къ жизни, трудъ господствуетъ, такимъ образомъ, надъ живымъ трудомъ работника, и только это обстоятельство дѣлаетъ накопленный трудъ капиталомъ. Съ какою цѣлью покупаетъ капиталистъ рабочую силу — извѣстно всѣмъ и каждому. Въ процессѣ производства работникъ создаетъ своимъ трудомъ стоимость, превышающую расходъ на покупку его рабочей силы или, что то же, — стоимость его заработной платы. Разность между новой, созданной работникомъ стоимостью и стоимостью его заработной платы называется *прибавочной стоимостью*. Эта прибавочная стоимость принадлежитъ предпринимателю и является источникомъ того „*дохода*“, который капиталъ приноситъ своему обладателю. Отсюда еще разъ видно, что свойства капитала обуславливаются въ дѣйствительности отношеніями *людей*, а не какими нибудь таинственными свойствами *вещей*, употребляемыхъ на дальнѣйшее производство и называемыхъ въ политической экономіи производительными средствами. Мы видимъ также, что мнимо-парадоксальное опредѣленіе — „капиталъ есть общественное отношеніе производства“ — вполне соотвѣтствуетъ фактическому положенію дѣлъ въ буржуазномъ обществѣ. Если оно удивляетъ буржуазныхъ экономистовъ, то это происходитъ единственно потому, что они, благодаря своимъ предрасудкамъ, не умѣютъ или не хотятъ проникнуть въ сущность капиталистическихъ отношеній. Человѣку, считающему буржуазный порядокъ самымъ лучшимъ и наиболее соотвѣтствующимъ „человѣческой природѣ“, не легко придти къ тому заключенію, что пріятныя и похвальныя свойства капитала проистекаютъ въ сущности изъ эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ, эксплуатаціи ни мало не похвальной и вовсе непріятной, по крайней мѣрѣ, для одного изъ этихъ классовъ. Такъ объясняются нападки буржуазныхъ экономистовъ на данное Марксомъ опредѣленіе капитала съ точки зрѣнія того, что Кантъ называлъ психологической логикой. Съ точки же зрѣнія формальной логики, онѣ объясняются просто тѣмъ, что буржуазные экономисты смотрѣли на общественную жизнь съ абстрактной точки зрѣнія, а потому почти никогда не были въ состояніи до конца прослѣдить взаимную связь общественно-экономическихъ явленій. Такъ, напримѣръ, мы уже знаемъ, что Милль считаетъ возможнымъ и даже нужнымъ разсматривать „законы производства“ совершенно независимо отъ общественныхъ отношеній производителей. Но при такомъ приемѣ изслѣдованія ему не оставалось ничего другого, какъ довольствоваться совершенно ничего не опредѣляющимъ опредѣленіемъ капитала. Онъ и довольствуется имъ. По его словамъ, „капиталомъ называются тѣ продукты труда, которые служатъ средствами для новаго производства“. Всегда - ли

служащие для новаго производства продукты труда создают *прибавочную стоимость* — это было неясно для Милля, да и самый вопрос объ этомъ едва-ли становился передъ нимъ, что называется, ребромъ.

Разсматривая „капиталъ“ независимо отъ общественныхъ отношеній производителей, мы, какъ и слѣдовало ожидать, не отрываемъ въ немъ рѣшительно ни одного изъ тѣхъ неприятныхъ свойствъ, съ которыми приходится считаться пролетариату. Въ качествѣ „продуктовъ, употребляемыхъ для дальнѣйшаго производства“, капиталъ есть нѣчто не только совершенно безобидное, но и необходимое, полезное, „вѣчное“ и „разумное“. Съ этой точки зрѣнія всякіе нападки на „капиталъ“ оказываются вопіюще нелѣпостью. Чернышевскій придерживался миллевскаго опредѣленія капитала. Но въ то же время онъ, какъ социалистъ, не могъ не признавать правомѣрности борьбы труда съ капиталомъ. Это было противорѣчіемъ съ его стороны, — противорѣчіемъ, которое онъ разрѣшалъ такимъ образомъ: „Отсталая школа неистощима въ панегирикахъ капиталу, говоритъ онъ, прогрессивная въ проклятіяхъ ему. Но читатель безъ труда замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло не о томъ элементѣ производства, который называется капиталомъ въ строгой наукѣ, а собственно только о роли, каковую при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ играютъ капиталисты“. *) Это напоминаетъ то различіе, какое Родбертусъ пытался установить между капиталомъ „самимъ по себѣ“ (Kapital an sich) и „историческимъ капиталомъ“. Мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности характеръ и свойство капитала опредѣляются именно тою экономической ролью, которую капиталисты играютъ при общественныхъ условіяхъ, дѣлающихъ ихъ капиталистами. Отвлекаться отъ этой роли ихъ, значить добровольно закрывать глаза на природу капитала. Чернышевскій и самъ, повидимому, чувствуетъ, что принятое имъ опредѣленіе капитала не вполне удовлетворительно. Ему хотѣлось бы замѣнить слово „капиталъ“ какимъ нибудь другимъ словомъ. Если онъ не сдѣлалъ этого, то лишь потому, что не зналъ напередъ, будетъ ли его книга „имѣть въ публикѣ такое значеніе, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведеніями, какъ замѣна слова капиталъ какимъ нибудь другимъ терминомъ“. **) Мы не знаемъ, конечно, какой новый терминъ употребилъ бы Чернышевскій, но уже изъ предыдущаго видно, что этотъ новый терминъ ни мало не выражалъ бы общественной природы капитала. Онъ нуженъ былъ нашему автору именно затѣмъ, чтобы придать болѣе подходящее выраженіе для той абстракціи, съ помощью которой буржуазные экономисты сводили понятіе о капиталѣ къ понятію о средствахъ производства.

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго т. III стр. 130.

**) Тамъ же, стр. 133 и 134.

Х

Слѣдуя за Миллемъ въ его опредѣленіи капитала, Чернышевскій слѣдовалъ за нимъ и въ ученіи о заработной платѣ. Онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что „рабочая плата главнымъ образомъ зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда или, какъ часто говорятъ, между населеніемъ и капиталомъ.“ Читатель, нѣсколько знакомый съ исторіей экономической литературы, знаетъ, какую роль играло въ ней это ученіе, извѣстное подъ именемъ ученія о „фондѣ рабочей платы.“ Оно было главнымъ доводомъ въ пользу солидарности интересовъ труда съ интересами капитала. „Когда растетъ капиталъ, растетъ также и фондъ рабочей платы, т. е. та часть капитала, которая употребляется на наемъ рабочихъ, слѣдовательно увеличивается и спросъ на трудъ, повышается заработная плата, — говорили буржуазные экономисты, — поэтому быстрый ростъ капитала составляетъ необходимѣйшее условіе благосостоянія рабочаго класса. Все, что вредитъ первому, приносить страшный вредъ второму. Сознajući свои интересы рабочій классъ долженъ, именно ради этихъ интересовъ, заботливо охранять интересы капиталистовъ. Борьба рабочихъ противъ капитала, даже такая борьба, которая, чуждаясь разрушительныхъ утопій, ограничивается требованіемъ болѣе высокой платы, есть вредная для самихъ рабочихъ, и при томъ совершенно безнадежная борьба. Къ повышенію заработной платы можетъ повести только увеличеніе ея національнаго фонда, а подобнаго увеличенія не достигнешь, конечно, посредствомъ стачекъ и союзовъ сопротивленія, которые, вредя капиталу, приводятъ къ совершенно противоположному результату: уменьшаютъ фондъ рабочей платы и тѣмъ вызываютъ ея пониженіе.“ Развивая эту тему далѣе, можно, пожалуй, доказывать, что рабочій, въ интересахъ своего класса, долженъ довольствоваться какъ можно болѣе низкой заработной платой. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что въ извѣстной странѣ фондъ рабочей платы равняется a рублей. Если въ этой странѣ средняя плата работника равняется b рублямъ, то число рабочихъ, могущихъ найти занятіе будетъ равно $a : b$. Ясно, что если бы уменьшился знаменатель этой дроби, т. е. средняя заработная плата, — то возросла бы представляемая этой дробью величина, т. е. число нанимаемыхъ рабочихъ. Если средняя заработная плата уменьшится на половину, то число могущихъ найти занятіе рабочихъ станетъ вдвое больше прежняго. Слѣдовательно, довольствуясь низкой платой, рабочій приноситъ пользу прежде всего своему же брату-рабочему. Возрастающее сознаніе интересовъ своего класса и товарищескія чувства должны были бы приводить рабочаго именно къ болѣе и болѣе умѣренности относительно заработной платы. Если на дѣлѣ происходитъ противное, то въ этомъ виноваты

разрушительныя ученія социалистовъ, къ сожалѣнiю имѣющихъ слишкомъ большое влiянiе на рабочiй классъ. — Къ такимъ выводамъ почти вплотную подходилъ сладкорѣчивый Бастиа.

Ученiе о фондѣ рабочей платы придумано для укрощенiя рабочихъ. Какимъ образомъ Чернышевскiй могъ не видѣть его очевидной тенденцiозности? Какъ могъ онъ, при своемъ сильномъ логическомъ умѣ, не замѣтить свойственныхъ этому ученiю вопiющихъ софизмовъ и безстыдныхъ натяжекъ? Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ указанномъ уже нами отношенiи социалистовъ-утопистовъ къ буржуазной экономiи. Разъ навсегда произнеся приговоръ тому порядку, при которомъ трудъ является на рынкѣ въ видѣ товара, Чернышевскiй мало интересовался законами, опредѣляющими цѣну этого товара. Силы его логики были направлены исключительно на доказательство того положенiя, что трудъ *не долженъ* быть товаромъ *).

Да и трудно было обнаружить несостоятельность буржуазнаго ученiя о „фондѣ рабочей платы“ съ помощью свойственнаго нашему автору, „гипотетическаго“ метода. Примѣрныя ариѳметическiя выкладки являются главнымъ орудiемъ этого метода. Такiя выкладки по необходимости до нельзя отвлечены. Дѣлая ихъ, мы отвлекаемся

*) Желая доказать, что трудъ *не долженъ* быть товаромъ, Чернышевскiй приводит такiе доводы, которые идутъ гораздо дальше предназначенной имъ цѣли и оспариваютъ самую возможность того явленiя, которое ему хотѣлось устранить. „Мы нашли, говоритъ онъ, что понятiе труда не должно соединяться съ понятiемъ о мѣновой цѣнности... Приписывать труду мѣновую цѣнность, значитъ сравнивать его съ понятiями посторонними для человѣка. Положимъ, напримѣръ, что четверть пшеницы мы оцѣнимъ въ пять рабочихъ дней, имѣющихъ по 2-ти часовъ. Это значитъ, что 60 часовъ человѣческаго труда мы ставимъ равными одной четверти пшеницы. Пусть читатель разсудитъ, годится ли ставить знакъ равенства между такими понятiями? Трудъ есть дѣятельность человѣческаго организма, не могущая быть подведенною къ одному знаменателю ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ дѣятельности того-же организма... Можно сравнивать между собою продукты труда; но нельзя сравнивать ихъ съ трудомъ: это — предметы несомнѣримые. Положимъ, что трудъ превращается въ продуктъ, но все-таки сравнивать ихъ другъ съ другомъ точно также не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ звукъ фортепьяно сравнивать съ деревомъ и желѣзомъ, изъ которыхъ возникаетъ этотъ звукъ. Конечно, чѣмъ больше труда, тѣмъ больше продукта; конечно, чѣмъ лучше трудъ, тѣмъ лучше и продуктъ. Но точно также, чѣмъ толще струна, тѣмъ сильнѣе звукъ, чѣмъ лучше металлъ и дерево, тѣмъ лучше звукъ. Мало ли какой предметъ превращается въ какой другой предметъ или какое явленiе въ другое явленiе, но несмотря на происхожденiе одного изъ другого, все-таки нельзя же ихъ сравнивать, если они совершенно разнородны“. (Сочиненiя, т. IV, стр. 236-237). Итакъ нельзя сравнить трудъ (т. е. вѣрнѣе рабочую силу) съ продуктами труда. Но съ другой стороны мы видимъ, что продаваясь на рынкѣ, рабочая сила постоянно „сравнивается“ съ ними. Какъ же объяснялъ нашъ авторъ это противорѣчiе буржуазной практики съ доводами „здравой теорiи“? Иногда онъ объяснялъ его ошибками разсудка. „Мѣновая стоимость должна совпадать съ внутреннею, и отклоняться отъ нея только *вслѣдствiе ошибочнаго признанiя труда за товаръ*“ и т. д. Т. IV, стр. 236), а иногда просто ограничивался тѣмъ замѣчанiемъ, что теорiя не должна смущаться отклоненiями практики отъ ея требованiй. „Мало ли что бываетъ товаромъ на практикѣ — говоритъ онъ — бываетъ товаромъ и любовь, бываетъ и трудъ. Но теорiя должна признавать обѣ эти функции человѣческаго организма такими принадлежностями его, власти надъ которыми самъ человѣкъ не долженъ отнимать у себя, въ родѣ того, какъ не можетъ отказываться отъ права имѣть свое мнѣнiе или дѣйствовать по собственному убѣжденiю.“ (Соч., Томъ IV, стр. 234).

ото всѣхъ тѣхъ реальныхъ условій, при которыхъ совершается изучаемое явленіе. А въ нихъ-то и все дѣло. Само ученіе о „фондѣ рабочей платы“ есть не что иное, какъ приведенная въ защиту буржуазіи примѣрная ариѳметическая выкладка. Ариѳметика не раскроетъ софизмовъ этого ученія. Наоборотъ, ошибочность его бросается въ глаза тотчасъ же, какъ мы покидаемъ область отвлеченнаго мышленія и спускаемся на почву дѣйствительности. Теорія рабочаго фонда говоритъ, что спросъ на трудъ, а слѣдовательно и высота рабочей платы зависитъ отъ размѣровъ этого фонда. Съ отвлеченной точки зрѣнія это кажется совершенно безспорнымъ. Но посмотримъ на реальное положеніе дѣлъ. Въ данной странѣ въ данное время существуетъ извѣстное количество средствъ производства, для приведенія которыхъ въ дѣйствіе нужно извѣстное количество труда; какое именно — это зависитъ отъ степени развитія техники: чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ меньшее количество его требуется для исполненія данной работы, но при данномъ, опредѣленномъ состояніи техники количество это является совершенно опредѣленнымъ. Спрашивается теперь, можно ли, при этихъ данныхъ условіяхъ, считать опредѣленнымъ то число рабочихъ, которые потребуются для употребленія въ дѣло средствъ производства? Вовсе нѣтъ, общее число ихъ будетъ зависѣть отъ того количества труда, какое удастся выжать предпринимателямъ изъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: чѣмъ больше труда будетъ выжато изъ каждаго отдѣльнаго работника, тѣмъ меньшее число рабочихъ нужно будетъ для употребленія въ дѣло „капитала“; и наоборотъ, съ уменьшеніемъ количества труда, выжимаемаго изъ каждаго отдѣльнаго работника станетъ возрастать число „спрашиваемыхъ“ капиталистами „рукъ“. А чѣмъ же опредѣляется количество труда, выжимаемое изъ каждаго отдѣльнаго работника? Само собою понятно, что оно опредѣляется интенсивностью труда и продолжительностью рабочаго дня. Вотъ мы и видимъ, что въ дѣйствительности интересы труда вовсе не такъ солидарны съ интересами капитала, какъ въ этомъ старались увѣрить насъ буржуазные экономисты. Капиталисту выгоднѣе увеличивать продолжительность рабочаго дня и интенсивность труда (конечно, не его собственнаго, а труда его работниковъ), а рабочимъ выгоднѣе сокращать рабочій день и уменьшать интенсивность своего труда: поступаая такимъ образомъ, они увеличиваютъ спросъ на „руки“, а увеличеніе спроса на „руки“ ведетъ къ повышенію заработной платы. Тутъ нѣтъ никакой солидарности интересовъ труда съ интересами капитала, а есть прямая противоположность этихъ интересовъ, противоположность, болѣе или менѣе ясно сознаваемая обѣими сторонами, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было „разрушительныхъ“ ученій. Стараясь выжать возможно большее количество труда изъ своихъ рабочихъ, т. е. уменьшить потребное для нихъ количество „рукъ“, капиталисты вовсе не стѣсняются мыслью о томъ, что національный „фондъ рабочей платы“ представляетъ собою, по словамъ ихъ адвокатовъ, экономистовъ, опредѣленную сумму стоимостей, которая должна будто бы цѣликомъ пойти на покупку рабочей силы. Капиталисты не боятся „сбереженій“, могущихъ

остаться у нихъ въ случаѣ сокращенія издержекъ на рабочія „руки“. Они умѣютъ найти надлежащее употребленіе такимъ „сбереженіямъ“. Они или проживаютъ ихъ, или употребляютъ на расширеніе своихъ „предпріятій“, или, наконецъ, помѣщаютъ ихъ за границей.

Можно, пожалуй, замѣтить, что расширеніе національнаго производства и вывозъ капиталовъ за границу выгодны для рабочаго класса въ томъ смыслѣ, что они, здѣсь или тамъ, увеличиваютъ спросъ на рабочую силу. Это такъ. Но соответствуютъ-ли эти выводы тому, что сулитъ пролетаріату теорія „фонда рабочей платы“? Для расширенія національнаго производства нуженъ не одинъ только *переменный* капиталъ, т. е. капиталъ, употребляемый на покупку рабочей силы. Для этого нуженъ еще *постоянный* капиталъ, нужны средства производства. Такимъ образомъ, въ случаѣ расширенія производства, „сбереженія“, сдѣланныя капиталистами на счетъ заработной платы, вовсе не возвращаются цѣликомъ рабочему классу. Они возвращаются ему лишь частью, и при томъ частью, все болѣе и болѣе уменьшающеюся по мѣрѣ того, какъ успѣхи техники увеличиваютъ относительные размѣры постояннаго капитала. При томъ же, для расширенія производства есть источникъ и помимо увеличенія степени эксплуатаціи работника. Высшимъ классамъ стоитъ только сократить свое непроизводительное потребленіе, чтобы найти новыя средства для расширенія производства. Читатель знаетъ, что называется теперь въ наукѣ прибавочной стоимостью. Это продуктъ неоплаченнаго труда работника, продуктъ того труда, который выжимается изъ него послѣ того, какъ онъ уже отработалъ стоимость своей заработной платы. Чѣмъ больше относительная величина прибавочной стоимости, тѣмъ меньше относительная величина заработной платы, и наоборотъ. Теорія „фонда рабочей платы“ ничего не говоритъ объ этомъ обстоятельстве, а между тѣмъ всякому понятно, что оно сводитъ на нѣтъ всю эту теорію. Оно показываетъ, что „фондъ рабочей платы“ вовсе не есть неизмѣнная величина. Его размѣры зависятъ отъ относительныхъ размѣровъ прибавочной стоимости: увеличьте ея относительные размѣры — уменьшится заработная плата, а слѣдовательно и ея „фондъ“; уменьшите эти размѣры — „фондъ“ увеличится вслѣдствіе увеличенія заработной платы. Такимъ образомъ, мнимый „естественный законъ“ буржуазной экономіи опять таки сводится къ вопросу о степени эксплуатаціи рабочаго. Пролетаріатъ прекрасно понимаетъ это. Движеніе перваго Мая наглядно показываетъ, какъ мало значенія придаетъ онъ теперь буржуазной баснѣ о „фондѣ рабочей платы“.

Такъ представляется дѣло, когда мы смотримъ на него съ точки зрѣнія реальныхъ отношеній между производителями и присвоителями, между пролетаріатомъ и буржуазіей. Съ этой точки зрѣнія самый вопросъ о продажѣ рабочей силы является совершенно не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ является Чернышевскому. Чернышевскій думалъ, что рабочая сила несоизмѣрима съ тѣми продуктами, на которые она обмѣнивается на рынкѣ. Но это не такъ. Рабочая сила имѣетъ мѣновую стоимость, какъ и всякій другой товаръ. Уже буржуазные экономисты выяснили, чѣмъ опредѣляется стоимость то-

вара — рабочей силы. Она опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для поддержанія жизни рабочаго и для „продолженія его расы“. Мѣновая стоимость рабочей силы совершенно соизмѣрима съ мѣновою стоимостью всякаго другого товара. Конечно, не много хорошаго въ томъ порядкѣ вещей, при которомъ рабочая сила человѣка фигурируетъ на рынкѣ рядомъ съ другими товарами. Но осуждая его, мы не должны же закрывать глаза передъ его законами. Отрицая соизмѣримость рабочей силы съ другими товарами, мы ничего не измѣняемъ въ фактическомъ положеніи обладателя этой силы, но за то затрудняемъ себѣ *пониманіе* этого положенія. Чернышевскій желалъ, чтобы рабочая сила перестала быть товаромъ. Это было очень хорошо съ его стороны. Но движимый своимъ похвальнымъ желаніемъ, онъ сталъ отрицать фактъ, съ констатированія котораго должно начинаться научное изслѣдованіе вопроса о заработной платѣ. Это было уже большою ошибкою съ его стороны. Но въ этой ошибкѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Его понятія о стоимости вообще были, какъ мы видѣли, очень запутанны, а вслѣдствіе этого ему естественно было ошибаться по вопросу о стоимости рабочей силы въ частности. Достаточно сказать, что онъ, вмѣстѣ съ Миллемъ, считалъ возможнымъ излагать ученіе о заработной платѣ *прежде* и *независимо* отъ ученія о стоимости.

XI

Когда религіознаго человѣка преслѣдуютъ тяжелыя и постоянныя неудачи, онъ утѣшаетъ себя надеждою на будущую жизнь. „Потерплю здѣсь, на землѣ, богъ вознаградитъ меня на небѣ“, — разсуждаетъ религіозный человѣкъ, и, дѣйствительно, терпитъ столько, сколько не смогъ бы вытерпѣть, лишившись своей вѣры. Марксъ не даромъ называлъ религію „опіумомъ народа“ и говорилъ, что устраненіе религіи, какъ „иллюзіоннаго счастья человечества“, равносильно *„требованію его дѣйствительнаго счастья.“* Но примиряющая съ тяжелой судьбой вѣра въ будущую жизнь возможна и безъ религіи. По крайней мѣрѣ, такъ думали буржуазные экономисты. Когда эксплуатируемые и угнетаемые капиталистами рабочіе начинали обнаруживать недовольство своей участью, они разсказывали имъ чудныя сказки о *„прогрессѣ.“* По смыслу этихъ сказокъ выходило, что рабочему классу стоитъ только потерпѣть немного въ настоящемъ, чтобы обезпечить себѣ блестящее положеніе въ будущемъ. „Прогрессъ“ непременно вознаградитъ ихъ за всѣ невзгоды, если они не замедлятъ его шествія революціонными попытками. Въ своихъ панегирикахъ прогресса буржуазные экономисты часто и охотно ссылались на исторію. Сравнивая прошлое съ настоящимъ, они, разумѣется, находили, что „прогрессъ“ уже чрезвычайно много сдѣлалъ для улучшенія участи рабочаго класса. Такой выводъ предназначался для укрѣпленія вѣры

пролетаріата въ будущія благодѣянія прогресса. Во всемъ этомъ было много шарлатанства, но не мало и простой наивности. Ограниченные, но признательные буржуа, вѣря во всемогущество своего благодѣтеля — прогресса, серьезно думали, что онъ можетъ сохранить овецъ, не переставая удовлетворять волчьи аппетиты, осчастливить рабочихъ не нарушая интересовъ буржуазіи.

Чернышевскій хорошо зналъ, какъ мало цѣны имѣютъ эти успокоительныя разсужденія. Его не обманывали ни буржуазная наивность, ни буржуазная софистика. Онъ подсмѣивался надъ оптимистическими увѣреніями буржуазныхъ экономистовъ и старался доказать, что при нынѣшнемъ устройствѣ общества экономической прогрессъ старается понизить заработную плату. И онъ, разумѣется, совершенно правъ въ этомъ случаѣ; но доказательства, приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія, какъ всегда, слишкомъ абстрактны и потому неубѣдительны.

Напомнивъ читателю, что, по словамъ Милля, высота заработной платы зависитъ между прочимъ отъ привычекъ и требованій рабочаго класса, онъ спрашиваетъ, чѣмъ же опредѣляется уровень требованій и привычекъ работника? „Весь избытокъ этого уровня надъ мѣрою физической необходимости порождается только уваженіемъ работника къ самому себѣ, чувствомъ собственнаго достоинства въ немъ, какъ мы знаемъ изъ разбора законовъ заработной платы у самого Милля. Въ чемъ же состоитъ результатъ экономического прогресса относительно общественнаго положенія работниковъ при нынѣшнемъ устройствѣ, отдѣляющемъ ренту и прибыль отъ рабочей платы? Коренная черта экономического прогресса съ технической стороны — расширение производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда; всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ.... Отъ этого, соразмѣрно экономическому прогрессу, увеличивается пропорція наемныхъ работниковъ и уменьшается пропорція самостоятельныхъ хозяевъ въ рабочихъ классахъ. Теперь спрашиваемъ, существуетъ-ли рѣзкое различіе по степени самоуваженія между человѣкомъ самостоятельнымъ и человѣкомъ зависящимъ, между хозяиномъ и наемникомъ? Да, это различіе очень рѣзко, сомнѣваться въ этомъ не можетъ никто, наблюдавшій жизнь. Если человѣкъ получаетъ 1000 рублей дохода отъ собственнаго хозяйства, онъ чувствуетъ себя чѣмъ-то гораздо болѣе почтеннымъ и высокимъ, чѣмъ когда получаетъ такую же плату отъ какого-нибудь хозяина.... Стало бытъ, если мы возьмемъ работника-хозяина и другого работника, получающаго такой же доходъ отъ рабочей платы, то въ работникѣ-хозяинѣ (при равенствѣ другихъ условій) непременно будетъ больше самоуваженія. А если такъ, плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемого работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи равной тому, насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ.... Но эту первую степень не кончается дѣло... Надобно только начать падать, отдѣльному ли человѣку, цѣлому ли сословію, въ нравственныхъ ли качествахъ, въ благосостояніи ли, все равно, — разъ начавшись, движеніе къ худшему развивается уже само собою, какъ,

наоборотъ, само собою развивается и всякое движеніе къ лучшему, когда разъ начнется. Разъ научившись уменьшать свою требовательность, утрачивая часть своего самоуваженія, рабочій классъ пойдетъ путемъ уступокъ и пониженія до послѣдней крайности, и остановится не раньше, какъ допедши до невыносимаго стѣсненія, если другія вліянія не удержатъ его на этой скользкой дорогѣ. Разъ поставленный въ необходимость привыкать къ положенію худшему прежняго, при замѣнѣ своего независимаго хозяйскаго дохода рабочею платою, работникъ легко допускаетъ и дальнѣйшее уменьшеніе своего дохода посредствомъ постепеннаго пониженія рабочей платы.“*).

Эта аргументація кажется намъ самымъ лучшимъ образчикомъ свойственныхъ Чернышевскому отвлеченныхъ приѣмовъ изслѣдованія; она представляетъ собою, такъ сказать, торжество „гипотетическаго метода“. Все разсужденіе его сводится къ одному силлогизму: величина рабочей платы зависитъ отъ степени самоуваженія работника; работникъ начинаетъ меньше уважать себя, когда становится *наемнымъ* работникомъ, слѣдовательно, по мѣрѣ развитія системы наемнаго труда, рабочая плата понижается. Меньшая посылка этого силлогизма доходитъ до крайнихъ предѣловъ отвлеченія ото всѣхъ конкретныхъ условій жизни и развитія привычекъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Во первыхъ, вѣрно ли то, что самостоятельный ремесленникъ имѣетъ больше самоуваженія, чѣмъ наемный работникъ? Можетъ быть это и вѣрно для тѣхъ ступеней развитія системы наемнаго труда, когда въ работникѣ еще отсутствуетъ классовое сознаніе. Но нельзя сказать, что въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ пролетарій отличается меньшимъ самоуваженіемъ, чѣмъ мелкій буржуа или мелкій ремесленникъ. Мы думаемъ даже, что въ первомъ, наоборотъ, гораздо больше самоуваженія, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ. Но мы не будемъ спорить объ этомъ. Допустимъ, что проникнутый сознаніемъ своей экономической самостоятельности мелкій буржуа проявляетъ больше почтительности къ своей собственной особѣ, чѣмъ пролетарій. Но спрашивается, — это почтительное отношеніе къ самому себѣ, которое вовсе еще не есть истинное самоуваженіе, какъ вліяетъ оно на уровень потребностей мелкаго буржуа, на его *standard of life*? Свойственное мелкому буржуа „самоуваженіе“ ведетъ его къ „бережливости“, къ урѣзыванію расходовъ на себя, къ скопидомству. Такое скопидомство, можетъ, конечно, поддерживать до извѣстной степени его экономическую самостоятельность, но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ поднимать уровень его потребностей. У мелкаго буржуа есть только одна потребность: — потребность отстоять свое существованіе въ видѣ мелкаго буржуа. Ради удовлетворенія этой потребности онъ готовъ дойти хоть до китайскаго отсутствія всякихъ другихъ потребностей. Напротивъ, пролетарій, не имѣя въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ ни малѣйшей надежды стать самостоятельнымъ хозяиномъ, самымъ положеніемъ своимъ избавляется отъ одного изъ главнѣйшихъ побужденій къ скарденности. При равномъ заработкѣ

*) Тамъ же, стр. 347-8-9.

пролетарій, навѣрное, будетъ позволять себѣ больше расходовъ, чѣмъ мелкій буржуа, т. е. будетъ отличаться болѣе высокимъ уровнемъ потребностей. Вотъ почему мелкій буржуа всегда склоненъ упрекать пролетарія въ расточительности. Если бы съ развитіемъ капитализма работнику угрожала единственно только упоминаемая Чернышевскимъ потеря самоуваженія, то можно было бы съ увѣренностью сказать, что его заработная плата совершенно обезпечена отъ пониженія. Но дѣло въ томъ, что при развитіи капитализма его ожидаютъ другія бѣды, имѣющія гораздо болѣе реальный и, при томъ, не психологическій а экономическій характеръ. Мы сейчасъ увидимъ, какія это бѣды, но прежде обратимъ вниманіе на устанавливаемую Чернышевскимъ пропорцію: „плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемого работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи равной тому, насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ.“ Два члена этой пропорціи цѣликомъ относятся къ области психологіи, другіе два — къ области экономіи. Не говоря уже о томъ, что нельзя устанавливать математическихъ отношеній между психологическими явленіями съ одной стороны и экономическими — съ другой, мы замѣтимъ, что „самоуваженіе“ и всѣ подобныя, — въ сущности очель сложныя и до безконечности видоизмѣняющіяся чувства, какъ для своего возникновенія, такъ и для своего практическаго проявленія, предполагаютъ ту или иную общественную среду, которую и должна анатомировать политическая экономія. Взятая сама по себѣ, такіа чувства еще ровно ничего не объясняютъ.

Если бы Чернышевскій, не довольствуясь психологическими абстракціями, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ законамъ экономическаго развитія того общества, въ которомъ трудъ является товаромъ, онъ увидѣлъ бы, что стремленіе заработной платы къ пониженію можетъ быть доказано помимо всякихъ ссылокъ на самоуваженіе наемнаго рабочаго. Онъ самъ говоритъ, что „коренная черта экономическаго прогресса съ технической стороны — расширеніе производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда“, — и что „всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ“. Этой стороны дѣла ему и слѣдовало держаться. Ему слѣдовало посмотреть, какъ вліяетъ постоянное развитіе крупной промышленности на положеніе наемнаго труда въ обществѣ. Ему слѣдовало спросить себя, не ведетъ ли „экономическій прогрессъ къ замѣнѣ такъ называемаго квалицированного труда простымъ, болѣе или менѣе обученнаго работника почти совершенно необученнымъ, мужскаго труда — женскимъ, взрослыхъ людей — дѣтьми. Ему слѣдовало, далѣе, принять въ соображеніе, что техническая сторона прогресса измѣняетъ отношеніе между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ (причемъ этотъ послѣдній относительно уменьшается), что машина вытѣсняетъ рабочаго, и что въ этомъ заключается новая причина уменьшенія спроса на рабочую силу, а слѣдовательно — и рабочей платы. Оставаясь, такимъ образомъ, на твердой почвѣ самыхъ безспорныхъ экономическихъ явленій, онъ не только придалъ бы болѣе вѣса своимъ выводамъ о заработной платѣ, но и приобрѣлъ бы новыя, въ высшей

степени дѣйствія данныя для оцѣнки ученія Мальтуса, которому онъ возражалъ очень остроумно, но въ то же время слишкомъ отвлеченно. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Каковы бы ни были соображенія, съ помощью которыхъ Чернышевскій доказывалъ, что при современномъ порядкѣ вещей экономической прогрессъ ведетъ къ паденію заработной платы, — соображенія эти казались ему неопровержимыми. И все таки онъ не рѣшался утверждать, что заработная плата дѣйствительно понизилась въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. „Исторія экономического быта разработана еще такъ плохо — говоритъ онъ, — что трудно сказать, какія заключенія болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ: толки ли рутинныхъ экономистовъ о великолѣпномъ возвышеніи заработной платы за послѣднія столѣтія, или представляемая учеными прогрессивной школы доказательства, что средній уровень ея теперь ниже, чѣмъ былъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ.“ *). Что же мѣшало ему согласиться съ учеными прогрессивной (т. е. социалистической) школы, той школы, къ которой онъ самъ несомнѣнно принадлежалъ, и съ выводами которой, повидимому, вполне совпадалъ его собственный выводъ? Отъ рѣшительнаго заключенія удерживало его здѣсь общее понятіе о прогрессѣ, очень характерное для представителя русской передовой мысли шестидесятыхъ годовъ.

Мы уже отмѣтили сходство его взгляда на капиталъ со взглядомъ Родбертуса, различавшаго „капиталъ самъ по себѣ“ отъ „исторического капитала“. Нѣчто подобное этому различію существовало и въ понятіяхъ нашего автора о прогрессѣ. Онъ какъ будто различалъ *прогрессъ „самъ по себѣ“* отъ *экономического прогресса*. Если экономической прогрессъ стремится понизить заработную плату, то прогрессъ „самъ по себѣ“ препятствуетъ осуществленію этого стремленія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Чернышевскій. „Можетъ быть, что, не смотря на указываемую нами тенденцію, благосостояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодействующихъ понижающей тенденціи. Вѣдь эти обстоятельства есть, и при томъ очень могущественныя. Коренной источникъ ихъ — развитіе знанія и улучшеніе понятій, цивилизація или общій духъ того самаго прогресса, который въ одномъ изъ своихъ частныхъ примѣненій къ быту, устроенному несоотвѣтствующихъ ему основаніяхъ, обнаруживаетъ тенденцію, совершенно противоположную своему собственному существу. Благодаря прогрессу понятій и знаній, законы и учрежденія улучшаются. Вѣдь теперь законъ не дозволяетъ никому и съ нищимъ — бездѣльникомъ обращаться такъ, какъ обращался въ XVI вѣкѣ каждый привилегированный съ зажиточнымъ поселяникомъ-собственникомъ. Подозрительнаго бродягу допрашиваютъ во Франціи или въ Англии не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, какъ триста, двѣсти лѣтъ назадъ говорили тамъ съ почтеннымъ простолюдиномъ, которому еще оказывали честь этимъ разговоромъ. Мы не богъ-знаетъ какъ восхищаемся этимъ и тому подобными успѣхами

*) Соч. томъ IV, стр. 350—351.

гуманности, потому что они все еще слишком малы и медленны. А все таки, можно ли, не можно ли довольствоваться ими, они очевидны. Уваженіе къ человѣку, просто какъ человѣку, независимо отъ его общественной роли, все таки развивается законодательными реформами и смягченіемъ нравовъ отъ распространенія образованности... Мужчины менѣе прежняго грубо обращаются съ женщинами, родители съ дѣтьми. А мужъ, который не бьетъ жену, уважаетъ и самого себя больше, чѣмъ тотъ, который бьетъ ее. Ребенокъ, который переноситъ меньше оскорбленій, вырастаетъ человѣкомъ, болѣе сознающимъ свое достоинство. Такимъ образомъ, если работникъ, теряя положеніе хозяина, теряетъ часть уваженія къ себѣ, основаннаго на его общественной роли, и потому его доходъ подвергается вліянію понижающей тенденціи, то, вообще говоря, съ каждымъ поколѣніемъ развивается въ немъ уваженіе къ себѣ, какъ просто къ человѣку, и соразмѣрно тому обнаруживается тенденція прогресса возвышать его доходъ.*).

Итакъ, экономическій прогрессъ понижаетъ заработную плату, а цивилизація, прогрессъ вообще (прогрессъ „самъ по себѣ“) возвышаетъ ее. Чернышевскій не знаетъ, какая изъ этихъ двухъ силъ преобладала въ новой исторіи Европы, и потому не рѣшается сказать, выше или ниже теперь заработная плата, чѣмъ была сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ. Мы замѣтили, что взглядъ Чернышевскаго на прогрессъ вообще очень характеренъ для него, какъ для представителя русской передовой мысли шестидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, никогда у насъ не говорили о прогрессѣ такъ много, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, и никогда наши понятія о немъ не были такъ отвлеченны, какъ въ то время. Или нѣтъ, будемъ справедливѣе по отношенію къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ; выразимся точнѣе: въ то время у насъ болѣе, чѣмъ когда либо, говорили о прогрессѣ, и потому тогда болѣе, чѣмъ когда либо, выступала наружу неясность нашихъ о немъ понятій. Чернышевскій былъ самымъ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелемъ этой эпохи, вслѣдствіе чего у него замѣтнѣе и достоинства и недостатки свойственнаго ей міросозерцанія. Что такое прогрессъ вообще, независимый отъ экономическаго развитія общества? „Развитіе знаній и улучшение понятій“ — говоритъ Чернышевскій; цивилизація смягчаетъ нравы работника, смягченіе нравовъ поднимаетъ его самоуваженіе, а развитіе въ немъ самоуваженія ведетъ къ возвышенію его дохода. О самоуваженіи, какъ о факторѣ повышенія заработной платы, мы скажемъ то же, что сказали о немъ, какъ о факторѣ ея пониженія. Для дѣятельнаго проявленія и даже для самого существованія его необходима общественная среда. Самоуваженіе не сдвинетъ съ мѣста индивидуальнаго организма безъ посредства мускуловъ и нервовъ. Какъ бы ни „уважалъ“ себя человѣкъ, но если онъ разбитъ параличомъ, онъ не въ состояніи владѣть пораженными органами. Неужели „самоуваженіе“, не могущее сдвинуть руки человѣка безъ помощи извѣстнаго анатомическаго аппарата, можетъ вліять

*) Тамъ же, стр. 349—350.

на его общественное положеніе безъ посредства общественныхъ отношеній или, въ данномъ случаѣ, на его „доходъ“ безъ посредства *экономическихъ* отношеній? А если оно не можетъ обойтись безъ ихъ посредства, то о нихъ необходимо было упомянуть, говоря о вліяніи прогресса вообще на заработную плату. Правда, разсуждая объ этихъ отношеніяхъ, мы вышли бы изъ области названнаго прогресса и вошли бы въ область прогресса *экономическаго*. А такъ какъ мы знаемъ, что прогрессъ этого послѣдняго рода стремится понизить заработную плату, то мы уже не могли бы ограничиться голымъ противорѣчіемъ себѣ: не могли бы сказать, что онъ въ то же самое время стремится ее возвысить. Подобное противорѣчіе свело бы къ нулю все наше изслѣдованіе. Конечно, мы могли бы замѣтить, что, понижая заработную плату, *экономическій* прогрессъ въ то же самое время создаетъ для рабочихъ возможность бороться противъ этого пониженія путемъ рабочихъ союзовъ, стачекъ и — главное — путемъ *классовой политической борьбы*, налагающей нѣкоторую узду на „бережливость“ капиталистовъ. Это было бы вполне согласно съ дѣйствительностью; но говоря все это, мы оставались бы на почвѣ фактическихъ отношеній, и вѣроятно, совсѣмъ позабыли о всякихъ психологическихъ абстракціяхъ, что, въ свою очередь, было бы конечно очень полезно для нашего изслѣдованія.

Чернышевскій утверждаетъ, что современный общественный бытъ устроенъ на основаніяхъ, не соотвѣтствующихъ прогрессу, но что, тѣмъ не менѣе, прогрессъ совершается вопреки этому быту. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буржуазный строй во многихъ и многихъ отношеніяхъ служитъ теперь препятствіемъ прогрессу. Но онъ не всегда препятствовалъ ему, да и теперь еще, препятствуя ему въ извѣстныхъ отношеніяхъ, онъ обуславливаетъ его собою въ — другихъ. Если бы это было иначе, если бы буржуазный строй всегда и во всѣхъ смыслахъ препятствовалъ прогрессу, то откуда же взялся бы и самый прогрессъ? Мы уже знаемъ отвѣтъ Чернышевскаго: прогрессъ создается развитіемъ знаній. Но вѣдь есть же соотвѣтствіе между общественной жизнью и общественной мыслью, между устройствомъ общества и состояніемъ знаній въ немъ. Въ обществѣ, совершенно несоотвѣтствующемъ прогрессу, невозможенъ и прогрессъ знаній, невозможно и „улучшеніе понятій“, невозможно и смягченіе нравовъ. Вообще, наши понятія о прогрессѣ до тѣхъ поръ останутся отвлеченными, и слѣдовательно ошибочными и односторонними, пока мы не научимся искать источника его во внутреннемъ развитіи общественныхъ отношеній. Чернышевскій же разсматривалъ прогрессъ какъ особую историческую силу, независимую отъ логики общественныхъ отношеній и даже способную дѣйствовать вопреки ей. Русскіе люди не только до сихъ поръ еще не отдѣлались отъ этой ошибки, но усугубили ее разными „субъективными“ соображеніями о ходѣ прогресса. Вотъ почему и было бы несправедливо приписывать эпохѣ шестидесятыхъ годовъ наиболѣе ошибочные взгляды на этотъ счетъ.

Намъ могутъ замѣтить, однако, что, выставляя самоуваженіе главной причиной измѣненія заработной платы въ ту или другую

сторону, Чернышевскій не совсѣмъ упускалъ изъ виду и экономическія отношенія капиталистическаго общества. Вотъ напр. что говоритъ онъ о вліяніи промышленнаго прогресса на положеніе работника, какъ потребителя. „При промышленномъ прогрессѣ мануфактурные продукты имѣютъ тенденцію понижаться въ цѣнности сравнительно съ земледѣльческими продуктами: иначе сказать, цѣнность земледѣльческаго продукта имѣетъ тенденцію возвышаться сравнительно съ одеждою и тому подобными предметами. *) Отъ дороговизны пищи развивается въ простолюдинѣ наклонность какъ можно больше урѣзывать свое продовольствіе, и со временемъ эта скупость къ самому себѣ относительно пищи доходитъ до чрезмѣрной степени. При извѣстномъ промышленномъ развитіи страны работники ея держатъ себя, можно сказать, впроголодь“. Тутъ, дѣйствительно, мы имѣемъ дѣло не съ психологическими абстракціями. Тутъ указанъ чрезвычайно важный экономическій фактъ, который, несомнѣнно, сыгралъ очень важную роль въ исторіи заработной платы. Но вмѣсто того, чтобы прослѣдить вліяніе этого факта на заработную плату въ связи съ другими экономическими условіями существованія работника, нашъ авторъ тотчасъ же покидаетъ почву экономіи, чтобы опять перейти къ психологическимъ соображеніямъ. „Кто разъ отказался отъ изобилія въ пищѣ, скоро привыкнетъ подчиняться нуждѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, разсуждаетъ онъ. Общій уровень его требованій понизится. Самъ себя онъ станетъ считать и общество будетъ считать его/человѣкомъ, который долженъ урѣзывать всѣ свои расходы, которому нужно только какъ то ни было жить, а не чтобы жить прилично. А мы знаемъ изъ Милля, что размѣръ рабочей платы опредѣляется степенью требовательности работника. Съ пониженіемъ ея падаетъ и рабочая плата. Этотъ теоретическій выводъ совершенно соотвѣтствуетъ фактамъ“.**) Онъ въ самомъ дѣлѣ совершенно соотвѣтствуетъ имъ: заработная плата рабочихъ дѣйствительно постепенно падаетъ, но причина ея паденія лежитъ не тамъ, гдѣ указывалъ ее Чернышевскій. Она падаетъ вовсе не потому, что рабочій считаетъ себя человѣкомъ, осужденнымъ на низкій заработокъ, а потому что экономическая необходимость вынуждаетъ его довольствоваться низкимъ заработкомъ. Если бы все дѣло сводилось къ тому, кѣмъ и чѣмъ считаетъ себя рабочій, то плата его навѣрное была бы очень высока, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ считаетъ себя человѣкомъ, которому нужно по возможности дорого продать свою рабочую силу. Все его горе заключается лишь въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма у него все менѣе и менѣе оказывается этой возможности. И происходитъ это по чисто экономическимъ, а не по психологическимъ причинамъ.

*) „Дѣло не въ томъ, возвышается или не возвышается абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта, оговаривается при этомъ Чернышевскій. Пусть она не возвышается, пусть она даже понижается, это все равно: важность въ томъ что стоимость производства мануфактурныхъ издѣлій понижается быстрее, чѣмъ стоимость производства пищи“.

**) Тамъ же, стр. 354 и 356.

Нѣкоторые изъ этихъ причинъ мы уже перечислили выше. Мы сказали, что промышленный прогрессъ ведетъ къ *относительному* уменьшенію переменнаго капитала, т. е. капитала, употребляемаго на покупку рабочей силы. Съ прогрессомъ накопленія отношеніе постоянной части капитала *) къ переменной измѣняется такимъ образомъ: если первоначально оно равнялось 1 : 1, то затѣмъ оно равняется 2 : 1, 3 : 1, 4 : 1, 5 : 1, 6 : 1, 7 : 1 и т. д., такъ что съ возрастаніемъ капитала, вмѣсто $\frac{1}{2}$ его общей стоимости превращается въ рабочую силу прогрессивно только $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$, и т. д., въ средства же производства превращаются $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$ и т. д. общей стоимости капитала. Такъ какъ *запросъ на трудъ* опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а размѣромъ его переменной части, то, слѣдовательно, онъ *прогрессивно падаетъ съ возрастаніемъ всего капитала...* Онъ падаетъ сравнительно съ величиною всего капитала и при томъ въ возрастающей прогрессіи съ возрастаніемъ этой величины. Съ возрастаніемъ всего капитала хотя и увеличивается переменная часть его, или соответствующая ей рабочая сила, но увеличивается въ постоянно убывающемъ отношеніи... Это относительное уменьшеніе переменной части капитала, ускоряющееся вмѣстѣ съ его ростомъ и при томъ быстрѣе его роста, при взглядѣ на дѣло съ другой стороны, кажется, наоборотъ, болѣе быстрымъ абсолютнымъ ростомъ рабочаго населенія сравнительно съ ростомъ переменнаго капитала, или тѣхъ средствъ, которыя даютъ работу работникамъ. Вѣрнѣе же сказать, что капиталистическое накопленіе постоянно, и при томъ прямо-пропорціонально своей энергіи и своему размѣру, производитъ *относительно-излишнее рабочее населеніе*, т. е. населеніе, излишнее сравнительно со среднею нуждою капитала въ рабочей силѣ.***) Это излишнее рабочее населеніе было очень удачно названо Ф. Энгельсомъ запасной промышленной арміей.

Какъ же отражается, какъ *можетъ* отражаться это измѣняющееся отношеніе составныхъ частей капитала на движеніи заработной платы? Само собою ясно, что *запасная* промышленная армія, только *временами* принимающая участіе въ процессѣ производства, оказываетъ *безпрерывное* давленіе на *дѣйствующую* армію въ смыслѣ пониженія заработной платы. Въ виду этого, стремленіе заработной платы къ паденію становится очевиднымъ совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ психологическихъ соображеній. Но оно становится очевиднымъ именно только съ той конкретной точки зрѣнія, съ которой смотрятъ на общественно-экономическую жизнь социалисты нашего времени. Съ абстрактной же точки зрѣнія Чернышевскаго, — которой противостоитъ не менѣе абстрактная точка зрѣнія буржуазныхъ экономистовъ, — дѣло представлялось въ другомъ видѣ. При недостаткѣ фактическихъ данныхъ поневолѣ приходилось вдаваться въ отвлеченныя и потому произвольныя догад-

*) Т. е. части, представляющей „средства производства“ въ широкомъ смыслѣ слова.

**) Das Kapital, 3 Auflage. s. 645 - 646.

ки, характеръ которыхъ опредѣлялся не сущностью дѣла, а складомъ ума, привычками мысли изслѣдователя.

Говоря о вліяніи экономическаго прогресса на заработную плату, Чернышевскій, по примѣру Милля, вездѣ предполагаетъ однообразный, ровный ходъ современной промышленности, невозмущаемый никакими пертурбаціями. Такое предположеніе само является очень произвольной абстракціей. Въ дѣйствительности процессъ производства въ буржуазномъ обществѣ никогда не идетъ ровнымъ ходомъ: онъ подверженъ революціямъ, возвращающимся съ правильностью астрономическихъ явленій и оказывающимъ глубокое вліяніе на положеніе наемнаго работника. Современная промышленность поочередно переходитъ черезъ фазы процвѣтанія, застоя и кризиса; и такъ какъ эта смѣна фазисовъ давно уже стала закономъ капиталистической промышленности, то нельзя говорить о заработной платѣ, не принимая во вниманіе промышленныхъ революцій. На это обстоятельство обращалъ вниманіе Марксъ еще въ 1847 году, въ своей „Рѣчи о свободной торговлѣ“. Въ „Капиталѣ“ онъ говоритъ объ этомъ очень подробно. „Въ концѣ концовъ, читаемъ мы тамъ, общія колебанія рабочей платы регулируются исключительно увеличеніемъ и сокращеніемъ промышленной запасной арміи, сообразно смѣнѣ періодовъ промышленнаго цикла. Они опредѣляется, слѣдовательно, не колебаніями абсолютнаго числа рабочаго населенія, а измѣненіями отношенія, въ которомъ рабочій классъ распадается на дѣйствующую и запасную арміи, увеличеніемъ и уменьшеніемъ относительнаго размѣра излишняго рабочаго населенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то вновь освобождается. Для новѣйшей промышленности, съ ея десятилѣтнимъ цикломъ и съ ея періодическими фазами, которыя, сверхъ того, съ возрастаніемъ накопленія, прерываются все чаще и чаще неправильными колебаніями, — понстинъ былъ бы очень страннымъ закономъ, такой законъ, который регулировалъ бы запросъ и предложеніе труда не расширеніемъ и сокращеніемъ капитала, т. е. не его потребностью въ рабочей силѣ — потребностью, съ измѣненіемъ которой рынокъ труда оказывается то относительно недостаточнымъ, когда капиталъ расширяется, то опять переполненнымъ, когда онъ сокращается — но который, напротивъ, ставилъ бы движеніе капитала въ зависимость отъ движенія народонаселенія. Таково, однако, господствующее экономическое ученіе. По смыслу этого ученія рабочая плата повышается вслѣдствіе накопленія капитала. Повышенная рабочая плата даетъ толчекъ къ увеличенію рабочаго населенія; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не переполнится рабочій рынокъ, т. е. пока капиталъ не сдѣлается недостаточнымъ сравнительно съ числомъ рабочихъ. Когда наступаетъ такое время, рабочая плата понижается, и тогда выступаетъ на сцену обратная сторона медали. Вслѣдствіе паденія заработной платы рабочее населеніе мало по малу рѣдѣетъ, такъ что въ сравненіи съ нимъ капиталъ снова дѣлается избыточнымъ или, какъ объясняютъ нѣкоторые, падающая заработная плата и соотвѣтственно усиливающаяся эксплуатація рабочихъ снова ускоряетъ накопленіе, а между тѣмъ низкая рабочая плата, въ то же время, мѣшаетъ возрастанію численности рабочаго

класса. Такимъ образомъ предложеніе труда снова дѣлается ниже запроса на трудъ и т. д. Какой прекрасный методъ движенія для развитаго капиталистическаго производства. Прежде чѣмъ повышение платы приведетъ къ положительному возрастанію населенія способнаго къ работѣ, успѣваетъ много разъ миновать тотъ періодъ, въ теченіе котораго ведется промышленный походъ и должна произойти промышленная битва“. *)

На все это мы не находимъ даже намека въ изслѣдованіи Чернышевскаго о заработчой платѣ. Въ своихъ разсужденіяхъ о ней онъ вполне довольствуется „господствующимъ экономическимъ ученіемъ“, которое принимаетъ во вниманіе лишь общее отношеніе капитала данной страны къ ея абсолютному рабочему населенію. Собственно говоря, онъ очень хорошо знаетъ, что современная промышленность идетъ вовсе не по гладкому пути. Онъ не забываетъ о кризисахъ; его взглядъ на нихъ гораздо глубже и вѣрнѣе, чѣмъ взглядъ Милля, поверхностность котораго доходитъ въ этомъ случаѣ до апогея. Но онъ не сопоставляетъ колебаній современной промышленности съ движеніемъ заработной платы. Впрочемъ эту же ошибку дѣлали многіе изъ его современниковъ-соціалистовъ. Знаменитый „желѣзный законъ заработной платы“ Лассалья представляетъ собою лишь нѣсколько иную формулировку того самаго ученія, котораго держался Чернышевскій. Лассаль отгѣняетъ лишь другія стороны этого ученія. Откуда взялась разница въ формулировкѣ одного и того же закона у двухъ замѣчательныхъ, людей одинаково отрицательно относившихся къ существующему буржуазному порядку? Изъ различій въ окружавшей ихъ общественной постановкѣ. Лассаль преслѣдовалъ непосредственно агитаціонныя цѣли, онъ обращался къ рабочей массѣ и вслѣдствіе этого такъ формулировалъ господствовавшее экономическое ученіе, что буржуазнымъ экономистамъ показалось, будто они слышатъ о немъ въ первый разъ въ жизни. Они закричали, что Лассаль искажаетъ выводы науки; но ему не трудно было показать, что въ его „желѣзномъ законѣ“ не было новаго ничего, кромѣ эпитета „желѣзный“. Чернышевскій не могъ говорить съ массой, онъ писалъ для „умныхъ и добрыхъ людей“ изъ высшихъ классовъ, и потому обращался болѣе къ ихъ разсудку, чѣмъ къ ихъ чувству, болѣе разсуждалъ, чѣмъ агитировалъ. Онъ не столько отгѣнял „желѣзныя“ свойства закона заработной платы, сколько показывалъ общую несостоятельность того порядка вещей, при которомъ трудящійся продаетъ свою силу за какую бы то ни было плату, высокую или низкую, подверженную колебаніямъ или медленно измѣняющую свой уровень, сообразно общему ходу „прогресса.“

Какую задачу преслѣдовалъ Чернышевскій при своемъ анализѣ о заработной платѣ показываютъ, между прочимъ, заключительныя слова этого анализа: „Порядочную кипу рекомендацій въ пользу трехчленной системы распределенія (т. е. распределенія національ-

*) Das Kapital dritte Auflage s. s. 654 - 655. Мы предпочитаемъ цитировать нѣмецкій подлинникъ, такъ какъ соответствующая страница русскаго перевода отличается мѣстами значительною неясностью.

наго дохода между землевладѣльцами, капиталистами и наемными рабочими) доставилъ намъ анализъ одного изъ элементовъ этой системы (т. е. заработной платы). Посмотримъ, что найдется въ анализѣ двухъ остальныхъ (т. е. прибыли и ренты).^{*)} Онъ именно стремился какъ можно болѣе найти „рекомендацій“ въ пользу буржуазнаго общества т. е. показать, какъ мало соотвѣтствуетъ оно требованіямъ „теоріи“. Провѣрять найденные экономистами законы буржуазнаго хозяйства ему не было надобности. Въ этомъ отношеніи онъ вполне могъ удовольствоваться открытіями буржуазной экономіи, такъ какъ сами эти открытія уже достаточно хорошо „рекомендовали“ буржуазное общество.

За то въ рекомендаціяхъ этому обществу нашъ авторъ положительно неистощимъ. Здѣсь онъ является во всеоружіи своего полемическаго таланта, здѣсь на помощь ему приходитъ весь тотъ злой сараказмъ, силу котораго такъ хорошо знали его литературные противники. „Очень милая вещь этотъ принципъ трехчленнаго дѣленія, восклицаетъ онъ. Чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ яснѣе обнаруживается прелестная соотвѣтственность его съ коренными идеями экономической науки. Если мужъ работаетъ одинъ, онъ получаетъ извѣстную плату. Если жена, вмѣсто пустой траты времени на вздорныя дразги, станетъ работать дѣльнымъ образомъ, подобно мужу, она вмѣстѣ съ мужемъ будетъ получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дѣти станутъ помогать родителямъ, положеніе родителей и дѣтей ни мало не улучшится. Какое прекрасное поощреніе людямъ къ тому, чтобы занимался дѣльной работою каждый, кто въ силахъ заниматься ею, — какое хорошее возбужденіе къ трудолюбію и какая справедливая сообразность вознагражденія съ количествомъ труда“.

Обращая противъ буржуазныхъ экономистовъ превозносимый ими принципъ раздѣленія занятій, Чернышевскій иронически указываетъ на то, что принципъ этотъ не вполне еще примѣняется къ заработной платѣ. „Въ платѣ, получаемой работникомъ, есть много элементовъ кромѣ того элемента, который слѣдуетъ назвать рабочею платою въ точномъ смыслѣ слова, — замѣчаетъ онъ. Во первыхъ, въ плату наемному работнику входитъ обыкновенно страховая премія въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ платѣ матросу есть доля, служащая вознагражденіемъ за небезопасность его ремесла. Въ платѣ носильщику, ожидающемуся нанимателя на углу улицы или на рынкѣ, есть доля вознагражденія за то, что онъ рискуетъ иной день остаться безъ работы. Во вторыхъ, всегда есть въ рабочей платѣ элементъ вознагражденія за затрату капитала на подготовленіе работника къ дѣлу... Взрослый работникъ получаетъ извѣстную долю платы собственно потому только, что взрослые работники вообще должны затрачивать часть своей платы на воспитаніе дѣтей. Тутъ какъ будто бы круговая порука поколѣній: каждое поколѣніе въ рабочіе годы вознаграждается за затрату капитала предыдущимъ поколѣніемъ на его воспитаніе... Если полагать совершенство эконо-

^{*)} Тамъ же, стр. 174.

мического устройства въ существованіи отдѣльнаго класса людей для каждаго элемента, участвующаго въ производствѣ, то не слѣдуетъ останавливаться на трехчленномъ дѣленіи продукта, а надобно принять дѣленіе гораздо многосложнѣйшее : каждый изъ трехъ главныхъ элементовъ производства распадается опять на нѣсколько элементовъ. Страховая премія и вознагражденіе за капиталъ — элементы ставимые господствующей теоріей подъ разрядъ прибыли. *) Мы теперь видимъ, что они входятъ и въ рабочую плату. Не слѣдуетъ ли желать, чтобы они отдѣлились отъ нея, чтобы наемный работникъ получалъ именно только рабочую плату въ строгомъ смыслѣ слова? Можно придумать такое устройство, при которомъ такъ и будетъ. Воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ молодыхъ людей для спеціальныхъ профессій можетъ заняться особенный классъ предпринимателей, которые и будутъ потомъ вырывать затраченный на то капиталъ, отдавая приготовленныхъ ими работниковъ въ наемъ на такомъ условіи, чтобы работникъ отдавалъ имъ извѣстную долю изъ получаемой платы. Не правда ли, такой порядокъ будетъ гораздо ближе соответствовать принципу раздѣленія занятій, если принципъ этотъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его рутинные экономисты, т. е., что для каждаго занятія должно быть отдѣльное сословіе людей, уже ничѣмъ кромѣ того не занимающихся? А то посудите сами : наемный работникъ, кромѣ того что работаетъ, воспитываетъ дѣтей, — на что это похоже? Вѣдь одно занятіе должно мѣшать другому, не правда ли?*

Съ такой же ироніей говоритъ онъ и о выдѣленіи страховой преміи изъ заработной платы. Онъ предлагаетъ учредить особия компаніи, которыя застраховывали бы работу для того работника, который согласится выдѣлять имъ часть своей платы. "Иначе наемный работникъ все еще остается не собственно только наемнымъ работникомъ, а какою то смѣсью работника съ страхователемъ и предпринимателемъ. Полное раздѣленіе занятій еще не достигнуто. Оно конечно, если осуществить его, то наемный работникъ переходитъ въ состояніе чловѣка, закабаленнаго капиталисту, его воспитавшему и капиталисту, его застраховававшему. Но этимъ не слѣдуетъ смущаться : такъ и нужно для удовлетворенія рутинному взгляду на принципъ раздѣленія занятій. Рутинные политико-экономы не смущаются такими пустяками, какъ переходъ работника изъ положенія болѣе самостоятельнаго въ менѣе самостоятельное. Но вотъ бѣда. послѣдовательнымъ проведеніемъ ихъ взгляда на принципъ раздѣленія занятій уничтожается и классъ наемныхъ работниковъ. Чловѣкъ, закабаленный другому чѣмъ бы то ни было, принимаетъ экономическій характеръ невольника... Конечно, до этого еще не дошло, да и не дойдетъ, потому что начинается поворотъ къ другому устройству, противоположному этой формѣ, которая превозносится господствующею теоріею. Не успѣвъ дойти до полного развитія, она будетъ вытѣснена изъ науки и жизни

*) Читатель видитъ, что Чернышевскій выражается здѣсь не точно. Такой "элементъ" какъ страховая премія никакъ не можетъ быть отнесенъ къ элементамъ производства. Но не въ томъ дѣло.

принципомъ совершенно иного характера. Но еслибы она не встрѣтила этого противника, она сама себя уничтожила бы своимъ развитіемъ. Она привела бы къ восстановленію невольничества подъ новымъ какимъ нибудь видомъ“ *).

Здѣсь не мѣсто излагать взгляды Чернышевскаго на тѣ средства, съ помощью которыхъ буржуазное общественное устройство можетъ быть замѣнено социалистическимъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить очень подробно. Но, заканчивая разборъ его взглядовъ на заработную плату, мы считаемъ нужнымъ еще разъ указать одну черту его социалистическихъ воззрѣній, уже отмѣченную нами въ первой статьѣ. Нашъ авторъ нигдѣ не касается вопроса о продолжительности рабочаго дня и о фабричномъ законодательствѣ. Этотъ вопросъ какъ будто совершенно не существовалъ для него. Практическая, повседневно ведущаяся борьба труда съ капиталомъ, со всѣми ея перипетіями и со всѣми ея чрезвычайно важными историческими послѣдствіями, едва ли интересовала его болѣе, чѣмъ другихъ социалистовъ-утопистовъ. Онъ не говоритъ о ней даже тамъ, гдѣ самый ходъ изслѣдованія подводятъ его къ ней, можно [сказать, вплотную. Вотъ, напримѣръ, онъ описываетъ, какъ пользуются предприниматели конкуренціей между ищущими занятій работниками для пониженія заработной платы. „Положимъ, что трудъ вздорожалъ въ Англіи — говоритъ онъ. Наниматели труда ищутъ дешевыхъ работниковъ и вызываютъ въ Англію нѣмцевъ, или бельгійцевъ. Это фактъ извѣстный и неизбѣжный при трехчленномъ дѣленіи продукта. Каждый разъ, какъ работники въ пзвѣстной отрасли промышленности требуютъ возвышенія платы, наниматели труда въ Англіи отвѣчаютъ имъ : мы выпишемъ себѣ дешевыхъ работниковъ, — и дѣйствительно выписываютъ каждый разъ, когда англійскіе работники медлятъ отказаться отъ требоованій“.**). Это вѣрно, англійскіе капиталисты, подобно всѣмъ другимъ, дѣйствительно любятъ прибѣгать къ указанному средству, какъ и вообще любятъ они замѣнять дорогія и требовательныя „руки“ — дешевыми и нетребовательными. Но уже англійскіе Trades-Unions могли бы, своимъ примѣромъ, напомнить Чернышевскому, что въ развитыхъ странахъ работники принимаютъ свои мѣры для противодѣйствія капиталистической тактикѣ. Сами по себѣ эти мѣры, разумѣется, совершенно недостаточны. Но онѣ воспитываютъ рабочихъ, развиваютъ ихъ классовое сознание и тѣмъ подготавливаютъ ихъ будущую побѣду. Въ своемъ отвѣтѣ Прудону Марксъ уже въ 1847 году подробно выяснилъ огромное историческое значеніе рабочихъ союзовъ сопротивленія. Чернышевскій обходилъ ихъ молчаніемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, накануне возникновенія Международнаго Общества Рабочихъ, начавшаго новую эпоху въ исторіи пролетаріата Старога и Новаго Свѣта.

*) Тамъ четв. стр. 169-171.

**) Тамъ же, стр. 167

ХІІ

Мы далеко еще не покончили съ изложеніемъ и разборомъ экономическихъ взглядовъ Чернышевскаго, а между тѣмъ наша статья приняла уже слишкомъ большіе размѣры. Приходится отложить окончаніе нашей работы до другого времени. Это неудобно, и мы съ сожалѣніемъ отказываемся отъ первоначальнаго плана предложить читателямъ свой критическій опытъ въ видѣ одной цѣльной статьи. Но это намѣреніе оказалось неосуществимымъ. Излагая и критикуя ученіе Милля, Чернышевскій написалъ обширный трактатъ по политической экономіи, подробная оцѣнка котораго во всякомъ случаѣ потребовала бы не мало мѣста. А мы должны были, къ тому же, взяться за эту оцѣнку при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ. До сихъ поръ нашъ авторъ еще не былъ предметомъ критики ни въ Россіи, ни за границей. Было время, когда его читали у насъ очень внимательно, и когда можно было, по крайней мѣрѣ, ожидать, что его экономическіе взгляды хорошо знакомы публикѣ. Но это время, кажется, уже прошло. Теперь молодая русская „интеллигенція“, если мы не ошибаемся, болѣе „уважаетъ“ знаменитаго писателя, чѣмъ изучаетъ его сочиненія. Это поставило насъ въ самое неудобное положеніе. Не желая ограничиться простымъ панегирикомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ критикой; рѣшившись безпристрастно разобрать взгляды Чернышевскаго и не молчать о томъ, что намъ покажется въ нихъ ошибочнымъ, мы должны были приводить подробныя доказательства въ защиту даже такихъ замѣчаній своихъ, которыя мы высказывали мимоходомъ, и по поводу которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, не возникло бы ни малѣйшаго сомнѣнія у читателя. Намъ нельзя было скупиться на выписки, потому что иначе насъ могли обвинить въ голословныхъ нападкахъ на писателя, повидимому, всѣмъ извѣстнаго, но въ дѣйствительности хорошо знакомаго теперь уже только немногимъ. Въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда мы указывали слабыя стороны нашего автора, мы считали нужнымъ приводить его собственныя слова, чтобы изложить его взгляды такъ, какъ онъ самъ считалъ нужнымъ изложить ихъ. Въ виду всего этого неудивительно, что нашъ очеркъ очень разросся. Конечно, стараясь избѣжать одного упрека, мы рисковали навлечь на себя другой: насъ могли упрекнуть въ растянутости. Но мы готовы заранѣе признать справедливость этого, и замѣтимъ только, что растянутость казалось намъ зломъ неизбѣжнымъ въ нашемъ положеніи. Мы уже подвергались обвиненію въ несправедливомъ отношеніи къ Чернышевскому послѣ появленія въ печати первой нашей статьи о немъ. Нѣкоторые читатели объясняли наше критическое отношеніе къ нему ничѣмъ, инымъ какъ нашею, частью личною, частью всѣмъ социаль-демократамъ свойственною, злонамѣренностью. Другіе удивлялись, какъ это мы могли поставить Чернышевскаго „ниже Маркса“. Мы не видимъ надобности распространяться о своемъ ува-

женіи къ писателю, котораго мы ставимъ на ряду съ Бѣлинскимъ. Людямъ же, негодующимъ на наше излишнее пристрастіе къ Марксу, мы дадимъ искренній и дружескій совѣтъ — никогда впередъ не высказывать вслухъ своего негодованія. Оно имѣетъ одну неудобную сторону, именно, оно предательски обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство ихъ съ тремя, несомнѣнно маловажными вещами: 1) съ исторіей политической экономіи, 2) съ исторіей социализма и 3) съ вопросомъ объ историческомъ отношеніи русской литературы къ литературамъ западной Европы. Кто знаетъ исторію политической экономіи и социализма, и кто въ добавокъ, хоть разъ и хотя бы съ небольшимъ вниманіемъ прочелъ экономическія сочиненія Чернышевскаго, — тотъ понимаетъ, какъ относится критикъ Милля къ автору „Капитала“. Во-первыхъ, эти люди должны быть отнесены къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ въ исторіи науки; а во-вторыхъ, Чернышевскій занимаетъ между европейскими писателями с оей эпохи совсѣмъ не то мѣсто, которое занималъ Марксъ по отношенію къ своимъ научнымъ современникамъ. Первый принадлежитъ къ сислу социалистовъ-утопистовъ, и заслуга его заключается въ томъ, что онъ энергично и талантливо распространялъ въ Россіи *соціальныя* идеи своихъ западныхъ *учителей* (его собственное выраженіе), подобно тому какъ Бѣлинскій распространялъ *литературныя* идеи западно-европейскихъ мыслителей. Марксъ не только принадлежитъ къ эпохѣ научнаго, чуждаго утопическихъ элементовъ, социализма, но именно его сочиненія и начинаютъ собою эту новую эпоху. Какъ же сравнивать одного съ другимъ? А если уже вамъ угодно сравнивать ихъ, то припомните, какъ хорошо выяснялъ Бѣлинскій различіе между гениемъ и талантомъ: гений дѣлаетъ великія открытія; талантъ распространяетъ въ публикѣ гениальныя идеи. Вотъ именно это различіе и существуетъ между Марксомъ съ одной стороны и Чернышевскимъ съ другой. Одинъ былъ *гениальнымъ*, другой — *чрезвычайно талантливымъ* человекомъ. Вы обижаетесь за Чернышевскаго? Это какъ вамъ будетъ угодно, но мы не сказали ничего обиднаго для него, и желали бы только, чтобы русская литература побольше имѣла дѣятелей, одаренныхъ тѣмъ качествомъ, которое обижаетъ васъ, будучи приписано Чернышевскому. О, тогда она навѣрное ушла бы далеко!

Бѣда не въ томъ, что въ экономической и социалистической литературѣ Чернышевскому должно быть отведено мѣсто очень талантливаго ученика, а не гениальнаго учителя. У него была другая бѣда. Она заключалась въ томъ, что когда онъ сталъ распространять у насъ идеи своихъ западныхъ учителей, эти идеи уже не соответствовали болѣе тогдашнему состоянію общественной науки. Утопическій социализмъ уже вытѣснялся въ то время научнымъ социализмомъ Маркса. Чернышевскій даже не подозрѣвалъ этого новаго научнаго движенія, начавшагося еще съ половины сороковыхъ годовъ. Это было большимъ несчастіемъ для него, а вмѣстѣ съ нимъ и для всей русской литературы. Но это несчастіе было неотвратимо по самымъ условіямъ нашей общественной жизни. Оно являлось слѣдствіемъ нашей отсталости. Русская литература, вообще говоря, всегда относилась къ западнымъ литературамъ, какъ ученикъ къ учителю. Пока зада-

ча передовыхъ русскихъ писателей ограничивалась распространеніемъ у насъ общихъ литературныхъ идей Запада, намъ легче было догнать западно-европейскихъ мыслителей. При Бѣлинскомъ мы совсѣмъ догнали ихъ, и нѣкоторое время, правда, въ лицѣ очень немногихъ численныхъ образованныхъ людей, были духовными современниками западныхъ европейцевъ. Но когда, послѣ севастопольскаго погрома, русскіе писатели перешли отъ чисто-литературныхъ вопросовъ къ общественнымъ, наша экономическая и политическая отсталость помѣшала имъ удержаться на уровнѣ умственнаго движенія Запада. Это сказалося уже на сочиненіяхъ Чернышевскаго, который распространялъ въ Россіи социальныя идеи, уже начавшія отживать свое время въ передовыхъ странахъ Европы. По отношенію къ социальнымъ идеямъ Чернышевскій былъ менѣе передовымъ человѣкомъ, чѣмъ Бѣлинскій по отношенію къ — литературнымъ. Но Чернышевскій, по крайней мѣрѣ по своимъ философскимъ взглядамъ, принадлежалъ къ той школѣ, которая пришла къ научному социализму. Онъ былъ послѣдователемъ Фейербаха. Послѣ ссылки Чернышевскаго мы простились съ всякаго рода стройными философскими воззрѣніями, замѣнивъ ихъ крайне поверхностнымъ и эклектическимъ міросозерцаніемъ, которое носило у насъ названіе реализма. Въ области социальныхъ идей нашими учителями стали Прудонъ и Бакунинъ. Изъ смѣси прудонизма, бакунизма и славянофильства вышло народничество, до сихъ поръ, въ томъ или другомъ видѣ, господствующее въ нашей литературѣ. Народничество уже безконечно далеко отстоитъ отъ передовыхъ умственныхъ движеній западной Европы. Оно не имѣетъ ничего общаго съ ними и наивно гордится своею самобытностью. Такимъ образомъ, если въ лицѣ Чернышевскаго и вообще кружка „Современника“ экономическая и политическая отсталость Россіи выразилась въ нѣкоторой отсталости воспринимавшихся нами западныхъ идей, то въ лицѣ народниковъ она привела къ полному разрыву съ Западомъ. По сравненію съ народниками Чернышевскій до сихъ поръ остается самымъ передовымъ человѣкомъ. Теперь наша „бѣдная русская мысль“ спитъ глубокимъ сномъ, лишь изрѣдка прерываемымъ бѣшенными воплями реакціонеровъ. Но подобные перерывы непродолжительны, да при томъ они остаются безъ всякихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Пробудившись въ испугѣ, мы немедленно ложимся на другой бокъ и опять сладко засыпаемъ, прошептавъ съ юности затверженную молитву: — „съ нами русская самобытность, да исчезнетъ капитализмъ, реакція и прочая гадость!“ А если насъ, носителей „бѣдной русской мысли“, столь много кричавшую о себѣ русскую „интеллигенцію“, принимается сталкивать кто нибудь изъ нашихъ друзей, напоминая намъ, что полусонныя шептанія не одолѣютъ ни капитализма, ни реакціи — мы раздражаемся цѣлыми филиппиками противъ безпокойныхъ личностей, которыя по своей прирожденной сварливости, не хотятъ убажкивать насъ сладкими комплиментами. Не далеко уйдемъ мы при подобной сонливости, но за то, несомнѣнно, хорошо выспимся. А это тоже очень хорошее дѣло!

Г. Плехановъ.

(Третья статья слѣдуетъ.)

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Декабрь

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦАЛЬ-ДЕМОКРАТА“. Route de Lancy, 505

1890

Содержаніе.

	Стр.
РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.	
Г. Плеханова.	4
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	36
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (Статья третья). Г Плеханова	71

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ СО ВРЕМЕНИ	
КОММУНЫ. Ж. Гэда.	1
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ	
И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ	
РЕЙХСТАГЪ. П. Аксельрода	22
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	41
ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ	101
ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ РОССІИ : I. Реформы на Карѣ. II. Письмо	
изъ Сибири. III. Аресты и преслѣдованія	126
АРЕСТЪ ЛУЦКАГО ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.	131
Ц. ДЕ ПАИЪ (некрологъ). К. А. ВАРШЕХОВСКІЙ (некрологъ)	134
П. А. ОРЛОВЪ (некрологъ)	135

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(Статья третья)

Въ предыдущей статьѣ мы разобрали взгляды нашего автора на стоимость, на деньги, на капиталъ и на заработную плату. Продолжая теперь наше изложенеіе, мы переходимъ къ его ученію о прибыли.

Мы уже не разъ говорили, что цѣль Н. Г. Чернышевскаго заключалась не въ самостоятельномъ изслѣдованіи законовъ буржуазнаго хозяйства и не въ критической провѣркѣ относящихся къ этимъ законамъ ученій буржуазныхъ экономистовъ, а въ отгѣненіи невыгодныхъ сторонъ современнаго экономическаго порядка и въ указаніи основныхъ чертъ иного строя, согласнаго съ интересами производителей и съ требованіями „здравой экономической теоріи“. При этомъ какъ понятіе о невыгодныхъ сторонахъ буржуазнаго порядка, такъ и „требованія здравой теоріи“ основывались въ сущности на ученіяхъ той же буржуазной экономіи. Чернышевскій самъ говоритъ это не одинъ разъ. По его собственнымъ словамъ задача его заключается лишь въ „пополненіяхъ“ къ ученіямъ буржуазныхъ экономистовъ, и пополненія эти заимствуетъ онъ изъ трудовъ мыслителей, признаваемыхъ имъ своими прямыми учителями. Извѣстно, что учителями его были социалисты-утописты. Такимъ образомъ, онъ не идетъ дальше выводовъ, сдѣланныхъ утопистами изъ ученій классической буржуазной экономіи. Вотъ почему, при оцѣнкѣ его экономическихъ взглядовъ, почти всегда оказывается необходимымъ предварительно разобрать лежащія въ основѣ этихъ взглядовъ ученія буржуазныхъ экономистовъ и главнымъ образомъ Д. С. Милля.

I.

„При трехчленномъ дѣленіи продукта — говоритъ Н. Г. Чернышевскій — затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ

смыслъ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту остаются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другого капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ,—если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время. Но при разномъ состояніи общества величина каждаго изъ трехъ элементовъ прибыли бываетъ очень различна.“*)

Нѣсколькими страницами далѣе нашъ авторъ говоритъ, что поземельная рента есть „только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства.“**) Затѣмъ изъ его объясненій видно, что прибыль на торговый капиталъ также разсматривается имъ, какъ часть прибыли вообще.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что подъ предпринимательскою прибылью онъ понимаетъ собственно *прибавочную стоимость*, т. е. всю ту часть создаваемой работниками стоимости, которая подъ разными названіями распредѣляется между различными категориями присвоителей плодовъ чужого неоплаченнаго труда. Поэтому мы при изложеніи его взглядовъ будемъ замѣнять слово прибыль болѣе точнымъ выраженіемъ: прибавочная стоимость.

Какъ подраздѣляется прибавочная стоимость между различными категориями эксплуататоровъ, объ этомъ Н. Г. Чернышевскій распространяется очень мало. Только относительно поземельной ренты мы находимъ у него болѣе подробныя объясненія. Что же касается другихъ „элементовъ прибыли“, то мы встрѣчаемъ лишь нѣкоторыя общія замѣчанія въ родѣ того, что „въ занятіи болѣе рискованномъ страховая премія стоитъ выше средняго уровня; въ занятіи особенно пріятномъ вознагражденіе распорядителю бываетъ ниже средняго уровня“.***) Онъ даже не считаетъ нужнымъ объяснить, какія же это промышленныя предпріятія такъ пріятны, что распорядители ихъ довольствуются вознагражденіемъ ниже средняго. Главное вниманіе его направлено на вопросъ объ уровнѣ прибавочной стоимости. „Этотъ средній уровень самъ то понижается, то повышается--говоритъ онъ. Отъ чего же зависитъ его величина?“ Отвѣтъ на это онъ заимствуетъ у Милля, полагая, что „трудами англій-

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго, Т. IV, стр. 174—175.

**) Тамъ же, стр. 185.

***) Тамъ же стр. 175.

скихъ экономистовъ, въ особенности Рикардо, вопросъ этотъ превосходно разъясненъ, и у Милля, достойнаго ученика Рикардо, онъ изложенъ какъ нельзя лучше“.*)

Какъ же, однако, изложенъ онъ у Милля? Въ приводимой Чернышевскимъ выпискѣ, объясненія Милля начинаются указаніемъ на происхожденіе прибавочной стоимости. „Человѣку, незнакому съ наукой, представляется будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль — результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукой люди полагаютъ, что будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, покупщики, рынокъ товара, вотъ причины выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу. Но думать такъ, значить смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономического механизма общества.“

Мы просимъ читателя припомнить, какъ опредѣляетъ Милль мѣновую стоимость товара. „Если оставить въ сторонѣ случайные элементы стоимости, то предметы, количество которыхъ можетъ возрасти неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство (по мнѣнію Милля всѣ издержки производства сводятся къ рабочей платѣ) и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.**) Иными словами : „общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычной прибылью.“ Что же это значить ? Это значить именно то, что „производитель получаетъ свою прибыль тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему“, и что прибыль есть „результатъ покупки и продажи“. Но вѣдь такой взглядъ достоинъ только людей, „незнакомыхъ съ наукой“ ?! Да, такъ говоритъ Милль въ главѣ о прибыли, а въ главѣ о стоимости онъ высказываетъ какъ разъ этотъ взглядъ, недостойный людей науки. Какъ же разрѣшить такое странное, такое вопіющее противорѣчіе ? Логическаго разрѣшенія для него нѣтъ и не можетъ быть, а психологическое объясненіе есть и состоитъ въ томъ, что въ головѣ Милля очень часто и очень мирно уживались самые противорѣчивые взгляды на одинъ и тотъ же предметъ.

Что причина прибавочной стоимости заключается не въ обмѣнѣ, это понятно само собою, такъ какъ обмѣнъ не создаетъ ровно никакихъ стоимостей. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ изслѣдованіи о происхожденіи прибавочной стоимости мы можемъ закрывать глаза на законы обмѣна, т. е. слѣдовательно и на мѣновую

*) Тамъ же, стр. 176—177.

***) Мы выписываемъ это опредѣленіе въ переводѣ Чернышевскаго, оно приведено у него на стр. 254 четвертаго тома его сочиненій. Въ нашей второй статьѣ о Чернышевскомъ оно цитировано на стр. 100, 2-го № С. Д.

стоимость товаров. „Причина прибыли та, говоритъ намъ Милль, что трудъ производить больше, чѣмъ требуется на его содержаніе... Если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи [получить продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ нѣсколько (sic) лишняго.“ Чего же именно лишняго? Продукта? Но вѣдь въ своемъ непосредственномъ, вещественномъ видѣ созданный рабочими продуктъ несоизмѣримъ съ ихъ „кормомъ“. Какъ надо понимать насъ, если мы скажемъ, что произведенный рабочими миткаль больше сѣдѣннаго ими хлѣба или изношенной ими обуви? Хотимъ ли мы сравнивать аршины миткаля съ пудами хлѣба или съ парами сапоговъ? Ясно, что для сравненія „корма“ рабочихъ съ созданнымъ ихъ рабочею силою продуктомъ нужно обратиться къ *стоимости* того и другого. (Ниже мы увидимъ, что и самъ Милль не считаетъ возможнымъ обойтись безъ этой апелляціи къ стоимости.) Слѣдовательно, мы должны сказать, что прибавочная стоимость или (какъ выражаются Чернышевскій и Милль) прибыль есть разность между стоимостью, созданною данной рабочей силой и стоимостью „корма“, который мы затратили на производство этой силы; а если мы захотимъ выразиться точнѣе, мы скажемъ, что прибавочная стоимость („прибыль“) есть разность между стоимостью, созданною данной рабочей силой и стоимостью этой силы. Но выражаясь такъ, мы опять приходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ же опредѣляется стоимость. Милль говоритъ намъ, что она опредѣляется издержками производства даннаго товара въ соединеніи съ прибылью, которую должны принести эти издержки предпринимателю. Пользуясь этимъ опредѣленіемъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса о „прибыли“ (прибавочной стоимости), мы приходимъ къ слѣдующему поучительному выводу: величина прибыли опредѣляется величиною стоимости того „лишняго“, которое произвели работники сверхъ стоимости своего „корма“; а стоимость этого „лишняго“, какъ и всякого другого товара, опредѣляется издержками его производства и прибылью, которую должны принести эти издержки. Прибыль зависитъ отъ стоимости, а стоимость отъ прибыли, подобно тому, какъ земля лежитъ на китахъ, а киты на водѣ, а вода на землѣ. Это уже и само по себѣ мудрено; но еще болѣе мудреннымъ представится намъ все дѣло, когда мы вспомнимъ, что интересующее насъ „лишнее“ получается предпринимателемъ *сверхъ* сдѣланныхъ имъ издержекъ и слѣдовательно ни о какихъ издержкахъ его на производство этого „лишняго“ не можетъ быть и рѣчи. Выходитъ, что, слѣдуя опредѣленіямъ Милля, мы не только не попадаемъ на прямой путь для разрѣшенія вопроса о „прибыли“, но странствуемъ по такой логической кривой, которую можно назвать *кривою двойной кривизны*.

Во всемъ изслѣдованіи Милля о „прибыли“ вѣрно лишь то, что для ея производства нужна извѣстная степень производительности труда, позволяющая рабочимъ производить больше, чѣмъ необходимо для ихъ содержанія. Но если это показываетъ намъ, — да и то сквозь густѣйшій туманъ противорѣчій — что „прибыль“ производится даровымъ трудомъ работниковъ, то мы еще вовсе не видимъ, какимъ образомъ производство „прибыли“ обусловливается механиз-

момъ буржуазнаго общества. Въ этомъ отношеніи Милль остался далеко позади Рикардо, который уже умѣлъ связать вопросъ о производствѣ прибавочной стоимости съ вопросомъ стоимости вообще. Чернышевскій не замѣчаетъ ошибокъ „достойнаго ученика Рикардо“. Подкупленный признаніемъ Милля относительно эксплуатаціи работника предпринимателемъ, онъ прощаетъ ему какъ запутанность тѣхъ объясненій, которыми тотъ сопровождаетъ это признаніе, такъ и другія нелѣпости, въ родѣ того, что „во всемъ процессѣ производства, начинающемся матерьяломъ и орудіями труда и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы“, и что „вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыли, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ, сдѣланныхъ на рабочую плату“. Чернышевскому кажется, что все это такъ и есть въ дѣйствительности. Соглашаясь съ Миллемъ по вопросу о происхожденіи прибыли, онъ не расходится съ нимъ и въ указаніи причинъ, отъ которыхъ зависитъ ея уровень.

По словамъ Милля „выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ величины продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и, во вторыхъ отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою ими производимую. Эти два элемента служатъ данными, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но величина прибыли (Милль хочетъ сказать ея уровень), процентное ея отношеніе къ капиталу, опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ, — тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, т. е. если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.“ Затѣмъ Милль замѣчаетъ, что для опредѣленія уровня прибавочной стоимости („прибыли“) имѣетъ значеніе собственно не рабочая плата, а стоимость труда, т. е. стоимость рабочей силы. „Дешевый трудъ можетъ быть неуспѣшенъ, говоритъ онъ... Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половины самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ, — платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше.“ Мы видимъ теперь, что самъ Милль не считаетъ возможнымъ опредѣлить уровень *прибавочной* стоимости безъ аппеляціи къ стоимости вообще. И, конечно, лучше поздно чѣмъ никогда, но плохо то, что онъ ограничивается лишь соображеніями о „стоимости труда“, забывая о стоимости создаваемаго „трудомъ“ продукта. Одно изъ обстоятельствъ,

отъ которыхъ зависитъ, по его словамъ, общая сумма прибыли (прибавочной стоимости) есть „производительная сила труда“. Это не точно. *Прибавочная* стоимость, какъ стоимость, по природѣ своей ничѣмъ не отличается отъ всякой другой стоимости. Эпитетъ—*прибавочная* указываетъ не на природу, а на происхождение ея. Это ясно безъ поясненій. Чѣмъ опредѣляется стоимость даннаго товара? Количествомъ труда, нужнаго на его производство. Если это количество, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, т. е. вслѣдствіе возростанія производительности труда, станетъ вдвое меньше, то уменьшится вдвое и стоимость товара. Величина стоимости даннаго товара обратно пропорціональна производительности труда въ той отрасли промышленности, которая производитъ этотъ товаръ. Слѣдовательно, производительность труда еще не опредѣляетъ намъ размѣровъ прибавочной стоимости. Отъ нея зависитъ количество предметовъ, представляющихъ эту стоимость, но не величина самой стоимости. Чѣмъ же опредѣляется, въ такомъ случаѣ, величина прибавочной стоимости? Да тѣмъ же, чѣмъ опредѣляется величина стоимости вообще, то есть *трудомъ*. Трудъ, воплощенный въ прибавочной стоимости, имѣетъ лишь ту особенность, что онъ есть *неоплаченный трудъ*, трудъ, присвоенный эксплуататоромъ *здаромъ*. Но это не измѣняетъ природы труда: оплаченный или неоплаченный, онъ одинаково является единственнымъ источникомъ стоимости. Слѣдовательно, размѣры прибавочной стоимости зависятъ отъ того количества труда, которое удастся эксплуататорамъ выжать изъ рабочихъ. Если мы предположимъ, что количество этого труда останется неизмѣннымъ, то величина прибавочной стоимости также останется безъ измѣненія, хотя бы производительность труда росла какъ нельзя болѣе быстро.

„Если продуктъ труда удвоится, увѣряетъ Милль, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него какъ прежде, т. е., если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получаютъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя.“ Все это разсужденіе есть настоящій Гордіевъ узелъ всяческихъ запутанностей. О какомъ удвоеніи продукта говоритъ Милль? Это ясно изъ предыдущаго : онъ говоритъ объ удвоеніи продукта, происходящемъ вслѣдствіе возростанія производительности труда. Но если это возростаніе происходило при прочихъ равныхъ условіяхъ, то оно не вело за собою ни малѣйшаго измѣненія ни въ величинѣ прибавочной стоимости, ни въ величинѣ стоимости рабочей силы. Значитъ, чего же именно капиталисты „получаютъ вдвое больше прежняго“? Если не прибавочной стоимости, то..... чего же? Тѣхъ продуктовъ, на которые они обмѣниваютъ свою прибавочную стоимость. Другими словами : при тѣхъ же размѣрахъ прибавочной стоимости, при томъ же количествѣ выжатаго изъ рабочихъ неоплаченнаго труда, эти люди, по выраженію Адама Смита, жнущіе тамъ, гдѣ не сѣли, получаютъ возможность жить вдвое лучше прежняго, точно также какъ ведущій естественное хозяйство помѣщикъ получалъ бы возможность жить вдвое лучше прежняго, если бы его крѣ-

постные, работая на него по прежнему известное число дней въ недѣлю, стали бы производить въ эти дни вдвое больше, чѣмъ прежде. Но разъ это такъ, то какимъ же это образомъ капиталисты ухитрятся затрачивать на производство вдвое больше прежняго? Не ясно ли, напротивъ, по всему смыслу нашего предположенія, что стоимость ихъ затратъ останется неизмѣнной? Милль хочетъ сказать, что работники получаютъ возможность жить вдвое лучше прежняго (для него вѣдь всѣ расходы производства сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ затратамъ на покупку рабочей силы). Понимаемый такимъ образомъ, онъ разумѣется правъ. Но улучшение матеріальнаго положенія работниковъ будетъ результатомъ увеличенія производительности труда, а не затратъ, дѣлаемыхъ капиталистами.

А можетъ быть, говоря объ увеличеніи продукта (т. е. всего вообще національнаго продукта). Милль имѣетъ въ виду увеличеніе его стоимости? Въ такомъ случаѣ его гипотеза объ увеличеніи производительности труда сводится къ тому предположенію, что работники данной страны произвели продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость. Остановимся на этомъ предположеніи.*)

Чтобы произвести вдвое большую стоимость, работники должны затратить вдвое больше труда. Это возможно при двухъ различныхъ условіяхъ: 1) или при удвоеніи числа эксплуатируемыхъ работниковъ, или 2) въ томъ случаѣ, когда работники, не увеличиваясь въ числѣ, станутъ трудиться вдвое больше прежняго. Разумѣется, возможенъ и третій случай: большее или меньшее увеличеніе числа работниковъ, сопровождаемое большимъ или меньшимъ увеличеніемъ труда, приходящагося на долю каждаго отдѣльнаго работника; но бесполезно разсматривать этотъ случай, такъ какъ онъ ничего не прибавитъ къ пониманію предмета. Итакъ, посмотримъ, что будетъ, если продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость, будетъ произведенъ трудомъ вдвое большаго числа рабочихъ. Милль предполагаетъ, что съ увеличеніемъ продукта не измѣняется подраздѣленіе его на рабочую плату и стоимость: если прежде на прибавочную стоимость приходилось, скажемъ, половина всей суммы продукта, то и теперь будетъ то же самое. Слѣдовательно, на заработную плату также будетъ приходиться, теперь какъ и прежде, половина продукта. Такъ какъ стоимость всего продукта увеличилась вдвое, то и та часть его, которая представляетъ собою заработную плату, будетъ имѣть вдвое большую стоимость. Но эта вдвое большая стоимость дѣлится между вдвое большимъ числомъ рабочихъ. Слѣдовательно, заработная плата каждаго изъ нихъ въ отдѣльности остается неизмѣнной въ смыслѣ своей стоимости. А что же будетъ съ капиталистами? Присвоиваемая ими прибавочная стоимость будетъ вдвое больше прежняго; иначе сказать, они будутъ присваивать теперь вдвое большее количество чужого неоплаченнаго труда. Уровень прибавочной стоимости оста-

*) Въ стоимость продукта даннаго года всегда входитъ, какъ очень значительная составная часть, стоимость средствъ производства, созданныхъ трудомъ предшущихъ лѣтъ. Но мы для простоты разсужденія оставляемъ эту часть безъ вниманія, т. е. называемъ продуктомъ даннаго года лишь ту часть стоимости національнаго годового продукта, которая произведена трудомъ даннаго года.

нется неизмѣннымъ, но эксплуатація рабочаго класса ровно вдвое увеличится въ отношеніи количества, подвергающагося ей живого матерьяла. У Милля этотъ неизбѣжный выводъ скрывается за разсужденіями о томъ, что хотя капиталисты получаютъ вдвое больше, „но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго (т. е. купили вдвое больше рабочей силы), то величина (уровень) ихъ прибыли не увеличится.“ Дѣйствительно, уровень прибавочной стоимости не измѣнится, если не измѣнится отношеніе ея къ рабочей платѣ. Но что же такое — отношеніе ея къ рабочей платѣ? Это именно и есть ея уровень. Значитъ, уровень ея не измѣняется, если остается неизмѣннымъ. Грѣшно было бы утверждать, что этимъ сказано очень много!

Теперь — другой случай. Прѣжнее число работниковъ, трудясь вдвое больше прежняго, производятъ вдвое большую стоимость. Отношеніе прибавочной стоимости къ заработной платѣ не измѣняется. Рабочіе получаютъ теперь вдвое большую стоимость въ видѣ заработной платы, капиталисты вдвое большую прибавочную стоимость. Объ этомъ случаѣ Милль опять скажетъ намъ, что такъ какъ капиталисты затратили вдвое больше, то они и проч. и проч., словомъ, что уровень прибыли не измѣнится. Но вѣдь это мы знаемъ и безъ него, это стоитъ въ условіяхъ задачи. Намъ интересно знать, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ въ предположенномъ нами случаѣ „увеличеніе продукта“. Вдумаемся же въ нихъ внимательнѣе. Прибавочная стоимость создается неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ. Прибавочная стоимость въ разсматриваемомъ случаѣ оказалась вдвое больше, чѣмъ была прежде. Слѣдовательно, г.г. капиталисты выжали изъ рабочихъ вдвое большее количество неоплаченнаго труда. Число рабочихъ осталось безъ измѣненія. Слѣдовательно, изъ каждаго рабочаго г.г. капиталисты выжимаютъ теперь вдвое больше дароваго труда. Это очень немаловажное обстоятельство. Но Милль ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что національный продуктъ ростомъ своимъ можетъ быть обязанъ увеличенію именно этого рода „производительности“ труда, т. е. увеличенію выгодныхъ сторонъ эксплуатаціи.

Марксъ сказалъ бы, что Милль смѣшиваетъ трудъ, какъ источникъ матеріальнаго богатства съ трудомъ, какъ источникомъ стоимости. Различеніе этихъ двухъ понятій существенно важно для объясненія самыхъ коренныхъ законовъ буржуазнаго хозяйства. Правда, только Марксу удалось вполне выяснитъ различіе этихъ понятій; до него экономисты постоянно путались въ нихъ, незамѣтно для себя подставляя одно вмѣсто другого. Но у Милля и въ этомъ случаѣ путаницы больше, чѣмъ у классическихъ представителей буржуазной экономіи.

Увеличеніе производительности труда играло очень важную роль въ историческомъ увеличеніи уровня прибавочной стоимости. Удешевляя предметы, необходимые для существованія работниковъ, оно тѣмъ самымъ уменьшало стоимость рабочей силы и давало продавцамъ этой силы, пролетаріямъ, фактическую возможность довольствоваться все меньшею и меньшею долею національнаго продукта.

Но само собою разумѣется, что мы ничего не поймемъ въ этомъ явленіи, если будемъ путать понятіе о матерьяльномъ богатствѣ съ понятіемъ о стоимости.

Изложивъ ученіе Милля о „прибыли“ и совершенно согласившись съ нимъ, нашъ авторъ находитъ, однако, нужнымъ сдѣлать къ нему пополненіе, которое онъ считаетъ очень важнымъ. Сущность этого пополненія сводится вотъ къ чему.

По ученію Мальтуса бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ излишняго размноженія, отъ того, что люди размножаются быстрѣе, чѣмъ средства ихъ существованія. Но можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ: средства существованія растутъ очень быстро, какъ и все вообще богатство страны; населеніе размножается далеко не такъ быстро или даже совсѣмъ не размножается, а между тѣмъ заработная плата падаетъ, рабочій классъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. И такое положеніе дѣлъ непременно явится въ томъ случаѣ, если прибавочная стоимость станетъ расти быстрѣе, чѣмъ растетъ вся сумма національнаго продукта. Въ этомъ случаѣ прибавочная стоимость, очень скоро поглотивъ весь приростъ національнаго богатства, начнетъ дѣлать все большіе и большіе захваты изъ той доли, которая достается рабочему классу. Слѣдовательно, бѣдность рабочаго класса будетъ происходить въ этомъ случаѣ не отъ того, что продуктовъ мало, а отъ того, что распредѣляются они слишкомъ неравномѣрно, не отъ слабости производительныхъ силъ, а отъ неудовлетворительности распредѣленія. На первый взглядъ это положеніе дѣлъ представляется чисто гипотетическимъ. Но стоитъ только всмотрѣться въ бытъ цивилизованныхъ странъ, чтобы видѣть, до какой степени подобная гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ прибавочная стоимость „имѣетъ постоянную тенденцію развѣваться до того, чтобы захватывать какъ можно большую долю изъ фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этотъ фондъ и останавливается въ такомъ стремленіи лишь матеріальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при извѣстной величинѣ рабочей платы.“ Странно приписывать бѣдность рабочаго класса его излишнему размноженію, когда она объясняется совершенно другими причинами; странно размноженію приписывать тѣ бѣдствія, которыя совершенно достаточно объясняются современнымъ распредѣленіемъ продуктовъ и необходимо изъ него вытекаютъ. На эту сторону вопроса не обратилъ вниманія никто изъ экономистовъ смитовской школы, поэтому никто изъ нихъ не умѣлъ правильно взглянуть и на ученіе Мальтуса.

Мы изложили мысль Чернышевскаго не такъ, какъ она изложена въ его сочиненіи. Но мы увѣрены, что передали ее правильно. И всякій, кто имѣетъ хоть нѣкоторое понятіе о нынѣшнемъ состояніи экономической науки, скажетъ, что въ общемъ нельзя не согласиться съ нею. Въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что бѣдность пролетаріата обуславливается не *законами природы*, а *общественными отношеніями*. Если бы рабочій классъ совершенно пересталъ размножаться, то развитіе капитализма все таки привело бы къ образованію относительнаго избытка населенія и ко всѣмъ

связаннымъ съ нимъ бѣдствіямъ. Бѣдность современнаго пролетаріата есть бѣдность совершенно особеннаго рода. Она развивается *рядомъ* съ развитіемъ національнаго богатства и *вслѣдствіе* его развитія. Законы размноженія людей не только не объясняютъ этой бѣдности, но, по скольку дѣло идетъ о размноженіи въ существующемъ обществѣ, сами объясняются ею, такъ какъ количество рожденій повсюду стоитъ въ тѣсной связи съ общественными отношеніями, „абстрактные же законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растений“. Ничего этого дѣйствительно не подозрѣвали экономисты смитовской школы, по крайней мѣрѣ до Рикардо, у котораго есть уже довольно ясное понятіе о причинахъ относительнаго перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ. Такимъ образомъ, Чернышевскій въ общемъ правъ. Но въ подробномъ развитіи его мысли заключается множество самыхъ странныхъ ошибокъ.

Бѣдность рабочаго класса зависитъ отъ того, что прибавочная стоимость захватываетъ все большую и большую долю національнаго продукта. Это такъ. Но отчего же зависитъ это вѣрно указанное обстоятельство? Отъ того, отвѣчаетъ Чернышевскій, что прибавочная стоимость имѣетъ свойство роста по геометрической пропорціи. „Каждому извѣстно, съ какою огромною силою растетъ капиталъ, когда проценты прилагаются къ первоначальной суммѣ и снова даютъ на себя проценты.“ Слѣдуетъ таблица, показывающая ростъ капитала при разныхъ величинахъ прибыли отъ 10 до 40 проц. „Возможно ли коммерческому человѣку получать по 40 % чистой прибыли? — спрашиваетъ Чернышевскій. Да, это очень возможно; иначе не было бы примѣровъ тому, что начавъ свои торговые обороты лѣтъ въ 20 съ какою нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ... Но не будемъ останавливаться на этихъ 40%, не будемъ останавливаться ни на 35%, ни на 30%, ни на 25%, ни даже на 20%, — остановимся только на 15% чистой прибыли... При этомъ процентѣ, который ниже обыкновеннаго, капиталъ въ теченіе одного поколѣнія возрастаетъ въ 66 разъ. Спрашиваемъ теперь, бывало ли когда нибудь и возможно ли было когда нибудь, чтобы сумма богатствъ, принадлежащихъ націи, возросла въ теченіе какихъ нибудь 30 лѣтъ, — не говоримъ въ 66 разъ, а хотя въ 30 разъ, хотя въ 20 разъ?“ На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ: національное богатство не можетъ возрасти въ такой быстрой степени. Слѣдовательно, прибыль постоянно поглощаетъ все большую и большую часть продукта, заключаетъ Чернышевскій. Вотъ его собственныя слова. „Мы знаемъ, что величина прибыли (слѣдовало сказать: прибыль) есть остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы... Мы видимъ, что одна изъ двухъ долей продукта растетъ гораздо быстрее, чѣмъ вся сумма продукта. Это значитъ, что другая доля продукта уменьшается.“

Чтобы сдѣлать свои доводы болѣе наглядными, Чернышевскій приводитъ новую таблицу, въ которой показывается, какъ будетъ измѣняться по десятилѣтіямъ распределеніе національнаго продукта, — который первоначально равнялся 10,000, — если ежегодный процентъ его возрастанія принять равнымъ 6,15, а ежегодный процентъ

прибыли — 10,5, причемъ прибыль первоначально составляетъ лишь десятую часть продукта, т. е. 1000. Вотъ эта таблица.

Годъ	Сумма продукта	Сумма прибыли	Сколько изъ суммы продукта остается на рабочую плату	Какую долю изъ суммы продукта составляетъ сумма прибыли	Какая доля изъ суммы продукта остается на рабочую плату
1-й	10,000	1,000	9,000	10%	90%
11-й	18,171	2,714	15,457	15	85
21-й	33,019	7,681	25,338	22	78
31-й	60,000	20,000	40,000	33	67
41-й	109,030	54,288	54,942	48	52
51-й	198,120	147,360	50,760	74	26
61-й	360,000	400,000	— 40,000	111	— 11

По поводу этой таблицы Чернышевскій замѣчаетъ, что представленный ею ходъ дѣлъ будетъ въ сущности одинаковъ, какъ въ томъ случаѣ, если населеніе не размножается, такъ и тогда, когда оно остается постояннымъ. „Разница лишь въ томъ, что при неразмножающемся населеніи рабочая плата сначала возвышалась бы значительно, чѣмъ при размножающемся.“ Чтобы понять это замѣчаніе, нужно помнить, чѣмъ опредѣляется у него величина заработной платы : она есть частное, происходящее отъ дѣленія фонда рабочей платы на число работниковъ. Фондъ же рабочей платы есть разность, происходящая отъ вычитанія прибыли изъ годового продукта страны. Ясно, что число работниковъ не вліяетъ на величину прибыли, а между тѣмъ, въ этой величинѣ все дѣло: фондъ рабочей платы уменьшается единственно потому, что прибыль дѣлаетъ изъ него все большіе и большіе захваты. Для простоты расчета мы остановимся на томъ случаѣ, когда населеніе не размножается. Но прежде, чѣмъ приступить къ какимъ нибудь расчетамъ, мы просимъ читателя вдуматься въ общій характеръ доводовъ нашего автора.

Откуда берется процентъ не капиталъ ? Изъ прибавочной стоимости. Величина той части прибавочной стоимости, которая распределяется между капиталистами въ видѣ процентовъ на ихъ капиталъ, а слѣдовательно и высота процента, зависитъ отъ многихъ условій, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ. Для насъ важно лишь то, что возвышеніе процента, платимаго по ссудамъ, еще не указываетъ на увеличеніе общей суммы прибавочной стоимости. Если бы въ какой нибудь странѣ обычный процентъ возросъ съ 3 до 6, то это, разумѣется, не означило бы, что въ этой странѣ удвоилась общая сумма прибавочной стоимости. Эта переменна могла произойти просто вслѣдствіе того обстоятельства, что измѣнилось *распределеніе* данной суммы прибавочной стоимости : въ качествѣ процентовъ на капиталъ стала отдѣляться отъ нея вдвое большая часть, чѣмъ отдѣлялась прежде. Это ясно. Пойдемъ далѣе. Если

процентъ, платимый по ссудамъ, равняется въ данной странѣ десяти, то значить ли это, что капиталъ этой страны увеличивается ежегодно на десять процентовъ? Если лица, получающія такой процентъ, прожнваютъ весь свой доходъ и если, кромѣ того, всѣ остальные части прибавочной стоимости (рента, предпринимательская прибыль, прибыль на торговый капиталъ) также прожнваются своими получателями, то нѣтъ никакихъ основаній для роста національнаго капитала. Правда, приносимая имъ прибавочная стоимость можетъ возрасти не смотря на все это, просто вслѣдствіе того, что увеличится относительное количество дарового труда, высасываемаго имъ изъ рабочихъ. Но мы не принимаемъ пока во вниманіе этого обстоятельства, мы предполагаемъ пока, что общая сумма прибавочной стоимости зависитъ единственно отъ общей суммы капитала, какъ предполагаетъ это и Чернышевскій. Итакъ, что же будетъ у насъ, если вся прибавочная стоимость прожнвается гг. присвоителями? Национальный капиталъ не будетъ возрастать, а слѣдовательно не будетъ расти и сумма прибавочной стоимости, каково бы ни было и какъ бы ни измѣнялось ея подраздѣленіе на процентъ, торговую прибыль и проч... Но если часть прибавочной стоимости даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года, то по нашему предположенію увеличится и приносимая имъ прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость второго года будетъ больше, чѣмъ прибавочная стоимость перваго года? Каковъ же математическій законъ ея увеличенія? Прибавочная стоимость второго года будетъ во сколько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько капиталъ второго года больше капитала перваго года. А во сколько же разъ капиталъ второго года больше капитала перваго года? Этому мы не знаемъ, это зависитъ отъ того, какъ велика была присоединившаяся къ капиталу второго года часть прибавочной стоимости. Положимъ, что прибавочная стоимость, получаемая присвоителями въ концѣ перваго года, равняется миллиарду рублей, и притомъ не бумажныхъ рублей, надъ которыми г. Вышнеградскій продѣлываетъ свои удивительные фокусы, а золотыхъ рублей, стоимость которыхъ, къ счастью, не зависитъ отъ г. Вышнеградскаго. Этотъ миллиардъ золотыхъ рублей составляетъ — нашъ авторъ не любитъ торговаться, не станемъ торговаться и мы — 50 % *всего* національнаго капитала. Положимъ, что весь этотъ миллиардъ рублей употребленъ гг. присвоителями на непроизводительное занятіе „прожиганія жизни“, и отъ этой колоссальной траты спасено только сто рублей, которые присоединены къ національному капиталу. Согласно нашему предположенію прибавочная стоимость второго года должна будетъ увеличиться на пятьдесятъ рублей (пятьдесятъ % съ новаго капитала во сто рублей). Это значить, что прибавочная стоимость второго года во столько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько миллиардъ + сто больше миллиарда. Если вамъ не лѣнь прибѣгнуть къ „математическому методу“, то вы легко можете высчитать *процентъ* этого увеличенія. Вы увидите, что онъ во много и много разъ меньше того процента, который получается у васъ при сопоставленіи общей суммы прибавочной стоимости съ общею суммой капитала. Этотъ послѣдній

процентъ равнялся *пятидесяти*, а тотъ первый процентъ, будетъ равняться одной десятитысячной (0,0001). Что же это значить? Это значить, что даже при предположенныхъ нами условіяхъ процентъ ежегоднаго возростанія прибавочной стоимости вовсе не равенъ процентному отношенію общей суммы прибавочной стоимости къ общей суммѣ національнаго капитала. Въ какомъ же случаѣ онъ можетъ сравняться съ нимъ? Въ томъ случаѣ, если *вся* прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Такъ ли это? Мы увидимъ, что это не совсѣмъ такъ, но Чернышевскій предполагаетъ, что это такъ, и мы не хотимъ пока вступить съ нимъ въ споръ. Но все таки мы просимъ замѣтить нашъ выводъ: процентъ возростанія прибавочной стоимости равняется процентному отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала только тогда, когда *вся* прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Держа въ памяти этотъ выводъ, обратимся къ таблицѣ нашего автора.

Что мы видимъ въ ней? Мы видимъ, что прибавочная стоимость, первоначально равнявшаяся тысячѣ, по прошествіи сорока лѣтъ равняется уже 147,360. При какомъ условіи возможно такое возростаніе? Именно при только что указанномъ условіи, т. е. когда прибавочная стоимость цѣликомъ прилагается къ капиталу. Но это значить, что капиталисты ничего не тратятъ на свою жизнь, и при томъ ничего не тратятъ въ теченіе *сорока лѣтъ*. Чѣмъ же живутъ капиталисты, какъ поддерживаютъ они свое грѣшное существованіе? Неизвѣстно, но фактъ тотъ, что они не потратили на себя за все это время ни одного атома прибавочной стоимости. Это въ полномъ смыслѣ слова рѣдкій случай капиталистическаго „воздержанія“. Чтобы не тратить на себя ничего въ теченіе сорока лѣтъ, капиталистамъ нужно было не имѣть никакихъ потребностей. А кто не имѣетъ никакихъ потребностей, тому нѣтъ надобности и въ эксплуатаціи рабочихъ.

А впрочемъ, можетъ быть мы ошиблись? Посмотримъ еще разъ на таблицу Чернышевскаго. Первоначальная прибавочная стоимость равняется въ ней одной тысячѣ. Значить, былъ же капиталъ, принесшій эту тысячу. Какъ великъ онъ былъ? Чернышевскій ничего не говоритъ объ этомъ. Но предполагая, что ежегодный процентъ возростанія прибавочной стоимости равняется выраженному въ процентахъ отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала, мы находимъ, что капиталъ, принесшій прибавочную стоимость въ одну тысячу, равенъ 9523,8. Куда же дѣвался этотъ капиталъ въ нашей таблицѣ? Очевидно, онъ пересталъ приносить прибавочную стоимость, потому что въ таблицѣ фигурируетъ лишь та прибавочная стоимость, которая получается вслѣдствіе роста (по сложнымъ процентамъ) первоначальной прибавочной стоимости въ одну тысячу. Значить капиталисты перестали употреблять его въ производство. Что же они сдѣлали съ нимъ? Можетъ быть онъ то и поддерживалъ ихъ существованіе за всѣ тѣ десятки лѣтъ, къ которымъ относится расчетъ Чернышевскаго? Если это такъ, то позволительно спросить какъ сохраняли и въ какомъ видѣ потребляли этотъ, такъ сказать,

умершій капиталъ его обладателя? Очень значительную часть всякаго „производительнаго капитала“ составляютъ средства производства: сырой материалъ, орудія труда и т. п. Что же, капиталисты ѣли всѣ эти вещи, чтобы не умереть съ голоду? Это было бы странно, но положимъ, что это было такъ; положимъ, что капиталисты въ теченіе десятковъ лѣтъ жизни, потребляя тѣ средства производства, съ помощью которыхъ рабочіе создали первоначальную тысячу прибавочной стоимости. Тогда все таки остается непонятнымъ слѣдующее обстоятельство. Принеся прибавочную стоимость въ одну тысячу, капиталъ устраняется изъ производительнаго потребления, въ оборотъ пускается лишь эта тысяча единицъ прибавочной стоимости. Слѣдовательно, весь производительный капиталъ второго года равняется одной тысячѣ. А между тѣмъ, по смыслу таблицы выходитъ, что рабочая плата во второмъ году составитъ 9510. Что такое заработная плата? Это часть капитала, переменная часть его, скажемъ мы, держась современной терминологіи. Какъ же это такъ можетъ быть, что переменный капиталъ, т. е. одна часть національнаго капитала, равняется 9510 (см. таблицу), а весь національный капиталъ въ совокупности составляетъ лишь одну тысячу? Это явная несообразность. Но дѣло не ограничивается одной этой несообразностью. По смыслу таблицы прибавочная стоимость второго года равняется 1105 единицъ. Выходитъ, что капиталъ, равный тысячѣ ед. принесъ 1105 ед. прибавочной стоимости. Значитъ уровень прибавочной стоимости равняется уже не 10,5 %, а 110,5 %, и что въ третьемъ году у насъ употребляется въ дѣло уже капиталъ, равный 2105 (т. е. 1000 + 1105). При такомъ ходѣ его возрастанія онъ будетъ увеличиваться гораздо быстрее, чѣмъ предположено въ таблицѣ Чернышевскаго. Какъ же объяснить эту новую несообразность? Вѣроятно мы опять ошибаемся. Вѣроятно капиталъ второго года равняется десяти тысячамъ, т. е. что въ него вошла воспроизведенная работниками стоимость заработной платы перваго года (9000) и созданная ихъ трудомъ прибавочная стоимость. Если онъ приноситъ 10,5 проц. прибавочной стоимости, то къ концу этого года онъ долженъ возрасти до одиннадцати тысячъ пятидесяти ед. (11,050). Эти 11,050 ед. и будутъ составлять продуктъ этого года. Но по расчету Чернышевскаго выходитъ иначе. По его расчету оказывается, что продуктъ второго года равняется лишь десяти тысячамъ шести стамъ пятнадцати едич. (10,615). Если изъ этой суммы продукта вычтемъ десять тысячъ капитала, то на прибавочную стоимость остается лишь 615 ед. А это значитъ, что капиталъ принесъ 6,15 прц. „прибыли“. Но и это еще не все. Изъ таблицы Чернышевскаго мы видимъ, что заработная плата второго года равняется уже не 9000, а 9510. Заработная плата могла вырасти только на счетъ прибавочной стоимости. Вычтемъ же изъ этой послѣдней ту сумму, на которую увеличилась заработная плата: 615—510=105. Итакъ, на „прибыль“ у насъ остается только 105 единицъ. Но если капиталъ въ 10,000 принесъ 105 ед. „прибыли“, то это значитъ, что каждая сотня единицъ приноситъ лишь 1,05 (одну цѣлую пять сотыхъ), т. е., другими словами, что нашъ капиталъ принимаетъ лишь 1,05 процента. Но это

противорѣчить нашему предположенію, по которому капиталъ приноситъ 10,5 проц. прибыли. Чтобы остаться вѣрными этому предположенію, мы должны принять, что продуктъ второго года равняется 11,050 ед.; другими словами, что его стоимость равняется стоимости затраченнаго капитала, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью или, какъ сказалъ бы Чернышевскій, съ прибылью, которая сама составляетъ 10,5 % капитала. Иначе и быть не можетъ. Если мы говоримъ, что данный капиталъ принесъ 10,5 % прибыли, то это значить, что въ стоимости продукта, во первыхъ, воспроизводится стоимость капитала, а во вторыхъ, къ этой воспроизведенной стоимости капитала прибавляется еще новая стоимость, „прибыль“. Но если это такъ, то не можетъ произойти и того несоотвѣтствія между „суммою продукта“ и „суммою прибыли“, на которое указываетъ таблица Чернышевскаго. А таблица эта затѣмъ и составлена, чтобы доказать неизбежность такого несоотвѣтствія. Мы видимъ теперь, что она разбивается о свою собственную логику, и при томъ разбивается, такъ сказать, съ разныхъ сторонъ и на различные лады: Логика одной рубрики (положимъ, рубрики — „сумма прибыли“) разбиваетъ ее съ одной стороны и на одинъ ладъ, а логика другой, (скажемъ, рубрики — сумма продукта) на другой ладъ и съ совершенно другой стороны. Это показываетъ, что въ самомъ основаніи таблицы лежатъ какія-то ошибки. И не трудно найти эти ошибки.

Какъ составлена таблица Чернышевскаго? Ежегодный процентъ возрастанія продукта принять равнымъ 6,15, ежегодный процентъ возрастанія суммы прибыли—10,5. Есть-ли какая нибудь связь между этими двумя рубриками? Ни малѣйшей. Продуктъ растетъ совершенно независимо отъ роста прибыли, а слѣдовательно и отъ роста капитала, прибыль, а слѣдовательно и капиталъ — совершенно независимо отъ роста продукта. Прибыль вычитается, правда, каждый годъ изъ продукта, но растетъ она сама изъ себя и сама по себѣ, по особому закону, объясненіи котораго мы напрасно стали бы искать въ ходѣ національнаго производства. Чернышевскій рассуждаетъ такъ: если бы первоначальная тысяча единицъ прибыли была положена въ банкъ и приносила бы ежегодно столько-то процентовъ, причемъ эти проценты постоянно прилагались бы къ ней, то она росла бы вотъ какимъ образомъ; слѣдовательно законъ ея роста найденъ, остается только ежегодно вычитать изъ продукта ея постоянно возрастающую сумму, чтобы опредѣлять для каждаго даннаго года величину фонда рабочей платы. Рано или поздно фондъ этотъ начнетъ очень быстро уменьшаться, такъ какъ продуктъ не можетъ расти съ тою же быстротою, съ какой растетъ капиталъ. Такимъ образомъ, „гипотеза“ возрастанія прибыли построена безъ всякаго вниманія къ конкретнымъ условіямъ производства и воспроизведенія капитала. Единственнымъ основаніемъ ея служитъ арифметическое правило сложныхъ процентовъ. А такъ какъ величина „фонда рабочей платы“ зависитъ отъ величины „суммы прибыли“, то выходитъ, что и законъ рабочей платы опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ тѣмъ же правиломъ процентовъ. Мы видимъ изъ таблицы, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій фондъ рабочей платы растетъ очень быстро. Въ сорокъ

первомъ году онъ оказывается въ шесть разъ больше, чѣмъ былъ первоначально. Почему же онъ выросъ такъ значительно? Просто потому, что возростала та разность, которая получалась отъ вычитанія суммы прибыли изъ суммы продукта. Капиталисты отсчитали себѣ то, что имъ слѣдовало, а затѣмъ весь остатокъ отдали рабочимъ, не присвоивъ себѣ изъ него ни одной копѣйки. Ариѳметика рѣшаетъ весь вопросъ, отъ нея зависитъ все *распределение* продукта, дѣйствительныя отношенія труда къ капиталу совершенно исчезаютъ изъ нашего кругозора. А отъ чего зависитъ ростъ продукта, чѣмъ опредѣляется ходъ національнаго производства? Онъ опредѣляется тоже ариѳметикой: продуктъ растетъ тоже по сложнымъ процентамъ, но только процентъ его возрастанія меньше процента возрастанія суммы прибыли. Все дѣло изображается такъ, какъ будто у насъ есть два банка, изъ которыхъ одинъ принялъ въ видѣ вклада первоначальную сумму продукта, платя на нее по 6,15 % въ годъ, а другой принялъ первоначальную сумму прибыли и платитъ за нее по 10,5 %. Намъ остается только принять къ свѣдѣнiю эту операцію и смотрѣть съ какой удивительной быстротой *прибыль* догоняетъ и даже перегоняетъ продуктъ въ своемъ ростѣ. Но вѣдь капиталъ не можетъ приносить прибыль иначе, какъ будучи употребленъ на производство, а будучи употребленъ на производство, онъ воспроизводитъ свою стоимость въ стоимости продукта; а воспроизводя свою стоимость въ стоимости продукта, и притомъ, воспроизводя ее съ извѣстною прибылью, т. е. всегда составляя лишь часть стоимости продукта, онъ не можетъ перерости цѣлое, не можетъ имѣть большую стоимость, чѣмъ продуктъ. Отсюда слѣдуетъ, что какова бы ни была въ дѣйствительности „тенденція прибыли“, она порождается не тою причиною, на которую указываетъ Чернышевскій. Это становится очевиднымъ тотчасъ же, какъ только мы покидаемъ область абстракціи и принимаемъ въ соображеніе дѣйствительныя условія воспроизведенія капитала.

Но позвольте, скажетъ читатель. Откуда же вы взяли, что стоимость капитала не можетъ перерости стоимость ежегоднаго продукта страны. Стоимость капитала не только *можетъ*, но и непременно *должна* быть больше стоимости продукта. Капиталъ подраздѣляется, какъ вамъ извѣстно, на постоянный капиталъ (средства производства) и переменный капиталъ (заработная плата). Переменный капиталъ, дѣйствительно, цѣликомъ воспроизводится въ стоимости продукта. Но что касается *постояннаго* капитала, то онъ переноситъ на продуктъ *только часть* своей стоимости. Орудія труда, фабричныя зданія и тому подобныя части тѣла постояннаго капитала служатъ для производства въ теченіе многихъ лѣтъ; ихъ ежегодное изнашиваніе сравнительно не велико; поэтому не велика и та часть ихъ стоимости, которая переносится на продуктъ даннаго года. Достаточно имѣть хоть нѣкоторое понятіе объ экономикѣ капиталистическихъ странъ, чтобы знать, что годовою продукту любой изъ странъ гораздо меньше общей суммы находящагося въ ней капитала. И Чернышевскій вполне правъ, если имѣетъ въ виду этотъ всѣмъ

известный фактъ, утверждая, что національный капиталъ растетъ быстрѣе національнаго продукта.

Несомнѣнно, что Чернышевскій избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, если бы принялъ въ соображеніе существенное различіе составныхъ частей капитала. Однако онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ своихъ примѣрныхъ расчетахъ онъ совершенно забылъ о постоянномъ капиталѣ. Въ этомъ случаѣ его ввелъ въ ошибку Д. С. Милль. По мнѣнію Милля, во всемъ процессѣ производства „всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы“. Понятно, что при такомъ взглядѣ на „издержки производства“ стоимость всякаго товара сводится къ формулѣ: рабочая плата (издержки производства, какъ сказалъ бы Милль, постоянный капиталъ, — скажемъ мы) + прибыль (т. е. прибавочная стоимость). Въ этой формулѣ не отводится опредѣленнаго мѣста для постоянного капитала, или, вѣрнѣе, для переносимой на данный продуктъ части его стоимости. Чернышевскій принялъ эту формулу безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, а она очень нуждалась въ нихъ. Когда Милль говорилъ, что въ стоимости товара входятъ только два элемента: рабочая плата и прибыль, то подъ рабочей платой онъ, *по крайней мѣрѣ иногда*, понималъ не только плату рабочихъ, трудившихся въ данномъ году надъ производствомъ этого товара. Онъ имѣлъ въ виду также и плату рабочихъ, приготовившихъ сырой матеріалъ и другія средства производства. А всѣ эти средства производства могутъ представлять собою продуктъ труда предыдущаго года или даже предыдущихъ лѣтъ. То же по отношенію къ прибыли. Въ формулѣ: *рабочая плата + прибыль* должна быть принимаема въ соображеніе прибыль всѣхъ тѣхъ предпринимателей, черезъ руки которыхъ прошли средства производства въ процессѣ свего изготовленія. Понятая такимъ образомъ, формула эта лишь нелѣпо выражаетъ фактъ перенесенія стоимости производительныхъ средствъ на стоимостъ даннаго товара, но она все таки считается съ этимъ фактомъ. Чернышевскій же при составленіи своей таблицы придалъ другой смыслъ этой формулѣ. Пользуясь ею, онъ подъ прибылью и подъ рабочей платой понималъ плату и прибыль, получаемыя участникомъ производства только въ томъ году, къ которому относится его расчетъ. Это уже большая ошибка, хотя надо признаться, что не легко было избѣжать ее при нелѣпомъ видѣ разбираемой формулы стоимости. Посмотримъ же, къ чему привела Чернышевскаго его ошибка. Национальное богатство состоитъ изъ стоимостей. Общая сумма этихъ стоимостей можетъ быть выражена въ общей формулѣ стоимости. Въ этой общей формулѣ мы имѣемъ только два „элемента“: рабочую плату и прибыль, подъ которыми понимается платы и прибыль каждаго даннаго года. Выходитъ, что національное богатство каждой данной страны въ каждомъ данномъ году равняется рабочей платѣ, полученной въ этомъ году работниками, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью, присвоенной эксплуататорами. При составленіи своей таблицы, Чернышевскій вездѣ принимаетъ это равенство. Вся она построена на томъ соображеніи, что „сумма богатствъ націи“ не можетъ расти также быстро, какъ растетъ „прибыль“; „сумма богатствъ націи“ постоянно принимается равной „сум-

мѣ продукта“ даннаго года. Всякому извѣстно, что „сумма продукта“ даннаго года далеко не то же, что „сумма богатствъ націи“. И тѣмъ не менѣе, эта ошибка Чернышевскаго не привела бы его къ новымъ ошибкамъ, если бы онъ „сумму національнаго продукта“ даннаго года не приравнивалъ къ суммѣ „рабочихъ платъ“ и „прибылей“ (прибавочной стоимости) этого года. Но изъ его формулы стоимости необходимо вытекало это новое равенство. Формула оставляетъ безъ вниманія постоянный капиталъ. Слѣдовательно, въ стоимости національнаго продукта остается мѣсто лишь для „прибыли“ и для рабочей платы. Вотъ почему и мы не принимаемъ въ соображеніе постояннаго капитала, дѣлая тѣ или другіе выводы изъ посылковъ Чернышевскаго.

Но что такое рабочая плата? Это переменный капиталъ. Воспроизводится ли онъ въ стоимости продукта? Безъ сомнѣнія, воспроизводится. Если весь капиталъ страны сводится къ оборотному капиталу, — можетъ ли стоимость суммы продукта быть меньше суммы затраченнаго на ея производство капитала? Ни въ какомъ случаѣ. Стоимость „суммы продукта“ будетъ равняться *суммѣ капитала + суммѣ прибыли*. Капиталъ всегда будетъ составлять лишь часть стоимости продукта. Можетъ ли часть перерости цѣлое? Не можетъ. Значитъ не можетъ быть и несоотвѣтствія между ростомъ капитала и ростомъ продукта или ростомъ „суммы богатствъ націи“.

Намъ могутъ замѣтить еще, что Чернышевскій говоритъ собственно о ростѣ „суммы прибыли“, а не о ростѣ капитала. Это такъ. Но вѣдь прибыль постоянно прилагается у него къ капиталу, т. е. постоянно превращается въ капиталъ. Прибыль одного года становится капиталомъ слѣдующаго года. Только при этомъ условіи она и можетъ въ свою очередь становиться источникомъ прибыли. А такъ какъ, кромѣ того, Чернышевскій предполагаетъ неизмѣнный уровень прибыли, то ясно, что ростъ ея „суммы“ тождественъ съ ростомъ капитала.

Принимаемая Чернышевскимъ формула стоимости по прямому смыслу своему вовсе не доказываетъ противоположности интересовъ труда и капитала. Стоимость товара равняется рабочей платѣ + прибыль. Если рабочая плата низка, то у защитниковъ капитала оказывается наготовѣ очень хорошая уловка: чѣмъ выше прибыль, тѣмъ скорѣе растетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ расти капиталъ. А капиталъ цѣликомъ затрачивается на рабочую плату. Слѣдовательно, чѣмъ выше прибыль, тѣмъ больше данныхъ для возростанія фонда рабочей платы, т. е. для повышенія заработной платы. Такимъ образомъ, капиталъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ того копыя, которое само исцѣляло наносимыя имъ раны: если рабочимъ трудно приходится теперь подъ ярмомъ капитала, то именно трудность-то современнаго ихъ положенія и несетъ въ себѣ залогъ лучшаго будущаго. Излишне напоминать, что задача Чернышевскаго заключается именно въ опроверженіи этихъ апологетическихъ выводовъ. Но онъ могъ опровергать ихъ только при одномъ условіи: именно, рассматривая принятую имъ формулу стоимости съ самой отвлеченной и односторонней точки зрѣнія. Формула грѣшитъ тѣмъ, что въ ней отведена

мѣсто только переменному капиталу. Это уже само по себѣ достаточно односторонне, и только благодаря такому одностороннему взгляду на капиталъ и можно утверждать, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе „фонда рабочей платы“. Но говоря, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе фонда рабочей платы, мы предполагаемъ *воспроизведеніе* капитала. Наши послышки абстрактны и односторонни. Представьте же себѣ, что мы дѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ въ смыслѣ отвлеченности. Прежде мы оставляли безъ вниманія постоянный капиталъ, т. е. *одно* изъ необходимыхъ *условій* производства. А теперь мы оставляемъ безъ вниманія *весь вообще процессъ* производства и воспроизведенія капитала. Во что обращается наша формула стоимости? Отъ нея отлетаетъ послѣднее дыханіе жизни, она становится сухой и мертвой абстракціей, которая не только не напоминаетъ намъ о движеніи дѣйствительнаго экономическаго процесса, но какъ бы приглашаетъ совершенно позабыть о немъ, ведя насъ къ новымъ и новымъ ошибкамъ. Стоимость товара, а слѣдовательно и національное богатство, а слѣдовательно и „сумма продукта“ = рабочая плата + прибыль, вотъ все, что говоритъ намъ эта формула. Какъ создается національный продуктъ? Этого не видно изъ нея, и мы, не углубляясь въ вопросъ, „предполагаемъ“, что „сумма продукта“ ежегодно растетъ на 6,15 0/0. Какія превращенія переживаетъ прибыль, прилагаемая къ капиталу и, въ свою очередь, становящаяся источникомъ прибыли? Иначе сказать, при какихъ условіяхъ прибыль становится капиталомъ? Этого опять не видно изъ нашей формулы, и мы, не углубляясь въ вопросъ, опять разрешаемъ его простымъ предположеніемъ о томъ, что „сумма прибыли“, увеличивается быстрѣе суммы продукта, ежегодно возростая на 10,5 0/0. Что такое „фондъ рабочей платы“? Какъ относится онъ къ капиталу? Представляетъ ли онъ собою часть капитала, весь капиталъ, или можетъ быть его нужно разсматривать какъ особую экономическую категорію? Наша формула основана на томъ предположеніи, что „всѣ затраты состоятъ изъ рабочихъ платъ“, т. е. иначе сказать, что капиталъ и фондъ рабочей платы—одно и то же. Но если разсматривать ее независимо отъ процесса воспроизведенія, то она не напоминаетъ даже и объ этой, на самомъ дѣлѣ невѣрно выраженной, связи между капиталомъ и „фондомъ рабочей платы“. Въ этомъ случаѣ наша формула говоритъ намъ только то, что по мѣрѣ увеличенія „суммы прибыли“, уменьшается „фондъ рабочей платы“. Это кажется очевиднымъ уже безъ всякихъ предположеній : для каждаго даннаго года „сумма продукта“ есть величина опредѣленная, и потому, чѣмъ больше вычитаемое, прибыль, тѣмъ меньше разность, доля рабочаго класса. Но мы уже предположили, что сумма продукта, уменьшаемое, растетъ медленнѣе вычитаемого. Ясно, что рано или поздно фондъ рабочей платы долженъ сойти на нѣтъ, т. е. что возростаніе прибыли ведетъ насъ къ „невозможному состоянію общества“. Теперь намъ остается только пояснить наши выводы примѣрными арифметическими выкладками, — и наше дѣло сдѣлано, мы *доказали* то, чего *не замѣтилъ* ни одинъ экономистъ смитовской школы. Само собою разумѣется, что наши

пояснительныя выкладки будутъ отличаться такою же отвлеченностью, какъ и весь нашъ анализъ формулы стоимости : ариметика не можетъ напомнить намъ о конкретныхъ условіяхъ экономическаго процесса производства. И вотъ мы пишемъ одинъ рядъ цифръ, показывающихъ ростъ продукта ; возлѣ него располагается другой рядъ цифръ, изображающихъ ростъ „суммы прибыли“. Въ основѣ каждаго изъ этихъ рядовъ лежатъ только наши „предположенія“; ряды эти не связаны одинъ съ другимъ никакою внутренней зависимостью; ихъ взаимное отношеніе есть чисто внѣшнее отношеніе вычитаемого къ уменьшаемому. Въ результатѣ вычитанія получится новый рядъ цифръ, изображающихъ разность, „фондъ рабочей платы“, который опять таки связанъ съ другими рядами цифръ одною ариметическою зависимостью, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному ходу производства и воспроизведенія. Но какъ бы то ни было, наша цѣль, повидимому, достигнута, противоположность интересовъ труда и капитала доказана „математически“ ; буржуазныя сикофанты опровергнуты. Однако, какой приѣмъ употребили мы для ихъ опроверженія ? Въ нашемъ распоряженіи были извѣстныя послыки, очень одностороннія и потому ошибочныя. Мы признали справедливость этихъ ошибочныхъ посылокъ, но для избѣжанія вытекающихъ изъ нихъ выводовъ мы сдѣлали новую ошибку, мы представили ошибочный анализъ ошибочной формулы стоимости. Мы боролись противъ абстракціи посредствомъ новой и еще большей абстракціи. Неудивительно, что наши разсужденія оказываются несостоятельными при самомалѣйшемъ прикосновеніи критики, что составленная нами таблица поминутно разбивается о логику то одного, то другого изъ своихъ собственныхъ рядовъ.

Что все разсужденіе Чернышевскаго о ростѣ прибыли основано на ошибочномъ анализѣ формулы стоимости, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. По его словамъ, дѣйствительность расходится съ „математическимъ закономъ“ : „сумма прибыли“ растетъ на самомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ того можно ожидать на основаніи таблицы. И происходитъ это по причинамъ, лежащимъ „въ натурѣ человѣка“. Чѣмъ больше растетъ капиталъ любого „коммерческаго предпріятія“, чѣмъ обширнѣе становится дѣло, тѣмъ больше выходятъ его подробности изъ подъ прямого контроля хозяина. Все большая и большая часть надзора за веденіемъ дѣла переходитъ въ руки наемныхъ распорядителей. „Кто же не знаетъ, какъ ведется дѣло наемнымъ распорядителемъ ? Почти всегда небрежно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно . . . Но и въ самомъ хозяйнѣ большею частью развивается небрежность соразмѣрно увеличенію его капитала. По нашей поговоркѣ, копейка рубль бережетъ ; но скучно слѣдить за копейками тому, у кого прежніе рубли разрослись въ тысячи . . . Процентъ прибыли уменьшается съ увеличеніемъ имущества, на которое идетъ прибыль. Это — фактъ, до такой степени всеобщій, что въ Англіи уже никто не станетъ спорить, если вы скажете : процентъ прибыли, получаемой коммерческимъ человѣкомъ съ его капитала, обратно пропорціоналенъ размѣру его капитала . . . Но это еще не все. Пока благосостояніе человѣка растетъ до сте-

жени, сообразной съ его разумными нуждами, человекъ становится все разсудительнѣе и разсудительнѣе. Но есть размѣръ средствъ, превышающій силу обыкновеннаго человѣческаго благоразумія. Каждый знаетъ, вѣрна ли поговорка: съ жиру бѣсится... Очень не рѣдки примѣры людей, глушѣющихъ по мѣрѣ своего обогащенія... Но если часто встрѣчаются и примѣры противоположнаго, если остаются до конца бережливы и благоразумны люди, разбогатѣвшіе собственными усиліями, то рѣдко уже бываютъ таковы ихъ дѣти: то, что накоплено отцомъ, проматывается сыномъ,—это обыкновенная исторія.*)

Можно было бы сдѣлать не мало возраженій на всѣ эти доводы. Но мы не споримъ съ Чернышевскимъ, а стараемся выяснитъ его взгляды. Поэтому мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь на общую мысль нашего автора. Она сводится, если мы не ошибаемся, къ тому, что „сумма прибыли“ не растетъ со всею возможною для нея быстротою единственно по винѣ самихъ предпринимателей, или, если вамъ угодно, по винѣ человѣческой природы, которая не можетъ быть иною при данныхъ обстоятельствахъ. Ростъ „суммы прибыли“ замедляется вслѣдствіе того, что по мѣрѣ обогащенія буржуазіи растутъ всякаго рода непроизводительныя затраты. Это вѣрно. Но припомнимъ нашу таблицу. Она показываетъ, что чѣмъ больше „сумма прибыли“, тѣмъ меньше фондъ рабочей платы. Непроизводительныя затраты замедляютъ ростъ „суммы прибыли“, слѣдовательно онѣ замедляютъ и уменьшеніе фонда рабочей платы. Слово „непроизводительныя траты, роскошь и мотовство буржуазіи, полезны для рабочаго класса: чѣмъ больше мотовства, тѣмъ больше шансовъ для роста или, по крайней мѣрѣ, для менѣе быстраго уменьшенія фонда рабочей платы. Это ли хотѣлъ сказать Чернышевскій? Склоненъ ли онъ былъ оправдывать роскошь высшихъ классовъ соображеніями о благѣ рабочихъ? Рѣшительно нѣтъ. Въ его сочиненіяхъ можно найти не мало страницъ, которыя посвящены доказательству прямо противоположнаго взгляда. Но вѣдь, не правда ли, говоря, что мотовство высшихъ классовъ полезно рабочимъ, мы дѣлаемъ совершенно вѣрный выводъ изъ таблицы Чернышевскаго? Стало быть, онъ опять попадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою? И да, и нѣтъ. Ему просто не пришла въ голову мысль о возможности сдѣланнаго нами вывода, а не пришла по той простой причинѣ, что онъ при составленіи своей таблицы забылъ обо всѣхъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ производства, помня только то, что *разъ дана сумма продукта*, доля рабочаго класса будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше прибыль и наоборотъ. Попробуйте забыть о воспроизведеніи капитала при анализѣ формулы: $\text{сумма продукта} = \text{рабочая плата} + \text{прибыль}$. Вы и сами скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни уменьшалась сумма прибыли, рабочему классу выгодно ея уменьшеніе. Вѣдь вопросъ о мотовствѣ высшихъ классовъ есть именно вопросъ о *воспроизведеніи капитала съ больше или менѣе широкими размѣрами*. Упустивъ изъ виду воспроизведеніе, вы естественно упускаете изъ виду и вопросъ объ экономическомъ значеніи мотовства. А когда вы вспомните о воспроизведеніи капитала, то вспомните и о вредномъ значеніи мотовства, бур-

*) Сочиненія Чернышевскаго, Т. IV, стр. 189—190—191.

жуазнаго и барскаго „прожиганія жизни“. Тогда вы не скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни происходило уменьшеніе „суммы прибыли“, оно во всякомъ случаѣ выгодно рабочимъ. Вы будете помнить, что если „сумма прибыли“ уменьшается вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ національнаго капитала, то ея уменьшеніе при прочихъ равныхъ условіяхъ означаетъ уменьшеніе суммы продукта. Ростъ этой суммы продукта перестанетъ представляться вамъ въ томъ абстрактномъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ таблица Чернышевскаго. Вы сейчасъ же увидите, что между ростомъ продукта и ростомъ капитала существуетъ тѣсная связь, ни мало не выражаемая внѣшнимъ отношеніемъ уменьшаемаго къ вычитаемому. Но какая же именно связь? Что касается этого вопроса, то вашъ отвѣтъ на него опредѣлится опять таки вашими понятіями объ отношеніяхъ производства и объ условіяхъ воспроизведенія капитала. Если на эти отношенія и условія вы смотрите глазами, напримѣръ, Милля, то вы и скажете объ этой связи то же, что что говорилъ Милль. А если вы смотрите на нихъ какъ нибудь иначе, вы, конечно, разойдетесь съ Миллемъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ для васъ будутъ совершенно бесполезны здѣсь тѣ выводы, къ которымъ вы пришли, позабывъ о воспроизведеніи капитала. Обязанные своимъ происхожденіемъ неумѣстной абстракціи, они, вѣроятно, будутъ забыты вами тотчасъ же, какъ только вы покинете туманную область одностороннихъ отвлеченностей и хоть одной ногой станете на реальную экономическую почву.

По крайней мѣрѣ, такъ случилось съ Чернышевскимъ. Въ главѣ—„Прибыль“ онъ противопоставляетъ капиталъ „фонду рабочей платы“ и утверждаетъ, что чѣмъ быстрее растетъ капиталъ, тѣмъ болѣе прибыль стремится поглотить рабочую плату, и что это происходитъ одинаково, какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи. То же говоритъ онъ и въ главѣ—„Рента“. Но перейдя къ вопросу о *вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату**, онъ высказывается уже совсѣмъ въ другомъ духѣ. „Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возросло—пишетъ онъ—то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы... Эта тенденція прибыли къ пониженію задерживается или непроизводительною растратою капитала, или перенесеніемъ капитала въ другія страны, или улучшеніями производительныхъ процессовъ. Непроизводительною растратою капиталовъ (напр. отъ праздной роскошной жизни, или отъ коммерческихъ кризисовъ) уменьшается размѣръ капитала, значитъ уменьшается и рабочая плата; а если рабочая плата уменьшается, то, конечно, увеличивается остатокъ продукта, составляющій прибыль. Перенесеніемъ капитала за границу точно также уменьшается сумма его, остающаяся въ странѣ. Наконецъ, улучшеніями производительныхъ процессовъ понижается стоимость производства, а ея пониженіе при нынѣшнемъ бытѣ обыкновенно влечетъ за собою пониженіе рабочей платы; если

*) Тамъ же, стр. 205.

же рабочая плата уменьшается, то возрастает остатокъ продукта, получаемый капиталистомъ за вычетомъ рабочей платы.*)

Итакъ, чѣмъ болѣе растетъ капиталъ, тѣмъ болѣе увеличивается, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и фондъ рабочей платы. Если бы вы, припомнивъ вышеприведенную таблицу, возразили на это, что быстрый ростъ капитала означаетъ также и быстрый ростъ „суммы прибыли“, а, слѣдовательно, и уменьшеніе „фонда рабочей платы“, то Чернышевскій указалъ бы вамъ на пониженіе *уровня* прибыли, вслѣдствіе котораго *сумма* ея можетъ остаться неизмѣнной, не смотря на увеличеніе размѣровъ національнаго капитала. Необходимость пониженія уровня прибыли доказывается ссылкой на то обстоятельство, что прибыль есть „остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы“, подобно тому, какъ необходимость уменьшенія размѣровъ фонда рабочей платы доказывалась тѣмъ соображеніемъ, что рабочая плата есть остатокъ изъ продукта за вычетомъ прибыли. Все это очень затрудняетъ пониманіе мыслей Чернышевскаго. Вы спрашиваете себя, каковъ же окончательный выводъ его: стремится или не стремится „сумма прибыли“ поглотить рабочую плату при быстромъ ростѣ капитала и при неразмножающемся населеніи? Это затрудненіе, которое испыталъ, вѣроятно, всякій, что внимательно читалъ „Очерки изъ политической экономіи“, разрѣшается очень просто. Въ главѣ, посвященной вопросу о прибыли, онъ позабываетъ о воспроизведеніи капитала, а въ главѣ, посвященной вопросу о вліяніи экономическаго процесса на рабочую плату, онъ вспоминаетъ о немъ и, вводя этотъ новый элементъ въ свои разсужденія, онъ, естественно, приходитъ къ новымъ выводамъ. Но, вспомнивъ о воспроизведеніи капитала, онъ вовсе не отказывается отъ своей формулы стоимости. Онъ только разсматриваетъ ее въ движеніи, между тѣмъ какъ прежде разсматривалъ ее въ абстрактномъ, неподвижномъ видѣ. Онъ покидаетъ область абстракцій и потому приближается къ правильному взгляду на дѣло. Но онъ не совсѣмъ покидаетъ ее: его формула стоимости сама представляетъ собою не болѣе, какъ ошибочную абстракцію. Поэтому, хотя онъ и анализируетъ ее теперь съ болѣе правильной точки зрѣнія, онъ все таки приходитъ къ совершенно ошибочному выводу. Въ дѣйствительности ростъ національнаго капитала далеко не всегда сопровождается увеличеніемъ спроса на рабочую силу. Спросъ этотъ зависитъ не отъ общей „суммы“ капитала, а отъ величины переменнаго капитала, т. е. именно того капитала, который идетъ на покупку рабочей силы. Если съ увеличеніемъ общей суммы капитала уменьшается переменная часть его, то спросъ на рабочую силу падаетъ. Статистика западно-европейскихъ странъ, въ особенности Англіи, неоспоримо доказываетъ, что на извѣстной ступени развитія капитализма ростъ капитала совершается параллельно съ ростомъ *относительно*-излишняго рабочаго населенія. Собственно говоря, Чернышевскій вполне допускалъ возможность такого явленія, да и не могъ не допускать ее, такъ какъ она была доказана еще Рикардо. Чернышевскій придерживается

*) Тамъ же, стр. 363.

подраздѣленія капитала „на оборотный, потребляемый и воспроизводимый одною операціей производства, и основной капиталъ, служащій цѣлому длинному ряду производственныхъ операцій“. По смыслу этого подраздѣленія выходитъ, что капиталъ, называемый теперь переменнымъ, или, какъ говорилъ Чернышевскій, „продовольствіе работниковъ“, составляетъ значительную или даже „главную часть оборотнаго капитала“. Съ развитіемъ машиннаго производства часть оборотнаго капитала переходитъ въ — основной, а „это значитъ, что та сумма продовольствія, которая ежегодно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется изъ ихъ потребленія, чтобы въ послѣдствіи воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями“.*) Отсюда уже совершенно ясно, что ростъ капитала можетъ, смотря по обстоятельствамъ, вести какъ къ увеличенію, такъ и къ уменьшенію „фонда рабочей платы“. Но Чернышевскій не дѣлаетъ никакихъ выводовъ изъ этого чрезвычайно важнаго соображенія. По поводу его онъ ограничивается замѣчаніемъ: „Безъ вреда для работниковъ можетъ поступить въ основной капиталъ только тотъ излишекъ ежегодныхъ новыхъ сбереженій, какой остается за полнымъ воспроизведеніемъ прежняго оборотнаго капитала, съ прибавкою процента, соответствующаго приращенію населенія страны“.***) Это сказано имъ при разборѣ взглядовъ Милля на „трудъ и капиталъ, какъ элементы производства“. Въ ученіи о распредѣленіи, которое рассматривается имъ совершенно независимо отъ производства, онъ, какъ мы видѣли, забываетъ не только объ *отношеніи* основного капитала къ оборотному, но и о *самомъ существованіи* какъ основного капитала, такъ и той части оборотнаго, которая не идетъ на покупку рабочей силы. Тамъ весь капиталъ сводится у него къ „продовольствію рабочихъ“. Поэтому тамъ не можетъ быть рѣчи объ измѣненіи относительной величины составныхъ частей капитала. Но даже и тамъ, въ ученіи о распредѣленіи, онъ не сводитъ въ одно цѣлое своихъ взглядовъ на прибавочную стоимость. Въ главѣ о прибыли онъ дѣлаетъ къ буржуазному ученію о ней извѣстное уже намъ пополненіе, которое считаетъ очень важнымъ. А въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату онъ совершенно забываетъ объ этомъ пополненіи и повторяетъ тѣ самые взгляды буржуазныхъ экономистовъ на движеніе прибавочной стоимости, которые, казалось, были окончательно опровергнуты извѣстнымъ уже читателю „пополненіемъ“.

Иначе и быть не могло. Теорія стоимости не даромъ считается краеугольнымъ камнемъ науки о хозяйствѣ буржуазнаго общества. Не имѣя яснаго понятія о стоимости вообще, Чернышевскій не могъ подвергнуть основательной критикѣ буржуазное ученіе о *прибавочной* стоимости. Возможность такой критики исключалась уже просто отношеніемъ его къ буржуазной экономіи. Возражая буржуазнымъ экономистамъ, онъ въ то же время цѣликомъ и безъ всякой провѣрки принималъ всѣ ихъ основныя „теоремы“, причемъ и теоремы эти онъ бралъ не у классиковъ буржуазной экономіи, а у туманнаго.

*) Сочиненія Чернышевскаго. Т. III, стр. 160—161.

**) Тамъ же, та же страница.

исполненнаго противорѣчій Милля. Къ теоріямъ Милля онъ и дѣлалъ свои пополненія. Въ основѣ пополненій часто лежали очень важныя и остроумныя мысли, свидѣтельствующія, какъ объ умѣ Чернышевскаго, такъ и о горячихъ симпатіяхъ его къ рабочему классу. Но развивая эти мысли, Чернышевскій не переставалъ—и не могъ перестать,—быть утопистомъ. Сдѣланныя имъ пополненія имѣютъ совершенно утопическій характеръ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, сталкиваясь съ основными теоремами, они скоро утрачиваютъ всякое вліяніе на разсужденія Чернышевскаго, такъ что въ *послѣдующихъ главахъ* ему поневолѣ приходится повторять выводы буржуазныхъ экономистовъ, повидимому такъ блистательно, съ такою горячностью, проной и остроуміемъ опровергнутыя въ—*предыдущихъ*. Какъ много вредилъ ему при всемъ этомъ его абстрактный гипотетическій методъ, позволяющій разсматривать экономическія явленія внѣ ихъ взаимной жизненной связи, одно послѣ другого и одно независимо отъ другого, мы уже говорили не разъ. Трудно открыть что либо при помощи такого метода, замѣтили мы во второй статьѣ. Теперь прибавимъ—и читатель, надѣмся, согласится съ нами,—что употребляя этотъ методъ легко надѣлать множество самыхъ странныхъ ошибокъ. Пополняя Милля, Чернышевскій, въ своемъ пристрастіи къ „математическому“ методу, дошелъ до самыхъ невозможныхъ абстракцій, устранивъ изъ своихъ соображеній всѣ реальныя отношенія производства. Онъ опирался на одну математику, представителемъ которой явилось правило сложныхъ процентовъ, да пожалуй еще правило вычитанія. Чернышевскій вдался, можно сказать, въ какой то экономическій пифагореизмъ, пища въ „математическихъ законахъ“ причинъ *экономическихъ явленій*. Но математика не можетъ указать, да и не претендуетъ на указаніе причинъ общественной жизни или природы. Она только помогаетъ намъ оцѣнить количественную сторону дѣйствія этихъ причинъ. Сила свѣта обратно пропорціональна квадратамъ разстояній. Объясняетъ ли математика причину этого явленія? Нѣтъ, она только помогаетъ формулировать его законъ, предоставляя физикѣ отвѣчать на всѣ тѣ „почему?“, которыя могутъ возникнуть въ головѣ любознательнаго человѣка. Когда физика пытается сказать свое „потому“, математика опять очень услужливо является ей на помощь, но опять таки предоставляет рѣшительное слово физикѣ. Такъ же поступаетъ она и съ политической экономіей, если рѣчь идетъ о какомънибудь экономическомъ явленіи. Математика—очень почтенная, очень полезная и очень услужливая наука. Но не надо злоупотреблять ея услужливостью, не надо задавать ей такія задачи, которыхъ рѣшить она не можетъ. Если вы вздумаете предъявлять ей неосновательныя требованія, она жестоко отомститъ за это, заведя васъ въ такія дебри абстракцій, изъ которыхъ трудно и выбраться безъ своевременной помощи той науки, къ области которой относится заинтересовавшее васъ явленіе. Да и не одна математика отличается подобною мстительностью. Она глубоко коренится въ характерѣ всѣхъ прочихъ наукъ. Вотъ на примѣръ, людямъ, занимавшимся философіей исторіи, приходила иногда мысль сводить къ законамъ фізіологіи — частью фізіологіи растительныхъ процессовъ, а больше-

всего физиологія нервной системы — рѣшеніе вопроса о вліяніи природы на развитіе общественныхъ отношеній. И что же вышло? Умные люди, въ родѣ Монтеスキе, наговорили массу страшнаго, чисто ребяческаго вздора, который, правда, и до сихъ поръ повторяется по временамъ тоже довольно толковыми людьми, но на самомъ дѣлѣ только мѣшаетъ рѣшенію въ высшей степени важнаго научнаго вопроса. И нельзя удивляться появленію этого вздора. Стали задавать физиологіи историческія задачи, къ которымъ она не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого прямого отношенія; стали примѣнять ея „потому“ къ совершенно неподходящимъ случаямъ, ну и получились нелѣпности, отъ которыхъ дай богъ поскорѣе отдѣлаться общественной наукой. Это въ порядкѣ вещей.

Экономическая возможность даннаго явленія вовсе еще не ручается за то, что оно возможно въ природѣ или въ общественной жизни. Чернышевскій прекрасно зналъ и очень остроумно доказывалъ это. Вотъ что говоритъ онъ по поводу книги нѣмецкаго писателя Зюсмилъха, на которую ссылался Мальтусъ. „Зюсмилъхъ, между прочимъ, просилъ Эйлера составить таблицы возростанія числа людей при разныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей. Эйлеръ бралъ разныя цифры, и при однихъ — періодъ удвоенія выходилъ очень длинный, при другихъ, разумѣется, очень короткій, отъ 600 слншвомъ лѣтъ до 7 съ небольшимъ лѣтъ. Разумѣется, можно было бы вычислить періоды еще болѣе короткіе. Иное дѣло, если спросить, какой процентъ возростанія допускается самимъ устройствомъ чловѣческаго организма. Можно ли положить, чтобы въ дѣйствительности люди, при какихъ бы то ни было условіяхъ, могли размножаться по ежегодной прогрессіи приращенія въ 10⁰⁰ или въ 8⁰⁰, или хоть въ 5⁰⁰? Но Зюсмилъхъ не спрашивалъ объ этомъ Эйлера; онъ только просилъ его составить таблицы удвоенія по сложнымъ пропен-тамъ, при разныхъ величинахъ процента, въ томъ родѣ, какъ могъ бы просить его рассчитать, сколько пищи въ день понадобится чловѣку при различныхъ величинахъ его роста, отъ 1 фута до 20 сажень. Эйлеръ сказалъ бы, сколько пищи понадобится чловѣку, имѣющему ростъ въ 10 сажень, имѣющему ростъ въ 11 сажень и т. д. Словомъ сказать, Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаютъ въ руководствахъ къ математикѣ или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротою, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столькихъ-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго во столькихъ-то, наконецъ расплавится во столькихъ-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенная которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ: подразумевается само собою, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе

такихъ задачъ человѣкъ, забывшій или незнавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говоритъ, будто всѣ эти выводы могутъ осуществиться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! Онъ предложитъ, на примѣръ, раскалить желѣзо дляковки не кузнечными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ отъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы узнали бы, изъ чего состоитъ луна. Вотъ нѣчто въ этомъ самомъ родѣ случилось съ Мальтусомъ. Увидѣвъ цифры Эйлеровыхъ таблицъ, онъ прямо такъ и подумалъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25, въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ и даже еще быстрѣе, какъ написано въ таблицахъ Эйлера у Зюсмилха. Если бы у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргументъ противъ теоріи Годвина,*) онъ конечно не сдѣлалъ бы такой опрометчивой ошибки; но въ таблицахъ Зюсмилха (Эйлера) онъ увидѣлъ нужный ему аргументъ, имя Эйлера ручалось за вѣрность вычисленій, чего же больше?**) Это все очень хорошо, но оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, что и какъ случилось съ Мальтусомъ, мы замѣтимъ, что именно „нѣчто въ этомъ родѣ“ случилось съ самимъ Чернышевскимъ. Исполняя ученіе Милля о прибавочной стоимости, онъ именно только „группировалъ цифры“, совершенно забывая объ экономической дѣйствительности. И случилось это въ значительной степени по той же причинѣ, которою вызвана была, по его словамъ, опрометчивая ошибка Мальтуса: Чернышевскій имѣлъ въ виду исключительно только полемическую цѣль, руководствовался однимъ только желаніемъ отгнать невыгодныя стороны существующаго порядка. Математика ручалась, повидимому, за справедливость всѣхъ его расчетовъ. Онъ и удовольствовался этимъ ручательствомъ. А какъ и отчего совершается дѣйствительное движеніе прибавочной стоимости, объ этомъ справиться онъ не подумалъ.

Разборъ ученія Мальтуса предшествуетъ у Чернышевскаго изслѣдованію о прибыли. Такимъ образомъ, онъ повторяетъ ту самую ошибку, въ которой упрекаетъ Мальтуса, и повторяетъ уже послѣ того, какъ она была имъ самимъ указана. И мы увидимъ, что онъ не только въ изслѣдованіи о прибыли повторяетъ эту ошибку. Главное возраженіе его Мальтусу было построено на подобной же математической абстракціи.

Чернышевскій не хочетъ забавлять читателя „курьезными расчетами“, доказывающими, что „если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копѣйку, то нынѣ каждому изъ насъ пришлось бы получить изъ банка массу золота, гораздо большую, чѣмъ какая могла бы помѣститься въ шарообразномъ мѣшкѣ, діаметромъ своимъ равняю-

*) Известно, что Мальтусъ писалъ свой „Опытъ о законѣ народонаселенія“ для того, чтобы опровергнуть тогдашнія „системы равенства“, главнымъ образомъ взгляды Годвина, изложенныя въ его книгѣ „Political justice“ (о политической справедливости).

**) Соч. томъ III, стр. 194—195—196.

щемся всему поперечнику солнечной системы до орбиты Нептуна.***) Почему же нѣтъ? Потому что слишкомъ бросается въ глаза экономическая нелѣпность этого расчета. Но въ примѣненіи къ фактамъ новѣйшей экономической жизни совершенно подобный же расчетъ не кажется Чернышевскому нелѣпнымъ и принимается какъ нѣчто совершенно основательное. А между тѣмъ, вся разница заключается здѣсь *просто во времени.* „Чтобы соображеніе наше могло справиться съ цифрами, какія будутъ получаться у насъ,—говоритъ Чернышевскій, приступая къ составленію своей таблицы — мы должны ограничить расчетъ временемъ, соотвѣтствующемъ дѣятельности одного поколѣнія, тридцатью годами“.***) Но неосновательный расчетъ остается одинаково неосновательнымъ, какъ бы ни былъ коротокъ тотъ промежутокъ времени, къ которому онъ относится. При длинномъ промежуткѣ сами цифры, свою пи съ чѣмъ несообразною величиною, напоминаютъ намъ о дѣйствительности. При короткомъ промежуткѣ онѣ не дѣлаютъ этого, оставляя насъ въ заблужденіи относительно правильности нашихъ разсужденій. Въ этомъ вся выгода (или невыгода) короткихъ промежутковъ.

Во всемъ расчетѣ Чернышевскаго единственная ссылка на экономическую дѣйствительность заключается въ указаніи того обстоятельства, что нѣкоторые отдѣльные капиталы чрезвычайно быстро растутъ „по геометрической прогрессіи“. „Начавъ свои обороты съ какою нибудь сотнею рублей, человекъ становится въ 50 лѣтъ миллионеромъ.“ Но современному читателю едва ли нужно напоминать, что ростъ отдѣльныхъ и въ особенности *торговыхъ* капиталовъ можетъ быть причиненъ измѣненіями въ *распределеніи* національнаго дохода и вообще національнаго богатства, не сопровождаясь при этомъ возростаніемъ общей суммы національнаго капитала, а слѣдовательно и общей „суммы прибыли“. Ростъ же національнаго богатства буржуазныхъ странъ нельзя объяснить иначе, какъ условіями его *воспроизведенія* капитала.

Чернышевскій предполагаетъ въ своей таблицѣ, что „сумма продукта“, равнявшаяся первоначально десяти тысячамъ, черезъ шестьдесятъ лѣтъ разрастается до 360,000. И такой ростъ ея предполагается одинаково возможнымъ, какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи, т. е. при неизмѣняющемся числѣ работниковъ. Но что изображаютъ собою различныя цифры, относящіяся къ рубрикѣ: сумма продукта? Онѣ не могутъ выразить ничего, кромѣ стоимости этой суммы. Но вѣдь стоимость создается трудомъ. Если стоимость товара А въ 36 разъ больше стоимости товара В, то это значитъ, что на производство товара В нужно въ 36 разъ меньше труда, чѣмъ на производство товара А. Если при неизмѣняющемся числѣ работниковъ стоимость продукта ихъ труда становится въ 36 разъ больше, чѣмъ была прежде, то это значитъ, что каждый работникъ вкладываетъ теперь въ продуктъ въ 36 разъ больше труда, чѣмъ

*) Соч., т. IV., стр. 181—182.

***) Тамъ же, стр. 183.

вкладывалъ первоначально.*) А это ни въ какомъ случаѣ невозможно безъ увеличенія интенсивности труда и продолжительности рабочаго дня. Чернышевскій ничего не говоритъ ни о томъ, ни о другомъ. Даже болѣе. Какъ и у Милля, какъ и у Рикардо, какъ и у множества другихъ экономистовъ, продолжительность рабочаго дня и интенсивность труда всюду безмолвно принимаются у него за величины постоянныя.***) Но при неизмѣнной интенсивности труда и при неизмѣнной продолжительности рабочаго дня стоимость продукта даннаго числа работниковъ остается неизмѣнною. Какъ же не замѣтилъ этого Чернышевскій? Дѣло въ томъ, что онъ и самъ едва ли ясно сознавалъ что такое имѣеть онъ въ виду, говоря о ростѣ „суммы продукта“: *стоимость* продукта или представляемое имъ вещественное богатство? Да съ той отвлеченной точки зрѣнія, на которую онъ сталъ при составленіи своей таблицы, не видно было и надобности въ строгомъ различеніи этихъ существенно различныхъ понятій.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Когда Чернышевскій упрекаетъ экономистовъ смитовской школы въ томъ, что они не замѣтили свойства прибыли роста по сложнымъ процентамъ, онъ невѣрно выражаетъ свою собственную мысль. Въ его таблицѣ „сумма продукта“ растетъ тоже по сложнымъ процентамъ. Если, тѣмъ не менѣе, прибыль поѣдаетъ въ ней весь продуктъ, то это происходитъ единственно потому, что процентъ ея возростанія больше процента возростанія продукта. Значитъ, дѣло не въ прогрессіи, а въ *знаменателъ* прогрессіи. Можно бы и не говорить о такихъ мелочахъ. Но мы еще увидимъ, что неточность *выраженій* нашего автора не рѣдко вела за собою вовсе уже не мелочныя послѣдствія, причиняя ошибки въ его *разсужденіяхъ*.

Но, повторяемъ, совершенно справедлива та основная мысль, которую хотѣлъ доказать Чернышевскій. Съ развитіемъ капитализма рабочая плата дѣйствительно составляетъ все меньшую и меньшую часть національнаго продукта. Теперь это доказано самымъ убѣдительнымъ образомъ, но доказано, разумѣется, не арифметикою, а статистикою. Къ статистикѣ и должны обратиться тѣ, которые захотѣли бы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. А кто, не сомнѣваясь въ существованіи этого явленія, захотѣлъ бы найти удовлетворительное объясненіе его, тотъ долженъ былъ бы взглянуть на вопросъ объ относительномъ ростѣ прибавочной стоимости съ точки зрѣнія измѣняющихся условій воспроизведенія капитала, съ точки зрѣнія отношеній рабочихъ къ капиталистамъ. „Прибыль“ (прибавочная стоимость) стремится „поглотить“ рабочую плату“ потому, что съ развитіемъ капитализма отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу предпринимателей. „Быстрый ростъ капитала является, по отношенію къ наемному труду, наивыгоднѣйшимъ изъ

*) Еще разъ напоминаемъ, что у Чернышевскаго въ стоимость продукта не входитъ стоимость воспроизводимой въ немъ части постоянного капитала.

**) Потому онъ и не пришелъ къ мысли о необходимости законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

всѣхъ условій“.*) Рабочій прежде и чувствительнѣе всѣхъ платится за всякій застой въ историческомъ развитіи капитализма. А между тѣмъ „ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое возрѣтаніе конкуренціи, т. е. ведетъ къ несравненно болѣе быстрому относительному уменьшенію источниковъ заработка и средствъ существованія для рабочаго класса“.**) Ростъ общей суммы капитала сопровождается уменьшеніемъ переменнѣйшей его части, и это происходитъ въ то время, когда, даже независимо отъ роста народонаселенія, увеличивается предложеніе рабочей силы: рядомъ со взрослыми рабочими на „рынкѣ труда“ являются дѣти, рядомъ съ мужчинами—женщины. Соперничество между продавцами рабочей силы страшно понижаетъ ея цѣну, которая падаетъ теперь ниже ея стоимости. Капиталисты блаженствуютъ. Руки и дешевы и сговорчивы. Эксплуатация рабочихъ увеличивается въ неслыханной степени. А на ней основывается обогащеніе капиталистовъ. Въмѣстѣ съ ростомъ эксплуатации растутъ и уровень прибавочной стоимости, которая составляетъ все большую и большую долю національнаго продукта. И это еще не все. Мы сказали, что цѣна рабочей силы падаетъ ниже ея стоимости. Но если бы этого и не было, если бы капиталистъ покупалъ рабочую силу по ея дѣйствительной стоимости, то и тогда было бы неизбѣжно относительное уменьшеніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ. Развитіе капитализма сопровождается увеличеніемъ производительности труда. Съ увеличеніемъ производительности труда удешевляется содержаніе работника, а такъ какъ стоимость рабочей силы опредѣляется стоимостью содержанія ея представителя, то ясно, что съ увеличеніемъ производительности труда должна увеличиваться та доля національнаго продукта, которая остается у капиталиста за вычетомъ стоимости рабочей силы. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія капитализма отношенія производства все болѣе и болѣе измѣняются къ выгодѣ капиталистовъ и къ невыгодѣ работниковъ. Слѣдовательно, если прибыль поглощаетъ рабочую плату, то причина этого лежитъ въ отношеніяхъ людей, а не въ качествахъ вещей и не въ свойствахъ той или другой экономической категоріи. Говоря, что прибыль имѣетъ свойство увеличиваться въ той или другой прогрессіи, мы только выражаемъ извѣстнымъ образомъ экономическій фактъ, который не перестаетъ требовать отъ насъ своего объясненія. Нѣкоторые буржуазные экономисты ограничивали свои разсужденія о мѣновой стоимости указаніями на то, что предметы имѣютъ способность обмѣниваться другъ на друга въ извѣстной пропорціи. Такимъ образомъ, мѣновая стоимость оказывалась однимъ изъ свойствъ вещей. Чернышевскій ищетъ причины относительнаго уменьшенія рабочей платы въ свойствахъ прибыли, т. е. въ свойствахъ одной изъ экономическихъ категорій. Но экономическія категоріи сами выражаютъ собою не что иное, какъ взаимныя отношенія людей, или цѣлыхъ классовъ людей, въ общественномъ

*) Наемный Трудъ и Капиталъ, Карла Маркса, стр. 14 русскаго женеваго изданія.

***) Карлъ Марксъ, тамъ же.

процессъ производства. Экономическая наука только тогда и стала на правильную точку зрѣнія, когда поняла это и занялась изслѣдованіемъ тѣхъ взаимныхъ отношеній которыя скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономическихъ категорій. Но необходимости этого, въ высшей степени важнаго, шага въ развитіи экономической науки еще не подозрѣвали ни Д. С. Милль, ни его переводчикъ и критикъ, Н. Г. Чернышевскій.

Вернемся къ вопросу о прибавочной стоимости. Мы сказали, что по мѣрѣ развитія капитализма увеличивается ея уровень. Чернышевскій, пытавшійся доказать ту же самую мысль въ главѣ о прибыли, въ послѣдующихъ главахъ утверждаетъ, что слѣдствіемъ промышленнаго прогресса бываетъ пониженіе прибыли. „Въ передовыхъ странахъ прибыль вообще довольно близка къ минимуму, а по достиженіи этого минимуму перестаетъ возрастать капиталъ и наступаетъ такъ называемое неподвижное состояніе“.*) Таковъ окончательный выводъ нашего автора. Мы уже говорили, что выводъ этотъ противорѣчитъ дѣйствительности. Но для того, чтобы со всѣхъ сторонъ выяснитъ себѣ взглядъ Чернышевскаго, мы должны сопоставить ученіе его о прибыли съ его же ученіемъ о поземельной рентѣ.

II

Въ ученіи о поземельной рентѣ Чернышевскій, повидимому, строго держится взглядовъ Рикардо. Онъ зло смѣется надъ Кэри, пытавшимся опровергнуть теорію знаменитаго англійскаго экономиста. Но излагая и защищая ученіе Рикардо, Чернышевскій не забываетъ и главной своей цѣли: оттѣненія невыгодныхъ сторонъ существующаго экономического порядка. Онъ замѣчаетъ, что въ видѣ ренты землевладѣлецъ присвоиваетъ себѣ продуктъ чужого неоплаченнаго труда. „Если угодно, вы можете доказывать — говоритъ онъ—что рента не входитъ въ издержки производства, что она не составляетъ лишняго расхода, а выражаетъ собою только экономію труда въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ трудомъ въ менѣе хорошихъ условіяхъ. Положимъ, что все это такъ; но какъ бы то ни было, рента составляетъ долю продукта; если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта ренты.“***) Это разумѣется совершенно справедливо. Но когда, почти непосредственно вслѣдъ за этимъ, Чернышевскій говоритъ, что „рента подобно прибыли имѣетъ тенденцію захватывать все большую и большую долю изъ продукта“, и что такимъ образомъ „рента играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы“, — то

*) Т. IV, стр. 366.

**) Соч. Т. 4, стр. 200.

онъ обнаруживаетъ значительную неясность своихъ экономическихъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ изслѣдованіи о прибыли Чернышевскій имѣлъ въ виду не собственно предпринимательскую прибыль, а всю вообще прибавочную стоимость. Онъ самъ оговаривается, „что рента тутъ въ счетъ не идетъ, потому что она сама только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства“. И дѣйствительно, поземельная рента составляетъ лишь часть прибавочной стоимости. Но если это такъ, то замѣчаніе Чернышевскаго о ростѣ ренты приходится выразить слѣдующимъ образомъ : достающаяся землевладѣльцу часть прибавочной стоимости играетъ относительно всей вообще прибавочной стоимости и рабочей платы точно такую же роль, какую прибавочная стоимость играетъ относительно рабочей платы : ростъ части прибавочной стоимости, *поземельной ренты*, приводитъ къ уменьшенію той доли продукта, которая, *за вычетомъ ренты*, остается на всю вообще прибавочную стоимость и на рабочую плату. Это явная несообразность, происхожденіе которой можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ главѣ о поземельной рентѣ Чернышевскій словомъ „прибыль“ обозначаетъ уже не всю вообще прибавочную стоимость, а собственно такъ называемую предпринимательскую прибыль, т. е. опять таки лишь одну часть прибавочной стоимости. Въ такомъ случаѣ мысль его становится, повидимому, совершенно понятной. Однако и это не совсѣмъ такъ. Если въ главѣ о рентѣ Чернышевскій подъ прибылью понималъ только прибыль предпринимателя, а не прибавочную стоимость вообще, то онъ не имѣлъ права уподоблять тенденцію ренты тенденціи предпринимательской прибыли, такъ какъ къ этой послѣдней не имѣетъ прямого отношенія разсужденіе его о ростѣ прибавочной стоимости. Ясно, что Чернышевскій, связывая со словомъ „прибыль“ совершенно различныя понятія, незамѣтно для себя, — а потому и безъ всякихъ оговорокъ, — переходитъ отъ одного къ другому, чѣмъ вноситъ запутанность какъ въ изложеніе, такъ и въ самое изслѣдованіе предмета. Въ виду подобной неточности его выраженій невольно является мысль, что можетъ быть онъ вовсе не противорѣчитъ самъ себѣ, когда, разсуждая „о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату“, приписываетъ прибыли „тенденцію къ пониженію“ : можетъ быть онъ разумѣетъ тамъ не всю вообще прибавочную стоимость, а лишь доходъ предпринимателей. Чтобы устранить это сомнѣніе, напомнимъ подлинныя слова нашего автора. „Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возросло, то стала бы возвышаться рабочая плата ; слѣдовательно прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. А если бы населеніе размножилось, надобно было бы увеличиваться количеству пищи, то есть надобно было бы земледѣлію спускаться на земли менѣ плодородныя, земледѣльческій трудъ становился бы менѣ успѣшнымъ и опять таки стала бы уменьшаться доля, остающаяся у предпринимателя за вычетомъ расхода на содержаніе работника“.*) Если мы не ошибаемся, въ этихъ строкахъ подъ словомъ

*) Соч. Т. 4, стр. 368.

„прибыль“ понимается прибавочная стоимость вообще, т. е. та доля продукта, которой Чернышевский приписывалъ свойство роста въ геометрической прогрессіи. Но если бы, противъ ожиданія, нужно было понимать здѣсь слово „прибыль“ въ смыслѣ дохода предпринимателя, то и тогда нашъ авторъ все таки противорѣчилъ бы самъ себѣ. Пониженіе прибыли оказывается здѣсь неизбѣжнымъ даже въ томъ случаѣ, когда населеніе не размножается, запросъ на пищу не увеличивается, земледѣліе не переходитъ на менѣе плодородные участки и потому поземельная рента не возрастаетъ. Причиной пониженія прибыли является здѣсь единственно только увеличеніе спроса на трудъ и возвышеніе заработной платы, которое признается неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста капитала, между тѣмъ какъ раньше Чернышевский доказывалъ, что даже при неразмножающемся населеніи ростъ капитала означаетъ не паденіе уровня прибыли, а уменьшеніе фонда рабочей платы.

Но что понимаетъ Чернышевский подъ выраженіемъ уровень прибыли? Въ виду того, что со словомъ прибыль у него соединяются два различныхъ понятія, само выраженіе *уровень прибыли* имѣетъ у него двойственный смыслъ: иногда оно означаетъ отношеніе къ капиталу всей суммы прибавочной стоимости, а иногда только отношеніе къ нему собственно предпринимательской прибыли. Это понятно само собою. Но спрашивается, о какомъ именно капиталѣ говоритъ Чернышевский? Если въ каждомъ данномъ процессѣ производства всѣ издержки предпринимателя „сводятся къ рабочимъ платамъ“, то весь капиталъ превращается въ то, что называется теперь переменнымъ капиталомъ. Значитъ, подъ выраженіемъ уровень прибыли нашъ авторъ, по крайней мѣрѣ иногда, понималъ совершенно то же самое что и теперь понимается подъ нимъ: отношеніе прибавочной стоимости къ стоимости рабочей силы. О такомъ „уровнѣ прибыли“ можно категорически сказать, что онъ не только не понижается, но постоянно возвышается съ ходомъ экономического прогресса. Если же, говоря объ „уровнѣ прибыли“, Чернышевский припоминалъ, что въ дѣйствительности далеко не всѣ издержки предпринимателя сводятся къ рабочимъ платамъ, если онъ принималъ въ соображеніе постоянный капиталъ, то въ такомъ случаѣ приходится замѣтить, что пониженіе „уровня прибыли“ можетъ прекрасно уживаться съ возрастаніемъ степени эксплуатаціи работника. Чтобы пояснить это прибѣгнемъ и мы къ „гипотезѣ“. Положимъ, что и постоянный и переменный капиталъ равняются у насъ каждый десяти единицамъ; прибавочная стоимость тоже равняется десяти. Общая сумма капитала относится къ прибавочной стоимости какъ 20 къ 10. Слѣдовательно, „уровень прибыли“ равняется $(10 : 20) 50\%$. Положимъ далѣе, что нашъ капиталъ растетъ, при чемъ ростъ его сопровождается измѣненіемъ относительной величины его частей: постоянный капиталъ равняется 35 един.; переменный по прежнему—10, а прибавочная стоимость возросла до 15. „Уровень прибыли“ равенъ теперь $(15 : 45) 33\frac{1}{3}\%$. Онъ, какъ видите, понизился, но степень эксплуатаціи труда испытала огромное увеличеніе: прежде рабочіе, получая въ видѣ платы 10 единицъ стоимости, создавали своимъ не-

оплаченнымъ трудомъ тоже 10 единицъ для предпринимателей. Степень эксплуатаціи труда равнялась (10 : 10) 100%. Теперь же она равняется (15 : 10) 150%. Капиталисты получаютъ теперь относительно гораздо большую долю годового продукта. Но такъ какъ процентное отношеніе этой доли къ общей суммѣ капитала значительно уменьшилось, то можно подумать, что не „прибыль стремится поглотить“ теперь рабочую плату, а наоборотъ, рабочая плата поглотила часть прибавочной стоимости. Чернышевскій упустилъ изъ виду возможность такого сочетанія обстоятельствъ.

Что касается поземельной ренты, то по смыслу теоріи Рикардо она растетъ единственно вслѣдствіе перехода земледѣлія на менѣе и менѣе плодородные участки. Но переходъ земледѣлія на менѣе плодородные участки при прочихъ равныхъ условіяхъ означаетъ возростаніе стоимости содержанія работника, т. е. иначе сказать, возростаніе стоимости рабочей силы. А возростаніе стоимости рабочей силы равносильно уменьшенію доли эксплуататоровъ въ національномъ продуктѣ, а слѣдовательно уменьшенію степени эксплуатаціи труда и уровня „прибыли“ (прибавочной стоимости). Чернышевскій былъ бы совершенно правъ, если бы сказалъ, что ростъ поземельной ренты, причиняемый переходомъ земледѣлія на менѣе плодородные участки, ведетъ къ относительному уменьшенію прибавочной стоимости. Но онъ говоритъ совсѣмъ не то. Изъ его словъ выходитъ, что рента растетъ одновременно съ относительнымъ увеличеніемъ прибавочной стоимости, но растетъ скорѣе, чѣмъ эта послѣдняя, вслѣдствіе чего очень быстро уменьшается доля продукта, достаемая предпринимателямъ и работникамъ вмѣстѣ взятымъ. Но такой ходъ дѣла противорѣчитъ его собственнымъ посланкамъ, т. е. той самой теоріи Рикардо, которая лежитъ въ основѣ его разсужденій о вліяніи роста поземельной ренты на распредѣленіе національнаго продукта.

Впрочемъ, здѣсь надо оговориться. Многіе буржуазные экономисты считали постепенное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, сопровождающее ростъ народонаселенія и капитала, совершенно безспорнымъ явленіемъ. Чернышевскій только условно допускаетъ такое уменьшеніе. Онъ думаетъ, что оно непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы не происходило улучшеній въ земледѣліи. Но такія улучшенія постоянно совершаются, а этимъ задерживается ростъ поземельной ренты. „Общая формула всякаго прогресса, говоритъ намъ авторъ, состоитъ въ томъ, что онъ уменьшаетъ силу неравенствъ.*) Въ примѣненіи къ земледѣльческому производству каждое усовершенствованіе, возвышая успѣхъ дѣла въ лучшихъ обстоятельствахъ, обыкновенно еще значительно возвышаетъ его въ обстоятельствахъ менѣе хорошихъ, а во всякомъ случаѣ устраняетъ надобность вести дѣло въ обстоятельствахъ, бывшихъ прежде самыми худшими. Напр., если отъ замѣны сохи хорошимъ плугомъ на землѣ перваго сорта будетъ родиться 12 четвертей вмѣсто прежнихъ 10,

*) Это, разумѣется, не вѣрно. Мы уже опровергали эту мысль во второй статьѣ. Замѣтимъ здѣсь, что она и до сихъ поръ признаетъ безспорной нѣкоторыя русскими „соціологами“ въ ихъ разсужденіяхъ о томъ, „что такое прогрессъ?“

то на землѣ пятаго сорта будетъ въ большей части случаевъ родиться вмѣсто прежнихъ 6 четвертей не 8, а 9; а во всякомъ случаѣ отъ значительнаго увеличенія продукта съ этихъ первыхъ пяти сортовъ земли, отстранится надобность воздѣлывать землю шестаго сорта, которая воздѣлывалась прежде, давая только 5 четвертей. Такимъ образомъ, низшая норма успѣшности дѣла, норма, опредѣляющая ренту, значительно облегчается“.*)

Есть еще другая сила, задерживающая, по мнѣнію Чернышевскаго, возрастаніе поземельной ренты. Сила эта заключается „въ самой чрезмѣрности стремленія ренты возрастать: рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, т. е. къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства, еще менѣе удовлетворительною, — формою, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, т. е. рента при трехчленномъ дѣленіи идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія; а при уменьшеніи населенія конечно прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли, а отъ этого рента подрываетъ сама себя. Эта тенденція ренты уменьшать сумму продукта конечно борется съ силою прогресса, стремящеюся увеличить его, и въ новыя времена сила прогресса стала уже настолько велика, что одерживаетъ постоянный перевѣсъ, и дѣйствіе ренты въ новой исторіи является не уменьшающимъ продуктъ, а только уменьшающимъ его увеличеніе“.**)

Въ главѣ о рентѣ Чернышевскій только мимоходомъ касается вопроса о мнимомъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда. Подробнѣе разсматриваетъ онъ его при разборѣ ученія Мальтуса о народонаселеніи, а также въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату. Главный доводъ его противъ Мальтуса сводится къ тому, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, причиняемое переходомъ земледѣлія на худшіе участки, въ сущности очень ничтожно, и что даже во времена самаго мрачнаго средневѣковаго застоя земледѣльческія усовершенствованія легко могли пересилить дѣйствіе этой причины. Мы еще вернемся къ этому доводу Чернышевскаго, а пока остановимся лишь на слѣдующихъ соображеніяхъ его. Количество труда, нужное на производство продуктовъ, уменьшается какъ въ мануфактурной промышленности, такъ и въ земледѣліи. Но въ земледѣліи оно уменьшается не такъ быстро, какъ въ мануфактурной промышленности. Поэтому стоимость земле-

*) Соч. Черныш. Т. 4, стр. 202. Здѣсь, кажется, опечатка. Должно быть: *повышается*, а не *облегчается*.

**) Соч. Чер., Т. 4, стр. 204.

дѣльческихъ продуктовъ увеличивается сравнительно со стоимостью мануфактурныхъ товаровъ. Спрашивается, почему же земледѣліе отстаётъ отъ мануфактурной промышленности? „Земледѣльческое искусство и знаніе растутъ медленно, а распространяются еще медленно“, говоритъ Милль. Чернышевскій справедливо замѣчаетъ, что „этотъ очень справедливый отвѣтъ вовсе еще не отвѣтъ, а только новый вопросъ“. „Отчего же земледѣльческое искусство и знаніе растутъ медленно, а распространяются еще медленно?“—спрашиваетъ онъ. Извѣстно, что „земледѣльческое производство составляетъ процессъ гораздо болѣе многосложный, чѣмъ какая нибудь фабрикація; натурально, что задача объ усовершенствованіи простѣйшаго дѣла требуетъ меньшихъ соображеній, чѣмъ усовершенствованіе дѣла болѣе запутаннаго. Но вѣдь и это все еще не отвѣтъ. Если одна задача труднѣе другой, то слѣдовало бы ожидать, что геніальнѣйшіе умы займутся первою, предоставивъ вторую умамъ второстепеннымъ.“ Но геніальные умы, какъ бы сговорившись, обходятъ вопросы земледѣлія. „Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и математикой, исторіей и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ — Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія.“ Это явленіе Чернышевскій старается объяснить указаніемъ на тѣсную связь, существующую между развитіемъ науки и интересами господствующихъ классовъ. „Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ, говоритъ онъ. Любознательность, общая имъ со всѣми людьми, направляла человѣческую мысль къ отвлеченнымъ наукамъ; въ практическихъ знаніяхъ направляла она ее къ усовершенствованію всѣхъ дѣлъ, по которымъ недостаетъ чего нибудь нужнаго высшему или среднему классу. Мы выучились, какъ строить корабли, дома, ткать матерію; удивительныхъ успѣховъ достигли эти искусства, потому что безъ очень высокаго развитія ихъ чувствуетъ неудобство въ жизни человѣкъ богатый или зажиточный. Но и при самомъ младенческомъ состояніи земледѣлія, дурна ли, или недостаточна ли его пища? — слава богу, онъ ѣстъ вкусно и сытно. Разумѣется, каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, думать о своемъ надобностяхъ. Усовершенствованіе земледѣлія нужно только простолюдну. Пока простолюдины не имѣли никакого значенія въ исторіи, они одни съ своимъ невѣжествомъ и хлопотали о земледѣльческихъ улучшеніяхъ. Появленіе Таэра, который первый рационально занялся сельскимъ хозяйствомъ, не даромъ совпадаетъ съ концомъ прошлаго вѣка, когда простолюдины сдѣлали попытку заявить свои права въ исторіи. Либихъ, который первый изъ великихъ ученыхъ занялся земледѣліемъ, не случайно явился современникомъ такъ называемыхъ утопистовъ“.*)

По поводу этого „кореннаго отвѣта“ Чернышевскаго на вопросъ объ остатости земледѣлія приходится сказать почти то же, что говорили мы обо всѣхъ другихъ пополненіяхъ его къ ученіямъ буржу-

*) Томъ 4, стр. 357—358—359.

азныхъ экономистовъ. Отвѣтъ этотъ очень остроуменъ. Давая его, нашъ авторъ обнаруживаетъ гораздо болѣе вѣрный взглядъ на исторію науки и вообще на движеніе мысли, чѣмъ тѣ будто бы глубокіе мыслители, по мнѣнію которыхъ наука и мысль развиваются сами изъ себя и сами для себя, независимо отъ вліяній жизни и безъ всякаго отношенія къ экономическимъ интересамъ общества. Но остроумный отвѣтъ Чернышевскаго все таки сдѣланъ безъ достаточнаго вниманія къ конкретнымъ экономическимъ отношеніямъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ „кореннымъ отвѣтомъ“. Это все таки еще очень абстрактный, односторонній и потому ошибочный отвѣтъ. Извѣстно, что въ настоящее время хлопчатобумажная промышленность составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей производства въ капиталистическихъ странахъ. Но какіе же классы одѣваются въ хлопчатобумажныя издѣлія? Бѣдные; богатые предпочитаютъ другія издѣлія. Прусскіе юнкера старательно занимаются выдѣлкой картофельнаго спирта. Для кого предназначается этотъ полезный продуктъ? Конечно, не для богатыхъ классовъ, тѣ предпочитаютъ другіе напитки. Да и вообще, можно ли сказать: что современная промышленность рассчитываетъ преимущественно на богатыхъ и зажиточныхъ потребителей, что она занимается исключительно производствомъ предметовъ роскоши и комфорта? Далеко нѣтъ. Современная промышленность, во-первыхъ, имѣетъ въ виду нужды самого производства: такова желѣзодѣлательная, машиностроительная и каменноугольная промышленность; во-вторыхъ, стараясь обезпечить себѣ возможно большій рынокъ, она имѣетъ въ виду прежде всего народныя массы, т. е. тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, о которыхъ она совершенно забываетъ, по мнѣнію Чернышевскаго. Эта погоня за массовымъ сбытомъ существенно отличаетъ ее отъ промышленности, напримѣръ, народовъ Востока, которая дѣйствительно имѣетъ въ виду почти исключительно только потребности высшихъ классовъ, такъ какъ высшіе классы, живущіе тамъ при условіяхъ натурального хозяйства, удовлетворяютъ свои нужды собственными издѣліями. Въ значительной степени также было и въ античномъ мірѣ, и вотъ почему Плутархъ, описывая механическія изобрѣтенія Архимеда, извиняется за него передъ читателемъ, говоря, что знаменитый математикъ обратился къ такому, недостойному философа, занятію единственно для защиты отъ римлянъ своего отечества. Въ Греціи и Римѣ складъ общественныхъ отношеній дѣйствительно направлялъ человѣческую мысль почти исключительно къ отвлеченнымъ наукамъ. Но теперь дѣло измѣнилось кореннымъ образомъ. Въ капиталистическомъ обществѣ интересы самихъ эксплуататоровъ направляютъ человѣческую мысль на техническія изобрѣтенія, которыя не имѣли бы никакого практическаго смысла, если бы могли примѣняться только къ производству предметовъ роскоши и комфорта. Да и какое дѣло капиталисту до того, кѣмъ потребляются издѣлія его работниковъ, богачами или бѣдняками? Занимаясь выдѣлкой дряннаго, гиполого ситца, г. Морозовъ съ такимъ же усиліемъ служитъ интересамъ своего кармана, какъ и г. Сазиковъ, приготавливающій роскошныя серебряныя издѣлія. Этого совершенно достаточно для г. Морозова.

Деньги не пахнутъ. И посмотрите, кто больше пользуется или, не крайней мѣрѣ, кто имѣетъ большую возможность пользоваться техническими изобрѣтеніями, г. Сазиковъ, или г. Морозовъ? Вы увидите, что для промышленности, удовлетворяющей нужды бѣдняковъ, сдѣлано въ техническомъ смыслѣ гораздо больше, чѣмъ для промышленности, производящей предметы роскоши. Почему же это такъ? Потому ли, что гг. техники очень заботятся объ интересахъ бѣдняковъ? Нѣтъ, просто потому что, какъ мы уже сказали, промышленность перваго рода несравненно важнѣе теперь для самихъ эксплуататоровъ, чѣмъ промышленность втораго рода.*) Она даетъ тонъ, потому ей усерднѣе и служитъ наука.

Но въ такомъ случаѣ, отчего же земледѣліе отстало отъ мануфактурной промышленности? Отчасти потому, что земледѣліе дѣйствительно сложнѣе фабричнаго производства, а главнымъ образомъ потому, что земледѣліе развивалось при другихъ отношеніяхъ производства, чѣмъ мануфактурная промышленность. Успѣхи техники шли рядомъ съ успѣхами капитализма. Они обуславливались, вызывались къ жизни именно этими послѣдними успѣхами. Гдѣ же получилъ начало, гдѣ прежде всего развился и окупилъ капитализмъ, въ городѣ или въ деревнѣ? Извѣстно, что въ городѣ. Вѣрнѣе сказать, извѣстно, что капитализмъ овладѣлъ прежде всего такими отраслями производства, которыя, при отдѣленіи города отъ деревни, составляли принадлежность горожанъ. Мануфактурная промышленность раньше земледѣлія приняла капиталистическій характеръ, испытала поощрительное вліяніе конкуренціи. Неудивительно, что она далеко обогнала земледѣліе.

Международный обмѣнъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Когда Англія заводила торговыя сношенія съ Россіей, она могла предложить ей только мануфактурныя издѣлія. Земледѣльческихъ продуктовъ было достаточно въ Россіи, не смотря на всю ея отсталость. Но развитіе вывоза мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи способствовало расширенію ихъ производства, привлекало къ мануфактурной промышленности новые капиталы и новые таланты. Такъ создавались для этой промышленности новыя условія успѣха. Наоборотъ, земледѣліе передовыхъ странъ, по скольку оно не прибѣгало къ покровительственному тарифу, терпѣло отъ ввоза земледѣльческихъ продуктовъ изъ отсталыхъ странъ, область сбыта суживалась для него, а этимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, задерживались его успѣхи. По отношенію къ отсталымъ странамъ, выставляющимъ на международный рынокъ свои земледѣльческіе продукты, обмѣнъ дѣйствовалъ какъ революціонный двигатель, расшатывая и ломая ихъ изстари унаслѣдованные общественные порядки. Этимъ подготовлялась

*) „Почему же хлопокъ, картофель и водка стали краеугольнымъ камнемъ буржуазнаго общества? Потому что ихъ производство требуетъ наименьшаго труда и они имѣютъ, вслѣдствіе этого, наименьшую цѣну. А почему минимумъ цѣны обуславливаетъ максимумъ потребленія? Ужъ не вслѣдствіи ли абсолютной, внутренней полезности дешевыхъ вещей, ихъ способности наилучшимъ образомъ удовлетворять потребности рабочаго, какъ человѣка, а не человѣка, какъ рабочаго? Нѣтъ, это потому, что въ обществѣ, основанномъ на нищетѣ, самые нищенскіе продукты имѣютъ роковое преимущество служить для потребленія массы“. Карлъ Маркъ, Нищета Философін, стр. 37 рус. перевода.

почва для развитія капитализма въ отсталыхъ странахъ, Но и тамъ, благодаря феодальнымъ или крѣпостническимъ отношеніямъ, мануфактурная промышленность представляла обыкновенно болѣе удобствъ для приложенія нарождающагося капитала. Не знавшая ни феодальныхъ, ни старозавѣтныхъ крѣпостническихъ отношеній, Америка представляетъ одно изъ тѣхъ исключеній, которыя только подтверждаютъ общее правило.*) На дѣвственной американской почвѣ земледѣльческій капитализмъ сдѣлалъ не менѣе, если не болѣе успѣховъ, чѣмъ и мануфактурная промышленность. Но за то американцы справедливо гордятся успѣхами своего земледѣлія, и отсталый русскій крестьянинъ, при всей красотѣ своихъ „устоевъ“, все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ непосильную для него тяжесть американскаго соперничества.

Стараясь объяснить медленное распространеніе земледѣльческихъ знаній, Чернышевскій горячо нападаетъ на тѣхъ „рутинистовъ“ которые говорятъ, что крестьянинъ врагъ нововведеній, что онъ любитъ держаться старины. „Это одинъ изъ сотни тѣхъ глупѣйшихъ афоризмовъ, — восклицаетъ онъ — упорное существованіе которыхъ въ книгахъ и въ мысляхъ образованнаго общества принуждаетъ думать, что вотъ именно оно, образованное и прогрессивное общество, до безумія любитъ сохранять всякую нелѣпность, которая засядетъ въ него“. По мнѣнію Чернышевскаго, дѣло не во враждѣ крестьянъ къ улучшеніямъ, а просто въ ихъ бѣдности. „У человѣка очень бѣднаго, разумѣется, нѣтъ средствъ ни къ чему, въ томъ числѣ и къ производству земледѣльческихъ улучшеній.“ **). Ни мало не желая защищать „образованное и прогрессивное общество“, мы все таки замѣтимъ съ своей стороны, что одною бѣдностью крестьянъ отсталость ихъ еще далеко не объясняется. Промышленные рабочіе тоже бѣдны, а между тѣмъ они гораздо больше и легче крестьянъ увлекаются всякими нововведеніями. Отсталость крестьянина объясняется общею отсталостью тѣхъ экономическихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Человѣкъ есть продуктъ окружающей его общественной среды. Чернышевскій часто повторялъ и прекрасно доказывалъ это положеніе. Но онъ не всегда умѣлъ надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ при изслѣдованіи того или другого общественнаго явленія. Вотъ почему, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ“, чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ, т. е. замѣтенъ болѣе въ его взглядахъ на отдѣльнаго человѣка, чѣмъ во взглядахъ на цѣлое общество.

III

Теперь намъ остается разобрать ученіе Чернышевскаго о кризисахъ о народонаселеніи, чтобы покончить съ важнѣйшими экономи-

*) Рабство черныхъ въ южныхъ штатахъ само было продуктомъ капитализма (мы сказали бы *колониальнаго* капитализма). Но и это рабство было преградой для успѣховъ земледѣлія. Только съ окончаніемъ междоусобной войны началась для Сѣверной Америки эпоха неслыханнаго земледѣльческаго процвѣтанія.

***) IV стр. 360 - 361

ческими взглядами его. Какъ смотримъ мы на возраженія, сдѣланныя Мальтусу имъ, это мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ. Въ настоящее же время мѣсто позволяетъ намъ сдѣлать лишь одно заключительное замѣчаніе. Намъ часто приходилось оспаривать нашего автора, доказывать несостоятельность а мѣстами и противорѣчивость его взглядовъ. Это можетъ обрадовать русскихъ охранителей. „Такъ вотъ онъ идолъ, богъ нигилистовъ! воскликнуть они. Вотъ онъ, учитель, ссылка котораго объявлялась величайшимъ преступленіемъ нашего правительства передъ наукой. Теперь оказывается, что экономическіе взгляды его не выдерживаютъ критики. Очень пріятное открытіе!“ — На такіе и подобныя возгласы мы заранѣе отвѣчаемъ слѣдующее. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что экономическая наука сдѣлала большіе успѣхи со временъ Чернышевскаго, и что, поэтому, взгляды его значительно устарѣли теперь. При томъ же новѣйшими успѣхами своими экономическая наука обязана социалистамъ, а не гг. охранителямъ, которые вездѣ употребляли въ дѣло самыя безстыдныя софизмы, для того чтобы задержать ея развитіе. Правда, и для своего времени Чернышевскій не былъ большимъ знаткомъ политической экономіи. Но онъ все таки понималъ въ ней несравненно больше, чѣмъ гг. русскіе охранители. Его заживо похоронили въ сибирской пустынѣ, но ни разу, ни одинъ изъ реакціонеровъ даже не попытался опровергнуть хотя бы нѣкоторую часть его ученій. Отчего же это? Оттого ли, что у нихъ не было охоты спорить съ нимъ? Какъ бы не такъ! Имъ очень хотѣлось бы опровергнуть его, но на бѣду свою они умѣли лишь писать пошлости на тему о томъ, „что дѣлали въ романѣ: Что дѣлать?“ Уже одно это показываетъ, насколько превосходилъ онъ своихъ враговъ и умомъ и талантомъ и знаніями. А потому лучше молчать гг. охранителямъ, чтобы неосторожными и запоздалыми нападками на Чернышевскаго не напомнить читателямъ о своемъ собственномъ безсиліи.

Г. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, route de Lancy, 505

1892

Содержаніе.

	Стр.
I. — ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ К. МАРКСА ВЪ 1843 ГОДУ, переводъ съ нѣмецкаго. В. Наумова	5 ✓
II. — РУССКІЙ РАБОЧИЙ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ (окончаніе). Г. Плеханова	30 ✓
III. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. В. И. Засуличъ	81
IV. — ЗА БАЙКАЛОМЪ (разсказъ). Вл. Дебагорія-Мокрѣевича	109 ✓
V. — Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ (ст. четвертая и послѣдняя). Г. Плеханова	144 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

VI. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦІАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТІИ И ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНСКІЙ РЕЙХСТАГЪ (окончаніе). П. Аксельрода	3
VII. — ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ ПО ДѢЛУ С. ГИНСБУРГЪ.	46 ✓
VIII. — ВСЕРОССИЙСКОЕ РАЗЗОРЕНІЕ. Г. Плеханова	65 ✓
IX. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ 1881 ГОДУ	102 ✓
X. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. Г. П	125
XI. — ПРОТЕСТЪ ХАРЬКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ	131
XII. — ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВЪ (некрологъ)	133
XIII. — СТАНИСЛАВЪ ПАДЛЕВСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища	134
XIV. — ЛЮДОВИКЪ ВАРЫНСКІЙ (некрологъ). Польскаго товарища.	135
XV. — ШПИОНСКІЯ ЗАБАВЫ. Г. Плеханова	137
XVI. — О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ ВЫХОДѢ „СОЦ.-ДЕМОКРАТА“.	139
XVII. — СПИСОКЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	140

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Статья четвертая и послѣдняя.)

Заканчивая предыдущую статью, мы сказали, что намъ остается лишь разобрать ученіе Чернышевскаго о кризисахъ и о народонаселеніи, чтобы покончить съ важнѣйшими его экономическими взглядами. Читатель понимаетъ, почему мы отнесли къ одному мѣсту разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ. Онъ увидитъ также, почему мы начинаемъ съ вопроса о народонаселеніи.

I

Вопросъ о народонаселеніи тѣсно связанъ съ именемъ Мальтуса. Люди, мало знакомые съ исторіей политической экономіи, обыкновенно полагаютъ даже, что Мальтусъ былъ первымъ, выдвинувшимъ его въ наукѣ. Это большая ошибка. О народонаселеніи писали гораздо раньше Мальтуса и — что всего важнѣе — писали гораздо основательнѣе его. Совсѣмъ не задаваясь цѣлью исчерпать здѣсь всю существовавшую до Мальтуса литературу этого предмета, припомнимъ, какъ смотрѣли на него нѣкоторые писатели XVIII-го вѣка.

Франклинъ въ небольшой статьѣ „Observations concerning the Increase of Mankind“*) и т. д. говоритъ, что какъ растенія, такъ и животныя, не исключая человѣка, способны размножаться съ поразительной быстротой, и что если бы земля „была свободна отъ другихъ обитателей, она въ короткое время могла бы быть совершенно заселена однимъ какимъ нибудь народомъ, на примѣръ англичанами.“ Размноженіе рода человѣческаго задерживается, цѣлымъ рядомъ препятствій, на примѣръ, дурнымъ управленіемъ, войнами и, въ особенности, недостаткомъ средствъ существованія. Задача правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить народу эти средства, потому что быстрый ростъ населенія означаетъ быстрый ростъ національнаго могущества и богатства. По мнѣнію Франклина, бѣлое насе-

*) Works, T II, p.p. 384 — 391.

леніе Сѣверной Америки удваивалось каждыя 20 лѣтъ. Но для примѣра онъ предполагаетъ, что періодъ удвоенія равняется „только 25 годамъ“, и затѣмъ показываетъ, въ какую могучую націю могъ бы превратиться какой нибудь миллионъ англичанъ, переселившихся въ Америку. „Какое увеличеніе силы Британской имперіи на морѣ и на сушѣ! — съ восторгомъ восклицаетъ онъ. Какой ростъ промышленности и судоходства! Какое множество кораблей и моряковъ!“

Подобно американцу Франклину, англичанинъ Уоллэсъ задался цѣлью показать, что человѣческій родъ можетъ размножаться чрезвычайно быстро, если только этому не мѣшаютъ неблагоприятныя условія, къ числу которыхъ и онъ относитъ прежде всего недостатокъ средствъ существованія. „Въ любой странѣ вы всегда найдете, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, она населена тѣмъ больше, чѣмъ больше количество производимой ею пищи, поскольку изобиліе пищи служитъ для народныхъ массъ поощреніемъ къ браку.“ Уоллэсъ держится того мнѣнія, что въ древнемъ мірѣ населеніе было значительно гуще современнаго. „Было бы очень желательно, замѣчаетъ онъ, чтобы внимательнѣе отнеслись къ великому недостатку населенія во всѣхъ странахъ, и чтобы постарались выработать надлежащія планы для улучшенія этого положенія, такъ какъ благодѣтельный Творецъ природы предназначилъ землю главнымъ образомъ служить обиталищемъ человѣку, и такъ какъ, при подходящемъ воздѣлываніи, она могла бы кормить число людей, значительно превышающее то, которое населяетъ ее теперь.“ *)

Юмъ высказываетъ совершенно тѣ же взгляды относительно способности людей къ размноженію. Человѣческій родъ могъ бы болѣе чѣмъ удваивать свою численность съ каждымъ поколѣніемъ, если бы не препятствія (some difficulties in mens situation), вынуждающія людей сдерживать свое стремленіе къ дѣторожденію. Мудрое правительство обязано заботливо наблюдать и устранять эти препятствія (difficulties... which it belongs to a wise legislature carefully to observe and remove). **) Мимоходомъ Юмъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній (напримѣръ о способности рабовъ къ размноженію, о дѣтубійствѣ), которыя потомъ воспроизводитъ Мальтусъ, не называя источника.

Извѣстный Мирабо-отецъ считаетъ старой аксіомой ту мысль, что „люди плодятся какъ крысы въ хлѣбномъ амбарѣ, если у нихъ есть средства существованія.“ Мѣра этихъ средствъ служитъ мѣрой населенія. Но именно поэтому не войны и не эпидеміи препятствуютъ увеличенію народонаселенія (причиняемыя ими потери чрезвычайно легко пополняются), а роскошь, истребляющая средства существованія: „Заведите лишнюю лошадь въ странѣ, и вы можете быть увѣрены, что вы убьете тѣмъ по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ.“ Мирабо далекъ отъ того, чтобы видѣть источникъ бѣдно-

*) „Essai sur la différence du nombre des hommes dans les temps anciens et modernes“, trad. par de Joncourt, Londres M. DCC. LIV, pp. 27 et 272.

**) Of the populousness of Ancient Nations, in „Essays and treatises“, London MDCCCLIV, vol. IV, p. 139.

сти страны въ увеличеніи ея населенія: „дайте людей странѣ; если у нихъ нѣтъ денегъ, они привлекутъ ихъ.“ *)

Монтескье понимаетъ, что между размноженіемъ растений и животныхъ съ одной стороны и размноженіемъ людей — съ другой есть огромная разница. „Самки животныхъ, говоритъ онъ, отличаются почти неизмѣнною плодовитостью. Но въ человѣческомъ родѣ взгляды, характеръ, страсти, фантазіи, капризы, желаніе сохранить красоту, неудобства беременности и слишкомъ многочисленнаго семейства нарушаютъ размноженіе на тысячу ладовъ.“ **) Это совершенно вѣрная мысль. Но Монтескье не умѣлъ свести къ одной коренной причинѣ тѣ многочисленныя условія, которыя „на тысячу ладовъ нарушаютъ размноженіе“ рода человѣческаго. Въ этомъ случаѣ онъ остался вѣренъ своему обычному характеру мышленія. Онъ вообще не умѣлъ подняться отъ понятія о взаимодѣйствіи социальныхъ явленій до понятія объ ихъ общей основѣ, какъ это лучше всего видно изъ его книги о Римѣ.

Сэръ Джэмсъ Стэартъ въ своемъ, вышедшемъ въ 1767 г. „Inquiry into the principles of political economy“ высказываетъ болѣе глубокий взглядъ на народонаселеніе. Онъ понимаетъ, что существуетъ тѣсная связь между экономіей страны и ея населенностью†). Онъ различаетъ физическую невозможность прокормленія данной страной даннаго числа людей отъ моральной невозможности, обусловливаемой общественными отношеніями. Съ измѣненіями этихъ отношеній передвигается тотъ предѣлъ, по наступленіи котораго страна оказывается перенаселенной въ „моральномъ“ смыслѣ этого слова. Эти мысли Стэарта были далѣе развиты швейцарцемъ Герреншвандомъ, замѣчательное сочиненіе котораго††) вышло въ Парижѣ за нѣсколько лѣтъ до появленія перваго изданія „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

*) L'ami des hommes ou traité de la population. Nouvelle édition, Paris 1758, première partie. pp. 20—21—22, 191.

**) L'esprit des lois, II. XXIII, ch. I.

†) Замѣчательна самая постановка вопроса у Стэарта. „Мы увидимъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ законы промышленности вліяютъ на размноженіе и на земледѣліе“ (Кн. I, гл. II, стр. 29 французскаго перевода 1789 года). Стэартъ не считаетъ возможнымъ разсматривать вопросъ о народонаселеніи съ отвлеченной точки зрѣнія: „Я нахожу, что общія пропорціи всегда ошибочны“ — говоритъ онъ. „Въ сущности нѣтъ страны совершенно населенной, если подъ этимъ понимать число ея жителей, разсматриваемое независимо отъ потребленія ими произведеній страны“... „У свободнаго народа (Стэартъ имѣетъ въ виду народъ, живущій при буржуазныхъ условіяхъ производства) земледѣліе увеличиваетъ населеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой бѣдные получаютъ возможность покупать свою пищу своимъ трудомъ“ (стр. 50). У Стэарта идетъ рѣчь даже о чемъ-то въ родѣ экономическаго подбора, существенно отличнаго отъ подбора естественнаго, о которомъ говорилъ впоследствии Дарвинъ. Законъ экономическаго подбора устанавливается Стэартомъ неправильно: размноженіе привилегированныхъ онъ считаетъ прямо пропорціональнымъ ихъ средствамъ существованія. Это достаточно опровергается хотя бы примѣромъ современной Франціи (ср. Ar. Dumont, Dépopulation et civilisation). Тѣмъ не менѣе Дарвину было бы гораздо полезнѣе прочесть Стэарта, чѣмъ Мальтуса.

††) De l'économie politique moderne. Discours fondamental sur la population. A Paris, l'an III de la République.

Указавъ на то, что предѣлы для размноженія рода человѣческаго бывають двухъ родовъ: физическіе и моральныя, Герреншвандъ раздѣляетъ человѣчество по способамъ производства — или по способамъ ассоціаціи, какъ выражается онъ, — на три „класса“, которые отличаются одинъ отъ другого почти какъ „отдѣльные роды“: 1) охотники, 2) пастухи и 3) земледѣльцы. „Земледѣльческіе народы имѣютъ способность заставлятъ родиться свою пищу, такъ сказать, вездѣ, куда они являютъся, и кромѣ того эта пища можетъ быть переносима на огромныя разстоянія; это даетъ имъ то преимущество, что они могутъ скоплятъ населеніе въ такихъ мѣстахъ и, можно сказать, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ имъ вздумается. Такое положеніе земледѣльческихъ народовъ, совершенно противоположное положенію двухъ другихъ отдѣловъ рода человѣческаго, даетъ имъ возможность держаться различныхъ системъ въ образѣ жизни и въ способѣ удовлетворенія своихъ нуждъ; а это различіе системъ, уничтожая у нихъ однообразіе, царствующее у охотниковъ и пастуховъ, дѣлаетъ изъ нихъ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Земледѣліе вообще до такой степени видоизмѣняетъ растенія, животныхъ и людей сравнительно съ ихъ первоначальнымъ состояніемъ, что „природѣ трудно было бы узнать себя въ своихъ твореніяхъ.“*) Въ виду того, что различные земледѣльческіе народы придерживаются различныхъ системъ въ способахъ удовлетворенія своихъ нуждъ (т. е. различныхъ способовъ производства), они подчиняются различнымъ законамъ народонаселенія.**)

Да и въ средѣ одного и того же народа законы народонаселенія неодинаковы для различныхъ классовъ, на примѣръ, для рабовъ и для свободныхъ людей. Современную ему буржуазную систему Герреншвандъ называетъ системой земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, и считаетъ ее „самой смѣлой системой, какую только могъ придумать человѣческій родъ для обезпеченія своего существованія.“ Во всѣхъ другихъ системахъ „всѣмъ людямъ обезпечено прочное существованіе; но въ системѣ земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, половина націи оказывается въ самомъ необезпеченномъ положеніи... безъ опредѣленныхъ средствъ существованія, безъ увѣренности въ возможности пріобрѣсти ихъ посредствомъ труда, имѣя хлѣбъ сегодня, а завтра умирая съ голоду“.) Судьба этой части націи зависитъ отъ колебаній всемірнаго рынка. „Когда внѣшняя торговля уменьшается постепенно или внезапно прекращается для какой нибудь вѣтви промышленности, тогда люди, занимающіеся ею, постепенно приходятъ или вдругъ попадаютъ въ такое положеніе, что имъ остается только искать помощи у правительства. И если у правительства нѣтъ ни способности, ни желанія найти для нихъ новыхъ потребителей ихъ издѣлій, — они непремѣн-

*) Назв. соч. стр. 16 и 286.

**) Вообще, по мнѣнію Герреншванда, способъ удовлетворенія нуждъ, система экономическихъ отношеній, оказываетъ глубокое вліяніе на всѣ привычки и склонности народа. Такъ, причину воинственности древнихъ римлянъ онъ видитъ въ системѣ мелкаго землевладѣнія (стр. 23).

†) Назв. соч. стр. 41.

но должны или покинуть свою страну, чтобы искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ, или просить подаанія, или погибнуть отъ нищеты, потому что тогда земледѣльцы перестанутъ производить предназначавшуюся для нихъ пищу или будутъ вывозить ее за границу.“ *) Классическая страна капитализма, Англія, поражала Герреншванда огромнымъ количествомъ не имѣющихъ работы „бѣдняковъ и бродягъ.“ Онъ говоритъ, что увеличенія ихъ числа нельзя объяснить ни лѣнностью англійскаго народа, ни дѣйствіемъ нелѣпныхъ законовъ о бѣдныхъ, ни („еще того менѣе“) излишнимъ размноженіемъ, такъ какъ Англія далеко не достигла той цифры населенія, которую она способна прокормить. Онъ высказываетъ даже то предположеніе, что пауперизмомъ Англія обязана развитію машиннаго производства.***) Какъ бы тамъ ни было, главнымъ виновника такого положенія дѣлъ онъ долженъ былъ видѣть въ англійскомъ правительствѣ. Правительство обнаруживаетъ, по его словамъ, свою несостоятельность всякій разъ, когда данный народъ не производитъ всей той пищи, которую онъ могъ бы добыть, и всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ могла бы содержать его территорія. А въ такомъ положеніи находилась, по его словамъ, вся тогдашняя Европа, земледѣліе которой не производило и „половины того, что могло бы производить.“ ***)

Довольно. Подведемъ итогъ всему, что сказали намъ о народонаселеніи цитированные нами писатели. Многочисленное населеніе является источникомъ могущества и богатства страны. Мѣрой населенія служатъ средства существованія; поэтому „правительство“ не исполняетъ своей прямой обязанности, если не заботится объ ихъ увеличеніи. Количество пищи, добываемой въ каждой данной странѣ, зависитъ не только отъ ея плодородія и производительныхъ силъ, находящихся въ ея распоряженіи, но также и отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ эти силы употребляются въ дѣло. Современные общественныя отношенія — самыя смѣлыя изъ всѣхъ возможныхъ, по выраженію Герреншванда — ставятъ значительную часть народа въ совершенно небезопасное положеніе, благодаря которому ей постоянно грозитъ голодная смерть, не смотря на то, что земледѣліе могло бы прокормить гораздо большее населеніе. Развитіе машиннаго производства, то есть увеличеніе производительныхъ силъ, можетъ, при современномъ порядкѣ вещей, быть причиной обѣдненія рабочаго класса. Наконецъ, для каждой системы общественныхъ отношеній и даже для каждого общественнаго класса существуетъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Только растенія и животныя отличаются почти неизмѣнною плодovitостью.

Изъ всего этого слѣдуетъ такой выводъ: Хотя писатели восемнадцатаго вѣка склонны были разсматривать общественную жизнь съ очень, очень отвлеченной точки зрѣнія, но и они, съ большею

*) Тамъ же, стр. 60 — 61.

***) Тамъ же, стр. 69 — 70 и 246 — 247.

***) Тамъ же, стр. 284 и 98.

или меньшею ясностью, понимали уже, что вопросъ о народонаселеніи есть по преимуществу историческій вопросъ, и что нѣтъ одного, общаго для всего человѣчества, закона народонаселенія, а есть законы, свойственные различнымъ ступенямъ человѣческаго развитія.

Такъ обстояло дѣло съ вопросомъ о народонаселеніи, пока о немъ говорили безъ заднихъ мыслей, *sine ira et studio*. Потомъ пришло время, когда о немъ не могли уже говорить спокойно, когда онъ началъ возбуждать полемическія страсти. Почему произошло это, понять не трудно. Съ развитіемъ капитализма неразрывно связано было обѣдненіе народной массы. Положеніе „трудящихся бѣдняковъ“ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, а въ тоже время число ихъ росло съ поразительной быстротою. Въ Англии еще со временъ Елизаветы установленъ былъ, какъ извѣстно, налогъ въ пользу бѣдныхъ, который былъ очень не по вкусу имущимъ классамъ. Налогъ этотъ естественно увеличивался по мѣрѣ увеличенія числа нуждающихся въ общественной помощи. И вотъ явилась мысль показать, что онъ совершенно не достигаетъ цѣли (онъ и дѣйствительно не могъ уничтожить бѣдность) и что лучше всего оставить бѣдняковъ на произволъ судьбы и „естественныхъ законовъ.“ Но это еще не все. Французская революція показала, что съ „трудящимися бѣдняками“ шутить опасно, что они могутъ причинить подчасъ много неприятностей имущимъ классамъ. Надо было постараться удержать бѣдняковъ на стезѣ добродѣтели. Надо было показать имъ, что ошибались люди, приписывавшіе недостатокъ продовольствія дурному политическому или общественному устройству. Надо было доказать, что въ бѣдствіяхъ рабочаго класса виновата природа, а не общественныя отношенія. Обширная литература по вопросу о народонаселеніи могла, при умѣломъ пользованіи ею, доставить очень хорошій матеріалъ для подтвержденія этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ говорили, что человѣческій родъ способенъ къ чрезвычайно быстрому размноженію, но дурное общественное устройство или плохое управленіе мѣшаютъ ему дойти до тѣхъ предѣловъ, которые допускаются естественнымъ плодородіемъ земли. Попробуемъ разсуждать иначе. Человѣческій родъ стремится размножаться чрезвычайно быстро; средства же существованія далеко не могутъ расти съ такою быстротою. Отсюда бѣдность, отсюда пороки, отсюда всѣ тѣ несчастія, въ которыхъ безпокойные люди обвиняютъ правительства и господствующіе классы. Нищета — плодъ законовъ божескихъ, а не человѣческихъ. Если въ странѣ много бѣдняковъ, то некого винить въ этомъ, кромѣ самихъ бѣдняковъ, которые слѣшкомъ сильно плодятся. Невозможно придумать какія нибудь мѣры для серьезнаго улучшенія ихъ участи. Если бы въ нынѣшнемъ году мы ухитрились изгнать бѣдность изъ нашей страны, то черезъ двадцать пять, двадцать, а то и пятнадцать лѣтъ ея населеніе стало бы вдвое больше, и тогда опять появилась бы нищета и всѣ связанныя съ нею бѣдствія. Участъ бѣдняковъ зависитъ исключительно отъ нихъ са-

михъ. Пусть они перестанутъ размножаться, — бѣдность исчезнетъ мало по малу сама собою.

Такъ поставленъ былъ вопросъ о народонаселеніи въ концѣ XVIII вѣка защитниками интересовъ имущихъ классовъ. „Нелѣпо было бы утверждать — говорить Іосифъ Тоунзэндъ — что въ густо населенной странѣ никто не чувствуетъ нужды; если бы можно было пополнить то, чего недостаетъ нищимъ, то этимъ мы удвоили бы ихъ число и содѣйствовали бы ихъ размноженію до безконечности, что противорѣчило бы имѣвшей въ виду цѣли. Можно было бы, правда, отстранить голодъ и удовлетворить этой потребности въ ущербъ другой (подъ этой другой потребностью Тоунзэндъ понимаетъ потребность физической любви); но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить относительное число людей, вступающихъ въ бракъ, потому что нѣтъ другого средства для ограниченія всего числа жителей. Изъ этого затрудненія не выведетъ никакое усиліе, и люди никогда не найдутъ болѣе естественнаго и лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ средства, какъ предоставить одной потребности ограничивать другую.“¹⁾ Этими послѣдними словами Тоунзэндъ хочетъ сказать, что въ сущности бѣднякамъ надо предоставить выпутываться изъ нужды какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Для него и для подобныхъ ему изслѣдователей все дѣло въ этомъ, будто бы естественномъ выводѣ изъ „естественныхъ“ законовъ.

Для лучшаго уясненія этихъ законовъ Тоунзэндъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

„Мореплаватели рассказываютъ объ одномъ островѣ на Великомъ океанѣ, Жуанъ Фернандесъ, названномъ такъ по имени открывшаго его капитана. Послѣдній высадилъ на этотъ островъ козла и козу. Эта счастливая пара, найдя богатая пастбища, безъ затрудненія исполняла первую заповѣдь — плодиться и размножаться, пока не населила весь этотъ маленькій островъ. До той поры животныя не знали ни нужды, ни голода, и какъ бы гордились своею многочисленностью; но, по наступленіи этой несчастной эпохи, они начали испытывать недостатокъ въ пищѣ; такъ какъ они продолжали плодиться, то имѣли бы полное основаніе опасаться всѣхъ ужасовъ голода, если бы только они одарены были разумомъ. При этихъ новыхъ условіяхъ слабѣйшіе изъ нихъ погибли, и прежнее изобиліе водворилось. Такимъ образомъ, животныя испытывали попеременно, то благосостояніе, то бѣдность, смотря по увеличенію или уменьшенію ихъ числа, которое слѣдовало за колебаніями количества ихъ продовольствія. Равновѣсіе это по временамъ нарушалось то повальными болѣзнями, то прибытіемъ какаго нибудь корабля, нуждавшагося въ пищѣ. Въ такихъ случаяхъ погибало огромное количество козъ; но остававшіяся въ живыхъ находили нѣкоторое утѣшеніе въ изобиліи, возстановлявшемся послѣ гибели ихъ товарищей, и въ прекращеніи опасеній голода. Такимъ образомъ все приходило въ порядокъ, и онѣ переставали непріязненно смотрѣть другъ на друга;

¹⁾ Voyage en Espagne, переводъ Пиктэ-Малэ, Т. II р. 348.

всѣ имѣли достаточно пищи, всѣ были довольны, всѣ были счастливы. Итакъ, то, что могло бы показаться бѣдствіемъ, дѣлалось для нихъ источникомъ счастья; по крайней мѣрѣ частное зло вызывало всеобщее благо. — Когда испанцы узнали, что англійскіе каперы снабжались на этомъ островѣ продовольствіемъ, они рѣшили совершенно истребить на немъ козъ, и съ этой цѣлью высадили на него пару собакъ, самца и самку. Собаки въ свою очередь тоже размножились въ размѣрахъ найденнаго ими количества пищи; такъ что число козъ, какъ и предвидѣли испанцы, уменьшилось. Если бы онѣ были уничтожены совершенно, то погибли бы и собаки; но такъ какъ многія козы удалились въ горы, куда собаки не могли слѣдовать за ними, и такъ какъ онѣ сходили съ горъ рѣдко, только для отысканія себѣ пищи, то лишь менѣе осторожныя и болѣе дерзкія между ними становились добычей собакъ, а между собаками только самыя сильныя, ловкія и дѣятельныя могли добыть себѣ достаточно пищи. Такъ возникъ новый родъ равновѣсія: слабѣйшія животныя обѣихъ породъ были первыми жертвами новыхъ условій; болѣе дѣятельныя и сильныя уцѣлѣли. Такимъ же образомъ количество продовольствія опредѣляетъ численность и въ человѣческомъ родѣ.,¹⁾

Мы нарочно выписали всю эту, довольно длинную притчу, потому что она содержитъ въ себѣ всю сущность „мальтусіанства.“ Убѣдительною она, какъ видите, не отличается. Тоунзэнду хочется доказать, что численность данной породы опредѣляется количествомъ продовольствія. Но только первая половина притчи не противорѣчитъ этой мысли. Съ той поры, какъ на островъ пустили собакъ, размноженіе козъ перестало обуславливаться количествомъ пищи: собаки не давали имъ размножаться до той степени, которая допускалась природою острова.²⁾ Можно, если угодно, выразиться иначе, можно сказать, что хотя размноженіе козъ и не переставало опредѣляться количествомъ пищи,³⁾ но количество это зависѣло теперь уже не отъ природы острова, а отъ успѣшности собачьихъ нападений на козъ. Если бы козы, терпя недостатокъ продовольствія въ своихъ горахъ, вздумали заняться изслѣдованіемъ вопроса о народонаселеніи, онѣ должны были бы прийти къ тому выводу, что нужда ихъ обуславливается не физическими, а „моральными“ причинами, т. е. не недостаткомъ растительности, а собачьимъ нашествіемъ, мѣшающимъ имъ воспользоваться всей той пищею, которая находится на островѣ. Придя къ такому выводу, козы задумались бы, можетъ быть, о томъ, какъ бы отодвинуть имъ „моральный“ предѣлъ ихъ размноженія, какъ бы лучше защитить имъ себя отъ собакъ. Положимъ, что имъ удалось придумать средство, съ помощью котораго имъ можно было совершенно очистить островъ отъ собакъ. Онѣ въ восторгѣ, а собаки въ отчаяніи: козы выдумки грозятъ имъ совер-

¹⁾ Тамъ же, Т. II, стр. 341—344. Смотри также приложения къ русскому переводу „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

²⁾ Это было замѣчено русскимъ переводчикомъ Мальтуса П. А. Бибиковымъ.

³⁾ Хотя и это не совсѣмъ точно. Кромѣ пищи, размноженіе опредѣлялось навѣрное и другими естественными условіями.

шеннымъ нарушеніемъ всѣхъ „естественныхъ законовъ.“ И вотъ, чтобы образумить безпокойныхъ животныхъ, собаки въ свою очередь пускаются въ изслѣдованія о народонаселеніи. Онѣ доказываютъ, что безбожная затѣя козъ не принесетъ никому никакой пользы. Раздѣлавшись съ собаками, козы очень быстро размножатся, заселятъ весь островъ, и тогда опять почувствуется недостатокъ продовольствія. Въ виду этого гораздо разумнѣе оставить все въ прежнемъ положеніи. Если теперь собаки дѣйствительно ѣдятъ иногда козъ, то это, разумѣется, очень печально, но что же дѣлать? Козамъ суждено страдать на этомъ свѣтѣ. Таковъ законъ природы. Притомъ же козамъ стоитъ только захотѣть, чтобы улучшить свою участь, не прибѣгая къ бесполезнымъ переворотамъ. Имъ надо лишь ограничить свое размноженіе. Чѣмъ меньше будетъ козъ, тѣмъ долговѣчнѣе и сытнѣе окажется всякая коза въ отдѣльности. — Мы не думаемъ, чтобы подобная проповѣдь могла устранить предстоящую революцію. Смѣшно пугать козъ *будущимъ* недостаткомъ продовольствія, когда онѣ страдаютъ отъ него уже *въ настоящее время*. Изгнаніе собакъ принесетъ имъ хоть нѣсколько лѣтъ благосостоянія, и этого уже достаточно, чтобы не отказываться отъ мысли объ изгнаніи.

Политико-экономическіе вопросы рѣшаются не притчами и не баснями. Притчи и басни ровно ничего не доказываютъ. Мы остановились на приводимомъ Тоунзэндомъ примѣрѣ единственно для того, чтобы показать, какой характеръ приняли изслѣдованія о народонаселеніи въ концѣ XVIII-го вѣка. Главною цѣлью ихъ было измышленіе доводовъ, которые помогли бы свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за нищету рабочихъ и убѣдить „бѣдняковъ“ въ томъ, что они терпятъ нужду благодаря только своей собственной непредусмотрительности. Преданіе говоритъ, что Менепій Агриппа успокоилъ взволнованныхъ плебеевъ своей знаменитой басней. Начиная съ конца XVIII в. „опыты“ о народонаселеніи должны были играть роль именно этой басни.

Въ разсужденіяхъ Тоунзэнда, писавшаго еще до французской революціи, уже сквозитъ опасеніе очень серьезныхъ неприяностей со стороны „трудящихся бѣдняковъ.“ Онъ старается показать неудобства общественнаго порядка, основаннаго на „общности имущества.“ Говоря о Леонѣ (въ Испаніи), онъ пускается въ слѣдующія соображенія, которыми потомъ воспользовался Мальтусъ. „Число жителей этой страны должно быть ограничено сообразно ихъ средствамъ существованія. Если бы они установили общность имущества, то должны были бы — или опредѣлять по жребію, кому и кому слѣдуетъ выселяться, или умереть съ голоду. Впрочемъ, во избѣжаніе таковаго исхода, они могли бы постановить съ общаго согласія, что только по два лица въ каждомъ семействѣ могутъ вступать въ бракъ“...*) Этотъ послѣдній яко бы исходъ указываетъ Тоунзэндомъ не спроста. Общество, ограничивающее „съ общаго согласія“ число лицъ, могущихъ вступать въ бракъ, должно произвести на читателя

*) Тамъ же, Т. I, стр. 321.

впечатлѣніе самой ужасной тираніи и вселить въ него благодѣтельное отвращеніе отъ всякой мысли объ общности имуществъ. Но не мѣшаетъ припомнить, въ чемъ видитъ Тоунзэндъ дѣйствительнѣйшее средство борьбы съ нищетою въ современномъ обществѣ. Не въ чемъ иномъ, какъ именно въ ограниченіи числа браковъ и вообще размноженія; таковъ смыслъ его словъ относительно ограниченія одной потребности (физической любви) другою (потребностью въ пищѣ). Но вѣдь ограниченіе числа браковъ есть самая вопіющая тиранія? И да, и нѣтъ! Оно оказывается вопіющей тираніей, когда устанавливается „съ общаго соглашенія“ и распространяется на все общество, вслѣдствіе чего можетъ коснуться самаго „почтеннаго“ человѣка. Иное дѣло, когда ограниченіе „одной потребности“ оказывается необходимымъ лишь для бѣдняковъ, живущихъ подъ вѣчной угрозой голодной смерти и виноватыхъ въ томъ, что ихъ произвели на свѣтъ бѣдные родители. Тогда названное ограниченіе является самой благоразумной и совершенно естественной мѣрой. Буржуазная логика никогда не смущалась подобными противорѣчіями. Но можетъ-ли она быть убѣдительною для пролетаріата?

Взгляды Тоунзэнда цѣликомъ воспроизводятся въ книгѣ Мальтуса, заслуга котораго сводится лишь ко внесенію новой путаницы въ постановку вопроса о народонаселеніи.*)

II

Мальтусъ очень дешево купилъ ученую славу, не дороже, чѣмъ купилъ ее Ж. Б. Сэй. Даже люди, горячо нападавшіе на его ученіе

*) Извѣстно, что Марксъ назвалъ Мальтуса плагиаторомъ. Столь рѣзкій отзывъ кажется слишкомъ неприличнымъ всѣмъ „серьезнымъ“ ученымъ. Съ нимъ трудно было помириться даже Ф. А. Ланге. Нечего и говорить о людяхъ еще болѣе „почтенныхъ.“ Такъ, г. Зэтбееръ старается защитить честь Мальтуса въ своей книгѣ: „Die Stellung der Sozialisten zur Malthus'schen Befolkerungslehre“. (Книгу эту увѣнчалъ преміей геттингенскій университетъ). По его мнѣнію, только разсмотрѣніе перваго изданія „Опыта“ Мальтуса могло бы окончательно разрѣшить споръ, вызванный рѣзкимъ упрекомъ Маркса (г. Зэтбееръ не могъ достать этого изданія). „А пока, наивно прибавляетъ онъ, мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить Марксу больше, чѣмъ Мальтусу“ (стр. 34). Но Марксу едва-ли когда приходило въ голову просить нѣмецкихъ „ученыхъ“ вѣрить ему на слово. Единственное, чего онъ могъ требовать отъ нихъ,—это знакомство съ тѣми предметами, о которыхъ они вздумаютъ говорить. „Не ясно — замѣчаетъ г. Зэтбееръ — относится-ли, и на сколько относится упрекъ въ плагиатѣ къ послѣднимъ изданіямъ сочиненій Мальтуса. Если — да, то несостоятельность его обнаруживается какъ приведенными (г. Зэтберомъ) мѣстами изъ предисловія ко второму изданію, гдѣ Мальтусъ называетъ свои источники, такъ и способомъ обработки предмета“. Во-первыхъ мы не знаемъ, какъ это могутъ быть не ясны г. Зэтбееру совершенно ясныя слова Маркса о первомъ изданіи, а во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ спросить его, думаетъ-ли онъ, что Мальтусъ обнаружилъ большую самостоятельность въ дальнѣйшей „обработкѣ“ предмета“. Читалъ-ли г. Зэтбееръ предисловія Мальтуса? Если-да, то пусть онъ укажетъ хоть одну — только одну! — мысль этого писателя, не заимствованную у кого нибудь изъ нихъ. Съ своей стороны мы можемъ привести именно изъ послѣдующихъ изданій множество примѣровъ поразительной, доходящей до мелочей несамостоятельности Мальтуса.

о народонаселеніи, на примѣръ Чернышевскій, считали его замѣчательнымъ экономистомъ, ставили его имя рядомъ съ именами Смита и Рикардо. А между тѣмъ, достаточно прочитавъ его „*Основы политической экономіи*“, чтобы увидѣть всю шаткость такого мнѣнія. Подобно Сэю, Мальтусъ былъ противникомъ Рикардо, и, еще разъ подобно Сэю, онъ не только очень слабо возражалъ Рикардо, но просто не въ состояніи былъ *понять* взгляды этого, дѣйствительно замѣчательнаго экономиста. Точка зрѣнія Рикардо навсегда осталась для него недостижимой ступенью научнаго мышленія. Все, что говоритъ онъ противъ Рикардо, можетъ по своему достоинству сравниться развѣ лишь съ возраженіями Сэя противъ того же писателя, или съ тѣми доводами, которые въ изобиліи измышляются теперь патентованными учеными для побіенія марксизма. ¹⁾ Умъ Мальтуса, типическій умъ вульгарнаго экономиста, никогда не шель дальше поверхности явленій и никогда не отличался хотя бы самою элементарною послѣдовательностью. За какой вопросъ ни брался этотъ человекъ, онъ неизбѣжно запутывалъ его по той простой причинѣ, что не умѣлъ ясно поставить его передъ собою и твердо держаться разъ принятой постановки. Незамѣтно для себя онъ перескакивалъ отъ одной постановки къ другой, мѣшалъ въ одну кучу различные выводы, вытекающіе изъ различныхъ постановокъ вопроса, и кончалъ тѣмъ, что врядъ-ли и самъ понималъ, о чемъ собственно идетъ у него рѣчь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Это, разумѣется, очень большой недостатокъ. Но замѣчательно, что именно этотъ-то недостатокъ и оказалъ ему огромную услугу при „ислѣдованіи“ вопроса о народонаселеніи.

Мы видѣли, что многіе предшественники Мальтуса строго различали *физическіе* предѣлы размноженія отъ „*моральных*“ предѣловъ, зависящихъ отъ общественныхъ отношеній. Мы видѣли также, какъ ясно понимали нѣкоторые изъ нихъ то обстоятельство, что законы народонаселенія различны на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Такая постановка вопроса была очень неудобна для людей, желавшихъ сдѣлать изъ него оружіе противъ требованій пролетаріата. Эти люди стремились доказать, что бѣдствія пролетаріевъ происходятъ отъ перенаселенія. Но даже соглашаясь съ ними, можно было, — помня выводы прежнихъ изслѣдователей, — попросить ихъ объяснить, какими собственно причинами обусловливается перенаселеніе: физическими, или „моральными“? Происходитъ-ли оно отъ того, что почва страны не въ состояніи прокормить данное число людей, или только отъ того, что общественныя условія мѣшаютъ надлежащимъ образомъ воспользоваться плодородіемъ почвы? Въ интересахъ такъ называемаго общественнаго спокойствія необходимо было, во что бы то ни стало, избѣжать столь нескромныхъ и несвоевременныхъ разспросовъ. А этого легче всего было достигнуть устраненіемъ съ поля изслѣдованія всѣхъ общественныхъ элементовъ, отъ которыхъ въ дѣйствительности зависитъ рѣшеніе вопроса. *Ис-*

¹⁾ Для примѣра укажемъ на его разсужденія о стоимости, какъ въ вышеназванномъ сочиненіи, такъ и въ „Definitions in political Economy“, ch. VIII.

торическіе законы народонаселенія должны были уступить мѣсто одному *отвлеченному закону*, дѣйствующему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мы знаемъ, что уже Тоунзэндъ очень ловко свелъ вопросъ на эту отвлеченную почву. Но Тоунзэндъ этимъ и ограничился. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, не обезпечивъ себѣ отступленія, не выставивъ, для внушительности, такого историческаго матеріала, который помѣшалъ бы противникамъ обратитъ вниманіе на слабую точку позиціи, на полное отсутствіе историческаго взгляда на дѣло. Этотъ пробѣлъ пополненъ былъ Мальтусомъ. Появившійся сначала въ видѣ довольно тощей книжки, его „*Опытъ о законѣ народонаселенія*“ постепенно (въ послѣдующихъ изданіяхъ) принялъ видъ чрезвычайно серьезнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, полного самыхъ разнообразныхъ фактическихъ данныхъ.

Казалось бы, что это обиліе данныхъ должно было помѣшать ему исполнить свою задачу: установить отвлеченный законъ отвлеченнаго народонаселенія. Но, благодаря указанному характеру своего ума, онъ благополучно миновалъ и Сциллу, и Харибду.

Но собственному признанію Мальтуса, онъ взялся за изслѣдованіе закона о народонаселеніи, руководимый желаніемъ приложить этотъ законъ „въ разъясненію нѣкоторыхъ теорій относительно усовершенствованности человѣка и общества, теорій, на которыхъ сосредоточивалось въ то время общественное вниманіе.“ Самъ же онъ объясняетъ намъ, каковы именно были эти теоріи: главнѣйшая изъ нихъ, теорія Годвина, имѣла цѣлью показать „огромныя выгоды системы равенства.“ „*Разъясняя*“ эту теорію, Мальтусъ выставяетъ противъ нея слѣдующій доводъ: „Главная ошибка Годвина состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, возмущающія общество. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ законахъ, касающихся собственности, онъ видитъ источникъ всѣхъ бѣдствій и всѣхъ преступленій. Но если бы это воззрѣніе было справедливо, то можно было бы не отчаяваться въ надеждѣ, что зло будетъ когда нибудь окончательно изгнано изъ окружающаго насъ міра, а разумъ человѣческій дѣйствительно будетъ орудіемъ такого благотворнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что бѣдствія, причиняемыя человѣческими учрежденіями, между которыми нѣкоторыя представляются несомнѣнно вредными, оказываются крайне ничтожными и поверхностными сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ 2) Для доказательства этой мысли ему служитъ тотъ отвлеченный законъ, въ силу котораго населеніе всегда стремится будто бы перейти за предѣлы средствъ существованія. Изложенію закона посвящена первая глава первой книги „*Опыта*“. Тамъ мы встрѣчаемся

¹⁾ См. предисловіе ко второму изданію „*Опыта*.“ Всѣ наши ссылки относятся къ русскому переводу П. А. Бибикова.

²⁾ *Опытъ* Т. II, кн. III, гл. 2, стр. 90 — 91.

съ пресловутыми *прогрессіями*, ¹⁾ которыя, повидимому, не оставляютъ сомнѣнія въ справедливости закона, а слѣдовательно и той мысли, что вліяніе плохого общественнаго устройства оказывается „крайне поверхностнымъ и ничтожнымъ сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями.“ Такое именно впечатлѣніе и выноситъ читатель изъ этой главы. Но затѣмъ онъ переходитъ къ обширному, занимающему цѣльяхъ двѣ книги, изслѣдованію „о препятствіяхъ для размноженія населенія“ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Тутъ онъ имѣетъ дѣло съ этнографическими, историческими и статистическими данными, которыя щедрой рукой разсыпаетъ авторъ. Онъ присматривается къ этимъ даннымъ,—и что же онъ видитъ? Неужели Мальтусъ позабылъ свое основное положеніе? Вліяніе человѣческихъ учрежденій оказывается далеко не такимъ ничтожнымъ, какимъ его хочетъ выставить авторъ. Порой дѣло доходитъ до того, что учрежденія представляются самой главной причиной экономическихъ бѣдствій, испытываемыхъ населеніемъ. Не угодно-ли вамъ вдуматься въ смыслъ, наприимѣръ, слѣдующихъ явленій?

„Мунго Паркъ представляетъ намъ посѣщенныя имъ части Африки дурно обработанными и безлюдными. Путешественникъ этотъ встрѣчалъ обширныя и прекрасныя пустыни совершенно лишенными населенія. Пограничныя части различныхъ странъ, по которымъ онъ проѣхалъ, были либо слабо населены, либо вовсе безлюдны. Болотистые берега Гамбін, Сенегала и многихъ другихъ рѣкъ, близь моря, повидимому вовсе оставлены, по причинѣ ихъ нездороваго климата. Но нельзя этого сказать о другихъ частяхъ страны. Глядя на ихъ удивительное плодородіе, на безчисленныя, покрывающія ихъ стада, которыя можно было бы употребить какъ въ работу, такъ и въ пищу; сообразивъ какъ бы легко было облегчить въ нихъ сообщенія посредствомъ внутреннихъ водяныхъ путей, нельзя не пожалѣть, говорить Мунго-Паркъ, что всѣ эти богатые дары природы остаются безъ употребленія, и что человѣкъ не употребляетъ въ свою пользу богатствъ, расточаемыхъ передъ нимъ этою дикою и дѣвственною природой.“²⁾

„Главная причина слабаго населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоитъ безспорно въ свойствѣ ея правительства. Тираннія, безсиліе, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченная собственность, представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе.“³⁾

1) Очень ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что по крайней мѣрѣ прогрессіи эти придуманы самими Мальтусомъ. О способности человѣческаго рода къ размноженію по геометрической прогрессіи говорили и до него (Франклинъ, Уоллсъ, Тоунзэндъ). Арифметическая прогрессія, кажется, придумана дѣйствительно самими Мальтусомъ. Но трудно ли было придумать ее напр. послѣ разсужденій Тоунзэнда о томъ, что размножающееся по геометрической прогрессіи населеніе стремится обогнать средства существованія? Неужели простое арифметическое сравненіе можетъ быть названо открытіемъ?

2, Опытъ, книга 1, гл. V111, стр. 194.

3) Тамъ же, кн. 1 гл. X, стр. 219.

Описавъ, на основаніи путешествій Брюса, состояніе Абиссиніи, Мальтусъ замѣчаетъ: „При такихъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ высшая степень предусмотрительности, трудолюбія и безопасности, разумѣется, могла бы улучшить состояніе народа и, тѣмъ самымъ, увеличить ея населеніе. Но одно только увеличеніе числа рожденій, безъ содѣйствія другихъ мѣръ, можетъ только увеличить нищету, а населеніе отъ этого ничего не выиграетъ. То же самое можно сказать и о Египтѣ, нѣкогда столь цвѣтущемъ и населенномъ. Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этаго закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность. Вотъ какимъ причинамъ, а также отсутствію безопасности и гнету притѣснительнаго правительства, слѣдуетъ приписать настоящее положеніе этой знаменитой страны. Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія. Будь онъ въ десять разъ сильнѣе, онъ не могъ бы сдѣлать ничего больше.“¹⁾

Заглянемъ теперь въ „*Основы Политич. Экономіи*“ того же автора. Тамъ онъ описываетъ, со словъ Гумбольдта, положеніе дѣлъ въ тогдашней испанской Америкѣ. Оказывается, что плодородіе этихъ земель поразительно. Двухъ дней труда въ недѣлю было бы достаточно, чтобъ прокормить цѣлую семью. Урожай маиса бываетъ иногда самъ — 800. Въ окрестностяхъ Вальядолида самъ 130—150 есть средній урожай маиса. Въ наиболѣе бесплодныхъ мѣстностяхъ урожай его бываетъ самъ 60, самъ 80. Тамъ, гдѣ растутъ бананы, добываніе пищи еще менѣе затруднительно. Человѣку нужно тамъ „лишь срѣзать вѣтки, на которыхъ созрѣли плоды и окопать землю вокругъ корней разъ или два въ годъ“. При небольшой заботѣ о земледѣліи Мексика могла бы прокормить въ десять разъ большее число жителей. А между тѣмъ бѣдность въ испанской Америкѣ страшная, населеніе крайне рѣдкое. „Пространства въ нѣсколько квадратныхъ верстъ заняты какой нибудь парой хижинъ, вокругъ которыхъ бродятъ стада полудикихъ быковъ. Небольшое число могущественныхъ семействъ, населяющихъ центральную возвышенность, владѣетъ большею частью побережья въ интендантствахъ Веракрузъ и Сая-Луи-Потози. Никакой аграрный законъ не вынуждаетъ этихъ богатыхъ собственниковъ продавать ихъ майораты въ томъ случаѣ, если сами они не хотятъ воздѣлывать принадлежащія имъ огромныя земли“. Это говоритъ Гумбольдтъ. И по этому поводу Мальтусъ замѣчаетъ, что хотя названные землевладѣльцы „имѣютъ полную возможность содержать на своихъ земляхъ гораздо болѣе многочисленное населеніе, но сомнительное и во всякомъ случаѣ слишкомъ незначительное увеличеніе различныхъ благъ, котораго они могли бы ожидать отъ приращенія населенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло бы побѣдить ихъ безпечность и уравновѣсить соединенные съ нимъ неудобства и хлопоты“... Туземцы охотно воздѣлывали бы землю для себя, но высокой арендной платы они дать не могутъ, и потому

1] Опытъ, т. I, кн. I, гл. VIII, стр. 205.

собственники предпочитают оставлять землю под пастбищами. „Вслѣдствіе этого земли, которыя могли бы прокормить тысячи обитателей, служатъ лишь для корма нѣсколькихъ сотенъ скота“. Въ концѣ концовъ Мальтусъ приходитъ къ тому заключенію, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ“ (that the power of supporting labour may exist to a much greater extent than the will), и что рѣдкость населенія испанской Америки причиняется именно указанными имущественными отношеніями: *неравенствомъ* (by this inequality). Поправить дѣло можно было бы лишь лучшимъ распределеніемъ собственности и постепеннымъ развитіемъ въ странѣ промышленности на европейскій ладъ. И нѣтъ надобности забираться въ испанскую Америку, чтобы придти къ подобному заключенію: къ нему приводитъ состояніе самой Испаніи и даже большинства европейскихъ странъ“.*)

Мальтусъ прекрасно знаетъ, что безъ работника ни шагу не сдѣлаешь въ промышленности. Въ испанской Америкѣ вопросъ этотъ стоялъ далеко не такъ, какъ это желательно было бы съ точки зрѣнія буржуазныхъ понятій. Какъ ни бѣдны были туземцы, но къ наемному труду приучить ихъ было бы очень трудно. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе какого-то просвѣщеннаго обитателя той страны, полагавшаго, что лишь радикальное истребленіе банановыхъ деревьевъ могло бы дать благодѣтельный толчокъ трудолюбію туземцевъ†). Мальтусъ приводитъ это мнѣніе, ни мало не возмущаясь имъ. Какъ и всякій правовѣрный буржуа, онъ прикладываетъ къ явленіямъ двойную мѣрку. Когда рѣчь идетъ объ отсталыхъ, полуфеодалныхъ странахъ, (какими были въ то время даже многія европейскія страны), онъ готовъ признать благодѣтельное значеніе даже такихъ мѣръ, какъ „аграрные законы“ и насильственное превращеніе народной массы въ пролетаріатъ. По отношенію къ такимъ странамъ оказывается несомнѣннымъ, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ“. Тогда онъ готовъ возставать и противъ „inequality“. Тогда онъ далекъ отъ мысли приписывать общественнымъ отношеніямъ лишь ничтожное, поверхностное значеніе. Тогда онъ готовъ взваливать на нихъ главную отвѣтственность за бѣдствія людей. Тогда его устами говоритъ буржуа, ненавидящій средневѣковый порядокъ и готовый разрушать его чуть не якобинскими мѣрами. Но когда рѣчь заходитъ о дорогомъ его сердцу буржуазномъ порядкѣ, когда возвышаются голоса, нападающіе на свойственное *этому порядку* неравенство, дѣло принимаетъ другой оборотъ: Мальтусъ превращается въ крайняго консерватора, лицомъ рно поднимаетъ глаза къ небу и старается образумить новѣйшихъ сторонниковъ равенства ссылкой на „заковъ природы или, что то же, божій законъ“

*) Principles of Political Economy considered with a view to their practical application, London 1820, pp. 375—401.

†) Т. е. лишивъ ихъ собственныхъ средствъ къ пропитанію, превративъ ихъ въ пролетаріевъ.

(The law of nature being a law of God), осуждающій людей на недостатокъ продовольствія, на нищету и пороки, и неимѣющій никакого отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ. Такова психологическая логика мальтусовскихъ разсужденій. Съ точки же зрѣнія формальной логики у него замѣчаются еще болѣе удивительныя курьезы.

Читатель помнитъ, что говоритъ Мальтусъ объ Египтѣ: „Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность... Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“. Это значитъ вотъ что: было время, когда въ Египтѣ производилось много хлѣба, и тогда въ немъ было густое населеніе; теперь, по соціально-политическимъ причинамъ, въ немъ производится гораздо меньше хлѣба, а потому и населеніе въ немъ гораздо менѣе густо. Это совершенно понятное явленіе, но какую связь имѣетъ оно съ закономъ размноженія? Законъ этотъ „держитъ населеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“, т. е. иначе сказать, пресловутый законъ гласитъ, что люди не могутъ жить безъ пищи. Это старая истина, для доказательства которой едва ли стоило писать объемистый „Опытъ“.

Но подобными пошлостями трудно опровергнуть „сторонниковъ равенства“. Мальтусъ знаетъ это, и придаетъ совершенно иной смыслъ своему закону въ спорахъ съ ними. Здѣсь онъ, опираясь на знаменитыя прогрессіи, упорно твердитъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что въ этомъ заключается коренная причина нищеты. Здѣсь „законъ Мальтуса“ выступаетъ въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о тѣхъ препятствіяхъ для увеличенія средствъ существованія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ въ фактической части своего изслѣдованія, и которыя ясно показываютъ, что недостатокъ продовольствія причиняется не физическими, а „моральными“ причинами. Такъ и скачетъ нашъ почтенный священникъ отъ одной постановки вопроса къ другой, безнадежно запутывая и самого себя, и читателя. Это было бы очень ловкимъ софизмомъ, если бы не было просто паралогизмомъ, свойственнымъ уму вульгарнаго экономиста. Подобныхъ паралогизмовъ можно насчитать цѣлыя сотни въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтуса.

Мы сказали, что въ этихъ паралогизмахъ заключалась главная сила Мальтуса, какъ изслѣдователя закона о народонаселеніи. И дѣйствительно, нерѣдко люди, гораздо болѣе умные, чѣмъ онъ, неудачно спорили противъ него единственно потому, что не умѣли разобраться въ произведенной имъ путаницѣ понятій. Извольте спорить съ человѣкомъ, который набросалъ въ одну беспорядочную кучу самыя различныя постановки вопроса и окрестилъ эту кучу именемъ изслѣдованія. Васъ поразила болѣе всего мысль о ничтожномъ и поверхностномъ значеніи общественныхъ отношеній въ дѣлѣ добыванія продовольствія. Вы возражаете противъ нея, ссылаясь на общественныя, этнографическія и историческія факты. Помилуйте, отвѣчаютъ вамъ, все это прекрасно зналъ самъ Мальтусъ, онъ при-

водитъ еще болѣе поразительные примѣры: не угодно ли вамъ просмотрѣть такіе-то и такіе-то мѣста его „Опыта“. — Если вы вздумаете подойти къ вопросу съ другой стороны, если вы скажете, что самъ Мальтусъ показалъ, до какой степени общественныя отношенія часто мѣшаютъ людямъ пользоваться всѣми паходящимися въ ихъ распоряженія производительными силами, вамъ опять укажутъ на законъ Мальтуса, но на этотъ разъ уже въ его отвлеченномъ видѣ: вамъ скажутъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что общественныя отношенія тутъ не при чемъ. Направляйтесь въ какую вамъ угодно сторону—вамъ всегда преградитъ дорогу непроходимая трясина паралогизмовъ.

Возражавшіе Мальтусу „сторонники равенства“ тѣмъ легче попадали въ эти трясины, что ихъ собственная постановка общественныхъ вопросовъ была далеко не безукоризненна. Пока они стояли на утопической точкѣ зрѣнія, они не любили считаться съ исторической дѣйствительностью. Они предпочитали отвлеченныя рѣшенія общественныхъ вопросовъ, годныя для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Благодаря этому, они въ спорѣ о законѣ народонаселенія легко попадали въ разставленныя Мальтусомъ логическія ловушки. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ выгодной для нихъ позиціи критики существующихъ общественныхъ отношеній, они устремлялись въ бесплодную пустыню отвлеченныхъ изслѣдованій объ отвлеченномъ размноженіи отвлеченнаго человѣчества. Не мало силъ взяло странствованіе по этой пустынѣ, но вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ вплоть до появленія „Капитала“.

Вопросъ о народонаселеніи разсматривается въ „Капиталѣ“, повидимому, совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Современнымъ нѣмецкимъ ученымъ, которые оцѣниваютъ достоинство научной мысли по количеству томовъ, потребовавшихся для ея изложенія, кажется даже, что Марксъ недостаточно серьезно относится къ этому вопросу. А между тѣмъ, что собственно говоритъ о немъ Марксъ въ „Капиталѣ“? Онъ говоритъ, во-первыхъ, что абстрактные законы населенія существуютъ только для животныхъ и растений, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока законы эти не видоизмѣняются дѣятельностью человѣка. Ланге замѣчаетъ по этому поводу въ своей извѣстной книгѣ о рабочемъ вопросѣ, что законы размноженія животныхъ и растений тоже не абстрактны, потому что законы эти видоизмѣняются сообразно болѣе или менѣе благоприятнымъ для размноженія условіямъ. Но очевидно, что онъ плохо схватываетъ мысль Маркса. Марксъ говоритъ о законахъ „населенія“ среди животныхъ и растений въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорилъ о немъ Монтескье, т. е. онъ хотѣлъ сказать, что плодовитость самокъ (или женской, прекрасной, точнѣе непрекрасной, половины растительнаго царства, или гермафродитныхъ организмовъ среди животныхъ и растений) остается сама по себѣ (пока ее не видоизмѣняетъ человѣкъ) неизмѣнной. Противъ этого странно было бы спорить. Далѣе Марксъ говоритъ, что для cadaго историческаго способа производства существуетъ свой особенный законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой. Эта мысль, во-

первыхъ, совершенно согласна съ тѣми выводами, къ которымъ пришла экономическая наука въ эпоху, предшествовавшую появленію сикофантовъ въ родѣ Тоунзэнда и Мальтуса. А во-вторыхъ, она блистательно подтверждается современными статистическими изслѣдованіями о народонаселеніи*). Кромѣ того, Марксъ устанавливаетъ свойственный капиталистическому обществу законъ населенія, который можетъ быть выраженъ такъ: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ образованію и возрастанію относительно излишняго (т. е. не имѣющаго заработка) населенія, запасной арміи рабочихъ, какъ называлъ это населеніе Энгельсъ еще въ сороковыхъ годахъ. Вѣренъ или не вѣренъ дѣйствительности этотъ законъ? Статистика показываетъ, что вѣренъ. Изъ исторіи же политической экономіи видно, что уже экономисты XVIII вѣка высказывали болѣе или менѣе счастливыя догадки относительно его существованія (просимъ читателя вспомнить взгляды Стэрта и Герреншванда). Да и не одни экономисты высказывали подобныя догадки. Величайшій изъ философовъ-идеалистовъ XIX столѣтія, Гегель, прямо говоритъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ развитіе богатства идетъ рука объ руку съ развитіемъ бѣдности†). Значитъ, Марксъ не сказалъ ничего такого, что можно было бы назвать парадоксальнымъ. Значитъ, онъ и въ этомъ отношеніи остается вѣренъ лучшимъ традиціямъ экономической науки. Онъ лишь далъ *научное* выраженіе и доказательство тому, о чемъ *догадывались* его предшественники. Но если это такъ, то почему же взглядъ его на вопросъ о народонаселеніи вызвалъ столько недоумѣній среди современныхъ экономистовъ, начиная съ болѣе или менѣе безпристрастнаго Ланге и кончая очень пристрастнымъ г. Зэтбееромъ? Потому, что въ немъ заключается слишкомъ рѣзкое осужденіе существующему порядку вещей, а подобное осужденіе не можетъ нравиться сторонникамъ буржуазіи и кажется слишкомъ рискованнымъ людямъ, не совсѣмъ еще разорвавшимъ съ нею, не совсѣмъ еще ставшимъ на точку зрѣнія пролетаріата.

Въ виду всего сказаннаго, какъ же можно выразить законъ народонаселенія въ будущемъ, социалистическомъ обществѣ? Пока еще никакъ. Мы не можемъ найти законъ народонаселенія, свойственный еще не существующему обществу. Всякія попытки сдѣлать это были бы преждевременными, а потому *утопическими, ненаучными*. Это мы можемъ и должны сказать съ полною увѣренностью. А если, на этомъ основаніи, намъ вздумаютъ грозить *перенаселеніемъ*, которое, по мнѣнію мальтусіанцевъ, неизбежно при социалистическомъ порядкѣ, мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, современное состояніе производительныхъ силъ очень далеко отодвигаетъ для цивилизованныхъ странъ *физическій* предѣлъ размноженія, а во-вторыхъ, если

*) Укажемъ хотя бы на статистику народонаселенія во Франціи. Изъ множества относящихся къ этому предмету сочиненій назовемъ изслѣдованіе Бертильона младшаго и Дюмона (*Dépopulation et Civilisation*).

†) См. объ этомъ нашу статью „Zu Hegel's sechzigstem Todestag“, печатаніе которой началось въ „Neue Zeit“ 14 Ноября 1891 г.

человѣчеству и придется когда нибудь бороться съ перенаселеніемъ, — ему гораздо удобнѣе бороться съ нимъ, имѣя дѣло съ рационально организованнымъ производствомъ и всесторонне развитыми производителями, чѣмъ при нынѣ существующемъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на угнетеніи рабочей массы и на господствѣ продукта надъ производителемъ.*)

Въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтусъ удачнѣе объясняетъ намъ истинный смыслъ своего закона. „Если бы простая нужда или желаніе рабочихъ классовъ пріобрѣсти вещи, необходимыя и полезныя для жизни, были достаточнымъ побужденіемъ для производства—говоритъ онъ тамъ—ни одна страна въ Европѣ, или даже во всемъ свѣтѣ, не встрѣтила бы другихъ препятствій для роста богатства, кромѣ своихъ производительныхъ силъ; и уже съ давнихъ поръ земля кормила бы въ 10 разъ больше жителей, чѣмъ кормитъ теперь“. Но иное дѣло „нужда“ рабочихъ классовъ, иное дѣло такъ называемый въ экономіи *дѣйствительный спросъ*, а въ немъ-то вся сила. „Человѣкъ, ничего не имѣющій кромѣ своего труда (Мальтусъ хочетъ сказать — своей рабочей силы) является представителемъ спроса на продукты лишь по столько, по сколько обладатели этихъ продуктовъ нуждаются въ его трудѣ (т. е. въ рабочей силѣ). Спросъ же на производительный трудъ никогда не можетъ имѣть мѣста, если стоимость продукта этого труда не будетъ больше стоимости самого труда“ (опять таки рабочей силы)†]. Это очень ясно и совершенно справедливо: *рабочая сила* покупается единственно въ видахъ производства *прибавочной стоимости*. Но это вѣрное замѣчаніе придаетъ совершенно новый видъ закону народонаселенія; теперь онъ гласитъ уже такъ: совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Работникамъ, лишеннымъ счастья производить прибавочную стоимость, остается лишь умереть съ голоду. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“. Очень хорошо, примемъ это къ свѣдѣнію и пойдемъ дальше. Въ своемъ „Опытѣ“ Мальтусъ совѣтовалъ рабочимъ размножаться какъ можно меньше. Онъ говорилъ такъ, желая свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за бѣдствія пролетаріата и по возможности облегчить имъ тяжесть на-

*) Г. А. Лоріа въ своей брошюрѣ „La legge di popolazione ed il sistema sociale“, Siena 1882, вздумалъ было соединить взгляды Маркса, — котораго онъ, впрочемъ, не называетъ, — со взглядами Мальтуса. У него выходитъ, что размноженіе населенія, — законы котораго измѣняются сообразно измѣненіямъ общественнаго устройства, — въ свою очередь является дѣятельной причиной всѣхъ перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ. До какой степени неудовлетворительно это эклектическое воззрѣніе, показываетъ то простое обстоятельство, что г. Лоріа забылъ о развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, отъ которыхъ въ послѣднемъ счетѣ все и зависитъ. Подобное несчастіе, впрочемъ, часто случается съ г. Лоріа въ его будто бы глубокомысленныхъ, но въ дѣйствительности крайне поверхностныхъ и ни мало не остроумныхъ изслѣдованіяхъ. Ученый А. Лоріа именно *слона-то* никогда и не *примѣчаетъ*.

†) Здѣсь мы вынуждены датировать по французскому переводу, не имѣя въ настоящую минуту подъ руками англійскаго подлинника. См. *Principes etc., traduit de l'anglais par M. F. S. Constancio, Paris 1820, t. II, pp. 17—19.*

лога для бѣдныхъ. Въ „Основахъ политической экономіи“ онъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны. Онъ вспомнилъ, что какъ тамъ ни разсуждай, а работникъ есть единственный производитель прибавочной стоимости, и вотъ онъ замѣчаетъ, что если бы рабочій классъ размножался слишкомъ медленно, это могло бы раззорить страну, занимающуюся исключительно торговлей и мануфактурной промышленностью*). Это опять совершенно справедливая мысль, ее тоже нужно принять къ свѣдѣнію. Но, къ сожалѣнію, она опять измѣняетъ законъ народонаселенія. Теперь его приходится формулировать уже такимъ образомъ: Совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ требуется для производства прибавочной стоимости. Это очень неудобно и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ: имущимъ классамъ приходится платить неприятный налогъ въ пользу бѣдныхъ, а немущіе могутъ обнаружить опасную склонность къ ученіямъ „сторонниковъ равенства“. И наоборотъ, страна оказывается недостаточно населенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней меньше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Такое положеніе дѣлъ можетъ привести ее къ раззоренію. *Нормальный приростъ населенія* есть тотъ, который *опредѣляется потребностями капитала въ рабочей силѣ*. Работники должны имѣть это въ виду. Если, рождая дѣтей, они не сумѣютъ опредѣлить, сколько именно рукъ понадобится капиталу къ тому времени, когда ихъ дѣти достигнутъ рабочаго возраста, то тѣмъ хуже для нихъ. Излишнія руки должны будутъ погибнуть жертвою нищеты; въ томъ же случаѣ, когда рукъ окажется слишкомъ мало, страна раззорится, а отъ этого опять уменьшится спросъ на рабочую силу. Таковъ „законъ природы или, что то же, божій законъ“.

Мальтусъ хотѣлъ опровергнуть сторонниковъ равенства и показать невыгоды общности имущества. До какой степени могли быть сильны возраженія этого человѣка противъ коммунизма, можно судить уже по одному тому, что онъ никогда не въ состояніи былъ выйти изъ сферы буржуазныхъ экономическихъ понятій. Онъ пресерьезно говоритъ объ уровнѣ прибыли у дикарей. Онъ знаетъ, что, напр., въ Перу былъ коммунистическій строй. Но этотъ строй онъ называетъ „страннымъ“, и этимъ эпитетомъ отдѣляется отъ дальнѣйшей его оцѣнки. Подобной узкостью взглядовъ страдали, какъ мы знаемъ, даже лучшіе экономисты того времени, но ни у кого не доходила она до такихъ странныхъ, можно сказать, комическихъ размѣровъ, какъ у автора „Опыта о законѣ народонаселенія“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить хотя бы то, какъ опредѣлялъ онъ производительное потребленіе†).

*) Тамъ же, т. I, стр. 340.

†) Работникъ... несомнѣнно потребляетъ часть своей заработной платы въ видахъ поддержанія своего существованія, а не какъ капиталъ съ цѣлью производства (Мальтусъ хочетъ сказать съ цѣлью выжиманія изъ другого прибавочной стоимости). Онъ производительный потребитель по отношенію къ лицу, которое даетъ ему работу

Въ „Опытѣ“ Мальтусу приходилось толковать о перенаселеніи; въ „Основахъ пол. экон.“ ему пришлось считаться также и съ *перепроизводствомъ*. „Какъ бы ни были велики производительныя силы, говоритъ онъ, сами по себѣ онѣ еще не могутъ обезпечить соответственнаго имъ возрастанія богатства. Чтобы дать этимъ силамъ полное развитіе, нужно, повидимому, еще нѣчто другое. Продукты должны быть такъ приспособлены къ нуждамъ потребителей, чтобы при распредѣленіи ихъ между ними, возросла общая мѣновая стоимость всей массы продуктовъ“*). Другими словами: между производительными силами и людьми, нуждающимися въ продуктахъ, стоитъ капиталистъ, который говоритъ, что онъ согласенъ пустить въ дѣло названныя силы только въ томъ случаѣ, если это занятіе принесетъ ему извѣстную прибыль. Но въ современномъ обществѣ силы эти такъ велики, что продукты нерѣдко переполняютъ рынки, не находя себѣ сбыта. А вслѣдствіе этого капиталисты лишаются ожидаемой прибыли. Тогда они прекращаютъ производство, разсчитываютъ своихъ работниковъ, и между этими послѣдними царствуетъ *нищета*, о которой еще Фурье справедливо замѣтилъ, что она порождается ничѣмъ инымъ, какъ *избыткомъ*: рабочіе *блѣдствуютъ* именно потому, что они произвели *слишкомъ много предметовъ*, годныхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Какъ же быть? Кажется, что проще всего дѣло рѣшилось бы передачей работникамъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ они нуждаются, и которые въ избыткѣ находятся на рынкѣ. Но такая передача означала бы нарушеніе священныхъ правъ капиталистической собственности, и ужъ разумѣется не Мальтусъ одобрилъ бы подобное нарушеніе. Онъ придумалъ другое, онъ нашелъ, что „причины, наиболѣе благопріятствующія“ выгодному для господъ капиталистовъ сбыту продуктовъ, могутъ быть трехъ родовъ: „1) раздѣленіе крупной поземельной собственности, 2) внѣшняя и внутренняя торговля и 3) существованіе непродизводительныхъ потребителей†). Читатель помнитъ, что, по опредѣленію Мальтуса, потребленіе работника также можетъ быть непродизводительнымъ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но здѣсь онъ требуетъ *совершенно* и во всѣхъ смыслахъ непродизводительнаго потребленія, такого потребленія, которое можетъ быть дано лишь роскошью высшихъ классовъ, военными расходами и т. п. Мальтусъ усердно проповѣдуетъ подобное потребленіе и горячо защищаетъ его отъ всѣхъ возможныхъ нападокъ. Въ „Опытѣ“ онъ пытался объяснить нищету рабочихъ классовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на свѣтъ рождается больше желудковъ чѣмъ можетъ быть произведено хлѣба для ихъ наполненія. Въ „Основахъ“ оказалось, что бѣдность рабочихъ можетъ имѣть другое, такъ сказать болѣе тонкое и благородное происхожденіе: производи-

и по отношенію къ государству, но, строго говоря, не по отношенію къ самому себѣ“ (Definitions, стр. 258—259) Такъ какъ я не могу эксплуатировать самого себя, то никогда не могу быть производительнымъ потребителемъ по отношенію къ самому себѣ. Удивительная глубина мысли!

*) Principes d'économie politique, т. II, стр. 121.

†) Тамъ же, т. II, стр. 145.

тели бѣдствуютъ всякій разъ, когда въ странѣ слишкомъ мало бездѣльниковъ. Таковъ „законъ природы или, что то же, Божій законъ“.

Впрочемъ, Мальтусъ допускаетъ, что можно бы, пожалуй, обойтись и безъ непроизводительнаго потребленія, если бы рабочіе получали большую плату, а слѣдовательно могли бы представить съ своей стороны болѣе серьезный дѣйствительный спросъ. Но этому мѣшаетъ слишкомъ быстрое размноженіе работниковъ, ведущее къ усиленію соперничества между ними и къ паденію заработной платы. Ну, а если бы каждый изъ нихъ сталъ меньше работать, если бы сократился рабочій день? Никогда этого не будетъ, отвѣчаетъ Мальтусъ: государство не имѣетъ права ограничивать рабочій день, а сами рабочіе никогда не сговорятся сдѣлать это, никогда не откажутся отъ взаимнаго соперничества. Скорѣе можно надѣяться, что они станутъ рождать меньше дѣтей*). Это пророчество въ настоящее время не нуждается въ оцѣнкѣ.

Извѣстно, что въ „Опытѣ“ Мальтусъ высказалъ очень пессимистическіе взгляды относительно возможнаго усовершенствованія земледѣлія въ передовыхъ странахъ Европы. По его расчетамъ выходило, что производительность труда должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество его, направленное на воздѣлываніе даннаго участка. Нѣкоторые экономисты считали это явленіе совершенно безспорнымъ и возвели его въ экономическій законъ. Однако, самъ Мальтусъ далеко не придавалъ ему большого практическаго значенія. Въ „Основахъ“ онъ такъ высказывается на этотъ счетъ: Производительность земледѣльческаго труда, конечно, уменьшается, но при „настоящемъ состояніи міра“ это происходитъ очень медленно; къ тому же различныя улучшенія часто совершенно останавливаютъ уменьшеніе производительности труда или даже увеличиваютъ ее. „Я убѣжденъ—говоритъ онъ,— что капиталъ затраченный на обработку участковъ, распаханыхъ въ 1813 г., былъ болѣе производителенъ, чѣмъ капиталъ, употребленный на обработку участковъ, распаханыхъ въ 1727 г.“ Вообще, „вѣроятность такого увеличенія производительности труда, которое было бы достаточно для урановѣшенія неблагопріятныхъ результатовъ расчистки новыхъ участковъ, настолько велика, что при настоящемъ состояніи большинства странъ земного шара, или при ихъ вѣроятномъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ столѣтій, мы можемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вполне рассчитывать на дѣйствіе этой причины**).

Смыслъ басни сей таковъ: когда вы спорите со „сторонниками равенства“, полезно ссылаться на скуность природы, на уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда; а когда вы собираетесь пригласить имущіе классы къ усиленію непроизводительнаго потребленія, вы можете сказать имъ по секрету отъ „трудящихся бѣдня-

*) Тамъ же, с. II, стр. 227 и слѣд.

***) Тамъ же, т. I, стр. 477—479.

ковъ и отъ „сторонниковъ равенства“, что еще, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій неизбѣжное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда останется нелѣпой выдумкой.

• III.

Перейдемъ теперь къ Чернышевскому. Возраженія, дѣлаемыя имъ Мальтусу, относятся почти исключительно къ первой главѣ первой книги „Опыта“. Онъ занимается преимущественно Мальтусовыми прогрессіями, причемъ начинаетъ съ арифметической прогрессіи возрастанія земледѣльческаго продукта.

Мальтусъ считалъ очень смѣлымъ то предположеніе, что общій продуктъ англійскаго земледѣлія могъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. „Это наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги“, замѣчаетъ Чернышевскій. Основываясь на расчетѣ Гаспарена (въ его „Cours d'Agriculture“), онъ утверждаетъ, что „при порядочномъ устройствѣ плодoperемѣнной системы произведеніями 100 гектаровъ продовольствуются 931 человекъ“, а такъ какъ въ Великобританіи и Ирландіи (по Кольбу) находится до 61^{1/2} миллионovъ экровъ, т. е. около 25 миллионovъ гектаровъ земли, годной для воздѣлыванія, то „Великобританія съ Ирландіей, при порядочномъ устройствѣ плодoperемѣннаго хозяйства, могли бы продовольствовать 230 миллионovъ населенія“, т. е. увеличить нынѣшній земледѣльческій продуктъ (расчетъ Чернышевскаго относится къ 1860 г.) въ 9 разъ*). „Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодoperемѣннаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучше, чѣмъ простое трехпольное, предоставляемъ разсудить каждому. Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже въ 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта въ 25 лѣтъ?**)

Какъ уже сказано въ предыдущей статьѣ, очень распространенное убѣжденіе въ томъ, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всей быстротой, съ какой могли бы размножаться люди, кажется Чернышевскому лишеннымъ всякаго

*) Въ 1860 г. все населеніе Великобританіи съ Ирландією простиралось тоже, по Кольбу, до 29 миллионovъ человекъ. Чернышевскій полагаетъ, что изъ нихъ домашними земледѣльческими продуктами содержалось не болѣе 25 миллионovъ.

**) Соч., т. III, стр. 102.

серьезнаго основанія. Экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ толкующіе объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, даже и не подумали о томъ, что имъ не мѣшало бы провѣрить свой взглядъ съ помощью статистики. Вотъ почему объ этомъ предметѣ до сихъ поръ разсуждаютъ на обумъ, „какъ разсуждалъ Мальтусъ“. Однако, самъ Чернышевскій признаетъ, что „если способъ воздѣлыванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія производительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи все меньше и меньше оттого, что нивы расширяются на земли все худшаго и худшаго качества“*). Дѣло лишь въ томъ, что Мальтусъ слишкомъ уже преувеличилъ значеніе этого фактора въ культурной исторіи человѣчества. Нашъ авторъ утверждаетъ, что какъ бы ни былъ кратокъ періодъ удвоенія населенія, легко было бы избѣжать недостатка продовольствія даже при очень незначительныхъ улучшеніяхъ въ способахъ воздѣлыванія земель. И онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія длинный рядъ ариеметическихъ выкладокъ. Въ виду важности вопроса, мы должны изложить взглядъ Чернышевскаго по возможности его собственными словами.

Въ основѣ этого взгляда лежитъ анализъ мальтусовскихъ прогрессій :

Размноженіе людей	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64.
Увеличеніе продуэта	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

„Ясно по какому отношенію возникаютъ члены второй строки изъ членовъ первой, говоритъ Чернышевскій : возрастающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ свою работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1. Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ... Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ.“ Исходя изъ этого, Чернышевскій дѣлаетъ слѣдующій расчетъ.

„Положимъ, что число населенія 1 января 1 года, было 1,000, а что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели извѣстное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ 1,000 человѣкъ, то есть годовыхъ порцій, которыя назовемъ хотя, напримѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждого человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба.

„Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція, нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1,030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1,000 человѣкъ нужно было 1,000 возовъ хлѣба, для 1,030 человѣкъ будетъ нужно 1,030 возовъ.

„Если бы успѣшность труда прибывшихъ работниковъ не была меньше, чѣмъ

*) Тамъ же, стр. 191—192.

прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество, нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1,030 человѣкъ 1,030 возовъ хлѣба. Но по Мальтусовой теоремѣ, производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или, при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произведетъ прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$X : 10 = 100 : 103$$

„Изъ этого получаемъ $X = 9,7087\dots$

„Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ только $3 \times 9,7087 = 29,1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1030 возовъ хлѣба только 1,029,1261 возовъ.

„Чтобы вмѣсто 1,029,1261 возовъ жатва 2 года дала 1030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сборъ, 1,030, выше сбора 1,029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$X : 10 = 1,030 : 1,029,1261$$

„Изъ этого мы получаемъ $X = 10,00849\dots$

„Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть :

„100 прежнихъ работниковъ произведутъ, по 10,00849 возовъ каждый, 1000,849 возовъ.

„3 новые работника, трудъ которыхъ менѣ производителенъ по прежней пропорціи 100 : 103, произведутъ каждый по $10,00849 \times 100 : 103 = 9,717$ возовъ.

а всѣ трое вмѣстѣ $3 \times 9,717 = 29,151$ „

Сумма производства 2 года будетъ $1000,849 + 29,151 = 1,030$ „

„Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, — великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

„При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, т. е. при возрастаніи быстрѣе, нежели принимаетъ Мальтусъ¹⁾, нуженъ годичный размѣръ усовершенствованія = 0,000849, то есть менѣ, чѣмъ на одиннадцатую часть процента. Что жъ это такое, 849 десятичныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ какво : въ пуду оно составляетъ нѣсколько больше $3\frac{1}{4}$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81\frac{1}{2}$ золотниковъ...

„Чтожь это за страшная прибавка? стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе нѣкой четверти вѣка улучшить земледѣльческіе способы на $2\frac{1}{7}\%$? Увеличеніе на $2\frac{1}{7}\%$ процента въ цѣляхъ 25 лѣтъ — да вѣдь это почти совершенная неподвижность!

„Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественныхъ улучшеній, но самые безотраднѣе, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удвоилось бы каждыя 25 лѣтъ.“²⁾

¹⁾ При ежегодномъ возрастаніи въ 3%, черезъ 25 лѣтъ 10,000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20,988 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоилось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ 2,81188...%.

²⁾ 1,000,849... въ 25-й степени даетъ 1,021,443..

³⁾ Тамъ же, стр. 202—210.

Далѣ Чернышевскій даетъ общую формулу размноженія, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшеній для различныхъ періодовъ удвоенія. Мы не станемъ приводить ее. Замѣтимъ только, что съ ея помощью онъ приходитъ къ самымъ поразительнымъ выводамъ. Оказывается, напримѣръ, что *при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія высота, до которой улучшенія должны поднять земледѣліе въ теченіе цѣлаго вѣка* равняется лишь 1,36958, принимая первоначальную высоту за единицу. „Напримѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обрабатывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надо произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около 13³/₄ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удваивающею число ихъ въ каждые 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбопашца, 2 работника, потомъ 3, 4, и т. д., 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи, нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обрабатывающихъ эти 4 десятины земледѣльцевъ“.*)

Повторяемъ, выводы эти до такой степени поразительны, что читатель отказывается вѣрить своимъ глазамъ. Онъ невольно возвращается назадъ, провѣряя доводы автора. Но доводы кажутся неотразимыми, умозаключенія, повидимому, совершенно логично вытекаютъ изъ посылокъ. Читатель сдается и проникается непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Чернышевскій окончательно опровергъ Мальтуса, подойдя къ вопросу съ такой стороны, съ какой къ нему не подходилъ никто изъ прежнихъ изслѣдователей. Это убѣжденіе очень распространено въ Россіи, гдѣ опроверженіе Мальтуса считается едва ли не самой важной и ужъ во всякомъ случаѣ самой безспорной изъ ученыхъ заслугъ нашего знаменитаго писателя. Посмотримъ, насколько правиленъ такой взглядъ.

Замѣтимъ прежде всего вотъ что: если бы арифметическія выкладки Чернышевскаго были совершенно правильны, то даже и въ этомъ случаѣ было бы еще сомнительно, опровергаютъ ли онѣ Мальтуса, или, точнѣе, того Мальтуса, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта“. Чернышевскій слишкомъ произвольно истолковываетъ арифметическую прогрессию Мальтуса. По его истолкованію выходитъ, что она выражаетъ собою лишь пониженіе производительности земледѣльческаго труда, неизбѣжно являю-

*) Тамъ же, стр. 211—115.

щееся въ томъ случаѣ, когда не происходитъ улучшеній въ земледѣліи. „Весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравновѣшенія потребуется размѣръ улучшеній слишкомъ громадный“*). Выкладки Чернышевскаго показываютъ противное. Но на чемъ же основываетъ онъ свое истолкованіе арифметической прогрессіи? Онъ говоритъ, что такъ „мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса“†). Но это еще недостаточное речательство. Обратимся лучше къ самому Мальтусу, т. е. опять таки къ тому Мальтусу, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта“, гдѣ идетъ рѣчь о прогрессіяхъ.

„Въ Англіи и Шотландіи много занимались улучшеніемъ земледѣлія, — читаемъ мы тамъ, — но и въ этихъ странахъ много есть еще невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ, до какой степени можетъ быть увеличено плодородіе этого острова *при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, какія только можно себя представить* (курсивъ нашъ). Если мы предположимъ, что при возможно хорошемъ правленіи и *при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія* (курсивъ нашъ), произведенія почвы могутъ удвоиться на этомъ островѣ въ первыя двадцать пять лѣтъ, то вѣроятно мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно разсчитывать. Въ слѣдующіе двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по этому же закону, и чтобы по истеченіи этого второго періода плодородіе учетверилось; допустить это значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. *Улучшеніе бесплодныхъ участковъ* (курсивъ нашъ) требуетъ много труда и времени. Для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается съ нѣкотораго рода правильностью... Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратитъ всю почву острова въ одинъ роскошный садъ. Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ“ и т. д.††)

Мы не станемъ возвращаться теперь къ вопросу о томъ, насколько правъ Мальтусъ. Намъ нужно одно: выяснить, что собственно хочетъ онъ сказать въ приведенныхъ строкахъ. А на этотъ счетъ

*) Соч. Черн., т. III, стр. 205—206.

†) Тамъ же, стр. 205.

††) Опытъ, кн. I, гл. первая, стр. 100—101.

врядъ ли возможно сомнѣніе. Человѣкъ говоритъ о „самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія“; о самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, „какія только можно себѣ представить“; объ „улучшеніи бесплодныхъ участковъ“; объ обращеніи всей почвы острова (а затѣмъ и всего земного шара) „въ одинъ роскошный садъ“, — и при всемъ этомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе усовершенствованій въ способахъ обработки земли; при всемъ томъ онъ предполагаетъ, что земледѣльческіе приемы останутся неизмѣнными въ теченіе тѣхъ „нѣсколькихъ столѣтій“, о которыхъ у него идетъ рѣчь? Нѣтъ, правъ или не правъ Мальтусъ, но въ данномъ случаѣ мысль его ясна: онъ хочетъ сказать, что земледѣльческій продуктъ будетъ увеличиваться лишь въ ариметической прогрессіи, *не смотря на всѣ тѣ улучшения, на которыя можетъ разсчитывать благоразумный человекъ*. При построеніи своей прогрессіи онъ принимаетъ (т. е., лучше сказать, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ) въ соображеніе вліяніе будущихъ улучшеній въ земледѣліи. Слѣдовательно, всѣ вычисленія Чернышевскаго оказываются излишними. Какъ бы они ни были правильны, они не могутъ опровергнуть „Мальтусовой теоремы“ по той простой причинѣ, что они основываются на неправильномъ истолкованіи этой теоремы.

Но главное дѣло въ томъ, что сами они *совершенно неправильны*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вдуматься въ ихъ основное положеніе. Сопоставляя прогрессію Мальтуса, Чернышевскій находитъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ“. Такъ ли это? Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ.

Для удобства, выпишемъ снова анализированныя Чернышевскимъ прогрессіи.

Умноженіе людей . . .	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64. . . .
Увеличеніе продукта . .	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. . . .

Какъ великъ здѣсь „процентъ размноженія работниковъ или, — что то же*) — процентъ возрастанія общей цифры населенія? Мы рѣшительно не знаемъ этого, объ этомъ нѣтъ и рѣчи. „Процентъ размноженія работниковъ“ зависитъ отъ величины періода удвоенія населенія. При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія этотъ процентъ будетъ совсѣмъ не тотъ, что при 15-лѣтнемъ, или при 35-лѣтнемъ и т. д. Мальтусъ даетъ общую формулу, подъ которую должны подходить, по его мнѣнію, всѣ частные случаи. Если уже говорить о процентѣ увеличенія числа работниковъ, то мы должны выразиться такъ: въ концѣ каждаго послѣдующаго періода число работниковъ увеличивается на 100 проц., увеличеніе же продукта слѣдуетъ совсѣмъ другому закону: въ концѣ второго періода онъ увеличивается на 100 проц., въ концѣ 3-го на 50, въ концѣ 4-го на $33\frac{1}{3}$, въ концѣ 5-го на 25, въ концѣ 6-го на 20 и т. д. Значитъ ли это, что процентъ увеличенія числа работниковъ „служитъ процентомъ уменьшенія

*) То же — потому, что Чернышевскій предполагаетъ неизмѣннымъ отношеніе числа работниковъ-земледѣльцевъ къ общей цифрѣ населенія.

производительной силы труда прибывающих работников“? Далекое нѣтъ. Процентъ увеличенія числа работниковъ остается неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ процентъ уменьшенія производительной силы прибылыхъ работниковъ постоянно и очень быстро возрастаетъ. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или нашъ авторъ ошибается, или онъ не точно выражаетъ свою мысль. Мы сейчасъ увидимъ, какое изъ этихъ двухъ предположеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Одинъ новый работникъ, прибавившійся въ второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также на 1; 4 новыхъ работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ пятаго періода и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1“. Таково то явленіе, которое нашъ авторъ хочетъ выразить въ одной общей формулѣ. Нужно это или не нужно — вопросъ другой, но разъ мы хотимъ найти такую формулу, приходится выразиться такъ: *во сколько разъ число прибывающихъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность изъ труда меньше производительности труда прибывающихъ работниковъ второго періода*. Вотъ и все. Что же слѣдуетъ отсюда? Слѣдуетъ уже извѣстный намъ выводъ: процентъ увеличенія числа прибылыхъ работниковъ остается неизмѣннымъ, процентъ же уменьшенія ихъ производительной силы быстро растетъ. А это значитъ, что отождествлять эти два процента нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Ну, а что произойдетъ, если мы все таки отождествимъ ихъ, вопреки очевидности? Сообразить это очень нетрудно.

Процентъ размноженія не измѣняется, процентъ уменьшенія производительности труда быстро увеличивается. Отождествить эти два процента значитъ предположить, что производительность труда уменьшается далеко не такъ быстро, какъ это явствуетъ изъ разсматриваемыхъ нами прогрессій. Это будетъ совершенно произвольное предположеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее условія задачи. Можетъ быть, предположеніе это и болѣе согласно съ фактами дѣйствительности, но во всякомъ случаѣ, принимая его нельзя утверждать, что мы остаемся вѣрны смыслу „Мальтусовой теоремы“, и что „мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какою никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, никто изъ его послѣдователей“†). Мы изложили бы лишь ходъ вывода изъ условій, произвольно принятыхъ нами самими.

Уменьшеніе земледѣльческаго продукта опредѣляется уменьшеніемъ производительности труда прибылыхъ работниковъ ††). Предположивъ, что производительность труда уменьшается медленно, чѣмъ это явствуетъ изъ смысла прогрессій, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что и продуктъ уменьшается медленно, чѣмъ это показываетъ Мальтусова арифметическая прогрессія. Значитъ, и „дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ“ будетъ

† Чернышевскій, тамъ же, стр. 208.

†† То есть такъ происходитъ дѣло у насъ на бумагѣ; какъ происходитъ оно на практикѣ, это вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся.

меньше, чѣмъ говорить прогрессія. А въ такомъ случаѣ и размѣръ улучшеній, необходимыхъ для устраненія этого дефицита, окажется далеко не такъ великъ, какъ можно было думать, сопоставляя геометрическую прогрессію съ арифметической. Слѣдовательно, намъ остается только вычислить этотъ размѣръ, принимая различныя „проценты размноженія работниковъ“ (иначе сказать, различные періоды удвоенія населенія), чтобы противопоставить, затѣмъ результаты нашего „правильнаго счета“ результатамъ „фальшиваго счета“ Мальтуса. Въ сущности подобное противопоставленіе доказывало бы лишь ту старую истину, что, исходя изъ неодинаковыхъ посылокъ, люди получаютъ неодинаковыя выводы. Но мы, *незамѣтно для себя*, измѣнивъ условія задачи, будемъ думать, что мы опровергли Мальтуса, строго держась прямого смысла его собственной „теоремы“.

Но это еще не все. Мало того, что Чернышевскій считаетъ *неизмѣннымъ быстро увеличивающійся* процентъ уменьшенія производительности труда, т. е., иначе сказать, принимаетъ *переменную* величину за *постоянную*, — сама эта мнимо-постоянная величина оказывается у него несравненно меньшей, чѣмъ она должна быть по смыслу „Мальтусовой теоремы“. Процентъ размноженія людей по самымъ преувеличеннымъ расчетамъ не можетъ превышать 7 (при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія онъ нѣсколько меньше *шести*). По смыслу же „Мальтусовой теоремы“ производительность труда уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50 процентовъ (это знаетъ и Чернышевскій: „1 новый работникъ... во второмъ періодѣ увеличивается... продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1“). Согласитесь, что это большая разница, и что ея совершенно достаточно для объясненія тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Чернышевскій. Повторяемъ, мы говоримъ не о томъ, соотвѣтствуютъ, или не соотвѣтствуютъ его предположенія экономической дѣйствительности (объ этомъ онъ и самъ ничего не говорилъ); мы утверждаемъ только, что они совершенно противорѣчатъ смыслу „Мальтусовой теоремы“ (а онъ думалъ, что они совершенно вѣрны ему, и также думали всѣ тѣ, которые считали доводы Чернышевскаго неопровержимыми).

Если процентъ возрастанія числа работниковъ (а слѣдовательно и всего населенія) равенъ проценту уменьшенія производительности труда прибылыхъ работниковъ, то нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить размѣры необходимыхъ улучшеній. Положимъ, что населеніе удваивается каждыя 12 лѣтъ. Процентъ размноженія равняется въ этомъ случаѣ: 5,94631. Сообразно съ этимъ и производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ правильно уменьшаться на 5,94631 процента. Далѣе уже самое несложное вычисленіе даетъ намъ искомый процентъ улучшеній. По вышеуказаннымъ причинамъ онъ будетъ очень незначителенъ. А между тѣмъ, мы, повидимому, сдѣлали своимъ противникамъ самую крайнюю уступку: 12-лѣтній періодъ удвоенія населенія совсѣмъ уже невѣроятенъ. Но дѣло въ томъ, что какъ ни великъ при этомъ процентъ размноженія, — а слѣдовательно и ослабленія производительности труда, — эта послѣд-

няя все таки падаетъ медленно, чѣмъ она должна была бы падать при дѣйствительно „правильномъ счетѣ“. Чернышевскій считаетъ, что при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія высота, до которой должно подняться земледѣліе въ теченіе столѣтія, не превышаетъ 1,36958 процента. Мы не станемъ провѣрять, вѣрно ли сдѣланъ его расчетъ. Допустимъ, что вполне вѣрно. Но не забудемъ, что, по его предположенію, процентъ уменьшенія производительности труда равняется лишь 5,94631 (т. е. проценту размноженія). А то ли выйдетъ при дѣйствительно „вѣрномъ счетѣ“? Уже въ теченіе 96 лѣтъ населеніе увеличится въ 16 разъ. Посмотримъ, какъ велика будетъ производительность труда прибылыхъ работниковъ черезъ 48 лѣтъ, или въ 4-мъ періодѣ. *Во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждого даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода.* Число работниковъ, прибывшихъ въ 4-мъ періодѣ вчетверо больше числа прибылыхъ работниковъ второго періода. Слѣдовательно, производительность труда прибылыхъ работниковъ 4-го періода вчетверо меньше, чѣмъ производительность труда работниковъ, прибывшихъ во второмъ. Въ пятомъ періодѣ оно будетъ въ восемь разъ меньше. Согласитесь, что это очень далеко отъ неизмѣннаго процента, который принятъ Чернышевскимъ (5,94631) и который казался результатомъ крайне преувеличеннаго предположенія (удвоенія населенія въ 12 лѣтъ).

Но неужели Чернышевскій дѣйствительно разсуждаетъ вышеизложеннымъ образомъ? Да, помилуйте, чего же вы хотите, вѣдь онъ самъ заявляетъ это, приступая къ своимъ вычисленіямъ: „Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или... проценту возрастанія населенія“†). А можетъ быть, онъ все таки отклонился отъ своего принципа? Да, отклонился; вы сейчасъ увидите въ какую сторону.

Въ первомъ, происходящемъ такъ сказать на глазахъ у читателя, примѣрномъ расчетѣ Чернышевскаго процентъ размноженія принимается равнымъ 3. Сообразно съ этимъ и процентъ уменьшенія производительности труда долженъ быть также равенъ 3. Число землешцевъ равняется 100, а производитъ каждый изъ нихъ по 10 возовъ хлѣба. Расчетъ ведется погодно. Спрашивается, сколько хлѣба произведетъ каждый прибылой работникъ 2-го года? По смыслу нашихъ условій онъ долженъ произвести 9,7 воза. У Чернышевскаго онъ производитъ 9,7087, т. е. нѣсколько больше. Откуда эта разница? А вотъ откуда. Мы разсчитываемъ такъ: каждый работникъ производилъ прежде по 10 возовъ; производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше. Три процента отъ десяти равняется 0,3. Вычтя эту дробь изъ 10, мы получаемъ 9,7, — цифра, которой и выражается производительность труда каждого новаго

† Тамъ же, стр. 208.

работника 2-го года. Чернышевскій разсуждаетъ иначе. Прежде было 100 работниковъ, теперь стало 103. „Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго какъ 100 къ 103... изъ этого мы получаемъ: $X = 9,7087$ “†). Правильно ли это разсужденіе, согласно ли оно съ условіями задачи? Когда мы говоримъ, что процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, мы хотимъ сказать, что *на сколько* процентовъ увеличится населеніе, *на столько* процентовъ уменьшится производительность труда. А когда мы говоримъ, что производительность труда однихъ работниковъ относится къ производительности труда другихъ какъ такое-то число къ такому-то, мы опредѣляемъ, *во сколько* разъ одна производительность больше другой. *На сколько* 2 меньше 3, *на столько* 3 меньше 4. Можно ли выразить это такой пропорціей: $2 : 3 = 3 : 4$? Ясно, что нѣтъ, потому что двѣ трети не равны тремъ четвертямъ. Иное дѣло *арифметическая* пропорція, иное дѣло пропорція *геометрическая*. Чернышевскій сначала говоритъ, что онъ будетъ держаться первой (*на сколько* процентовъ населеніе второго года больше населенія перваго года, *на столько* процентовъ производительность труда прибылыхъ работниковъ меньше и т. д.), а потомъ неожиданно переходитъ ко второй. Какъ вліяетъ это на ходъ его вычисленій? Уменьшеніе производительности труда оказывается еще болѣе слабымъ, чѣмъ было оно при разобранномъ выше ошибочномъ предположеніи относительно равенства двухъ извѣстныхъ читателю процентовъ. Это видно уже изъ вышеприведенныхъ цифръ. И чѣмъ больше процентъ размноженія, тѣмъ замѣтнѣе дѣйствіе этой ошибки††). Другими словами, чѣмъ больше та уступка, которую дѣлаетъ Чернышевскій своимъ противникамъ, тѣмъ болѣе помогаетъ ему его вторая ошибка ослабить логическое слѣдствіе этой уступки, хотя, разумѣется, дѣйствіе второй ошибки несравненно слабѣе дѣйствія первой.

Еще одно замѣчаніе. Допустимъ, что указанныхъ ошибокъ не существуетъ; допустимъ, что по смыслу Мальтусовой „теоремы“, процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, и вернемся къ примѣрному разсчету Чернышевскаго. Въ первомъ году у насъ было 100 работниковъ, во второмъ ихъ оказывается уже 103. Производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше прежней производительности. Иначе, повидимому, и быть не можетъ. Но это только повидимому. Какъ распредѣляются прибылые работники по земельнымъ участкамъ? Это, конечно, зависитъ отъ обстоятельствъ. Прежде каждый работникъ воздѣлывалъ 4 десятины, а каждые два работника воздѣлывали участокъ въ 8 десятинъ. Новые работники распредѣлились, положимъ,

† Тамъ же, стр. 208—209.

†† Чернышевскій въ своемъ разсчетѣ не разъ смѣшиваетъ понятіе—„*во сколько*“ съ понятіемъ „*на сколько*“. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „производительность труда... въ этомъ году должна подняться *на столько* выше прежней своей величины, *на сколько* требуемый сборъ“ и такъ далѣе, и вслѣдъ затѣмъ строить геометрическую пропорцію (тамъ же, стр. 209).

такъ, что на трехъ 8-десятинныхъ участкахъ теперь работаетъ уже по три, а не по два человѣка, какъ это было прежде. На этихъ участкахъ „размноженіе“ работниковъ будетъ равно 50 процентамъ. Слѣдовательно, производительная сила ихъ уменьшится *на половину*. Каждый изъ нихъ производитъ только 5 возовъ хлѣба, а не 9,7, какъ предполагалось раньше. Сообразно съ этимъ увеличится дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, а слѣдовательно и размѣръ необходимыхъ улучшеній. Но въ такомъ случаѣ выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ своихъ вычисленіяхъ, потеряли бы всякую убѣдительность, если бы даже и были отновательны.

Смѣшно было бы ставить въ вину экономисту случайную ошибку, закрывшуюся въ его примѣрный, пояснительный расчетъ. Отъ подобныхъ ошибокъ, происходящихъ отъ недосмотра, не застрахованы и гениальнѣйшіе спеціалисты — математики. Но когда къ подобнымъ выкладамъ сводится весь „методъ“ экономиста, (а къ нимъ именно и сводится „гипотетическій“ или „математическій“ методъ Чернышевскаго), тогда дѣло принимаетъ другой оборотъ. Тогда остается одно изъ двухъ: или жалѣть о томъ, что экономистъ невнимательно примѣняетъ свой методъ (потому что его математическія ошибки вліяютъ на его выводы, которые не только *поясняются* съ помощью примѣрныхъ выкладокъ, а *цѣликомъ вытекаютъ* изъ нихъ), или посоветовать ему держаться другого, болѣе научнаго и потому болѣе плодотворнаго метода.†)

IV.

Взглядъ Чернышевскаго на „размноженіе людей“ уже гораздо свободнѣе отъ ошибокъ, хотя и онъ, конечно, совсѣмъ не чуждъ общаго недостатка всѣхъ социальнo-политическихъ взглядовъ нашего автора: *крайней отвлеченности*. Въ сущности весь вопросъ сводится Чернышевскимъ къ физиологической возможности болѣе или менѣе быстраго размноженія человѣческаго рода. „О чемъ собственно идетъ дѣло? спрашиваетъ онъ. О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженію со стороны нужды? Извѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей нормальную его силу... Организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ роженію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но... это не будетъ благопріятно быстротѣ

†) При проверкѣ математическихъ доказательствъ Чернышевскаго намъ оказала большую услугу одянь нашъ другъ-математикъ, котораго мы не называемъ страха ради полицейска, свидѣтельствуя ему, однако, здѣсь свою благодарность.

размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. При томъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, т. е. при невѣжествѣ, т. е. при дурномъ положеніи общества, неблагоприятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагоприятныхъ размноженію, — мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благоприятнѣйшихъ для размноженія условій“.*)

Бѣдность и грубость нравовъ имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводитъ ихъ цифру до величины, которой они не достигли бы при благосостояніи и смягченныхъ нравахъ. Въ большинствѣ европейскихъ странъ число рожденій колеблется (вѣрнѣе сказать, колебалось, потому что Чернышевскій писалъ 30 лѣтъ тому назадъ) между 35 и 40 рожденій на 1,000; до 45 оно доходитъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, выше 45 оказывается лишь въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не достовѣрны, и, наконецъ, до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько нибудь заслуживающая довѣрія†). Чернышевскій считаетъ 40 рожденій на 1000 человекъ „за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго изнуренія физическихъ силъ женщинъ въ населеніи неразмножающемся; въ населеніи размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше“ (такъ какъ меньше будетъ относительное число взрослыхъ людей въ обществѣ составѣ населенія). Съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій опустится ниже 40 на 1000. Процентъ размноженія получается вычитаніемъ числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Вѣроятное число рожденій намъ извѣстно; какова же вѣроятная смертность? По мнѣнію нашего автора „наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 1000, а наименьшая смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724) процента и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1,2425) процента“ .††)

* Т. III, стр. 227—228.

† Цифры заимствуются Чернышевскимъ изъ „Elements de statistique humaine“ Гильяра.

†† Т. III, стр. 236. Цифры эти Чернышевскій получаетъ такимъ образомъ. Исслѣдованія англійскаго статистика Чедвина показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя 5 лѣтъ умираетъ 20 процентовъ. Эту смертность Чернышевскій считаетъ наименьшею, какая только возможна во самому устройству человѣческаго организма, такъ какъ англійскіе землевладѣльцы, не терпя никакихъ матеріальныхъ лишеній, славятся въ то же время заботливостью и рациональностью въ физическомъ воспитаніи своихъ дѣтей. Что касается наименьшей смертности между людьми старше 5 лѣтъ, она опредѣляется нѣсколько болѣе сложнымъ приѣмомъ. Во Франціи, по Гильяру, изъ 1000 дѣтей, недостигшихъ пятилѣтняго возраста, умерло 274. Такъ какъ нормальная смертность равняется 200, то 74 смерти оказываются слѣдствіемъ нужды. Нельзя думать, чтобы пропорція *лишнихъ смертей* была больше этой цифры между умершими старше 5 лѣтъ. Чернышевскій полагаетъ, напротивъ, что она будетъ вдвое меньше, что „на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишніи смерти между младенцами“. Но на всякій случай онъ дѣлаетъ двойной расчетъ, опредѣляя относительное число *лишнихъ смертей* какъ въ

На основаніи этихъ крайнихъ предѣловъ наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей „въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія“, Чернышевскій находитъ, „что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ — чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно-возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казаншійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ вѣроятныхъ, долженъ считаться, напротивъ того, неправдоподобно-краткимъ. На самомъ дѣлѣ, періодъ удвоенія едва ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ“. Но это при нынѣшнихъ обычаяхъ, поднимающихъ процентъ рожденій выше естественной нормы. „Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлинненію періода удвоенія и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи нынѣшней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной необходимости въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, т. е. расчетомъ пользы“.†)

Мальтусъ считалъ возможными очень короткіе періоды удвоенія; поэтому онъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ право говорить, что населеніе не поможетъ бѣдѣ, происходящей отъ излишняго размноженія: при 20-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія равняется 3,6; если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5 процента населенія, то все таки останется ежегодное приращеніе въ 2,1 процента, при чемъ населеніе удвоится въ 33 года. Совершенно иное дѣло, когда періоды удвоенія, — какъ это мы видѣли изъ предыдущаго — оказываются, по свойствамъ человѣческаго организма, гораздо болѣе длинными, чѣмъ думалъ Мальтусъ. Тогда эмиграція должна быть признана могучимъ средствомъ борьбы съ перенаселеніемъ. Благодаря ей, періоды удвоенія населенія остающагося въ странѣ, могутъ быть удлиннены до цифръ, на первый взглядъ кажущихся совершенно невѣроятными. По обыкновенію, Чернышевскій поясняетъ свою мысль примѣрнымъ расчетомъ, и, — какъ не рѣдко случается у него — расчетъ не совсѣмъ точенъ††). Впрочемъ, въ

томъ предположеніи, что между взрослыми ихъ не меньше, чѣмъ между дѣтьми, такъ и въ томъ, что взрослый организмъ вдвое лучше дѣтскаго сопротивляется убійственному вліянію лишеній. Расчетъ ведется имъ на основаніи статистическихъ данныхъ о смертности во Франціи. Найдя число *лишнихъ смертей*, Чернышевскій безъ труда получаетъ процентъ *нормальной смертности*.

† Т. III, стр. 243.

†† Такъ, Чернышевскій находитъ, что эмиграція, доходящая до 1,5 процента населенія въ обществѣ, число гражданъ котораго удваивалась прежде черезъ 52,6 года, удлиннитъ періодъ удвоенія до 894,8 лѣтъ. Между тѣмъ, изъ его же таблицы видно,

данномъ случаѣ это не важно. Чернышевскій самъ не придаетъ значенія полученнымъ имъ цифрамъ, „явно смѣющимся надъ нами и своею огромностию, превышающею всякій расчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность“. Цифры эти убѣждаютъ не частностями, а общимъ своимъ смысломъ. Онѣ „говорятъ намъ : не бойтесь ; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя ; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ, — неужели вы думаете мѣрять далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства ? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы ? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ“...†)

Нужно ли входить въ подробный разборъ доводовъ Чернышевскаго ? Мы считаемъ это излишнимъ. Мы только повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ того, что взглядъ его на размноженіе людей имѣетъ, какъ и всѣ его соціально-политическіе взгляды, крайне отвлеченный характеръ. Какъ должно было отражаться это обстоятельство на его изслѣдованіи, понятно само собою. Оно дѣлало его мало убѣдительнымъ. Тамъ, гдѣ надо было бы внимательнѣе всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, Чернышевскій довольствовался формальной правильностью своихъ силлогизмовъ. Но формальная правильность силлогизма еще не ручается за вѣрность вывода. Все зависитъ отъ посылокъ. Посылки же Чернышевскаго строились обыкновенно на нѣсколькихъ цифрахъ, часто очень остроумно истолкованныхъ, но далеко не исчерпывавшихъ всего разнообразія разсматриваемыхъ явленій. Поэтому и возраженія его Мальтусу могутъ считаться скорѣе образчикомъ *полемиической находчивости* (не чуждой, какъ мы видѣли, большой доли *опрометчивости*), чѣмъ *научнаго разсмотрѣнія* предмета. Вотъ, напр., — окончательный выводъ Чернышевскаго не подлежитъ сомнѣнію : не законы природы, а взаимныя отношенія людей, общественныя отношенія причиняютъ бѣдность рабочаго класса. Но когда рѣчь заходитъ о точномъ указаніи тѣхъ сторонъ современныхъ общественныхъ отношеній, которыя причиняютъ такъ называемое перенаселеніе, разсужденія нашего автора дѣлаются довольно сбивчивыми. Мы видѣли, что въ главѣ о прибавочной стоимости (или „прибыли“) онъ приписывалъ обѣдненіе рабочаго класса стремленію этой стоимости расти по геометрической прогрессіи. Въ главѣ о „*дѣйствительномъ источникѣ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ*“ и объ „*истинномъ смыслѣ Мальтусовой теоріи*“ онъ обращаетъ вниманіе на два другія обстоятельства, именно : „на *отношеніе основнаго капитала къ прибыли*“ и на „*пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія*“.

что первоначальный процентъ размноженія въ такомъ обществѣ равнялся бы лишь 1,3275. При эмиграціи, процентъ которой превышаетъ первоначальный процентъ размноженія, въ населеніи явится убыль, а потому оно *никогда не удвоится*, если не измѣнится положеніе дѣлъ.

† Т. III, стр. 240—242.

Съ увеличеніемъ населенія производительность труда, прилагаемаго къ землѣ, падаетъ. Для избѣжанія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ требуются улучшения въ способахъ обработки земли. Чернышевскій старался доказать, что процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ, и что съ этой стороны человѣчеству опасаться нечего. Но въ своихъ вычисленіяхъ онъ принималъ неизмѣннымъ отношеніе земледѣльцевъ къ общему составу населенія. Съ измѣненіемъ этого отношенія, съ уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ“, — процентъ улучшеній, необходимыхъ для покрытія дефицита, быстро возвышается. А это значитъ, что людямъ все труднѣе и труднѣе становится бороться съ дефицитомъ. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что улучшения уже не покрываютъ дефицита. Именно это мы и видимъ въ исторіи всѣхъ прогрессирующихъ странъ. По мѣрѣ развитія цивилизаціи городское и вообще неземледѣльческое населеніе увеличивается насчетъ сельскаго, земледѣльческаго. Отъ земледѣлія отнимается больше рукъ, чѣмъ это допускается успѣхами земледѣльческаго искусства. Отсюда — недостатокъ продовольствія, который несомнѣнно существуетъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ. „Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшениями дефицитъ земледѣльческаго продукта, дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другого, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другого, а каждое имѣетъ свою особенную причину“.†)

Если бы мы имѣли дѣло съ рабовладѣльцемъ, ведущимъ натуральное хозяйство, то, разумѣется, обнаружившійся у него недостатокъ хлѣба могъ бы найти совершенно удовлетворительное объясненіе въ несоразмѣрномъ уменьшеніи „пропорціи земледѣльцевъ“. Но и тогда надобно было бы все таки спросить себя, — точно ли недостатаетъ хлѣба у хозяина? Можетъ быть, онъ ссылается на недостатокъ хлѣба единственно затѣмъ, чтобы оправдать свою жадность, не позволяющую ему кормить рабовъ до-сыта. Въ капиталистическомъ же хозяйствѣ всѣ явленія несравненно болѣе сложны, и, именно благодаря своей сложности, они очень плохо объясняются отвлеченными соображеніями того или другого рода.

Тутъ намъ припоминается Рикардо, котораго Чернышевскій такъ горячо защищалъ отъ нападокъ Кэри. Попросимъ Рикардо объяснить намъ, что произойдетъ въ случаѣ недостатка хлѣба, вызываемаго уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ“.

Если хлѣба мало по той причинѣ, что слишкомъ мало число рукъ, занимающихся его производствомъ, — отвѣтитъ намъ Рикардо, — цѣна хлѣба поднимется, и это привлечетъ къ земледѣлію новыя капиталы, то есть, слѣдовательно, и новыя рабочія руки: „пропорціи земледѣльцевъ“ будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не при-

† Тамъ же, стр. 257.

метъ надлежащихъ, размѣровъ, опредѣляемыхъ спросомъ на хлѣбъ. Въ земледѣліи, какъ и вездѣ, „пропорція“ работниковъ зависитъ не отъ чего иного, какъ именно отъ спроса на ихъ издѣлія. Я подробно объяснилъ это въ своей „Политической Экономіи“. Впрочемъ, это хорошо знали *раньше* меня и никогда не оспаривали *послѣ*.

Къ тому же,—прибавить, пожалуй, Рикардо,—очень ошибаются тѣ, которые считаютъ, что количество хлѣба, производимаго въ странѣ, должно увеличиваться по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣльческаго труда; другими словами, по мѣрѣ возрастанія процента улучшеній, совершающихся въ земледѣльческой техникѣ. Въ дѣйствительности вполнѣ возможно *обратное* явленіе: количество производимаго хлѣба будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія производительности труда. Въ данной странѣ, имѣющей данную „пропорцію земледѣльцевъ“, произошло „улучшеніе земледѣльческихъ способовъ“, позволяющее уменьшить на половину число рукъ, требующихся для обработки каждой десятины. Половина рукъ остается безъ работы. Не имѣя работы, они не имѣютъ возможности покупать хлѣбъ. Слѣдовательно, потребление хлѣба *сокращается*, и сокращается благодаря именно улучшенію земледѣльческихъ способовъ; сокращеніе же потребления хлѣба ведетъ къ новому сокращенію производства. Если дефицитъ въ земледѣльскомъ продуктѣ опредѣлять числомъ голодныхъ желудковъ, существующихъ въ данной странѣ, то и выйдетъ, что *дефицитъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда*.

Это прекрасно зналъ и Мальтусъ. „Небольшая ферма въ Керри†) способна, можетъ быть, прокормить большую семью, имѣющую нѣсколькихъ взрослыхъ работниковъ. Но работа на фермѣ требуетъ очень немногихъ рукъ; женщины исполняютъ большую часть этой работы. Работа, выпадающая на долю мужчинъ, такъ невелика, что не составитъ въ общемъ счетѣ и одного дня въ недѣлю“††.) На маленькой фермѣ слѣдствіемъ этого является, по Мальтусу, праздность мужчинъ; но онъ понималъ, что на большихъ, *капиталистическихъ* фермахъ дѣло происходитъ иначе: излишнія руки изгоняются. Именно по этому-то поводу онъ и замѣчаетъ, что „*способность прокормить работниковъ можетъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе сдѣлать это*“.

Конечно, можно сказать, что улучшеніе земледѣлія даетъ возможность начать или усилить вывозъ хлѣба за-границу, а вывозъ хлѣба за-границу позволить удержать при землѣ прежнее число работниковъ. Но, во-первыхъ, это возраженіе сводилось бы къ старой пѣснѣ о томъ, что введеніе машинъ не ухудшаетъ положенія работниковъ. Чернышевскій не сталъ бы пѣть эту пѣсню. А кромѣ того, если бы при землѣ и осталось прежнее количество рукъ, то вѣдь потребление хлѣба *сравнительно съ производствомъ его* все-таки сократи-

† То есть ферма, обрабатываемая самими арендаторами, а не капиталистическая ферма.

†† Principles, t. II, p. 95.

лось бы весьма, значительно. Можетъ быть и нельзя было бы вывозить хлѣбъ за-границу, если бы мы рѣшились кормить до-сыта всѣхъ тѣхъ, которые живутъ у насъ въпроголодь. Но вѣдь у этихъ людей нѣтъ денегъ, ихъ потребности не имѣютъ ничего общаго съ „*дѣйствительнымъ*“ спросомъ на хлѣбъ. А въ буржуазномъ обществѣ только этотъ спросъ и принимается въ соображеніе.

Изъ Россіи при обыкновенномъ урожаѣ вывозится много хлѣба за-границу; до абсолютнаго „дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ при такихъ условіяхъ очень далеко. Но это не мѣшаетъ голодать русскимъ крестьянамъ, не мѣшаетъ существованію *относительнаго* дефицита.

Итакъ, въ вопросѣ о современной нищетѣ съ ея послѣдствіями „пропорція земледѣльцевъ“ ровно ничего не объясняетъ. Сама эта пропорція опредѣляется спросомъ на хлѣбъ. Спросъ опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы. Распредѣленіе покупательной силы зависитъ, во-первыхъ, отъ отношенія между заработной платой и прибавочной стоимостью, а во-вторыхъ, — отъ того, какъ раздѣляется прибавочная стоимость между различными слоями эксплуататоровъ и непроеизводительныхъ работниковъ. Наконецъ, отношеніе между заработной платой и прибавочной стоимостью, по мѣрѣ увеличенія производительности труда, все болѣе и болѣе измѣняется *въ ущербъ* работникамъ, а не *въ пользу ихъ*, какъ этого можно было бы ожидать на основаніи разсужденій Чернышевскаго.

Ссылка на „пропорцію земледѣльцевъ“ такъ же мало убѣдительна, какъ и извѣстная читателю мысль Чернышевскаго о причинахъ сравнительно медленнаго усовершенствованія земледѣлія: отъ недостатка хлѣба страдаютъ только бѣдняки; современная же наука въ большинствѣ случаевъ направляетъ свои изслѣдованія лишь сообразно нуждамъ высшихъ классовъ*). Читатель знаетъ, до какой степени плохо выражаетъ эта отвлеченная мысль дѣйствительный смыслъ конкретнаго явленія.

Посмотримъ теперь, какая связь существуетъ между нищетой и „отношеніемъ основнаго капитала къ прибыли“.

„Земледѣльческое улучшеніе, подобно всякому другому техническому улучшенію, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи основнаго капитала. Мы видѣли у Милля, что основнаго капиталъ... обыкновенно возрастаетъ не иначе, какъ обращеніемъ въ капиталъ прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенію прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она спускалась ниже 2%, — обыкновенно стоитъ она гораздо выше

*) См. нашу третью статью о Чернышевскомъ, „Соц.-Дем.“, кн. 3, отд. I, стр. 105—108.

даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ для націи была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческія улучшенія для покрытія дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую пропорцію къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ очень часто можетъ представляться для націи надобность въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по причинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются не произведены тѣ земледѣльческія улучшенія, какія были бы нужны для предотвращенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.“*)

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, пользованіе этими силами никогда не можетъ дойти до такихъ размѣровъ, до какихъ дошло бы оно въ коммунистическомъ обществѣ. Это зналъ, какъ мы видѣли, самъ Мальтусъ. Но—странное дѣло!—буржуа Мальтусъ высказывалъ по этому поводу мысли во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности, чѣмъ социалистъ Чернышевскій. У Чернышевскаго выходитъ, что капиталистическій строй можетъ оказаться препятствіемъ для распространенія земледѣлія на новые участки только въ томъ случаѣ, когда производительность труда на этихъ участкахъ будетъ значительно *ниже, чѣмъ на старыхъ*. При томъ же Чернышевскій говоритъ только о земледѣльческомъ трудѣ. Мальтусъ ставитъ вопросъ шире и отвѣчаетъ на него правильнѣе. По мнѣнію Мальтуса, уже извѣстному читателю, *каковы бы ни были производительныя силы—въ земледѣліи и въ другихъ отрасляхъ производства—онѣ употребляются въ дѣло лишь тогда, когда капиталистъ надѣется получить достаточную прибыль†*). Это огромная разница. Во время переполненія рынковъ капиталисты сокращаютъ производство, потому что оно не окупило бы даже сдѣланныхъ на него затратъ. Периодическое переполненіе рынковъ принимаетъ тѣмъ болѣе внушительные размѣры, *чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы*. Слѣдовательно, *чѣмъ болѣе развиваются эти силы, тѣмъ болѣе серьезнымъ препятствіемъ является капиталистическій строй для ихъ примѣненія*. Это выводъ, какъ разъ обратный выводу Чернышевскаго.

Обратите вниманіе на примѣръ, съ помощью котораго нашъ авторъ доказываетъ справедливость своей мысли.

Общество имѣетъ 10,000 человѣкъ населенія или 2,000 семействъ съ 2,000 мужчинъ. Половина этихъ послѣднихъ обрабатываетъ землю, остальные частью занимаются другими отраслями производительнаго труда, частью предаются труду непроизводительному, а частью посвящаютъ свое время эксплуатаціи ближняго (землевладѣльцы и ка-

*) Т. III, стр. 274.

†) Principles, t. II, p. 121. Подлинныя слова Мальтуса приведены нами во второй главѣ.

питалисты). На продовольствіе нужно по 4 четверти на человѣка, а 1,000 земледѣльцевъ производить 40,000 четвертей, по 40 четвертей каждый. Рента и прибыль составляютъ четвертую часть продукта, т. е. 10,000 четвертей. Остальные 30,000 составляютъ рабочую плату, по 30,000 четвертей на работника*). Такъ обстоитъ дѣло въ первомъ году. Въ слѣдующемъ году, благодаря размноженію населенія, въ земледѣльческомъ продуктѣ оказывается недочетъ, доходящій до 16 четвертей, т. е. выходитъ, что недостаетъ продовольствія для 4 человѣкъ. Необходимы улучшения. Необходимы — съ точки зрѣнія людей, нуждающихся въ продовольствіи, но не съ точки зрѣнія капиталистовъ. У тѣхъ свои расчеты. Съ ихъ точки зрѣнія „дѣло зависитъ отъ того, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей“. Положимъ, что для покрытія недочета надо осушить небольшой участокъ. Для этого потребуется годичный трудъ 2 работниковъ. На ихъ наемъ надо затратить 60 четвертей (по 30 на каждого, согласно вышеприведенному предположенію). Слѣдовательно, затрата капитала равняется 60 четвертямъ. Обращеніе ихъ въ основной капиталъ дастъ 16 четвертей дохода. „Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостью не сдѣлалъ бы такого улучшенія. *Если бы нужны были только такіе улучшения, не существовало бы нищеты въ Европѣ*“ (курсивъ нашъ). Но возможенъ иной случай. Возможно, что для осушенія участка потребуется прорыть большой каналъ, который поглотитъ годичный трудъ 200 человѣкъ. На ихъ наемъ потребуется 6,000 четвертей. Осушенный участокъ будетъ приносить ежегодно по 16 четвертей. Это составитъ немного больше одной четвертой части процента. „Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ одну четвертую часть процента стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка“. Значитъ, улучшения не будутъ сдѣланы. А между тѣмъ, ихъ навѣрное сдѣлали бы, если бы общество само распоряжалось употребленіемъ въ дѣло своихъ производительныхъ силъ. Для него вопросъ о покрытіи дефицита есть вопросъ жизни и смерти.

Въ этомъ примѣрѣ очень много всякаго рода экономическихъ несообразностей. Мы не хотимъ останавливаться на нихъ. Читатель замѣтитъ ихъ и безъ нашей помощи, а если не замѣтитъ, — бѣда не велика: несообразности эти только лишній разъ показали бы несостоятельность „гипотетическаго“ метода Чернышевскаго, а она и безъ того очевидна†). Мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь

*) „Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба“, замѣчаетъ авторъ.

†) На всякій случай, вотъ одна изъ несообразностей.

По предположенію Чернышевскаго подлежащій улучшенію участокъ занимаетъ 4 десятины. Одна десятинна будетъ, поэтому, въ среднемъ приносить 4 четверти.

на слѣдующее обстоятельство. Въ разбираемомъ примѣрѣ каждый земледѣлецъ производитъ первоначально 40 четвертей хлѣба. Осушенный участокъ приноситъ только 16. Авторъ не говоритъ, сколько труда понадобится для его обработки (обработка совершенно упускается имъ изъ виду). Но принимая во вниманіе, что участокъ занимаетъ 4 десятины, надо думать, что для его воздѣлыванія понадобится количество труда, по крайней мѣрѣ, равное годовому труду одного работника. Но положимъ даже, что каждый работникъ въ состояніи обработать 8 десятинъ, и что, слѣдовательно, на обработку участка необходимо затратить лишь половину годового труда одного человѣка. Все-таки производительность труда на этомъ участкѣ значительно ниже, чѣмъ на старыхъ участкахъ : тамъ полугодовой трудъ работника производитъ 20 четвертей. Это, во-первыхъ, доказываетъ, что именно только въ случаѣ пониженія производительности труда капиталистическій строй могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, оказаться препятствіемъ для употребленія въ дѣло производительныхъ силъ. Во-вторыхъ, это проливаетъ новый свѣтъ на знаменитое математическое опроверженіе Мальтуса.

Въ своемъ примѣрѣ Чернышевскій указываетъ, какое число жителей имѣетъ его воображаемое общество и даже говоритъ, какъ великъ процентъ размноженія его населенія. Въ этомъ, повидимому, нѣтъ никакой надобности. Чтобы доказать свою мысль, онъ могъ бы ограничиться указаніемъ того, до какой степени упадетъ производительность труда на новомъ участкѣ. Но ему нужно было опредѣлить „процентъ улучшеній“, необходимыхъ для покрытія дефицита, обнаружившагося во второмъ году. „По Мальтусовой теоремѣ“ этотъ процентъ оказывается равнымъ 0,0385 или, какъ предполагаетъ Чернышевскій „для легкости счета“,—0,04. Читатель знаетъ, что нельзя опредѣлить этотъ процентъ, не опредѣливъ предварительно того, какъ понизится производительность земледѣльческаго труда. *Мальтусова теорема* именно и помогаетъ Чернышевскому найти эту неизвѣстную величину: процентъ ослабленія производительности труда новыхъ работниковъ равенъ проценту размноженія, то есть 2. Относительно этого можно предположить одно изъ двухъ : 1) это вѣрно, 2) это не вѣрно. Чернышевскій сказалъ бы, конечно, что это совершенно вѣрно. Положимъ, что онъ правъ. Что же выходитъ? Процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ. Цифра, его выражающая, „явно смѣется надъ нами“ своею ничтожностью; она говоритъ намъ: „не бойтесь, кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы меня, опровергнуть меня нельзя“. Мы вѣримъ цифрѣ, у насъ

Осушенный участокъ не станетъ же давать жатву безъ обработки. Чтобы воздѣлать его, понадобится, положимъ, годовичный трудъ одного человѣка. Часть продукта этого труда пойдетъ работнику въ видѣ заработной платы, другая составитъ прибавочную стоимость. Спрашивается, какъ велика будетъ она? Она будетъ равна тому, что останется отъ продукта за вычетомъ рабочей платы. Рабочая плата, по предположенію Чернышевскаго, доходитъ до 30 четвертей. Значитъ, на прибавочную стоимость останется ~~минусъ~~ 14 четвертей. Но отрицательная прибавочная стоимость не даетъ возможности уплатить хотя бы одну четверть процента на затраченный прежде основной капиталъ.

исчезаютъ всякія опасенія на счетъ будущаго. Но когда рѣчь заходитъ объ исполненіи ничтожнѣйшихъ по своимъ размѣрамъ улучшеній, оказывается, что мы, по извѣстному нѣмецкому выраженію, считали безъ хозяина. Оказывается, что въ дѣлѣ исполненія этихъ улучшеній возможны очень различныя „случаи“. Возможно, что потребуется затратить огромный трудъ для полученія сравнительно ничтожнаго „дохода“. Значитъ, величина процента необходимыхъ улучшеній еще *ровно ни за что не ручается*. Даже въ „гипотетической“ дѣйствительности Чернышевскаго эта ничтожная величина можетъ уживаться съ огромнѣйшими практическими затрудненіями, съ чрезвычайно большимъ пониженіемъ производительности труда на участкѣ, который долженъ покрыть нашъ дефицитъ. Извольте, послѣ этого, вѣрить *насмѣливой цифрѣ!*

V.

Послѣ всего сказаннаго надо ожидать, что истинная причина кризисовъ должна была остаться непонятной для Чернышевскаго. Такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Какъ объяснить кризисы, эти „экономическія землетрясенія, ломающія фирмы, разрушающія фабрики, оставляющія безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и миллионы работниковъ“?

Чернышевскій приводитъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго кризисамъ у Милля. Изъ этого извлеченія явствуетъ, что причина кризисовъ лежитъ въ „закупкахъ на спекуляцію“ или просто въ спекуляціи. Соображенія Милля кажутся Чернышевскому достаточными для опроверженія того взгляда, по которому кризисы приписываются излишнимъ выпускомъ кредитныхъ бумагъ. „Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ конечно только при высокомъ развитіи экономической жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непременно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ — и высокое развитіе такъ называемыхъ кредитныхъ бумагъ“ *). Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взглядъ Милля правиленъ. „Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе“ †). Съ кризисами „связанъ вопросъ о такъ называемомъ излишкѣ снабженія“. Милль лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы показать, вопреки Мальтусу, Чомерсу и Сисмонди, невозможность подобнаго излишка. По его словамъ, „заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго, т. IV, стр. 289—290.

†) Тамъ же, стр. 296.

всего принадлежит двумъ знаменитымъ людямъ : на континентѣ проищательному Ж. Б. Сэю, а въ Англіи Джемсу Миллю“. — „Все, что говоритъ Милль — чистая правда“, замѣчаетъ Чернышевскій. Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непродвигательное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своею колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображеніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ? Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такіа нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ?“ Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди просто смотрѣли на вопросъ не съ той стороны, съ какой смотритъ Милль. Истинный ходъ явленія, называемаго кризисомъ, таковъ : „Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны растутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возрастаніемъ только спекулятивныхъ закупокъ, а не самого потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать? — Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, не смотря на упадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются непотребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. — Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ эту сторону дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди. — Милль совершенно правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка*), что капиталъ... не можетъ возрасти слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д., — все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи.

*) Надо замѣтить, что Милль вовсе не думалъ доказывать это. Онъ доказывалъ, что производство не можетъ превышать потребностей *товаропроизводцевъ*, а это не одно и то же.

Но это противорѣчіе произошло только отъ того, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не донскались до коренныхъ фактовъ, порождающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчіе съ экономической теоріею... Въ концѣ концовъ Чернышевскій находитъ, что „производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ повременамъ превышать обычный уровень потребленія, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ потребленія, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, оставая работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребленія, то есть ни меньше, ни больше какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій, чисто производительныхъ“†).

Чтобы доказать несостоятельность Мальтусовой теоріи народонаселенія, слѣдовало прежде всего указать на то, что по Мальтусу буржуазное общество одновременно страдаетъ и отъ перепроизводства и отъ перенаселенія. Подобное опроверженіе было бы, какъ выражаются математики, *необходимымъ и достаточнымъ*. Чернышевскій предпочелъ бороться другимъ оружіемъ, достоинство котораго намъ уже извѣстно. Ему и въ голову не приходитъ, что „вопросъ объ излишкѣ снабженія“ можетъ служить для „разъясненія смысла Мальтусовой теоріи“. Онъ склоненъ даже хвалить Мальтуса, который хотя и остановился на половинѣ пути въ вопросѣ объ „излишкѣ снабженія“, но все таки выбралъ вѣрную дорогу для его рѣшенія. Самое же рѣшеніе вопроса выражается немногими словами: *корень бѣдствія въ торговль*. Здѣсь мы имѣемъ интересный образчикъ отношенія социалиста-утописта ко взглядамъ буржуазнаго политико-эконома „передовой“ школы. Корень зла въ спекуляціи, говоритъ Д. С. Милль. Вы волюнѣ правы, замѣчаетъ социалистъ-утопистъ. Но вы не дѣлаете надлежащаго вывода изъ вашихъ собственныхъ посылокъ. Я иду дальше васъ, я не боюсь поставить точку надъ і. Корень зла не въ спекуляціи, а въ томъ, отъ чего получаетъ происхожденіе сама спекуляція, т. е. въ торговлѣ. Буржуазные экономисты, вообще говоря, совершенно правы. Они лишь робки и непослѣдовательны.

Корень бѣдствія въ торговлѣ. Безъ торговли немислимо товарное производство. Слѣдовательно, корень бѣдствія уходитъ еще глубже: онъ неразрывно связывается съ товарнымъ производствомъ. Но товарное производство долго существовало, не причиняя кризисовъ. Значитъ, не товарное производство причиняетъ кризисы, а нѣчто другое, можетъ быть и связанное съ этимъ производствомъ, но обнаруживающееся лишь на очень высокой стадіи его развитія. Указаніе на истинную причину кризисовъ заключается уже въ собственныхъ словахъ Чернышевскаго. Спекуляція даетъ такой толчокъ производству, что въ два-три мѣсяца заготавливается количество товаровъ, достаточное для полугодоваго потребленія. Въ дѣйствительности производство можетъ еще дальше оставить за собою потребленіе, чѣмъ ду-

†) Тамъ же, стр. 289—296.

малъ Чернышевскій. Вотъ теперь и спрашивается, всегда ли существовала при товарномъ производствѣ возможность подобнаго явленія? Извѣстно, что не всегда, что она создана лишь разбитіемъ новѣйшей крупной промышленности, увеличившей производительныя силы общества до небывалыхъ размѣровъ. Слѣдовательно, „корень бѣдствія“ заключается въ крупной промышленности, въ слишкомъ значительномъ развитіи производительныхъ силъ? Очевидно—да. Но такъ же очевидно, что высокое развитіе производительныхъ силъ зломъ быть не можетъ. Утверждать это—значило бы говорить сущую бессмыслицу. Выходитъ, что надо обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ примѣняются теперь высоко-развитыя производительныя силы. Мы знаемъ уже, что между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, прекращающій свою „работу“ всякій разъ, когда она не сулитъ ему необходимыхъ и достаточныхъ барышей. А надежда на барыши исчезаетъ всякій разъ, когда рынки переполняются товарами. А рынки тѣмъ чаще и тѣмъ больше переполняются товарами, чѣмъ болѣе развиты производительныя силы. Капиталистъ попадаетъ въ нелѣпое, противорѣчивое положеніе: съ одной стороны, конкуренція заставляетъ его примѣнять возможно болѣе совершенные способы производства; а съ другой стороны, примѣненіе этихъ способовъ грозитъ переполненіемъ рынковъ, кризисомъ, потерей барышей, разореніемъ. Это противорѣчіе показываетъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства. Устраненіе этихъ отношеній является важнѣйшимъ „очереднымъ вопросомъ“ переживаемаго нами историческаго момента. Когда совершится предстоящая теперь революція, когда капиталистическія отношенія производства уступятъ мѣсто социалистическимъ, тогда высоко-развитыя производительныя силы перестанутъ причинять „экономическія землетрясенія“, онѣ будутъ покорными рабами людей, источникомъ непрерывнаго роста общественнаго богатства.

Противорѣчіе современныхъ производительныхъ силъ съ современными отношеніями производства есть противорѣчіе, свойственное современной экономической дѣйствительности. Чернышевскій ищетъ „корня бѣдствія“ въ противорѣчій дѣйствительности „съ непровержимыми принципами экономической теоріи“. Это весьма характерно для его отвлеченной точки зрѣнія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, легко можно было открыть множество противорѣчій фактовъ съ „теоріей“, дѣйствительности съ требованіями разсудка. Но противорѣчіе дѣйствительности съ „теоріей“, т. е. со взглядами людей, само является продуктомъ исторической діалектики общественной жизни. Надо открыть законы этой діалектики для того, чтобы имѣть возможность не только осудить дѣйствительность, но также указать историческія условія ея возникновенія въ прошломъ и ея исчезновенія въ будущемъ. Къ сожалѣнію, именно это-то и невозможно было для человека, смотрѣвшаго на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія. Въ качествѣ теоретика, такой человекъ могъ только ловить дѣйствительность на противорѣчій съ теоріей; въ качествѣ практическаго дѣятеля, революціонера, стремящагося устранить ненавистную ему дѣйствительность, онъ могъ возлагать свои упованія

исключительно только на *убедительность теории*, которая рано или поздно покажетъ людямъ всю гнусность и *нелѣпность дѣйствительности*.

VI.

Вотъ какъ формулируетъ самъ Чернышевскій въ немногихъ словахъ тѣ принципы, которые должны лечь въ основѣ будущаго общественнаго устройства. Они состоятъ „въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; что человекъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другого; что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина; что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуютъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физиологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества“.

Какимъ же путемъ могутъ быть осуществлены эти принципы? Чернышевскій очень сожалѣлъ, что не удалось ему указать тѣ переходныя ступени, которыя приведутъ къ полному осуществленію социалистическихъ идей. Это дѣйствительно очень жаль; не потому чтобы эти мѣры могли имѣть теперь какое нибудь практическое значеніе, а потому, что онѣ дали бы намъ болѣе ясное представленіе о социально-политическихъ взглядахъ Чернышевскаго. Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ съ помощью отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ на страницахъ „Очерковъ Политической Экономіи“. Къ сожалѣнію, ихъ очень немного.

Въ то время, когда писалъ Чернышевскій, въ глазахъ людей, не стоявшихъ на точкѣ зрѣнія научнаго социализма (а такихъ было мало), имѣлъ еще большую важность вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ дѣло рѣшенія такъ называемаго социальнаго вопроса. Чернышевскій очень горячо и съ огромнымъ успѣхомъ опровергалъ буржуазный принципъ: „laissez faire, laissez passer“. Но, разбивая *этотъ* принципъ, онъ не безусловно держался противоположнаго: онъ не утверждалъ, что социальный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ помимо государственнаго вмѣшательства или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ очень остороженъ въ опредѣленіи границъ этого вмѣшательства. „Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ — говоритъ онъ въ своемъ главномъ экономическомъ сочиненіи*). Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ

*) Сочиненія, т. 4. стр. 101.

свободнымъ дѣйствиємъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть ясно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучший, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы.... Но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверно-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ....“†)

Но страны, какъ Англія и Сѣверная Америка, Чернышевскій считалъ исключеніями. Какъ это по всему видно, онъ былъ убѣжденъ, что рѣшеніе социальнаго вопроса „частнымъ образомъ“ невозможно въ большинствѣ европейскихъ странъ. Есть основанія думать, что и само государственное вмѣшательство въ этихъ странахъ представлялась ему въ видѣ вмѣшательства *революціоннаго* правительства. На это предположеніе наводятъ нерѣдкія у него отступленія, гдѣ онъ старается рѣшить, насколько требованія здравой теоріи обязательны для правительства, поставленнаго исторіей въ необходимость исключительно руководствоваться принципомъ: *salus populi lex suprema est*. Вотъ, напримѣръ, теорія безусловно осуждаетъ чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ. По теоріи выходитъ, что лучше прямое, откровенное рѣшеніе вопроса — налогъ. Такъ и должно поступать правительство, чувствуящее себя прочнымъ. Но бываютъ исключительныя положенія, бываютъ исключительныя событія, въ родѣ событій 1848 г. во Франціи*). „Въ такомъ шаткомъ положеніи приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество... Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волоскѣ этотъ оборвется, непременно оборвется, не нынѣ завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ, — во что бы то ни стало надобно продержаться нынѣшній день, чтобы умѣть хотя что нибудь сдѣлать. — Да, представьте себѣ это положеніе, ”

†) Не мѣшаетъ вспомнить, какое направленіе принимаютъ теперь требованія англійскихъ ремесленныхъ союзовъ.

*) Надо помнить, что Чернышевскій писалъ въ подцензурномъ изданіи и потому часто долженъ былъ выражаться намеками.

вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ экономическаго быта.“

Выпускъ бумажныхъ денегъ предполагается здѣсь необходимымъ въ видахъ организаціи рабочихъ товариществъ : „разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами; — но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все таки нужно очень много денегъ“.)

Замѣчательно что у Чернышевскаго его воображаемое революціонное правительство, начиная коренное „измѣненіе экономическаго быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистовъ“, старается не запугать „общество“, т. е. этихъ же капиталистовъ, не произвести на нихъ „тяжелого впечатлѣнія“. Это нѣсколько странно. Намъ теперь кажется, что когда революціонный пролетаріатъ захватитъ политическую власть въ свои руки, ему трудно будетъ предохранить гг. капиталистовъ отъ тяжелыхъ впечатлѣній. Но представленія Чернышевскаго о социалистической революціи были очень непохожи на наши нынѣшнія представленія о ней. Это особенно ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его о *прогрессивномъ налогѣ*.

„Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторые экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшняго ; содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно *не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существенныхъ интересовъ*; а прогрессивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противоположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство могло бы, *нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта*“.)

Однѣ эти строки могли бы убѣдить насъ, что въ лицѣ Чернышевскаго мы имѣемъ дѣло съ *социалистомъ-утопистомъ*.

Утапическая точка зрѣнія на общественную жизнь — такова Ахиллесова пята нашего автора. Изъ этого общаго источника истекаютъ всѣ тѣ многочисленныя промахи и всѣ тѣ немалочисленныя ошибки, съ которыми мы встрѣтились въ его изслѣдованіяхъ. Чернышевскій часто ошибался, потому что, рассуждая о буржуазномъ обществѣ, онъ искалъ основаній для своихъ выводовъ не въ *дѣйствительной жизни этого общества, а въ требованіяхъ здоровой теоріи*“. Въ основѣ этихъ требованій лежали, — какъ видѣлъ читатель, — ученія тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ, противъ которыхъ спорилъ Чернышевскій. Но онъ видоизмѣнялъ и дополнял эти ученія, руководясь размышленіями объ экономической жизни воображаемаго социалистическаго общества съ населеніемъ отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Примѣрныя ариѳметическія выкладки — счетоводство воображаемаго общества — составляли всю сущность его „*гипотетическаго*“ метода. Съ помощью такихъ приемовъ нельзя было сдѣлать что нибудь прочное въ наукѣ. Чернышевскій

†) Т. 4, стр. 284—287.

*) Т. 4, стр. 404.

едва ли не больше всѣхъ социалистовъ-утопистовъ занимался политической экономіей. И его примѣръ лучше всякого другого показываетъ несостоятельность утопической точки зрѣнія.

Таковъ нашъ окончательный выводъ. Мы не находили нужнымъ скрывать его и не считали возможнымъ высказывать его голословно. Намъ приходилось, поэтому, шагъ за шагомъ слѣдовать за нашимъ авторомъ въ его изслѣдованіяхъ. Намъ часто приходилось оспаривать его; иногда у насъ вырывалось, можетъ быть, слово раздраженія. Пусть не ставятъ намъ этого въ виду многочисленные почитатели Чернышевскаго. Мы сами принадлежимъ къ ихъ числу, мы сами свято чтимъ память этого знаменитаго человѣка, много сдѣлавшаго для русской литературы и честно постоявшаго до конца за свои убѣжденія. Мы ставимъ его имя рядомъ съ именемъ Бѣлинскаго. И мы тѣмъ менѣе склонны уменьшать его литературныя заслуги въ виду его теоретическихъ ошибокъ, что, по нашему мнѣнію, онъ и не задавался цѣлями серьезнаго научнаго изслѣдованія. Онъ былъ образованнымъ, убѣжденнымъ и талантливымъ публицистомъ, которому надо было обратить на социальный вопросъ вниманіе читающей публики, надо было предохранить эту публику отъ развращающаго вліянія апологетовъ буржуазнаго порядка. И эта благородная цѣль его была вполне достигнута. Всѣ свѣжіе, всѣ живые элементы читающей публики испытали на себѣ его благотворное вліяніе. Много содѣйствовала его страстная, подчасъ ѣдкая проповѣдь возникновенію того демократическаго теченія въ нашей литературѣ, которому мы обязаны своимъ знаніемъ русской народной жизни; много содѣйствовала она возникновенію русскаго революціоннаго движенія. Онъ часто ошибался, когда судилъ объ экономическихъ законахъ буржуазнаго общества. Но онъ не ошибался въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому обществу; онъ не ошибался, призывая своихъ читателей работать для освобожденія пролетаріата. Пролетаріатъ не забудетъ этой заслуги Чернышевскаго.

Но все хорошо въ свое время. Утопическая точка зрѣнія, много вредившая Чернышевскому въ теоріи, не помѣшала ему принести огромную пользу своимъ современникамъ. Теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ появилось его „Очерки Политической Экономіи“, обстоятельства измѣнились. Теперь *очень вредной, не только въ теоріи, но и на практикѣ* оказывается та утопическая точка зрѣнія на общественную жизнь, которой все еще продолжаетъ держаться, по старой памяти, русская революціонная „интеллигенція“. Теперь эта точка зрѣнія мѣшаетъ ей приобрѣсти политическое вліяніе въ странѣ и покончить съ главнымъ врагомъ всего народа русскаго — съ *царизмомъ*. Теперь мы *должны* оставить эту точку зрѣнія; теперь мы *можемъ* оставить ее.

Въ исторіи русской литературы замѣчается слѣдующее интересное явленіе, на которое мы уже обращали вниманіе русскихъ социалистовъ. Пока наши передовые писатели имѣли дѣло преимущественно съ литературными идеями, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, они не отставали отъ движенія западно-европейской мысли. Критическія статьи Бѣлинскаго смѣло могутъ быть поставлены ря-

домъ со статьями любого изъ современныхъ ему западныхъ критиковъ. Но едва дѣло коснулось социальныхъ идей, наши передовые писатели немедленно оказались отсталыми. Главное экономическое сочиненіе Чернышевскаго кажется написаннымъ лѣтъ на двадцать раньше книги Энгельса *о положеніи рабочаго класса въ Англии* и „*Нищеты философіи*“ Маркса. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ дѣло идетъ еще дальше. Наши народники отстали отъ западно-европейскихъ социаль-демократовъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пятьдесятъ. Это странное на первый взглядъ явленіе объясняется просто на просто отсталостью русской жизни. Извѣстно, что ходъ идей опредѣляется ходомъ вещей: отсталому экономическому порядку соотвѣтствуютъ отсталые социаль-политическіе взгляды. Въ теченіе послѣдняго полувѣка западно-европейская жизнь ушла далеко впередъ. Россія двигалась гораздо медленнѣе; поэтому разстояніе между нею и Западной Европой все болѣе и болѣе увеличивалось; поэтому же все болѣе и болѣе отсталыми оказывались идеи, господствующія въ русскихъ передовыхъ кругахъ. Но быстрое развитіе западно-европейской экономической жизни не осталось безъ вліянія и на Россію. Ея старыя экономическія порядки рухнули, капитализмъ восторжествовалъ въ ней по всей линіи. Этими новымъ экономическимъ отношеніямъ должны соотвѣтствовать новыя социаль-политическія идеи. И онѣ *непрѣменно явятся. Онѣ уже являются.* Но, „пока что“, старыя идеи продолжаютъ отстаивать свое существованіе, производя на cadaго свѣжаго челоуѣка впечатлѣніе чего-то совершенно допотопнаго.

Наши допотопныя социаль-политическія идеи представляютъ собою законное дѣтище утопическаго взгляда на общественную жизнь, дѣтище, правда, сильно зараженное въ семидесятыхъ годахъ специфическимъ „русскимъ духомъ“. Содѣйствовать распространенію новыхъ идей можно лишь содѣйствуя устраненію утопическаго взгляда. Вотъ почему мы считали нужнымъ подробно рассмотреть ученія замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ социалистовъ-утопистовъ. Мы хотѣли сказать нашимъ современнымъ утопистамъ: посмотрите, какъ неудобно, какъ невыгодно, какъ опасно держаться утопической точки зрѣнія; *самого Чернышевскаго* привела она къ вопіющимъ противорѣчіямъ и съ самимъ собою и съ экономической дѣйствительностью. Чего же ждать отъ *вашихъ* теоретическихъ усилій?

Г. Плехановъ.